

БОРИС АРНЕ

ВИНТЕР

16+

Борис Ярне

Синтез

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32525126

SelfPub; 2020

Аннотация

Максим, клерк из Москвы, и Маргарита, студентка из Самары, не будучи знакомыми, оказываются вместе в другом мире, во многом похожем на мир наш. Вскоре выясняется, что Маргарита ключевая фигура этого мира, в силу чего молодые люди оказываются втянутыми в водоворот стремительно развивающихся событий: политических игр, мистических загадок, криминальных разборок, любовных интриг. Героев, пытающихся разобраться в происходящих вокруг событиях, затягивают тайны нового мира. Маргариту, ставшую объектом пересечения интересов влиятельных структур общества, похищают. Максим отправляется на ее поиски...

Содержание

– ПРОЛОГ –	6
– 1 –	71
– 2 –	94
– 3 –	122
– 4 –	130
– 5 –	146
– 6 –	156
– 7 –	169
– 8 –	178
– 9 –	184
– 10 –	197
– 11 –	206
– 12 –	211
– 1 –	222
– 2 –	235
– 3 –	252
– 4 –	263
– 5 –	291
– 6 –	297
– 7 –	311
– 8 –	333
– 9 –	340
– 10 –	350

– 11 –	367
– 12 –	382
Глава IV	392
– 1 –	394
– 2 –	404
– 3 –	410
– 4 –	423
– 5 –	436
– 6 –	458
– 7 –	468
– 8 –	481
– 9 –	491
Конец ознакомительного фрагмента.	516

Синтез – (от греч. synthesis – соединение, сочетание) – процесс соединения или объединения различных элементов в единое целое, выполняемое в процессе познания и практической деятельности.

**«Умирать имеет смысл только за свободу,
ибо лишь тогда человек уверен,
что он умирает не целиком».**

Альбер Камю.

– ПРОЛОГ –

Он стоял на самом краю обрыва и смотрел на начинающийся шторм. Как бы часто Он не наблюдал за этим явлением, каждый раз оно неумолимо притягивало его к себе. Зимой штормы в этих краях были не редкостью, и могли длиться неделями. И неделями Он мог стоять на одном месте и созерцать кипящую стихию.

Он стоял, убрав руки в карманы длинного черного пальто. Пальто было расстегнуто и ветер, разметая его полы, так и норовил откинуть его от края kloкочущей бездны. Но Он, широко расставив ноги, словно врос в скалу и, совсем не думая о намерениях ветра, не отрывая взгляда от зарождающейся бури, смотрел вперед. Небо почернело до такой степени, что внушило бы ужас любому, кто осмелился бы обратиться к нему свой взор. Молнии то и дело пронзали злое небо насквозь, добивая своими стрелами до самой воды. Бескрайний простор и буря! Громадные волны у подножья обрыва бешено разбивались в клочья пены, но тут же отступали перед твердостью скал.

«Почему стихия, способная разрушить всё без исключения на своем пути, так завораживает? – думал Он. – И какая у неё цель? Она бесконечна? Она безгранична?.. Она слепа?.. Мне уже за сорок. Наверное, я могу именовать себя стариком. Но моя цель также бесконечна и безгранична... и также

слепа?»

Он на мгновение обернулся назад. Голая выцветшая степь. Снег, ещё недавно старавшийся покрыть эту равнину белым покровом, мгновенно растаял. А ведь, унылый вид – зима без снега. Если знать, что зима...

Вдалеке, блистая начищенными корпусами, стояли три больших чёрных автомобиля. Его охрана рассыпалась и следила за степью. Он грустно улыбнулся и вернулся к шторму.

Темнело. Грозная армия чёрных туч, несущих бурю в своих гигантских лапах, подступала все ближе и ближе. Дождь заметно усилился.

Он медленно поднял голову и ощутил, как большие капли встретились с его лицом. Один из охранников, исполненный решимости спасти своего босса от стихии, побежал к нему, открывая на ходу зонт. Он, заметив приближение незваной помощи, встретил спасителя таким взглядом, что тот мгновенно остановился, оторопел, и тут же, спотыкаясь, попятился назад также быстро, как и прибыл.

Он развернулся обратно к шторму.

– Природу нужно чувствовать. Всю, без остатка. Нужно сливаться с ней в одно целое и дышать миром, – прошептал он, закрывая глаза. – ... Весь мир здесь, передо мной. Все континенты! Все реки, моря и океаны, все горы, степи и пустыни. Весь мир! Весь мир... Нужно уметь слушать и понимать каждое слово земли, чувствовать, именно чувствовать мир в себе, ощущая каждый его нерв... иначе он никогда не

будет твоим... Никогда не будет твоим! – Он закрыл глаза, испытывая неопишуемое блаженство.

Дождь уже беспощадно лил сплошной стеной. Грохотал гром. Блестали, играясь, молнии. Свирепствовал ветер. Клокотали волны. Стихия рвалась на свободу! На свободу! На свободу!..

Пришло время покинуть обрыв – он потушил свой внутренний пожар. Его память оживилась множеством давно забытых картин, лиц и событий. Ему хотелось думать и думать, думать и думать. Он ощутил неукротимую жажду действия, жажду такого же несокрушимого действия, как этот шторм. Ему было уже за сорок, а Он... Он ещё не завоевал этот мир.

Он открыл глаза...

Глава

I

. Вступительная

Максим проснулся от горячего ощущения того, что его кто-то толкнул, причём откуда-то изнутри его самого. И это было уже не в первый раз за ночь. Всё его тело было покрыто потом, который, впитавшись в одежду, создавал неприятное ощущение зябкости. Что-либо увидеть вокруг себя было совершенно невозможно: единственное окно, где-то под потолком, представляло собой узкую щель в толстой стене камеры. Мёртвая тишина. Только стук сердца. На миг ему показалось, что если он пошевелится, сместившись со своего места, то обязательно провалится в пустоту. Не было ни

стен, ни пола, ни потолка, не было ничего. Только эта молчаливая и страшная пустота. Пустота вокруг него и пустота в нём самом.

Максим приложил руку к левой стороне груди и ощутил, как бьётся его сердце. Где-то там, внутри что-то двигалось и... жило. «А жив ли я»? Нет, подняться он не решался – определённо, вокруг бездна.

Какие-то люди, закутанные в чёрные плащи, медленно приближались к нему со всех сторон, лица их были полностью скрыты под капюшонами. Не было слышно ни слова, ни шороха, казалось, что они плыли, не касаясь земли. Не дойдя до него нескольких шагов, они остановились и замерли. Видеть он их не мог, но точно знал, что они были где-то рядом, совсем рядом, может быть, даже вокруг него.

Кромешная тьма резала глаза, в ушах начинало звенеть от застывшей тишины. Почему? Почему он здесь, и зачем пришли эти люди, они были за стеной, но он видел их вокруг себя. Зачем? Зная ответ на вопрос, который он пытался задать себе, он впадал в панику. Усталость. Ночь. Ему надоело ощущать себя живым. Он глубоко вздохнул.

До утра оставалось недолго. Утром его должны расстрелять.

Эмоции не переполняли его. Жизнь не проносилась перед глазами. Он не хотел никого и ничего вспоминать, не хотел ни о чём думать. Может потом, позже? Ему было двадцать семь, а он уже... сдался, и не хотел ничего, ничего. Он хотел

только спать.

Он закрыл глаза...

«Чёрт возьми! Хоть бы один фонарь поставили! Ну, что за страна?» – Максим сбавил скорость, как ему казалось до восьмидесяти. Что-то случилось с «электрикой», и панель приборов не освещалась, зато фары светили отменно. Вот уже почти час он несся по трассе, и навстречу ему не попалось ни одной машины. Было часа три ночи.

«Летняя ночь! Хоть бы луна вышла.... А звёзды чего не падают? Или рано ещё? Август почти. Так и ослепнуть не долго, от такой темноты».

Он не знал, куда он ехал. Это была дорога, просто дорога. Возможно, впереди был обрыв или стена. И дать по тормозам он не успеет. Никуда сворачивать он не собирался.

У него была новенькая 99-ка, не то, что бы он гордился ею, поскольку у некоторых его знакомых начали появляться иномарки, но в своей среде, среде менеджеров низкого пошиба, равно, как и недавно окончивших институт, вырвавшись из беспредельных девяностых годов, он с гордостью мог назвать марку своего автомобиля. На дворе шел 2001 год. Он посту- чал по приборной доске, никакого результата. «Ууу, магнитола заглохла, без музыки в машине просто беда. Вот если бы ещё кто рядом был, поговорить, тут заснёшь за рулём от монотонности. Курить не могу уже». Он давно уже говорил сам с собой вслух. «Интересно, где я сейчас, вообще, нахожусь?»

Нет, стоп, неинтересно. Если учесть, что за пределы области я уже выбрался, а карты дальше у меня нет, то... А, вообще, странно, такая ровная дорога и пусто. По идее это должна быть «Ленинградка», ну, а что ещё? В сторону «Рогачёвки» я свернул, когда ещё светло было. Нет, на Дмитровское шоссе я попасть не мог, от него далеко влево ушёл. Катался по деревням каким-то, тут стемнело. Потом, потом... Вот чёрт, совсем из головы вылетело, как я сюда вырулил? А где Клин? А где, вообще, всё остальное? «Трасса Е-95 ту-ту-ту-ту-ту-ту-тру-ту-ту-ту». Очень хочется спать. Нужна музыка. Самому, что ли спеть?».

Он ещё раз подёргал кнопки магнитолы. Ничего.

«Эх! Ладно, раз, два, три четыре!

Тёплое место.

На улице ждут отпечатков наших ног...»

Он знал, что впереди обязательно будет стена или обрыв. Ему было двадцать семь и единственное, что его сейчас волновало... Да ничего его не волновало. Главное для него сейчас было, это не заснуть за рулем.

Максим жил на окраине Москвы в панельном девятиэтажном доме, на седьмом этаже, в однокомнатной квартире. Жил он один. Квартира досталась от бабушки, умершей пять лет назад. Его двоюродная сестра, единственный человек, который ещё мог претендовать на эту жилплощадь, давно жила с мужем в Европе. Он, вообще, остался в Москве один,

вся его немногочисленная родня переместилась по местам своих предков, включая его родителей, решивших после выхода на пенсию покинуть давно надоевшую московскую су-ету, и вот уже четыре года как уехавших на Урал.

Сейчас ему снилось, как он заходит в подъезд своего дома и начинает подниматься по лестнице. Проходя мимо окна, он случайно бросил взгляд на небо. И моментально замер, вросши в кафель пола. Всё небо было усеяно грозowymi тучами, растущими и темнеющими прямо на глазах. Он продолжал подниматься всё выше, и когда дошёл до последнего этажа, его взору представилась такая битва стихий, сравниться с которой не может ничто, передаваемое обычным языком. Почерневшее небо было усеяно спицами молний, тучи носились с невероятной скоростью и разбивались друг о друга. По небу, как ни в чём не бывало, летали самолёты, корабли, поезда, воздушные шары и даже космические спутники. Возможно, там можно было разглядеть ещё что-то, но всё его внимание было уже приковано к тому, что происходило ниже. На расстоянии квартала от дома раскинулось бушующее море... Зрелище завораживало грандиозностью и ужасом. Неимоверных размеров волны, как и тучи, боролись друг с другом и разбивались в бешеном напоре стихии, пена носилась над водой, подобно снежной буре.

Так продолжалось какое-то время. Вдруг всё затихло и окуталось тьмой. Максим развернулся и в мерцающем свете увидел перед собой длинный коридор. Из конца коридора к

нему направлялись люди в длинных чёрных плащах, лица их были скрыты под капюшонами. Не доходя до него нескольких метров, они остановились. Он ощутил на себе чьи-то пристальные взгляды. Это были они?

– Кроме меня, вас всё равно никто не увидит. Так к чему этот маскарад?

И тут Максим ощутил жгучий страх.

Максим резко открыл глаза, нащупал выключатель, зажёл свет и сел на кровати. Перед глазами разлетались зелёные круги, комната ходила ходуном. Ему показалось, что сейчас он потеряет равновесие и рухнет на пол. Он зажмурился и опустил голову на колени. В голове кто-то шипел: «Страх. Это страх. Ты боишься себя. Но ты не можешь понять, почему, и из-за этого ...» Он провёл рукой по лбу. Пот, он был покрыт потом. «Из-за этого что? Что из-за этого?» Стало холодно – лёгкий ветерок заглянул в комнату через открытую дверь балкона. Комнату перестало мотать, круги растворились. Максим встал, накинул халат. Очень хотелось пить – в горле пересохло, как после перепоя. Где-то должен быть стакан с водой. Ага, вот, на столе. Он протянул руку, взял... Что-то не так. Стакан прыгал в руке, расплёскивая воду. Стараясь не обращать на это внимания, он жадно, большими глотками влил в себя жидкость. Отдышавшись, присел за стол. Его трясло, как в лихорадке. «Чёрт возьми, что со мной?» Окинув взглядом стол, заваленный книгами, журна-

лами, тетрадами, он машинально взял карандаш и стал что-то бессмысленно рисовать на листке бумаги. Но ничего не вышло, карандаш выскочил из дрожащей руки. Он поднял голову. Со стены, с плаката, на него смотрел Джим Моррисон.

– Что, Макс, не можешь заснуть? – спросил Джим.

– Да я не знаю..., как будто дёрнул кто-то, – ответил Максим.

– Кошмар приснился? – Моррисон сошёл с плаката и закурил.

– Да я и не разобрал толком, ерунда какая-то. – Максим достал сигарету и вышел на балкон. – Что за тишина?

– Мёртвая, – дополнил Моррисон.

– Что?

– Мёртвая.

«Мёртвая, мёртвая, мёртвая», – шёпотом повторило эхо.

Они стояли на балконе. Максим попытался что-либо разглядеть в темноте, но тщетно. Словно чёрная стена выросла прямо перед ним и под ним.

– Почему я ничего не вижу?

– Темно, – спокойно заметил Джим.

– Но не может быть, чтобы я вообще ничего не видел, ни одного огня, ни тени. И почему так тихо?

– Ночь, друг мой.

– Звёзд не видно... Такое впечатление, что вокруг ничего нет.

– Возможно, так оно и есть...

Максим, удивившись, посмотрел на Моррисона.

– Утро наступит.

– А если не наступит? Или наступит, но ничего не изменится? Если ничего нет, то и меняться нечему.

– Мрачное предположение.

– Почему? Просто предположение. Разве принято считать, что, то, что есть, то и хорошо? Сила закономерности и привычки к этой закономерности. Всё равно, у каждого своя ночь, и утро у каждого свое. Как жизнь!

– Но, если ничего нет, то ничего не имеет значения.

– И это тоже каждый сам для себя решает, есть что-то или нет. Как ты мог заметить, для большинства, ни то, ни другое, действительно, не имеет значения. Даже осознание факта своего существования не дает им повода задуматься. Почему?

– И как же я оказался нигде?

– Возможно, ты сам к этому шёл.

– Я шёл? Сам? Зачем?

– Возможно, «ничто» и «нигде», не самое удачное определение этого состояния. Во всяком случае, это... пустота. Тьма. Тишина. Когда-то это происходит. Это, вероятно, разлом. Конец чего-то, чего не дано понять. А, возможно, чтобы выйти куда-то, нужно пройти через это «нигде» и соприкоснуться с этим «ничто».

Пару минут они стояли, молча глядя в ночь. Моррисон

продолжил:

– Тишина, темнота, пустота. И ты здесь один. Возможно, это призрак свободы...

– Это... смерть.

– Смерть? Может быть. Смерть, это только начало.

– Кажется, я это от тебя уже слышал. – Максим докурил и затушил окурок.

– Ты думаешь, что слышишь именно то, что тебе кажется. Ты хочешь воспринимать мои слова именно так, как тебе понятнее и ближе твоему собственному мышлению. Манипуляция сознанием – излюбленное развлечение людей, и я не исключение. Просто, со мной более комфортно. Вероятно, так и должно быть. Ну, да ладно. – Джим втянул в себя сигаретный дым, стряхнул пепел и бросил окурок.

Максим взглядом проводил уголёк, который тут же бесследно растворился в темноте. Некоторое время он смотрел в чёрную бездну, после чего промолвил:

– Я раньше ужасно боялся двух вещей: темноты и оставаться одному дома. Лет до восьми. Потом, наоборот, мне это нравилось. Сейчас, кажется, всё возвращается.

Моррисон вопросительно посмотрел на Максима.

– Нет, одиночество меня не пугает. А темнота... Как-то странно последнее время на меня действует... ночью. С недавнего времени, у меня появился страх перед смертью, смертью, именно во сне.

– Ты же знаешь, я умер так. Когда я умер, мне было столь-

ко же лет, сколько тебе сейчас.

– Рад такому признанию.

Джим грустно улыбнулся:

– Вряд ли, умирая во сне, можно прочувствовать смерть.

– Не знаю. Но, во всяком случае, засыпая, думать о том, что не проснёшься, или проснёшься где-то в другом месте, заставляет задуматься о вещах, лишённых практического смысла.

– А какую смерть предпочёл бы ты?

– Не знаю. Не свою... Героическую, возможно, – в бою!..

Ну, или там, в автокатастрофе, на эшафоте... Романтично. «Какая красивая смерть», – сказал Наполеон, увидев лежащего со знаменем Болконского. Но, если честно, самая большая мечта, если это можно назвать мечтой, с детства – погибнуть на дуэли...

– Достойная затея. – Моррисон посмотрел вверх, туда, где должно было быть небо. – И долго ещё нам пребывать в ожидании солнца?

– Пожалуй, я ещё посплю.

– Не боишься?

– До солнца! Если оно взойдёт...

Максим погасил свет, лёг и закрыл глаза. Словно откуда-то издали звучала песня:

Waiting for the sun,

Waiting for the sun...

Максим улыбнулся.

Waiting, waiting, waiting, waiting,

Waiting for you to come along

Waiting for you to hear my song

Waiting for you to come along

Waiting for you to tell me what went wrong.

This is the strangest life I've ever known.

Yeah!

Watch out!

Ему было двадцать семь, а он все ещё мечтал погибнуть на дуэли, и уже боялся умереть во сне...

Замок стоял на самом берегу океана. Возвышаясь над обрывом, он словно вырастал из скал, висевших над водой. Бескрайний океан с одной стороны и бескрайняя степь, с другой. Замок, как граница между двумя мирами. Никто никогда не видел его, и никто никогда его не увидит. Его ни для кого нет, потому как, никого и ничего нет, только степь и океан. И всё же он стоит. Стоит. Зачем он здесь, для кого, что скрывается за его мрачными стенами?

Как замороженный Максим смотрел на океан. Со стены

замка ему была видна вся вода и всё небо мира. А за его спиной простиралась вся земля мира. Не может быть, чтобы это всё где-то заканчивалось... и начиналось. Его окружала бесконечность. Он один и бесконечность. Что-то в этом ему показалось забавным. Впасть в безумие от попытки умом постичь непостижимое. А может, не настолько уж и непостижимое? А может постигать нужно не умом? А чем же?.. Чем?

«Увижу ли я ещё когда-нибудь солнце? – думал Максим, пытаясь вспомнить, где в камере было окно. – Никогда не думал, что меня может обеспокоить это вопрос. А не придумал ли я окно? А почему именно солнце? Почему увидеть что-то другое, перед уходом из жизни, не вызывает такого же острого желания? Да и не желание это. Блажь».

Люди в чёрных плащах. Холодная стена камеры. Стальная решетка. Колючая проволока. Цепи. Жизнь – вечная тюрьма. Тоскливое рабство.

«Мы рождаемся рабами или становимся ими? Все от чего-то зависят. Все рабы! Свобода не может быть относительна. Означает ли это, что при нашем тотальном рабстве, о свободе не может быть и речи? И как можно её ощутить, не зная, что это такое? И неужели все настолько привыкают к жизни, что не способны об этом задуматься? Задуматься по-настоящему? Конечно, я не уникален! Конечно! Это слабость? Наша общая человеческая слабость? Стоп, бред. Как же я устал! Насколько же всё бессмысленно. В этом мире нужен

ли я кому-то?..»

«Закончишь себя жалеть, приходи».

«Сколько же моделей свободы насочиняло человечество, лишь бы как-то приблизиться к ней самой, но всё бесполезно. Одна иллюзия, призрак. Утопия?.. Или же это... смерть...»

«Смерть, таинственная и открытая, влекущая к себе и пугающая. Смерть летела рядом со мной, указывая путь к истине. Сквозь чёрную ночь, сквозь... А я был всадником Апокалипсиса... и сказал это я? Хех! Новая тачка!» – Максим попытался прикурить от автомата, но не получилось.

Автомобиль продолжал мчаться по пустому шоссе. Ни указателей, ни поворотов, ни чего-либо ещё, Максим так и не увидел. Дорога была настолько прямой, что ему казалось, отпусти он руль и немного зафиксируй, ничего в движении не изменилось бы, машина продолжила бы катиться, как по рельсам. Порывшись у себя в кармане, Максим вынул зажигалку и прикурил.

«А может, я сплю? Если уж больше ничего на ум не приходит, можно принять и такую версию. Уууууу! Да включись ты, в конце концов! – Максим ударил по панели, и... она засветилась. Перед глазами возникли, давно прятавшиеся в темноте, лампочки, стрелки, цифры. – Есть! Ай, ё-моё, чёрт!»! На радостях сигарета выпала изо рта и приземлилась куда-то на пол. «Пожара ещё не хватало. – Максим нащупал

окурок, поднял и выкинул в окно. – Ну, а теперь можно и музыку зарядить». Он обратил свой взор к магнитоле и уже собирался нажать кнопку пуска, как что-то его остановило, на долю секунды он замер. Медленно, с опаской он перевёл взгляд на приборную доску, остановился на спидометре...

«А-а-а-а-а!!!» – стрелка спидометра была утоплена за пределы отметки 180 км/час. В один момент Максим, закрыв глаза и вцепившись мёртвой хваткой в руль, выжал педали тормоза и сцепления. Как быстро автомобиль остановился, и как он вообще останавливался, он не заметил. Открыл глаза, когда всё было кончено. И ничего и не изменилось. Фары также освещали дорогу. Кроме видимой зоны дороги, по-прежнему, ничего не было. Машину даже не повело в сторону. Несколько секунд Максим сидел без движения, глядя на шоссе.

«180 км/час!.. Этого не может быть! А не может этого быть, потому что, быть этого не может. Это же «Жигули»! Нет, спокойно, как это могло произойти? – Максим на минуту задумался. – Понятия не имею. Да всё отлично! Главное, чтобы... чтобы... Спокойно, спокойно, дыши глубоко, подумай о чём-нибудь приятном. – Максим медленно опустил взгляд на приборную панель. – Какая чудесная ночь. Какая... Нееееет!!!» – перед глазами моргала лампочка датчика топлива.

Максима охватила паника. Лихорадочно он откопал в бардачке свой мобильный телефон, который отключил перед

выездом, чтобы никто не беспокоил.

«Стоп. Зачем мне телефон? Четвёртый час ночи. И что я скажу? У меня кончился бензин, заправок нет, вообще ничего нет, и где я нахожусь, я не знаю! Посоветуйте, что делать! Угу, тупо... так, съехать на обочину, дожждаться утра и... чёрт, и что тогда? Нет, с таким же успехом я могу ехать, пока бензобак не скажет: «Приехали». Да где я? Так-так, спокойно, ты хотел приключения? Получай! Утром всё станет ясно. А почему утром станет ясно? Не ясно. Утро же может и не наступить... Это опять я сказал? Так, всё! Еду дальше».

Автомобиль тронулся дальше, плавно увеличивая скорость. Несколько минут Максим старался вообще ни о чём не думать. Но надолго его не хватило.

«Эх, оказаться бы сейчас дома, на мягком диване, перед телеком и потягивать пиво. Ладно, магнитола хоть должна заработать. – Максим включил радио и услышал только шум да треск, начал прокручивать каналы, менять диапазоны, никакого результата. – Вот, чёрт возьми, куда ж меня занесло, раз ничего не ловится?» Он взял мобильный телефон, включил его, экран засветился, получил свой pin-код и объяснил владельцу, что тот находится вне зоны действия сети, кроме того, он показал ему, что ни даты, ни времени он выдавать не хочет.

Машина катилась вперёд, разрубая светом фар темноту. Максим ощутил, что находится в состоянии тупого оцепенения. Ни одна мысль не хотела пробиться наружу. Через ка-

кое-то время он попытался начать успокаивать себя.

«Всё нормально. Хорошо, хоть террористы не нападают!»

В это мгновение раздался невероятной силы гром, машину затрясло, непонятная сила, словно ураганный ветер, дёрнула её вперед, стёкла задрожали так яростно, что Максим зажмурился, опасаясь, что они сейчас вылетят. Он почувствовал, как что-то огромное проносится над крышей автомобиля. Приоткрыв глаза, он был ослеплён ужасно ярким светом, источником которого было это самое что-то, нависшее над землёй. Словно прожектора, что-то сверкало, мигало, ещё... что это? Огненный снап, точно, огненный снап бил из... «Эй, да это самолёт?.. «Боинг», чтоб я сдох!» И голос, по мощи не меньший, чем шум от пролетевшего только что самолёта, как-то сразу со всех сторон произнёс: «До 11 сентября осталось менее двух месяцев!»

Шок, оцепенение, пустота. Вряд ли есть определение того состояния, в котором в этот момент пребывал Максим. Он продолжал машинально давить на газ и тупо смотрел на освещаемую светом фар дорогу.

«Никогда не мог понять, как можно, если это не в кино, пойти на консультацию к психиатру, – первое, о чём подумал Максим, после того, как слегка опомнился от увиденного и услышанного. – А, может, такие галлюцинации происходят от долгой езды в темноте?»

Очередная попытка ни о чём не думать, увенчалась успехом. Всё путалось в голове и ничего дельного на ум не при-

ходило, да, вообще, ничего не приходило. Машина катилась, дорога не менялась, Максим отрешённо смотрел вперёд и вдруг: «А!» Дальний свет фар охватил что-то, стоящее на обочине дороги. По мере приближения, Максим различил человеческую фигуру. Ура! Это был кто-то, а не что-то. Ещё ближе. Максим начал притормаживать. Блестящая жилетка салатного цвета и вытянутая рука с полосатым жезлом сразу же бросились в глаза.

«Менты! Так, я не пил, давно не пил... О чем я???»

«Ну, я и осёл! – Пары секунд хватило, чтоб оценить своё положение относительно возможных претензий, по привычке. – Это же живой человек, наконец-то!» Максим остановил машину перед инспектором и сам тут же вышел ему навстречу. Он уже хотел заговорить, как страж порядка его опередил:

– Штабс-капитан Жеглов.

Максим на мгновение потерял дар речи.

– Ну, вот, блин... Поручик Шарапов, ё-моё.

– Прошу прощения?.. – инспектор удивлённо посмотрел на Максима. Тот решил себя поправить:

– Простите, как вы сказали?

– Капитан Жигунов, – и козырнул.

Максим зачем-то попытался поднести свою руку к голове, замешкал:

– Я это... я, вроде, там...

Капитан снова с удивлением, и уже более внимательно

взглянул на него:

– Документы предъявите, пожалуйста.

– У меня только права водительские...

Пауза. Инспектор. Максим.

Пауза. Инспектор с Максимом уставились друг на друга.

– А, ну да. – Максим достал документы и отдал капитану.

Тот начал внимательно их изучать. Максим не выдержал:

– Простите, я, кажется, заблудился. Вы не могли бы мне сказать, где именно я... мы, сейчас находимся.

– Сейчас мы находимся именно здесь.

– Это понятно. А здесь, это где, точнее?

– Здесь это, значит, здесь, куда точнее?

Капитан не отрывал взгляда от документов. Максим продолжал:

– Ну, допустим, какой ближайший населённый пункт, сколько до Москвы?... Я из Москвы выехал, кажется, по «Ленинградке», но давно ничего не встречал, кроме... ну, это не важно. Что это за шоссе?

– Это дорога.

– Понятно, а что это за дорога?

– Это дорога, просто дорога.

– Название есть у этой, «просто дороги»?

– Вы куда едете?

– Я не знаю, поэтому и спрашиваю.

– А раз не знаете куда едете, зачем вам знать название дороги?

Максим почувствовал, как его замешательство начинает переходить в ярость.

– А куда ведёт эта дорога?

Инспектор махнул рукой в сторону движения машины.

– Туда.

– Ага! Дайте, я угадаю. Вероятно, идёт она оттуда!

– Верно.

– Потрясающая логика. А можно узнать, где ваш пост?

– Здесь.

Максим попытался окинуть взглядом окрестность, но ничего, кроме темноты не увидел.

– Ну, а машина ваша где?

– Зачем мне машина, я стою на посту, а не еду.

– Я ничего не вижу. Так, где пост?

– Повторяю – здесь.

– Да? И давно вы здесь?

– Это моя работа – стоять на посту. А вам не кажется, что вопросы здесь я задаю?

– Согласен.

Капитан наконец-то оторвал взгляд от документов и снова внимательно посмотрел на Максима.

– На вашем месте, я бы не стал разговаривать таким тоном, Максим Сергеевич?

– Великодушно простите, товарищ капитан.

– Давно за рулём?

– Часов с десяти вечера.

– Я имею в виду, водите давно?

– А, лет пять.

– А на права когда сдавали?

– Ну, примерно тогда же.

– Понятно, а с тех пор заглядывали в правила дорожного движения?

– Конечно!

– Выпивали? Ну-ка, дыхните.

Максим направил струю воздуха в направлении капитанских ноздрей. Тот призадумался, подошёл к машине, заглянул в салон, вернулся. Максим вопросительно посмотрел на него:

– А может, на экспертизу? Давайте в больницу поедем, а?

– Думаю, не стоит.

– Так в чём тогда дело? Вы можете толком сказать что-нибудь?

– Вот, скажите мне, с какой скоростью, где можно ездить?

– Ну, там по городу 60, в зависимости от знаков, вроде, по трассе 90. По МКАД столбик можно, это точно.

– Вы нарушили скоростной режим.

– Вы покажите мне хоть один знак.

– Вы ехали с недопустимо высокой скоростью.

– И что теперь? Вышка? Хотя, согласен! Я сдаюсь, поехали оформляться.

– Скажите, какая у вас была скорость?

– Ужасно высокая! Я готов оплатить штраф. Выписывай-

те, товарищ майор, и расскажите, как добраться до ближайшего Сбербанка, я сразу же оплачу. Я уже устал.

– Может, хватит ёрничать, я задал серьёзный вопрос.

– Хорошо, товарищ капитан, вам скажу – я плёлся со скоростью, выше допустимой на этом участке трассы.

Инспектор продолжал вопросительно смотреть на Максима, ожидая ответа.

– Что? – Максим начал понимать, что терпение его сейчас упрётся в границу.

– Какая у вас была скорость?

– У! Где-то километров семьдесят, не больше, и что теперь? – С этого момента Максим уже передумал оформляться, ему захотелось поскорее избавиться от этого назойливого капитана любым способом.

– Вы в этом уверены?

– Ну, какая разница-то?!

– Я повторюсь, я стою на посту, и моя обязанность пресекать нарушения правил дорожного движения, а вы их нарушили. Вы двигались с недопустимо высокой скоростью, я должен был вас остановить и всё проверить. Нет, конечно, если вы сильно торопитесь, так бы и сказали, я бы не стал вас задерживать.

– Чего??? Это как? Если бы, если бы... Да что за бред вы несёте? Недопустимо, чёрт возьми, высокая! А какая допустимая, интересно? Я сказал, я ехал со скоростью 70 км/час. Что ещё надо?

– Нет, вы ехали со скоростью 700 км/час.

– Ладно, пусть 700... Сколько?!

– 700.

Максим недоумённо уставился на капитана.

– А вы не хотите дыхнуть?

– Так, вы никуда не торопитесь?

– Нет! Я просто, хочу выбраться отсюда...

– Тогда придётся вас задержать. Права и машину я забираю.

– То есть?

– Вы нарушитель. К тому же, вы никуда не торопитесь....

– Простите, а если бы я нарушил что-то, но торопился, вы бы что?

– Я бы постарался войти в ваше положение и отпустил.

Конечно, всё зависит от степени нарушения...

– Так, я всего лишь превысил скорость, как вы говорите, я никого не задавил, ничего не разбил... и теперь я тороплюсь ужасно! Давайте права, я погнал...

– Куда вы торопитесь?

– На... в...к... это, в общем...

– Обмануть меня вам не удастся.

– Так, стоп-стоп! – Максим уже был практически в бешенстве, – Вы!.. Да вы!.. Какая, говорите, у меня была скорость?!

– 700 км/час.

– Вы меня за кого принимаете? Какие 700?

Инспектор достал радар и показал Максиму.

– Да он у вас сломан!

– У меня никогда ничего не ломается. 700 значит 700.

– Так, хорошо, ладно, 700, чёрт с ним, с радаром долбан-ным! – Максим начал кругами ходить перед инспектором.

Всё это время капитан невозмутимо наблюдал за страданиями нарушителя правил дорожного движения.

– Сколько? – спросил Максим.

– У вас нет денег на такой штраф.

– А откуда ты знаешь?

– Просто таких денег не бывает.

– Да что ты несёшь-то?

– Короче, я забираю права и машину...

– Всё-всё! Я сейчас скажу, сейчас скажу, сейчас... – Максим глубоко вздохнул и выдал: – Это был не я!

– Знаете, здесь давно никто не проезжал, это могли быть только вы.

– Это был самолёт! «Боинг»! Клянусь, он пролетел надо мной буквально минут за пять до того, как вы меня остановили, как раз в вашу сторону. Вот...

– Ничего глупее я не слышал.

– Твою мать, а! Да что же тут такое? Скажи мне, хотя бы, где я? – Максим уже перешёл на крик.

– Я повторяю – здесь. Так, всё, вы меня задерживаете, я забираю...

– Да забирай все! А ещё... у меня труп в багажнике!

– Пойдём, посмотрим, – спокойно сказал капитан.

Максим не удивился такому предложению, подошёл к багажнику, открыл и... В багажнике лежало тело, человеческое тело.

– Что ж, и такое, бывает. – Инспектор отошёл в сторону.

– Я... – Максим попытался что-то сказать, но не получилось. Медленно он опустил крышку багажника, секунд пять постоял, потом снова открыл. Багажник был пустой, только инструменты, банки, сумки, обычный хлам. Он нырнул туда и начал лихорадочно перерывать все вещи. Убедившись, что всё в порядке, он вылез, захлопнул крышку и с облегчением заявил:

– Да нет тут никого!

Действительно, никого не было, не только в багажнике, но и поблизости тоже.

– Эй, командир, ты где? Алё, капитан, куда убежал?

Максим обошёл машину, побродил по обочине, покричал ещё, никто не отозвался. Тишина, темнота, ночь, дорога. Максим ещё раз подумал о том, что лучше всё воспринимать так, как есть, и не задаваться лишними вопросами, сел в машину, включил зажигание, выжал сцепление, воткнул передачу и надавил на газ.

«Дурдом! А эта сволочь у меня права забрала!»

Автомобиль катился, свет фар бил по бесконечной дороге, гудел двигатель, шуршали шины об асфальт, и злое горела лампочка датчика топлива, всё продолжалось по-прежнему.

«А, вообще, весело получилось. Будет что вспомнить. Если, конечно, мне будет, когда вспоминать. «700 км/час... на посту стою... это дорога. Спешите...» Вот чудило. А машину-то чего не забрал? Грозился же».

Минут пять Максим ехал, пытаясь как-то проанализировать только что пережитое, как увидел вдалеке светящуюся точку. «Это мне кажется? Хотя уже не важно».

По мере приближения точка превратилась в прямоугольник. Из-за кромешной темноты источник света определить было невозможно, но было ясно, что бьёт он откуда-то изнутри. Ближе стали различимы очертания небольшого строения. Свет горел внутри и пробивался наружу через большие стеклянные двери, напротив которых Максим и остановил машину.

«Ну, какой же ещё сюрприз меня ждёт? Смысл первого я уже понял – это не бензоколонка». С этой мыслью Максим вышел из машины и направился к входу. Как только он подошёл к дверям, те раздвинулись перед ним. «О как! Цивилизация». Войдя внутрь, он очутился в пустом помещении, потолок, пол, и стены которого были выкрашены в белый цвет. Напротив входа было нечто, очень напоминающее барную стойку. Только Максим решил к ней подойти, как вдруг, словно из-под земли, из-за неё выскочил кто-то и замер, глядя куда-то вниз. Этот кто-то был одет в чёрный пиджак, очень напоминающий фрак; белоснежная манишка и, в придачу, несколько неуклюжая фигура делали его похо-

жим на пингвина. Несколько секунд незнакомец молчал, после чего, не меняя своего положения и не глядя на Максима, как-то растянуто произнёс:

– Макс, ты не помнишь последовательность ходов в игре Фишера с Талем в Блэде, в 61-м? Ферзь Е-5... так, белые соглашаются на размен, но отдают ферзя за ладью...

– Что, не понял? – Максим недоумённо смотрел на незнакомца.

– Да я тут в шахматы играю, с компьютером. – Он наконец-то взглянул на Максима. – Ну, да ладно, после разберусь. Перекусить не хочешь?

Тут Максим ощутил, что он голоден настолько, что готов проглотить слона.

– Пожалуй, не против. А как вы узнали моё имя?

– Элементарно. Кстати, давай на «ты»?

– Хорошо, так как?

– Ну, ты же не Петя?

– Нет.

– Не Ваня.

– Нет

– Ну, вот, я же говорю, элементарно.

– Хорошо, не могу приучить себя ничему не удивляться.

А тебя как звать?

– В общем-то, у всех я вызываю ассоциацию с пингином, так что, так и называй. А чему тут удивляться?

– Да ладно, не важно.

– Как скажешь. Что заказывать будешь?

– А что у вас, у тебя есть?

– Да, что угодно.

– А на прайс-лист, то есть на меню взглянуть можно?

– У нас ночь открытых дверей, всё за счёт заведения.

– Угу, хорошо. Ну, тогда... Шашлык из баранины, не знаю какие у вас порции, в общем, много, гарнир, картошечку там, к примеру, с сыром, в майонезе. Салат овощной, вот, с брынзой, много, и оливье ещё. Вот, знал бы, как всё называется грамотно? Зелени больше, отдельно. Так, грибочков маринованных. Ага, икорочки чёрной и красной, чёрной больше. И рыбу какую-нибудь, осетра давай, и крабов. Так, ну, хлеба, и того и другого. А, вот, на горячее борщ украинский, со сметаной. Что-то не могу остановиться. Так, хватит, а то не влезет. И попить, сок яблочный, красный, и минералки. Всё, пожалуй. Это, наверное, надолго?

– Что?

– Ну, готовить всё.

– Да, вон, присаживайся.

Максим повернул голову и увидел стол, на котором стояло всё, что он только что перечислил. Сервировка напоминала ресторан. Пирамидкой выложенные салфетки, полный набор столовых приборов, ваза с розочкой, зажжённая свечка и даже блюдо с водой для мытья рук. Максим ощутил себя стайей «павловских собак». Не говоря ни слова, он сел за стол и набросился на еду как дикарь. Какое-то время он молча

поглощал пищу, после остановился и решил отдышаться.

Пингвин не придавал этому всему никого значения, и пока Максим усиленно тренировал свои челюсти, был погружён в шахматы.

– И часто у вас тут дни открытых ночей? – Прервал Максим его игру.

– Всегда.

– Да? Надо полагать, то место, в котором я в данный момент нахожусь, называется коммунизмом?

– Нет.

– А как оно называется? И, вообще, кстати, где я? Вот я выехал из Москвы часов в десять вечера по Ленинградскому шоссе, потом, ну, не важно, что было потом. Сейчас я где-то на северо-западе должен быть. Я часов пять ехал в полной темноте, по совершенно пустой дороге, с какими-то... это тоже не важно. Да и всё это... Короче, где я сейчас?

– Здесь.

– Так, начинается. – Максим продолжил трапезу уже более размеренно, продолжая разговор.

– Это дорога, – сказал Пингвин.

– Куда она ведёт, мне может кто-нибудь объяснить?

– Ты же едешь по ней? Кроме тебя, никто не объяснит.

– Ну да, конечно.

– Ты ищешь.

– Что я ищу?

– Скажу честно, у тебя не очень удачное положение, точ-

нее сказать, состояние. Тебе почти двадцать семь, а ты ещё не знаешь, куда едешь, чего ищешь. Хотя, нет, немного не так. У тебя перелом. Это происходит с далеко не большей частью человечества. Я бы даже сказал, происходит это с очень небольшой частью человечества. Но, в этом случае люди стараются понять, чего они хотят. От других людей, от себя самих, от работы, от жизни. И поняв это, начинают это самое искать.

– То есть, это и есть смысл жизни, искать?

– Это один из его этапов. Человек не останавливается, найдя то, что искал. Перед ним встают новые цели, меняются приоритеты, всё меняется. Но это, скажем так, самый удачный вариант, примитивная схема. А) Испытать перелом (потребность в поиске); В) Понять предмет поиска; С) Решится на поиск; D) Искать; Е) Найти. Ну, а дальше возможно бесконечное количество вариантов. Как можно понять, это далеко не универсальный алгоритм. Слишком упрощенная модель пути. В жизни комбинаций гораздо больше, чем в шахматах.

– И ты хочешь сказать, что все люди идут этим путем? Ну не именно этим, а по этой схеме.

– Конечно, нет. Я же говорю. В пункте первом участвуют далеко не все, второе доступно ещё меньшему числу, и далее, как в игре, в финале оказываются единицы. Самый сложный момент, это, найти то, что ищешь. Ты находишься сразу на втором, третьем и четвертом этапе. Определить это можно, как неосознанный поиск неизвестного.

– Очень интересно.

– Становление человека на дороге сугубо индивидуаль-
но. Можно рассматривать сходства только в связи поколе-
ний. Твою личность нельзя взять, да нарисовать.

– Это понятно, там играют в прятки исторический мо-
мент, социально-политическое влияние, морально-психоло-
гическое воздействие, гены, и так далее?

– Ну, если, упрощённо, то да.

– Банально.

– Да всё банально, в общем-то. Искать сложное в простом,
и наоборот – извечное развлечение людей. Самое ужасное в
этой мозаике, это так никогда и не найти того, что искал. Для
человека это трагедия всей жизни.

– В этом случае, можно просто позавидовать тем, кто ни-
когда ничего не искал, и не думал об этом. Большинство лю-
дей именно такие. Родиться, отучиться, жениться, родить,
работать, работать, работать, чтоб прокормиться, с поне-
дельник по пятницу, с 9 до 18, выйти на пенсию, ещё про-
тянуть немного и сдохнуть в постели, прожив лет пять перед
этим на лекарствах. Красота!

Пингвин покачал головой.

– Я ужин не закончил, – проговорил Максим.

– Смерть может прервать всех на любом из этапов. Но, не
это главное. Способен ли ты понять, что тебе нужно и что
ты должен искать? Не найдя этого, в жизни маловероятно
добиться чего-то, да и понять, чего ты хочешь добиться, не

поняв того, что тебе нужно найти, тоже невозможно.

Несколько секунд Максим и Пингвин молча смотрели друг на друга, после чего Максим вернулся к ужину, а Пингвин к шахматам.

– Значит, говоришь, смерть может прервать всё это дело в любой момент? – всё же продолжил Максим. – А ты какую смерть имеешь в виду, моральную или физическую?

– И ту и другую, – ответил Пингвин. – Моральная страшнее тем, что человек сдаётся в силу каких-то обстоятельств, то есть в силу своей слабости. И не важно, в каком возрасте это происходит. согласишься ты или нет, но, когда человек, дожив до ста лет, сознает тот факт, что за всю жизнь он так ничего и не сделал, не создал, не добился, вдруг, на сто первом году, открывает для себя свое назначение, или даже нет, не так. Не обязательно назначение, нечего раскидываться такими фразами! Просто решается сделать что-то, на что он не решался всю жизнь, или не знал, что может это сделать! Или, даже так – хочет, и делает, несмотря на то, что жить ему осталось считанные дни. Вот это сила, вот это стремление, вот это уважение к цели! Даже если открылась она слишком поздно. Физическая же смерть обидна сама по себе. Хотя, кто знает, что происходит с человеком после смерти.

– А что с ним происходит?

– А ты знаешь, что такое смерть?

– Нет.

– Вот, видишь.

– Ты должен это понять. Попробуй сконцентрироваться. Ты слишком разбросал самого себя. Соберись. Вот, как йоги, уходят в себя, отрешаясь от мира и...

– И медитируют.

– Ничего смешного. Вообще, сама дорога должна будет подсказать тебе, что ты ищешь, иначе ты бы не попал сюда, иначе перелом не начался бы.

– Не понял, я так и буду рулить тут бесконечно?

– Дорога подскажет.

– Ну, хоть на этом спасибо.

– Что мне тебе ещё сказать? Могу только пожелать удачи.

Не сломайся.

– Спасибо. Кстати, о дороге. Я, конечно, всё понимаю, но, что мне по ней теперь пешком идти? У меня бензин кончился. На этом нелёгком пути познания бывают заправочные станции?

– Тебе уже залили полный бак.

Максим уставился на Пингвина.

– Когда?

– Ночь открытых дверей. За счёт заведения.

Максим подошёл к дверям, посмотрел на улицу. Машина стояла на том же месте. Он вышел, огляделся кругом. Никого, ничего. Только дорога, машина и этот дом. Он вернулся обратно. Войдя в дом, он увидел лишь голые белые стены. Ни стойки, ни стола, ни Пингвина там уже не было.

– Пингвин.

Максим взглянул на дом, подошёл к машине, открыл дверь, сел, повернул ключ. «Надо же, бензина под завязку». Он прикурил. Мысли путались в голове, словно застилая туманом его рассудок. Ему снова захотелось оказаться где-нибудь, да где угодно, но не здесь. Хотя, с другой стороны, после знакомства с Пингвином, прибавилось любопытство. Да, сконцентрироваться у него совсем не получалось. Он не заметил, как выбросил только что закуренную сигарету в окно.

– Ё-моё. – Он опустил голову на руль и закрыл глаза.

Максим открыл глаза и приподнялся на кровати. В комнате горел свет. Моррисон сидел за столом и что-то листал.

– Что, опять не спится? – спросил он.

– Да что-то, не знаю, сумбурные сны какие-то. Вижу, ещё не утро?

– Или, уже не утро. Совсем не утро, вообще не утро...

– Ладно, хватит себя насиловать, пожалуй. – Максим встал, оделся и присел на кровать.

– «Цель оскверняет человека и его поступок: чистота человека заключается в его сердце и совести».

– Что?

Джим продолжал:

– «Слабые говорят: «я должен»; сильные говорят: «должно». Люди, которые стремятся к величию, обыкновенно бывают злыми людьми; это их единственное средство выносить самих себя. Причинять боль тому, кого мы любим, – вот на-

стоящая чертовщина. Высшее насилие над собой и причинение боли себе, есть героизм. Героизм – это образ мыслей человека, который стремится к цели, перед которой он не принимает в расчёт самого себя. Героизм – есть добрая воля к уничтожению «себя».

– А это ты всё к чему?

– Возможно, скоро, узнаешь. Самопереломление не такая уж безболезненная штука. Выпить хочешь?

– Я же за рулем.

– Да ладно, права всё равно отобрали, чего уж теперь.

– Ну, давай.

Моррисон достал бутылку «Бурбона» и два бокала. Наполнил их, один дал Максиму.

– За что выпьем, за поиск?

– Может, за находку уж сразу?

– Да ладно, не пьют за экзамены перед сдачей. Давай, просто, за дорогу?

– Ок!

Они залпом осушили бокалы. Тепло разлилось по организму, Максим моментально ощутил лёгкость в теле и спокойствие в голове. Он посмотрел за окно.

– Ночь, вечная ночь, тьма и тишина. А ведь это же и есть конец света.

– Мы все живём ассоциациями. В наш век бесконечного потока информации отовсюду, сложно самим мыслить, выразить всё своими словами. – Джим ещё налил. – Конец све-

та? Что это?

– Может и конец света у каждого свой, как у каждого – своя жизнь и своя смерть? А всё остальное лишь символы.

– Ну, Макс, что-то ты увлекся?

– Иногда так хочется, чтобы весёлые сказки были живыми, а реальность серой сказкой... фу ты, «слюни» какие-то, что это со мной?

– Давай ещё по одной, и хватит хандрить.

– Что касается ассоциаций, согласен. Большой поток извне. Книги, кино, телевидение, музыка, и это непрерывно. Ты просто не успеваешь придать своей же мысли форму. Гораздо проще выразить ее словами песни, или ситуацией из фильма, или ещё чем-то, что уже есть, чем напрягаться самому. Мы словно запрограммированы.

– Это сугубо индивидуально! Да и сравнительные моменты верны, только для тебя самого. Скорее, анализируя их, проще высказать своё видение, да, под давлением существующих идей, но проще. Вот в чем беда. В простоте. Замкнутый круг. Из круга можно вырваться. Но, для этого нужно понять, чего ты хочешь, и хочешь ли ты чего-то. – Джим на мгновение замолчал, после добавил: – И для чего ты хочешь. Ладно, тебе уже пора давно, тебя ждут, да и ты много кого ждёшь. Только не знаешь ещё. За разгадку бытия!

– Это как?

– Да в том-то и дело, что, никак. Интересно выпить за полную неизвестность! Поехали!

Они выпили. Моррисон встал и направился к выходу.

– Я пойду, прогуляюсь. Соберись, Макс. Мы ещё снимем фильм про дорогу. Чёрно-белый. Назовём его «Ноль»!

Джим захлопнул за собой дверь.

Максим несколько минут стоял, глядя на дверь, за которую вышел Моррисон. После подошёл к столу, налил себе ещё виски, закинул. «Ну, ладно». Он собрался и вышел из квартиры.

Спускаясь по лестнице, Максим приготовился нырнуть в чёрный мрак ночи, а дальше уж решить, куда и как идти. Но, открыв дверь подъезда, он обнаружил, что никакой тьмы нет. Это была не ночь, хотя и не день тоже. Всё вокруг было окутано туманом, или чем-то напоминающим туман. С обеих сторон возвышались стены каких-то домов, вперёд уходила дорога и терялась в пелене, метров через десять уже ничего не было видно. Определённо, раньше здесь этого не было. Максим обернулся и не обнаружил своего дома, позади та же дорога, заключённая между стен. «Куда я попал и как я здесь очутился? Неужели три бокала виски могли дать такой эффект?» Максим двинулся вперёд. С двух сторон мимо него проплывали затемнённые окна домов, дорога не менялась, но была видны лишь на эти самые десять метров вперёд. Через некоторое время он очутился на перекрёстке. Со всех четырёх сторон просматривалась совершенно одинаковая картина: дорога и дома, теряющиеся в тумане. «Попробовать свернуть? Нет, пройду ещё немного». Дойдя до сле-

дующего перекрёстка, Максим повернул налево, потом направо, и шёл, шёл, пока впереди не увидел слабо различимый силуэт человека, идущего ему на встречу. Максим остановился.

– Отличный воздух, только влажный немного. – Это был Джим Моррисон. – Как настроение, Макс?

– Даже не знаю, что сказать. А как ты здесь оказался?

– Мы гуляем?

– Мы?

– Ну, да.

Тут Максим увидел у ног Джима собаку. По всей видимости, это была дворняга. Она весело виляла хвостом и кружилась вокруг Джима.

– Не останавливайся, Макс. Дорога подскажет, поверь мне. Не стану тебя задерживать. Ещё увидимся. Счастливо.

Джим Моррисон с псом направились дальше и вскоре скрылись из вида. Максим проводил их взглядом, вспомнив:

– Дай, Джим, на счастье лапу мне,

Такую лапу не видал я сроду.

Максим на мгновение задумался и вдруг вздрогнул, услышав за спиной:

– Давай с тобой полаем при луне

На тихую, бесшумную погоду.

Максим обернулся. К нему, словно чёрная тень, выплывающая из тумана, медленно направлялся какой-то человек. Он был невысокого роста, хорошо сложен и несколько худо-

щав. На незнакомце была короткий черный легкий плащ, накиннутый на чёрный джемпер, чёрные брюки, подпоясанные чёрным ремнем и высокие ботинки. Незнакомец приблизился, что позволило разглядеть его лицо. Ничего особенного в нём не было, но Максиму стало как-то не по себе, он не мог понять почему, и это его смутило. Тёмно-русые волосы, зачёсанные назад, правильные черты лица, тонкие губы с оттенком лёгкой ухмылки, из-под чёрных бровей на него пристально смотрели чёрные глаза.

– Ну, здравствуй, Макс.

– Добрый... здарсьте. Ааа?.. Не сочтите за нескромность, а вы кто?

– К чему такая официальность, давай на «ты». – Максиму показалось, что он уже давно знаком с этим человеком.

– Хорошо, кто ты?

– Не буду тебя запугивать мистическими загадками, хотя обстановка располагает. Не так ли? Ночь, но светло, день, но ничего не видно. Время потерялось в своём пространстве. Бесконечность вокруг, бесконечность внутри тебя. Ты потерялся для себя, ты потерял ощущение реального существования. Вокруг тишина и плотный туман. Из тумана выплывает некто.

Максим растерянно смотрел на незнакомца. Тот продолжал:

– Ты чем-то удручён? Нет, не так, пожалуй. Ты удручён. И не чем-то, а видимо всем.

– Ну, в общем-то, наверное, да, если не сказать...

– Не сказать, что?

– Да, не знаю я, что сказать.

– Отлично. Забудем это. Вижу, ты готов к путешествию.

– К какому путешествию?

– К своему. Путь будешь прокладывать сам, я буду лишь иногда появляться. Иногда, когда, скажем, не с кем будет выкурить по сигарете, или просто, нужно будет тебя подтолкнуть, а то, знаешь, иногда, ты полностью уверен, что идти нужно именно в ту сторону, но что-то тебя пугает, мешает тебе, гнетёт. И в самый ответственный момент ты сворачиваешь, или просто останавливаешься. А, как раз там-то тебя ждёт то, что ты ищешь.

– Опять ищущ? Что это?

– Это тебе и придётся выяснить. И далеко не сразу.

– И как далеко я могу зайти, пока буду искать? Где кончается эта дорога?

– Как далеко ты сможешь зайти, зависит от твоего желания. А дорога эта не кончается. Да она и не начинается, в общем-то. Сама по себе, во всяком случае. Более того, возможно, её и нет вовсе.

– То есть, как нет?

– Как пожелаешь.

– Ясно. То есть не ясно. А как тебя зовут?

– Зови меня Брат. Просто Брат.

– Брат, прекрасно. А почему я должен что-то искать, да

ещё и искать то, что искать?

– Это вопрос себе. Не кто иной, как ты сам, это решил. Сколько можно спать, в конце концов? Пора, давно пора встать и заглянуть в себя самого, не подглядывать украдкой, боясь, не дай бог, увидеть что-то не то, а взглянуть, не отводя глаз!

– А ты что-то знаешь?

– Что-то, я, разумеется, знаю, но не больше тебя. Возможно, я знаю тоже самое, но, в несколько иной форме.

– Это как?

– Да тебе это не к чему, во всяком случае, сейчас. Лучше, вернёмся к ассоциациям.

– Каким ассоциациям?

– К твоим. У тебя богатая фантазия, не так ли? Чтоб тебе было проще понимать свою дорогу, загляни в себя, в свои мысли, идеи, ощущения, переживания через призму бесчисленных образов, живущих с тобой.

– Как? Может, пояснишь?

– И не подумаю. Ты всё итак понимаешь, только признать этого не можешь, или не хочешь, или боишься. Окупись в прожитое тобой в себе же самом. Ты решил выйти на дорогу, обладая определённым грузом, значение которого ты никак не можешь оценить.

– Я решил?

– А кто же? – воскликнул Брат. – Посмотри вокруг. Есть только ты и дорога. Оглянись. Кто тут еще, кроме тебя? Ни-

кого! Оглянись вокруг, но, не забывая про ассоциации. Попробуй!

Максим, словно руководствуясь этим замечанием, развернулся.

– Дорога. Я ничего не вижу за туманом. Какая-то повышенная аварийная обстановка на этой дороге. Ну, хорошо, допустим, и что же мне...

Максим повернулся обратно, но никого рядом не было. Он стоял один на перекрёстке. Он, туман, и где-то в тумане его дорога.

– Ну да, конечно, – пробормотал он.

Максим резко развернулся и тут же наткнулся на кого-то. Перед ним стоял высокий коренастый мужчина с густой седой бородой и какими-то грустными глазами. Он был в шубе, напоминающей ливрею, а на голове у него сидел цилиндр.

«Швейцар что ли?» – подумал Максим.

– Всё так, ваше благородие. Прошу вас в номера. – Он указал на подъезд с большой дубовой дверью за его спиной.

Максима это совсем не удивило, он посмотрел на дверь и замер, сбитый с толку звоном, донёвшимся откуда-то издалека. Звенели колокольчики. Сотня колокольчиков звенело, переливаясь, сразу со всех сторон, их звон был настолько тихим, что походил на шелест. Максим направился к подъезду. Над дверью он разглядел вывеску с надписью: «Англетерь». Открыв дверь, он прошёл внутрь и тут же очутился в полной темноте. Колокольчики продолжали звенеть. «Ка-

жется, это в голове звенит», – подумал он. Откуда-то потянуло холодом. Максим сделал шаг вперёд и чуть не потерял равновесие, темнота создавала ощущение бесконечной пустоты со всех сторон. Напрягши зрение, через мгновение он увидел впереди свет. Неторопливо он направился в ту сторону, вглядываясь в темноту и тщетно пытаясь что-либо разглядеть. По мере приближения к свету, ему это всё же удалось. Источником было окно в конце коридора, по которому он шёл. Дойдя до конца коридора, он подошёл к окну и посмотрел в него. За окном была зима. Незнакомая, но что-то напоминающая улица, была заметена снегом. Кружила метель, и что-либо увидеть за ней не представлялось возможным. Колокольчики звенели. Вдруг Максима, словно что-то дёрнуло. Он отвернулся от окна, и взгляд его привлекла одна из дверей в коридоре. Почему? Что это? Он медленно, неуверенно сделал шаг в сторону двери.

Звон колокольчиков немного усилился. Ещё один шаг. Он увидел на двери номер. «№ 5». Максим остановился. Ему показалось, что на двери происходит какое-то движение – на её поверхности медленно проявлялась черта. Максим сделал ещё шаг. Черта была красного цвета. Как будто кто-то невидимый рисовал красной краской. Под чертой появилась вторая, третья... Ещё шаг. Каждая черта разделилась на несколько чёрточек. Ещё шаг. Максим догадался, что чёрточки – это на самом деле слова, превращающие черту, соответственно, в строку.

Ещё строка, ещё... Лоб покрылся капельками пота, сердце, казалось, гремело на весь коридор. К звону колокольчиков добавился непонятный шум. За дверью что-то было. Чёрт возьми, что происходит? Максим подходил всё ближе. Он заметил, как красная краска местами начала стекать, размазывая строчки. Вдруг, что-то, как будто, ударило Максима в голову, он понял, что на двери была не краска, а кровь. Он подошёл вплотную к двери и прочёл:

«До свиданья, друг мой, без руки, без слова,
Не грусти и не печаль бровей, –
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей».

В эту секунду, звон колокольчиков превратился в звон бьющегося стекла. Максим схватился за ручку двери и дёрнул на себя, дверь не поддалась, он стал ожесточённо колотить по ней. Шум в голове нарастал. Максиму почудилось, что какие-то люди в чёрных плащах подходят к нему со спины, он закричал:

– Откройте! Откройте! Пожалуйста! Здесь чёрные люди! Они хотят меня забрать! Откройте! Я всё объясню!

Тут дверь открылась перед ним, он вбежал внутрь и тут же наткнулся на стену, повернул на право – тоже стена, это был тупик. Не успев сообразить, куда он попал, Максим повернулся лицом к двери, опёрся спиной о стену, закрыл лицо руками и медленно сполз в угол.

Наступила тишина. Темнота снова окутала всё вокруг. Че-

тыре стены, каменный пол, запах сырости. Где-то наверху, под самым потолком было окно, напоминавшее скорее щель в толстой стене камеры. Чёрные люди стояли где-то снаружи. Максим открыл глаза, вытер со лба пот. Он никак не мог заснуть. В голове звучали чьи-то голоса и шелест колокольчиков.

Максим поднялся, подошёл к противоположной стене, упёрся в неё лбом и заговорил шёпотом:

– Оставьте меня, оставьте меня все! Что вам нужно? Я не хочу, я ничего не хочу!

Только шелест и неразличимые голоса.

В это мгновение стена рухнула перед Максимом, и он остался стоять на той самой улице, что только что видел в окно. Кружила метель, Максима моментально обдало жгучим холодом, снежные хлопья облепили лицо. Он обернулся, увидел за спиной стену дома без каких-либо признаков повреждения, повернул направо и побежал. Тут же он оказался на большой площади, перед ним возвышался Исаакиевский собор, он посмотрел налево и увидел памятник Николаю I. Сомнений быть не могло, он стоял на площади Исаакиевского собора, в Санкт-Петербурге, а на дворе стояла зима.

– Декабрь. – Из пурги, так же, как недавно из тумана, вышел Брат. Максим ощутил вдруг образовавшееся вокруг себя тепло. Метель мела, но его не задевала, снег падал, но не на него.

– Всё пройдёт, – сказал Брат.

– Что? – спросил Максим.

– Всё пройдёт, говорю, как с белых яблонь дым.

– Что это всё было? – Максим тяжело дышал.

– Это был ты и твои мысли, я же говорил. Первый, скажем так, эксперимент. Не мой, и ни чей-либо. Твой. И, между прочим, совсем не был, это всё есть.

– А зачем это... всё?

– Ну как же, Макс? Смерть, сколько величия в ней, сколько загадок, тайн, красоты и ужаса! Какая незримая сила влечёт нас к ней и пугает? Вот, скажи мне, ты боишься смерти?

Максим повернулся к Брату. Тот смотрел на него каким-то вызывающим взглядом. Максим не смог для себя определить, в чём это выражалось, но он это ясно чувствовал. Куда-то пропала безобидная ухмылка, что он заметил прежде. Он ответил:

– Наверное, боюсь.

– Вот видишь, – наверное. Незвестность столь же беспощадно влечёт к себе, сколь и соблазнительно пугает. А, может, это гораздо лучше жизни? Провожая умершего в последний путь, принято рыдать, а почему? Какую же трагичность придали люди этому событию.

– Зачем ты мне всё это говоришь?

– Нет, ну что ты, я ведь тебя предупредил, что ты немного окупёшься в себя, и только. И говоришь это, на самом деле, ты.

Глядя на то, как кружится снег, Максим неожиданно для

себя самого промолвил:

– Смерть избавит меня от всего. Что я в этом мире? Зачем мне эта жизнь? Я не знаю, что с ней делать.

– Платочек подать? – ухмыльнувшись, спросил Брат. – Мрачное ощущение своей никчёмности в силу внутреннего осознания своего величия. Сей мир для меня мерзок и низок. Столь очевидная бессмысленность бытия порождает глубокую депрессию и стремление покинуть этот склеп, даже прогремев на весь мир делами своими, уходя в неизвестность, превращать трагедию в фарс. Как примитивно и ненормально звучит, Макс.

– Поэты гибнут молодыми. Я им завидую.

– Гибнут? Кто это особенно, прямо-таки гибнет? Мы сами придаём этому небывалый романтизм, закутав их, по большей части, пустую жизнь, в некий смысл для грядущих поколений. Я что-то не то сказал, Максим?

Тут Максим отчетливо услышал завывание вьюги, не той, что была вокруг, а какой-то другой. Он опять ощутил вокруг себя пустоту и, опять, как прежде, в гостинице, раздался чей-то голос, откуда-то издалека, и в то же время в нём самом:

«В небесах торжественно и чудно!

Спит земля в сиянье голубом...

Что же мне так больно и так трудно?

Жду ль чего? Жалею ли о чём?»

Максим открыл глаза и тут же услышал за спиной голос Брата:

«Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть.
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть».

Максим посмотрел на Брата и уже не увидел того вызова, что был в нём только что. Выражение его лица было то же, что и в первый раз, когда он встретил его на перекрёстке. Брат продолжал:

– Что ж, как ты сам смог заметить, на дорогу ты вышел, вышел один, и туман был, кремнистый путь блестит. И ищешь ты чего-то, так что рано говорить о том, что от жизни ты ничего не ждёшь.

– Это не я сказал.

Брат улыбнулся:

– Зачем? Зачем все эти жертвы? Кто кому и что хочет доказать? Вот земля, вот небо, снег идёт, всё просто. Жизнь уютна, если ей не мешать жить.

– Не мешать жить жизни?

– Да! Разве не этим ты увлекаешься практически всю свою жизнь, всю свою никчемную, никому не нужную жизнь? Разве не тем, что мешаешь ей жить?

– Я пытался...

– Что?

– Я пытался понять для себя, я пытался дать понять другим, что я пытаюсь понять, что же происходит... вообще, во-круг. Вместе с этим я хотел поверить....

– Бессмысленный набор звуков.

– Ну, это же чистое безумие!..

– Какое безумие? Интересное словосочетание. Поверить ты хотел? Только род человеческий появился, как люди уже захотели во что-то верить, даже не захотели, а ощутили в этом острую необходимость. Только почему-то, веря в одно, как может показаться на первый взгляд, они до сих пор не могут сойтись в этой самой вере. Бог! Какое потрясающее изобретение человеческого разума! Как удивительно легче становится жить, когда ты осознаёшь что-то, не осознавая, что есть кто-то, кто осознаёт это за тебя и для тебя. Кто может, но, видимо, не очень хочет объяснить то, что невозможно понять человеческим разумом, тот, кто всё сотворил, и кто всё это контролирует. А?

Брат взмахнул руками, словно указывая на что-то в разные стороны. Максим увидел, что они в мгновение переместились с улицы в помещение. Этим помещением была церковь. По стенам были развешаны лики святых, на них и указывал Брат:

– Ты веришь им? Ты веришь в то, что Он существует? Если Бог существует, то человек раб. Так, кажется, сказал Бакунин.

– Но, верить, – не сдавался Максим.

– Не ожидал от тебя такой прыти по этому вопросу. Ну да, допустим. Бог существует тогда, когда ты в него веришь. А если ты не веришь в то, что он существует, то ты веришь в своё неверие. Разве в этом ты не становишься рабом своей веры, потому как вера и неверие есть суть одной идеи, только с разными знаками? И сила этой идеи безгранична. Она правит историей, она направляет наши слабые умишки на жизнь, на смерть, на убийство, на любовь, на предательство, на безумие...

– Но это же безумие!

– Снова?

– Как можно жить с сознанием того, что моё предназначение, моя жизнь есть плод чьей-то программы?

– Ты сам с собой сейчас споришь? Никак не пойму. То тебе верить нужно, то посредством веры тобой управляют... Уж выработай позицию для споров меж собой. Ты знаешь своё предназначение? А оно у тебя есть?

– Неужели за тысячелетия истории люди, творя эту историю, были лишь пешками в чьих-то руках? Они жили, сражались, умирали без идеи? За что? Для чего всё это? За что гибли миллионы в войнах, революциях? Сколько людей, сколько народов принесено в жертву ради других людей и народов, ради будущего. Они же верили во что-то, они же знали, на что шли?!

Брат снова улыбнулся:

– Ты неисправим. Возможно. Возможно, в этой жизни и есть свой смысл...

– Иначе зачем, зачем всё?..

Максим почувствовал, сколь сильно он был возбуждён, в его голове всё громче звенели колокольчики, и шумела вьюга. И он осознавал, что его мысли путаются. Он как будто устраивал диалог между собой, забывая о том, какая сторона в данный момент должна отстаивать то или иное мнение. Он был растерян, он был в замешательстве. Он заметил, что в глубине церкви, за кафедрой, кто-то стоит, и уже хотел подойти ближе, как услышал:

– В этом мире нет ничего, за что имело бы смысл убивать, нет ничего, за что можно было бы умирать, и нет ничего, ради чего стоило бы жить. – Кто-то сошел с кафедры и скрылся в темноте.

– Оставим... А, возможно, и нет ни черта. – Брат исподлобья посмотрел на Максима и спросил: – А как, по-твоему, есть ли что-то в мире такое, единственное, универсальное, ценой чего могла бы быть жизнь? У тебя в голове такая сумятица, что боюсь, я с трудом разберу твои выкладки.

Максим только хотел было заговорить, как вдруг всё вокруг закружилось, и он в момент очутился под открытым небом, в открытом поле. Это было поле у реки Форт, близ Стирлинга, в Шотландии...

– Если вы примете бой, вы можете погибнуть, а если уйдёте, то останетесь жить. Какое-то время. Да! Но, потом, че-

рез много лет, умирая в своих постелях, не захочется ли вам отдать всю свою жизнь за один этот день, за один шанс вернуться сюда и сказать, глядя в глаза своим врагам, что они могут забрать нашу жизнь, но им никогда не отнять у нас свободу!

...Покуда есть силы,
Покуда есть духу,
Не порваны жилы,
Не вспорото брюхо.
Покуда есть мочи,
Покуда есть семя,
Орёт и хохочет,
Гуляет Емеля.
И славит свободу
Сквозь дыбы изгибы
На радость народу,
Себе на погибель!

В это мгновение Максима подхватил вихрь и закружил. Ему казалось, что его оторвало от земли и понесло по воздуху. Буря! Это была буря! Колокольчики настойчиво звенели в ушах, выл ветер.

И тут же что-то щёлкнуло, словно кто-то повернул ручку выключателя, и всё затихло. Лишь назойливые колокольчи-

ки продолжали шелестеть вдали.

– Мы вместе? – Брат достал сигарету и прикурил.

Максим осмотрелся вокруг. Перед ним возвышался храм Василия Блаженного, чуть правее Спасская башня, он стоял на Красной площади, в центре какого-то каменного круга.

– Ты чему-то удивлён? – спросил Брат. – Это Чудное место, и ему подобные, неразрывно связаны с той самой загадочной субстанцией, ценой которой, по твоему утверждению может быть жизнь.

Максим попытался улыбнуться и выдавил из себя:

– «Умирать имеет смысл только за свободу, ибо лишь тогда человек уверен, что он умирает не целиком».

– Вот любишь ты пафосные афоризмы. Но, ты же ведь не сможешь мне объяснить, что такое свобода?

– Я бы... это... Думаю, не смогу. Путь к свободе...

– Путь к свободе, – перебил Брат, – это, как не крути, выход из-под контроля, это нарушение существующих порядков, устоев, законов. Это бунт. Судьба участников данного мероприятия, насколько ты понимаешь, в большинстве своём очевидна, и не важно, с какой стороны они сами. Ты можешь, конечно, мне возразить, мол, есть свобода духа, совести, просто, свобода и... Свобода. Внутреннее ощущение. Нет, не бывает так. В каком мире мы живём? Этот мир просто не позволит тебе ощутить себя таковым. А рискнёшь не спрашивать позволения, ощущения не оправдают твоих ожиданий. Ну, ладно, что я обо всём мире-то? Ты забыл, от-

куда ты родом? Рождённый ползать – будет ползать. И будет ползать по установленным правилам, правилам того, кто ползает чуть выше всех, того, кто может видеть всех остальных. И не дай Бог, кто-то свернёт в сторону и отползёт на недопустимую установленным порядком дистанцию. А что уж говорить о том, кто вздумает ещё и приподняться?.. Знаешь, я даже о свободе-то не говорю, о свободе политической, к примеру, об этом, вообще, речи нет. Ну, ты смотри, просто, освежи в памяти. – Брат опять взмахнул руками, и перед Максимом предстала карта России, живая карта. Шумели волны двух океанов, омывающих землю с востока и севера, выли ветра в степях, да в горах, шелестела листва необъятной тайги. Максим летел над землей. – Захватывает? – Брат опустил его на землю. – Я говорил лишь о смене указанного курса, о попытке нарушить установленный порядок, и, кстати, как логическое следствие, установление своего порядка. Родина! С помощью этого красивого действия, борьбы за свободу, одна власть сменяется властью другой. Диктатура, посредством воли, якобы воли, просто меняет цвет. Диктатура воли. Жизнь прекрасна, Родина моя!

В один миг вокруг стало светло. Взору Максима представилась Красная площадь до отказа забитая людьми. Какой-то разноцветный и в тоже время грязный людской муравейник, разделённый на группы, заполнил пространство. Отовсюду доносились крики, стоны и женский плач, что-то стучало, скрипело, лязгало железо, под ногами, снующих во все сто-

роны людей, хлюпала грязь, в воздухе стоял какой-то отвратительный запах. Кто-то толкнул Максима сзади, и тут он обнаружил, что его окружают мужики, одетые в белые рубахи, их ноги были забиты в колодки, руки связаны. Связанными руками они кое-как удерживали зажжённые свечи. Большинство из них молилось, воздев взор к небу, кто-то отрешённым взглядом окидывал площадь, кто-то закрыл глаза и был уже далеко от всей этой суеты. Какая-то бабуля, пробравшись через толпу, подошла к Максиму и вложила ему в руки свечу со словами: «Возьми сынок, да простит тебя господь», перекрестила его и, причитая, удалилась. Несколько секунд Максим удручённо смотрел на свечу, после чего его вдруг словно озарило, он остро ощутил ужас и, яростно работая локтями, начал пробиваться к выходу с эшафота. «Ай да Суриков, ай да сукин сын, меня ты не рисовал!» Стрельцы не обращали на него никакого внимания. К шуму, несущемуся со всех сторон, прибавился шум и звон в голове. Выбравшись, Максим хотел было побежать, но встал как вкопанный, по щиколотку увязнув в грязи. Перед ним верхом на коне восседал сам Петр. Их взгляды встретились. Максима пробрал ледяной холод, он стоял как под гипнозом, не смея пошевелиться. Тут что-то коснулось его ноги. Пересилив себя, он опустил взгляд, чтобы узнать, что это, и замер в ужасе. Снизу на него смотрели глаза, полные отчаяния, страха и боли. У его ног в луже крови, смешанной с грязью, лежала только что отсечённая голова. Тут Максим отчётливо услы-

шал приближающиеся к нему шаги, эти шаги чем-то сильно выделялись из общего топота, доносившегося отовсюду, что заставило его оторвать взгляд от кошмарной картины и посмотреть перед собой. Подняв голову, он увидел, что к нему медленно приближается человек в чёрном плаще, с капюшоном, за которым невозможно было разглядеть лицо. В руках он держал топор, с которого стекала кровь. Максим перевел взгляд на Петра, продолжавшего также невозмутимо и строго на него смотреть, и попятился назад. Пройдя несколько шагов, он обо что-то споткнулся и упал навзничь.

Над головой ярко светило солнце, на бирюзовом небе не было видно ни одного облачка. Тёплый воздух приятно окутал всё тело Максима. Он лежал на спине, вспоминая Андрея Болконского, смотрящего в небо Аустерлица. «Да, не зря я о нём давеча упоминал». Он лежал на чём-то твёрдом, пыльном и тёплом. «Во всяком случае, не плаха, – думал он, вместе с этим всё же осознавая, что ещё секунду назад он был на Красной площади. – Честно скажу, сам себе скажу, совсем не хочу сразу же узнать, где я оказался. Климат, вижу, не плохой, и в голове почти не шумит. – В голове действительно, лишь очень слабо звенели колокольчики. Максим закрыл глаза. – ладно, досчитаю до десяти, нет, до пятидесяти и встану, раз, два...» Вдруг он почувствовал, что на него пала тень, он открыл глаза и увидел над собой бородатое лицо с грустными глазами, это был швейцар из «Англетера».

– Где я? – спросил Максим.

– На дороге, – ответил швейцар.

– Это моя дорога?

– Возможно. Это дорога из Капуи в Рим. Аппиева дорога.

– Что?

Швейцар исчез. Максим начал медленно подниматься.

Одновременно звон в его голове усилился, и к тому моменту, как он встал, снова превратился в бессмысленную какофонию звуков. Взору Максима предстала уходящая вдаль дорога, вдоль которой, по обе стороны стояли кресты с распятыми на них рабами. Заворожённый этим страшным зрелищем, он пошёл вперед, бормоча себе под нос: «Спартак – чемпион!» Тут за спиной раздался какой-то грохот. Максим обернулся. Прямо на него на всех парах нёсся конный отряд легионеров. Максим не успел сделать ни одного движения, как был сметён с лица этой земли...

И тут его закружило в сумасшедшем вихре пространства и времени. Ужас лишил его дара речи и сковал его рассудок. Словно щепку, понесло его по страшным волнам истории.

«Прикрой глаза. Не буду я тебя кидать по всему миру. Что всплывет случайно, то и увидишь... Экскурсант!»

Максим рухнул в яму, и его стали засыпать землёй – это княгиня Ольга наказывала взбунтовавшихся против её мужа древлян. Моментально он оказался со связанными руками, стоя на коленях перед гильотиной, нож которой, только что опустился, сбросив в ведро голову Робеспьера. Вот он под обстрелом на баррикадах Парижской коммуны. Вот

он привязан к жерлу пушки вместе с сипаями. Острая боль скрутила все мышцы тела и заставила издать нечеловеческий крик – то была дыба Ивана Грозного. Соляной бунт, Медный бунт... Пуля прожгла правое плечо, он вылетел из седла и, провожая взглядом удаляющийся разинский отряд, обнял траву донской степи. Чумной бунт. Стоя в толпе на Болотной площади он разглядывал сидящего на санях Пугачёва, что кланялся во все стороны, приговаривая: «Прости меня, народ православный!» Плотники стучали топорами, заканчивая мастерить виселицу, предназначенную, сидящим неподалеку, в ожидании казни, пятерым декабристам. Пресня заливалась кровью. С «Авроры» раздался залп, и к Зимнему дворцу ринулась толпа. В Кронштадте расстреливали мятежников. Как долго это продолжалось, Максим не заметил, он носился по всем векам, по всем частям света, и в какой-то момент он перестал что-либо узнавать, различать, чувствовать. Только кровь, ужас, террор, смерть и стоны, непрекращающиеся стоны со всех концов земли со всех концов времени.

Вдруг всё оборвалось. Он оказался посреди улицы, по обе стороны которой возвышались колонны. Всё было окутано туманом. Как-то грустно, и в тоже время строго на Максима смотрел Брат, стоявший перед ним. Максима шатало во все стороны, в голове шумело, звенело, выло, пот стекал по всему, трясущемуся в лихорадке, телу. Не говоря ни слова, он подошёл к колонне, обхватил её руками и прислонился к

ней лбом.

«Российская империя – тюрьма,
И за границей тоже кутерьма.
Родилось рано наше поколение,
Чужда чужбина, но и скушен дом.
Расформированное поколение,
Мы в одиночку к истине бредём».

Максим оторвался от колонны, повернул голову в стороны Брата и хотел было заговорить, но слова застряли у него в горле, он набрал воздуха в лёгкие и слабо прохрипел:

– Хватит. Я больше не могу.

– Я выбрал лишь совсем немного. Прости, что не позволил тебе оценить всю картину. Время, оно, хоть и вечно, и мне с тобой тут, хоть и забавно, но утомляет, порой. Так, что так...

Брат продолжал смотреть на него, не говоря ни слова. Максим отвернулся и пошёл прочь. Какое-то время он шёл в кромешном тумане, ни о чём не думая. Перед глазами стояли картины, увиденного только что ужаса. Вдруг туман начал понемногу рассеиваться, и Максим различил вдалеке очертания гор. Не успев как-то оценить ситуацию, он услышал за спиной шаги и обернулся. К нему подошёл человек, как следует разглядеть которого, он не успел, успел лишь заметить, что одет он был более чем старомодно. Человек заговорил:

– Разрешите представиться! Мартынов, майор в отставке. Простите, не имею чести быть с вами знакомым, я ожидал увидеть Глебова или князя Васильчикова... Впрочем, неважно. Вы, насколько я понимаю, являетесь другом, раз выступаете в качестве секунданта, так вот, не сочтите за грубость, но мне хотелось бы, чтоб вы знали, сегодня я избавляю общество от этого шута горохового. Честь имею.

Майор развернулся и пошёл прочь. Максим ничего не успел сказать. Он вообще не успел о чём-либо подумать, так как всё ещё прибывал в шоке от увиденного несколько минут назад. Вдруг резко стемнело. Грянул гром. Начался дождь, и первая его капля стала последней каплей, введшей Максима в оцепенение и тихую панику. Гроза и дождь. Максим уже ничего не замечал, он сделал несколько шагов и остановился, почувствовав, что силы его оставили. В эту секунду перед ним возник человек, чьё лицо мгновенно врезалось в сознание. Правильные черты, удлинённый овал, высокий лоб, строгие карие глаза, прямой нос и усики над пухлым ртом. Он молча прошёл мимо Максима, после остановился, развернулся и сказал:

– Кстати, Максим, когда меня убили, мне было примерно столько же лет, сколько тебе сейчас.

– Я это сегодня уже где-то слышал, – машинально ответил Максим.

Лермонтов грустно улыбнулся и исчез в тумане, снова окутавшем всё вокруг. Максима уже не трясло. Его кидало

в разные стороны. Голова разрывалась на части. В ней всё перемешалось и гремело. Максим хотел было что-то сказать Брату, который стоял перед ним в нескольких шагах, так же грустно и строго глядя на него, но, начав говорить, не слышал самого себя. Вместо этого он услышал, как звон тех самых колокольчиков превратился в набат. Десятки колоколов разрывали Максима на части. Из бешеной какофонии звуков то и дело вырывались на передний план то стук топора, то лязг железа, то конский топот, то стрельба, то человеческие стоны. Он почувствовал тошноту и боль во всём теле. Более не в состоянии удерживаться на ногах, он упал на колени, схватил руками голову и ощутил, как начинает терять сознание.

«Меня по миру гонит страшный бред!
Душой я болен с отроческих лет!..»

– А! – Максим очнулся от сигнала, который случайно задел. Он поднял голову с руля. – Ох, это, просто, белая горячка, какая-то. Может, я съел чего-то у Пингвина, или воздух тут такой? Всё, пора двигать дальше.

Максим повернул ключ зажигания, воткнул передачу, надавил на газ и тронулся. Автомобиль набрал скорость. Несколько секунд Максим, приходя в себя, заморожено смотрел на дорогу, всё такую же прямую и ровную.

Прошло каких-нибудь десять минут, как Максим увидел вдалеке, в свете фар человеческую фигуру. «Не может

быть!» Человек стоял на обочине с вытянутой рукой.

Глава

II

Вы когда-нибудь наблюдали, как догорает свеча?..

Ночь. Тёмная безлунная ночь. Ветер. То добрый, то злое-
щий, то мягкий, то резкий. Ветер. Тьма. Мрак. Какие только
мысли могут прийти вам в голову в такую ночь. Вы просну-
лись и уже наверняка вам не уснуть, даже из-за такого, глу-
пого на первый взгляд, вопроса: почему такая ночь? Какая
такая? Безлунная, тёмная. Потому, что нет луны. А почему
её нет? Потому что, нет, и все. А, поскольку луны нет, она,
ночь, такая тёмная. Почему нет луны? Вы снова? Она есть,
только её не видно. Тучи, знаете ли. Или?.. Ага, тучи. Поче-
му тучи? Ветер принёс. Почему ветер? А это потому, что...
И так до бесконечности. Итак, ночь, ветер, тьма. Взлетного

Пустая комната погружена во мрак. Перед окном, за пу-
стым столом сидит человек. Одинокó трепещется огонёк до-
горающей свечи. Сам незнакомец сливается с комнатой на-
столько, что совершенно невозможно разглядеть даже то, во
что Он одет. Скорее всего, это чёрный плащ. Взгляд незна-
комца направлен на свечу, чей отблеск отражается в чёрной
бездне его глаз. Он весь погружён в свои мысли – он весь в
себе. Его нет в этой комнате, Он в огне догорающей свечи.

– Ты всё ещё живёшь?

– Я живу всегда...

Пробили часы, висящие где-то в соседней комнате.

– Сколько раз они пробили?

– Не знаю.

– Неужели совсем не интересно знать, сколько времени?

– Зачем? Достаточно знать, что оно есть и оно идёт...

Ветер с силой ударил в стекло окна.

Незнакомец опустил голову на сложенные на столе руки. Он закрыл глаза, но продолжал видеть свечу, стоявшую перед ним. В закрытых глазах не было видно ни высокого золотого подсвечника, ни самой свечи, один только огонь. Небольшое колеблющееся пламя, согревающее скрытый взгляд.

Что-то чёрное, загадочное склонилось над столом. Этот человек, кто он, что он? О чём он думает, да и думает ли он, вообще? Время замирает постепенно. Воска почти уже не осталось. Незнакомец поднял голову, открыл глаза и посмотрел на окно. Он попытался увидеть, что за ним, но пламя свечи, её свет, отражавшийся в стекле, не позволял этого осуществить.

Свеча умирала. Пламя ещё несколько раз всколыхнулось и исчезло. Свеча погасла, сгорела, свеча умерла.

Незнакомец смотрел в окно, Он смотрел в ночь. На мгновение показалась луна, и её холодные лучи осветили волны моря, раскинувшегося внизу, за окном. Ветер был был настолько сильным, что тучи снова спрятали ночное светило в своих серых лапах.

Долго ещё незнакомец смотрел в темноту, после чего

опять закрыл глаза.

– Для чего ты?

– Не знаю...

– Кто ты?

– Я...

Да, да, да, на обочине стоял человек! По мере приближения стало понятно, что это не капитан. Более того, даже если бы это и был капитан, то скорее капитанша, но без соответствующей формы. На обочине стояла девушка, просто девушка, она стояла и всё. Она несмело вытянула руку. Максим так растерялся, что проехал мимо неё метров сто, и только тогда решил остановиться.

– Ничего себе! Очередная шутка? А что это со мной? Это же девушка!

Максим сдал назад. Поскольку в такой темноте ничего разглядеть было невозможно, он наугад, примерно через те самые сто метров, остановился. Через пару секунд правая дверь открылась, и он услышал приятный женский голос, успевший сказать только:

– А...

– Можно, – резко оборвал Максим.

Девушка села в машину, захлопнула дверь... Разглядеть ее Максим не смог. Он тут же включил передачу, нажал на газ, но как-то нелепо это у него получилось – двигатель чуть не заглох, машина дёрнулась и поехала. И, толи от толчка, толи ещё от чего-то, но в этот момент заработала магнитола, причём не просто заработала, а загремела на весь салон, видимо громкость оказалась сбита, когда Максим пытался её

настроить. И в динамиках зазвучал совсем не «Rammstein», а Саша Васильев:

«Мы не знали друг друга до этого лета,
Мы болтались по свету: земле и воде,
И совершенно случайно мы взяли билеты
На соседние кресла на большой высоте,
И моё сердце остановилось,
Моё сердце замерло...»

– Прошу прощения, это не я. – Максим убрал звук, и хотел было сказать что-то, но ничего на ум не пришло. Он решил предоставить попутчице право первой начать разговор.

С минуту они ехали в полной тишине. Незнакомка почему-то не заговорила сразу, что было не похоже на всех, кого Максим повстречал за последнее время. Раздражение пульсировало и возрастало, ещё немного молчания, и он взорвётся, как вулкан. Максим ощутил, как к его абсолютно неуравновешенному состоянию добавилось напряжение. Прошло ещё минуты три, и девушка, наконец, нарушила тишину:

– Извините, я... Простите, мне кажется, что я... Извините, а куда вы едете?..

– Я?! – воскликнул Максим, – я еду туда!

Его окатило какое-то двойственное чувство, с одной стороны, он готов был выплеснуть весь свой необъяснимый ему самому гнев, раз нашёлся такой повод, с другой стороны, его смутил этот робкий и неуверенный голос, да и сама форма вопроса, да и... Что-то в этом было... не то. Максим про-

должал:

– Это вот дорога. Она выходит оттуда, не знаю, откуда, и ведёт туда, не знаю куда. Если вы думаете, что я сумасшедший, то вы... Возможно, вы правы. Я... заблудился, я не просто заблудился, я капитально попал!

– Ой, вы знаете, я тоже...

– Что тоже?

– Я тоже заблудилась.

– Да что вы говорите? Я несказанно рад! То есть, вы не станете... – Максим осёкся. – Не может быть!

– Вы не поверите, я даже не знаю, как это сказать...

– Что-то мне подсказывает, что я знаю, как это сказать...

А что это вы пешком? Как это вы?.. Да ладно, не важно.

– Вы, понимаете... я, а вы?.. То есть, я вышла прогуляться, и каким-то образом, я даже не знаю, на сколько сильно я задумалась, но вдруг как-то резко стемнело, и... Понимаете, мне стало так страшно! Ведь, не просто стемнело, а стало настолько темно, что ничего не было видно, то есть, совсем ничего. Пока я не увидела свет фар вашей машины, я решила, что я ослепла...

– Ага, и, вероятно, ещё потеряла слух. Извините, не обращайтесь внимания. И долго вы находились в этом... как это сказать, в «нигде»? – Максим вспомнил Моррисона.

– Я не заметила. Мне было настолько страшно, что... Простите. Мне показалось, буквально несколько минут.

– Всего-то! Вот, повезло, и ничего такого?.. Ну да ладно!

– Вы сильно возбуждены.

– Да уж, это точно, точнее и быть не может. Я не просто возбуждён, я взбешён! Простите снова, и снова! Вы замечаете, какой я вежливый, чёрт возьми! Тьфу ты, ё-моё! Чёрт, чёрт, чёрт...

– А вы как сюда попали?

– Сюда? Хорошо сказано. Только вот куда – сюда? Я тоже не понял. Из города я выехал и... и вот, собственно. Часов десять было, кстати.

– Я тоже, где-то часов в десять вышла, с полчаса погуляла, и вот, оказалась здесь.

– Здесь? И что это вы в одиночестве гуляете?

– Да знаете, находит иногда, хочется побыть совсем одной, побродить по городу.

– А, ну да, конечно, наедине с собой задуматься о смысле... А, кстати, где вы бродили в этот раз, и в каком направлении?

– Я по Ленинградской шла, я там живу недалеко...

– О, я тоже по Ленинградке выехал. А куда?

– В сторону Волги.

– Это как это? Чего-то не соображу. Волга в районе Дмитровки, вроде. Вы кинотеатр имеете в виду, или... что там ещё есть?

– Какой Дмитровки? Волга, это... нет, я саму Волгу и имею в виду.

– Что значит саму Волгу? Так, вы шли по Ленинградке...

А откуда именно?

– С самого начала, в сторону Волги, да там не так много идти. Вы знаете этот район?

– Ничего себе не так много! Ехать полчаса до кольца. Так, стоп, вы вышли с начала Ленинградки, с Белорусского, так?

– С какого Белорусского? Это где? До какого кольца? Не понимаю. Полчаса ехать по Ленинградской?

– В смысле, Ленинградской?

– Я имею в виду улицу Ленинградскую.

– Ё-моё, я-то про проспект говорил. А где это такая, Ленинградская, что-то не помню? А, в Химках что ли? Я-то решил, что вы пешком решили дойти по Ленинградке до кольца?

– Простите, что-то я никак не пойму, про какое кольцо вы говорите.

– Да про МКАД я говорю? А вы что думали?

– Простите, МКАД?

– Итак, мы о чём с вами говорим? Давайте, подробнее и по порядку. Я начинаю. Итак, часов в десять вечера я ехал по Ленинградке, по Ленинградскому проспекту из центра, то есть, в сторону МКАД, Московской Кольцевой Автодороги, в сторону Клина, в сторону Питера, короче, выехал за пределы города-героя Москва и... А что значит «сама Волга»?

Наступила пауза. Девушка нерешительно, но снова первой нарушила короткое молчание.

– Вы говорите о Москве?

– Ну, разумеется. Ленинградское шоссе выходит из Ленинградского проспекта и идёт... Короче, в Москве я живу, из Москвы я выехал сегодня, то есть вчера. А вы говорите...

– Я в Самаре живу. Ленинградская улица идёт в сторону Волги, реки Волги, и по ней я гуляла часов в десять вечера, после чего...

– Ну, понятно...

Наступила ещё одна пауза, на этот раз более продолжительная. Первым молчание нарушил Максим:

– Нет, если вы мне не верите, ха, я могу вам показать мои права! Нет, не могу... Да, чёрт возьми, можете посмотреть на номера моей машины, можете... Да я не знаю, какого чёрта, я должен вам доказывать, что я из Москвы, в конце концов? Вот чем можете доказать вы, что вы из Самары? Стоп. Я опять, чёрт возьми, извиняюсь. И если, честно, то мне, даже, по барабану. Я вам верю.

– Но как? Это же, просто... Ещё... в тот момент, когда стемнело, я....

– Всё-таки, было что-то, да? Говорите... Нет, ну это само собой, да, удивительно тут говорить «само собой», если бы вы сразу очутились в полной темноте и в полной тишине, то вряд ли бы вам удалось продержаться несколько минут и не потерять свою крышу.

– А вы тоже...

– Да, да, да, но не стоит это пересказывать друг другу, я думаю. Красота! Значит, мы попали! Не обращайтесь внима-

ние! Так что, хоть Самара, хоть Рио-де-Жанейро. Блин!

И опять пауза, нарушила которую незнакомка, решившая перестать быть таковой:

– Знаете, что, а давайте знакомиться, раз уж так получилось.

– Давайте.

– Я Маргарита.

– А я Мастер. Хо-хо, шучу. Максим. Можно просто, Макс.

– Можно, просто, Рита.

– Королева Марго. Хорошее имя. Красивое, в смысле.

– Спасибо.

– Да не за что.

– Женщинам всегда приятно, когда им говорят комплементы.

– А я сказал комплемент? Быть этого не может.

– Вы не говорите комплементов?

– Да что-то не замечал за собой. Кстати, давайте, тогда уж на «ты» перейдём.

– Согласна.

– Ты чем занимаешься?

– Учусь в Медицинском.

– Круто.

– А почему круто?

– Да так, достойная профессия, одна из немногих. А кем будешь?

– Терапевтом.

– Терапевт, это тот, который, как бы сразу всё понемногу, ну, тот к которому в первую очередь приходят, толпятся в коридорах, ожидая приёма и всё такое?

– Ну, можно и так, конечно, сказать.

– Здорово, жаль не психиатр, правда. Мне бы он сейчас не помешал.

– Есть проблемы?

– Ну, как видишь.

– А ты настолько эмоционален?

– Не знаю, но сейчас мне кажется, что да.

– А ты чем занимаешься?

– Да ничем, в общем-то. В коммерческой структуре фигурной какой-то. Горе-коммерсант. Чушь полная. Не хочу даже говорить, потому как, особо не о чем.

– Понятно. В этом, видимо, и проблема.

– Какая? В чём проблема?

– Та самая, психологическая. Тебя не устраивает твое состояние, проще говоря, ты не устроен.

– Это уж точно. Только, у кучи народа то же состояние, но они почему-то считают себя устроенными.

– У всех разный подход к себе и к своему состоянию, как и ко всему, в общем-то. Всё зависит от индивидуального внутреннего мира каждого.

– Ты точно, не психолог?

– Да нет. Просто, это же очевидно. Каждый сам себе выбирает цель и назначает планку. А степень восприятия этих

моментов, как и отношение к конечным результатам у всех разные.

– Да ты я смотрю... А ты на каком курсе сейчас?

– Да я заканчиваю.

– А, ну да, у вас там всё как-то сложно и долго, и слова какие-то сложные, какие-то там, ну ладно. Будешь, значит, людей лечить? Вот это я понимаю. Реальное дело.

– Ну, я просто героиня. – Рита засмеялась.

– А что? Так оно, по сути, и есть. Только, вот, в нашей стране, этих героев не очень-то ценят, не говоря уже о том, что не оценивают.

– Это уж точно. Но кто-то же должен...

Максим достал сигарету, собрался уже прикурить, как остановился:

– Ой, пардон. А тебе сколько лет?

– Вообще-то, женщин неприлично спрашивать об их возрасте.

– Ой! До того времени, когда у тебя будет неприлично спрашивать о возрасте, ещё дожить надо.

– Мне двадцать два года. А тебе?

– Двадцать семь. А мужчин прилично спрашивать?

– А это тот возраст, когда уже всё, неприлично?

– Да мне, если честно, всё равно.

– Не может быть, что бы было всё равно, сколько тебе лет.

Тем более, раз ты ощущаешь себя неустроенным. Жизнь, всё-таки, не бесконечна.

– Ничего, может, я со смертью договорюсь.

Пауза. Максим ощутив на себе взгляд Маргариты, продолжил:

– Не обращай внимания, я же говорил, я что-то того... не в себе.

– Да уж, как-то, слишком не в себе. Ты женат?

– Приплыли! Я вот не понимаю, почему этот вопрос возведён в ранг главного вопроса истории? Вот, никого ничего так не интересуется, как то, женат кто-то или нет.

– Ха-ха, да я просто так спросила, да, действительно, по инерции.

– Нет, я не женат.

– Угадай, какой вопрос будет следующим?

– Легко.

– Какой?

– Задавай, знаю, да ладно, не скажу, ну, давай, спрашивай?

– А... А по-че-му?

– А почему? Нет, ты имеешь в виду, почему в двадцать семь лет я не женат? Ну, вот не женат, и всё. Почему в двадцать семь лет я должен быть женат? Почему я, вообще, должен быть женат? Не знаю, почему. Если бы я был женат, я также вряд ли смог бы ответить, почему я женат. Это что, вообще?

– Да ладно тебе. И не... у, и не был? – Маргарита рассмеялась.

– Сейчас высажу.

– Ну, что ты злой такой? Любопытство, простое женское любопытство.

– Не был, и не собираюсь. Да и... Стоп. А ты жената, тьфу ты, замужем? Простое мужское расследование.

– Нет.

– А почему?

– Ха-ха-ха. А вот, не встретила ещё!

– Кого?

– Своего принца.

– Ага, принца? На белом верблюде, за белым роялем? Что же это ты так? В Самаре с этим туго?

– Ой, да с этим везде туго. – Рита рассмеялась.

– Ну да, разумеется. Все мужики – свиньи! Ну, и так далее...

– Да, шучу. Просто...

– Что просто?

– Так, это ты расследование ведёшь?

– Ну да. Допрос.

– Каждой женщине нужно, чтобы...

– Чтобы?

– Ну, чтобы её...

– Чтобы её?

– Да ну тебя! А вот ты встречаешься сейчас с кем-нибудь?

– Сейчас я с тобой встретился.

– Ой, ну, понятно же... вообще, у тебя были девушки?

– В каком смысле?

– Тааак...

– Ладно, ладно, больше не буду. Понял, я понял. Возможно и были... Да чёрт его знает! Мне как-то это всё, ну да... а у тебя были эти, как там они, те, что наоборот, дедушки. Мальчики!

– Были, немного.

– Немного это сколько? Это как?

– Да всё как-то... не серьёзно. И не принцы, это уж точно. Во всяком случае, как позже выяснялось. Ведь понимаешь... Вот, ты веришь в любовь?

– Во что? – на этот раз рассмеялся Максим. – Я, конечно, понимаю, что в настоящий момент, вот, в этот самый момент отвлечься от того, что с нами происходит, можно только таким путем – рассуждая о том, верю ли я в любовь, то... Ну, в общем, если так, то... Ладно... Любовь так любовь! Ох уж эта любовь! О, любовь! Это-это... да, она самая, любовь! – начал было Максим и тут же отрезал: – Я верю только в причинно-следственную связь.

– Ты на самом деле такой циник, или просто пытаешься казаться таким?

– Ну, циник. Циник – это уставший романтик.

– То есть, тем самым ты хочешь сказать, что романтиком ты был?

– Не помню. Так, что там про любовь?

– Да хватит уже. Нет, наверное, понятно, почему ты не

женат. Я, я молчу, тоже.

– Проехали, ну так что там?

– Я хотела сказать...

– Тихо... Что это было? Ты ничего не заметила?

– Нет.

В этот момент в свете фар прямо перед капотом машины промелькнуло что-то большое и чёрное.

– Проклятье! – Максим решил сбавить скорость.

– Мама, – прошептала Маргарита

Тут же темнота начала рассеиваться и в течение нескольких секунд стало светло. В последнюю секунду Максим с Ритой увидели, как перед самым капотом автомобиля спланировала огромная чёрная птица и тут же взмыла вверх.

– Давно пора привыкнуть, – слышался Максиму голос Брата.

Взору путешественников предстала бескрайняя степь и ровная прямая дорога, уходящая вдаль к горизонту. Небо было ужасно скучного серого цвета. Солнца будто бы и не было вовсе. Серое небо, серая степь.

– Веселый пейзаж, – заметил Максим.

Какое-то время они ехали, не говоря ни слова, сосредоточив взгляд на шоссе. Только шум двигателя, да шуршание шин. Минут через десять на горизонте, прямо в том месте, куда упиралось шоссе, показалась чёрная точка и начала стремительно увеличиваться. И, то ли расстояние сжалось каким-то образом, то ли скорость движения автомобиля уве-

личилась до невероятного значения, оставаясь неизменным для водителя, но через несколько секунд точка превратилась в высокий чёрный замок, тот, что недавно приснился Максиму.

– Я это уже видела, – пролепетала Маргарита, – во сне.

Шоссе упиралось прямо в центр стены, стены совершенно голой: никаких ворот, дверей, вообще, никаких признаков входа не было видно, словно стену взяли, да поставили поперёк дороги.

Максим остановил машину. Несколько секунд они с Маргаритой молча смотрели на чёрные камни, не решаясь выйти наружу.

– Что будем делать? – спросила Рита.

– Если есть какие-то конструктивные предложения, то я готов выслушать, – сказал Максим, не отрывая взгляда от стены, – но, почему-то, мне кажется, что как минимум, нужно выйти и осмотреться. Не сидеть же тут вечно. Да и чего нам ждать? Выходим?

– Выходим.

Они вышли из машины и, не сговариваясь, направились к левому краю стены. Дойдя до конца, они завернули за угол и увидели, что с этой стороны замок имел в точности такую же стену, что и с фронта.

– Это просто огромный каменный куб, – прошептал Максим, глядя вверх на стену.

В воздухе стояла мёртвая тишина, нарушаемая лишь от-

даленным плеском волн.

– Море, – мечтательно произнесла Маргарита и пошла вдоль стены к берегу. Максим двинулся за ней.

Подступив к обрыву, Макс обнаружил ту же картину, что видел во сне. Возвышаясь над обрывом, замок вырастал из скал, висевших над водой. Эта его сторона копировала две предыдущие.

Маргарита заморожено смотрела на море:

– Как красиво. Жаль, только небо такое серое, и солнца не видно.

– Не время предаваться романтике, Марго. У нас осталась четвёртая стена, хотя что-то мне подсказывает, что она ничем не отличается от остальных. Но проверить всё же стоит.

Максим направился назад, немного погодя за ним последовала Маргарита. Максим дошёл до угла замка, повернул налево в сторону их остановки, как вдруг резко остановился и замер.

– Стоп! – прокричал он, не отрывая взгляда от места, где они вышли из автомобиля. – Стоп, стоп, стоп!

Рита, руководствуясь указанием Максима, остановилась и с испугом посмотрела на него.

– Так, – продолжал Максим, – так, Маргарита, Рита, можно задать тебе вопрос? Надеюсь, можно. Вот, скажи, ты же ведь знаешь такой город Тольятти? Он там, рядом с Самарой, ну, знаешь, конечно?

– Знаю.

– И наверняка знаешь завод «Автоваз»?

– Да, конечно, знаю, а...

– «Автоваз», крупнейший российский производитель автомобилей, гигант. Автомобили «ВАЗ», ну, «Жигули», ну, кто же их не знает, самая популярная и надёжная отечественная марка.

– Да знаю я, а...

– «Лада»! ВАЗ-21099, передний привод, пять скоростей, модифицированная панель, вот не знаю, надо было инжектор брать, тормознул я чего-то, ну, это ладно. А какой салон, чехлы новые совершенно, недавно купил. Магнитола – «Сонька», зверь, какой звук, пять колонок. Жить можно! «Противоугонка» «Пантера». Да все дела, короче! Ну, ты же успела, наверное, заметить снаружи ласточку мою.

– Успела, а...

– Тёмно-зелёный «металлик», амулет, литые диски. Ну, видела, знаешь?

– Да видела я, видела...

– Подойди сюда. Ты сейчас её видишь?

Маргарита подошла к Максиму, бросила взгляд на место их остановки и ничего не увидела. Дорога, подходящая к замку, была совершенно пустой.

– Всё!!! – Максим перешел на крик, – это предел, это всё!!! Уроды!

– Спокойно, Максим, держи себя в руках.

– Чего? Как я могу держать себя в руках? Это же...

– Спокойно. – В голосе Маргариты прозвучали строгие нотки.

– Спокойно?! Да я спокоен!

– Да возьми же себя в руки! Ты мужчина или тряпка, в конце концов?

– Да какие, к чёрту, руки! Какие...

Рита подошла вплотную к Максиму и вlepила ему пощёчину. Тот сразу же притих и виновато опустил голову.

– Посмотри, – сказала Маргарита, – кажется, этого не было.

Она направилась к месту пересечения дороги со стеной замка. То место, будучи таким же голым, как и вся остальная стена, изменило свой вид. Теперь там была дверь. Максим тут же бросился к ней и принялся неистово колотить в неё.

– У вас в Москве так принято? – осведомилась Маргарита, нажимая кнопку звонка.

Дверь не открыли. Рита нажала ещё раз.

– Может, не работает? – Максим снова начал стучать.

Звонка слышно не было. Рита ещё раз попробовала, удерживая палец на звонке как можно дольше, но никакого результата.

– Да не работает, ё-моё. – Максим принялся колотить с удвоенным остервенением. – Я её сейчас вышибу на хрен!

Он отошёл метров на пять и с разбега врубился в дверь плечом. Но именно в этот момент дверь медленно начала открываться, в результате чего Максим влетел внутрь и, про-

летев метра три, врезался в столб и сполз на пол.

– Первая медицинская помощь нужна? – услышал Максим тихий, но звонкий старушечий голос.

– Да ничего с ним не сделалось, – раздался в ответ низкий мужской голос, показавшийся Максиму знакомым. Он поднял голову. Так и есть, перед ним, спиной к нему, держа дверь открытой, стоял тот самый швейцар из «Англетера».

– Добро пожаловать, принцесса, – говорил швейцар входящей Маргарите.

– Проходите, принцесса, – добавила подошедшая старушка, как Максим догадался, жена швейцара. Она продолжила: – Вот сколько раз тебе предлагали, Матвей, провести кабель, поставить видеокамеру на вход, чтобы каждый раз не бегать сюда, и не заставлять гостей ждать.

– Гости нужно встречать лично, таковы правила приличия, – ответил Матвей, – перенести сюда нашу комнату невозможно, потому как порядки нельзя менять, сколько раз я тебе повторял уже.

– Ой, какой же ты неисправимый консерватор, Матвей. Проходите же, принцесса, не стесняйтесь. Я Варвара Ильинична, это вот, муж мой, Матвей Кузьмич, мы здесь на дворях всегда.

– Да я не принцесса, – смущённо заметила Маргарита.

– Да как же, не принцесса? С такой красотой и не принцесса? – возразила ей Варвара Ильинична.

Максим всё это время молча слушал их разговор, и был

явно недоволен полным отсутствием внимания к нему. По-немногу он отошёл от приступа недавнего бешенства и начал ворчать себе под нос:

– Принцесса, с такой красотой... какой красотой? – Тут Максим обнаружил, что ни разу даже не взглянул на Риту. – А ну-ка, ну-ка...

Риту загораживал Матвей Кузьмич, а сама она стояла в пол-оборота, так что разглядеть её ему не удалось. Тут он вспомнил:

– Кстати...

– А мальчик с вами? – перебил его Матвей Кузьмич, обратившись к Маргарите.

– Кто? – возмутился Максим. Но его определенно не хотели слушать.

– Мы вместе приехали, – ответила Рита.

– Его повозку я отогнал в стойло, здесь она вам не понадобится, да и дымит слишком сильно. Возьмите ключи. – Матвей Кузьмич протянул Максиму ключи, и тут же развернулся к Рите.

– Знаете, сейчас уже поздно, первый час ночи, – говорила Маргарите Варвара Кузьминична, – так что, я предлагаю сейчас пойти лечь спать, а завтра уже всё узнаете, освоитесь.

– Какой первый час? Как это и когда мою повозку отогнали в стойло? – Максим продолжал бубнить сам с собой, но, всё же, пытаясь привлечь к себе внимание. – Где освоитесь, какое завтра?

Тут Максим заметил в стене окно, выходящее в ту сторону, откуда они только что приехали. И за окном была ночь, тёмное небо и звёзды.

– Что за чёрт? – Максим попытался снова обратиться к кому-нибудь. – Да где мы?

– Какой неугомонный ваш приятель, – сказала Варвара Ильинична Маргарите.

Тут Максим не вытерпел и подошёл ко всем, преследуя две цели: всё же как-то поучаствовать в этом приёме гостей, то есть, себя в частности, и разглядеть Маргариту. Второе опять не удалось. Тогда он повторил свой вопрос:

– Прошу прощения, может мой вопрос покажется вам бестактным, но всё же, где мы находимся? С автомобилем я всё понял, почти. Пока вопрос замяли, простите, надеюсь всё в порядке. Но, вот, где мы сейчас?

– Молодой человек, вы что же, не слушаете? – начала Варвара Ильинична, – это гостиница. Не смущайтесь, принцесса, – снова было обращено к Рите, – обо всём лучше узнать завтра, сейчас уже поздно, ваши номера готовы, сейчас вызовем портье, он вас проводит. Матвей...

Матвей подошёл к телефонному аппарату, висевшему на стене. Варвара Ильинична продолжала, концентрируя своё внимание на Рите:

– Я надеюсь, вам у нас понравится. А завтра, ох, об этом надо обязательно сказать прямо сейчас, завтра в большой зале будет бал. Каждую последнюю пятницу каждого месяца

у нас проходят балы. Сам президент иногда принимает участие.

– Угу, президент, – Максим продолжал бубнить под нос в сторону, что б его не слышали, – и пятница, вообще-то, сегодня, то есть вчера ещё была.

– Вы как, молодёжь, любите танцы?

Молодёжь ответила почти хором:

– Да, – сказала Маргарита.

– Нет, – сказал Максим.

– Да, вот что ещё сразу скажу, в номерах у вас всё необходимое: предметы первой необходимости, туалетные принадлежности, одежда на любой случай. В частности, для выхода в свет, для танцев, для балов. Будут вопросы, звоните портье.

– Спасибо большое, – сказала Рита, – всё неожиданно так...

– Да ну что вы, – вставил подошедший Матвей Кузьмич, – давно пора привыкнуть.

Максим вздрогнул и посмотрел на швейцара: «Сговорились что ли?»

– А можно нескромный вопрос? – вмешался Максим. – Как бы это сказать? Меня интересует такой вот момент. Что насчёт оплаты?

– Молодой человек, гости у нас ни за что не платят, – ответила Варвара Ильинична.

– А кто ещё может жить в гостинице?

– Давайте все вопросы завтра, – перебил Матвей Кузьмич.

Спустился портье.

– Ну что же, пора спать. Не желаете ли чего-нибудь перед сном? – спросила Варвара Ильинична.

– Ой, я бы с большим удовольствием приняла бы сейчас душ, – выразила своё желание Рита.

– Да ну что вы, Маргарита! В каждом номере есть и душ, и ванна.

– И я бы сейчас принял, – продолжил Максим, – чего-нибудь... Чего-нибудь принял бы я сейчас...

– В каждом номере есть мини-бар, – поучаствовал Матвей Кузьмич.

– Замечательно, – обрадовался Максим.

– Ну, что же, спокойной ночи, – пожелала Варвара Ильинична, – и непременно будьте завтра на балу. Маргарита, все кавалеры падут перед вашей красотой.

Портье повёл Максима с Маргаритой в номера. Они стали подниматься по широкой мраморной лестнице на второй этаж. Маргарита шла впереди, сразу за портье, и Максиму всё никак не удавалось, как следует разглядеть её. Он опять начал бубнить, но теперь уже на публику:

– Принцесса! Ваше высочество, вам что-нибудь угодно? Могу спеть колыбельную перед сном, что-нибудь эдакое, «Боже, храни Маргариту», к примеру. Высший свет будет несказанно рад!

Маргарита шла и незаметно улыбалась. Максим, задрвав голову и жестикулируя, продолжал:

– Заметьте, ваше высочество, сам президент выходит подёргаться на балу. Какие перспективы, а? Непременно будьте завтра, все кавалеры падут перед вашей красотой!

Тут Максим споткнулся о ступеньку и чуть не грохнулся на лестницу. Маргарита засмеялась.

Портье развел Максима и Риту по номерам. Номера располагались друг против друга, и были разделены широким коридором, больше напоминающим зал.

Рита, войдя в номер, внимательно всё осмотрела. Наибольшее внимание привлек гардероб, в котором действительно было всё, на любой вкус, на любой случай, и главное нужного размера. Кое-что Рита даже померила, покружившись перед зеркалом. Далее нужно было изучить все бутылочки, пузырьки и коробочки, стоящие на туалетном столике. Выбор парфюмерии был настолько широким, что Рита устала ещё до того, как всё перепробовала. Далее следовал осмотр обстановки. Определённо, только такой номер заслуживает звания «Люкс». Закончив обход территории, Маргарита всё же решила принять душ, даже не душ – ванну. Как только она увидела эту ванну, ей непременно захотелось понежиться в пене, ощущая благоухание ароматов. Рита приняла ванну и отправилась спать.

Максим, войдя в номер, внимательно осмотрел содержимое бара, выбрал «Бурбон», налил двести грамм, принял и тоже отправился спать.

Максим проснулся целиком закутанный в одеяло, уткнувшись лицом в подушку, и, в таком положении, не открывая глаз, определил, что в комнате уже светло. Он слегка удивился тому, что проснулся, когда будильник перестал звенеть, обычно он вскакивает от первых же звуков. «Хотя, после того, что мне приснилось, удивительно, что я вообще проснулся, – подумал он, – вот уж просто «Война и мир», странно, что никого из знакомых во сне не было, и ещё обидно, что эту Марго я так и не разглядел... Вот, кто придумал сны? Как что-то кошмарное, противное – пожалуйста, глазейте всю ночь, покрываясь холодным потом, а вот хоть что-нибудь приятное – хрен. А, ведь, я и представить себе не могу, почему мне не пришло в голову, причём моментально, оценить её внешние данные?.. Эх, старина Фрейд... Так, ладно, ещё пять минут и встаю». Максим, как и каждое утро, подумал о том, как он будет возвращаться с работы, входить в квартиру, смотреть телевизор, а после вернётся в это мягкое теплое царство Морфея. «Эх, – опять, как и каждый день, подумал он, – хлопнуть бы в ладоши и оказаться бы сразу в офисе, перед компьютером и начать тупить до окончания рабочего дня. Но только бы миновать эту пытку вылезания из-под одеяла, одевания, умывания, короткометражной трапезы, ещё одну попытку вылезти из подъезда, злобно-сонно-

го прибытия, через пробки, к зданию этой чёртовой работы». Он уже приготовился осуществить первое движение, как его осенило: «Сегодня же суббота!» Какое же это счастье, приготовившись пойти на работу, вспомнить, что никуда идти не нужно, что можно нежиться в постели, сколько вздумается, что сегодня этот сладкий день суббота, плюс к этому, завтра воскресенье. Вообще, самое лучшее время, это вечер пятницы и суббота, хотя, ни для кого это не секрет.

Нет, определённо что-то было не так, как обычно. То есть, вроде бы и так, но что-то не то. Максим не мог допустить мысли о том, что... Он медленно перевернулся навзничь, стянул с лица одеяло и открыл глаза...

Краткое обозрение шикарного гостиничного номера, в котором на кровати возлежал Максим, поставило всё на свои места. Да, это был не сон. И косвенным подтверждением этого, было молчание Максима, он не издал ни звука ужаса или удивления, что не раз практиковал в последние несколько часов. За прошедшую ночь он привык не удивляться таким пустякам.

Максим поднялся с кровати, оделся, умылся, обошёл весь номер, убедившись в том, что о нём вчера говорили. «Да, – подумал он, – блеск». Голова была слегка затуманена, приходило окончательное осознание происшедшего, кроме... Да, кроме того, куда конкретно его занесло, и не только его. Ведь была ещё и Маргарита. «Так, почему это была?»

Выйдя на балкон, Максим мгновенно ощутил невероят-

ный восторг, перехвативший его дух и заставивший приковать взгляд к картине, возникшей пред ним. Спокойное синее море сливалось у горизонта с чистым голубым небом, на котором не было замечено ни одного облачка. Волны ласкались в солнечных лучах. Максим посмотрел вниз. «Ух, высокогато». До воды было метров сто, и всё за счёт скалы, на которой располагался замок, гостиница, или, что там это такое было. Под собой Максим мог видеть ещё лишь один балкон. «Да, мы, кажется, на второй этаж поднимались». Что было наверху, увидеть было нельзя, да и само побережье ограничивалось полосой примерно в сотню метров. Конструкция здания была такова, что сам номер был врезан глубоко в стену, с обеих сторон балкон надёжно хранился от ветров. Несколько минут Максим простоял, глядя на море. «Да, – подумал он, – действительно, на стихию, будь то вода, огонь, и что там ещё, можно смотреть бесконечно. А, ещё на то, как другой человек работает. Что-то солнца не видно... А который нынче час?» Подумав об этом, Максим вернулся в комнату. Обнаружив висящие на стене часы, он убедился в том, что поспать он любит от души. «Полдень. Да, по их времени мы прибыли в первом часу ночи, нормально. Ну, ладно, пора приступить к расследованию, или к исследованию, или... Короче, хоть что-нибудь выяснить пора». Максим подошёл к входной двери, открыл, заметив на тумбочке, стоявшей у двери, ключ. «Могли бы и карточками магнитными обзавестись, раз уж тут всё так круто». Он вышел, запер дверь. Ока-

завшись в вестибюле, он решил было постучаться в номер Маргариты, но его внимание привлекло движение происходящее вокруг. Ничего странного, обычная жизнь гостиницы, где-то открылась дверь – кто-то вошёл, где-то наоборот, стояли портье, да всё в порядке, просто после ночных приключений Максим ощущал пустыню вокруг себя, где бы он ни оказался, а тут, словно ничего и не произошло. Передумав заходить к Маргарите, сам не поняв почему, он спустился по лестнице на первый этаж и обнаружил, что двери, в которую они вчера вошли, не было, на её месте висело огромных размеров зеркало. «Ну, да ладно, мог и перепутать», – подумал Максим и вышел в холл. Тут уж жизнь просто кипела. Раздавались телефонные звонки, звенели открывающиеся двери лифта. Людей было не очень много, не толпились, во всяком случае, но это были люди, живые, обычные люди.

Подойдя к «ресепшену», он уже было, хотел обратиться к одному из сотрудников, только закончившему говорить по телефону, как тот его опередил:

– Доброе утро, вы только прибыли? Нам сообщили. Простите, много работы, проинструктировать вас у меня не получится, вот, возьмите гостевую карточку. Там на улице, на дверях стоит Матвей Кузьмич, тот, что вас ночью принимал, он охотно расскажет вам всё, что захотите узнать, к тому же поговорить он любит, извините. – Портье взял трубку зазвонившего телефона.

Максим взял карточку, покрутил её в руках, постоял

несколько секунд, после, передумав дожидаться окончания разговора, развернулся и направился к выходу. По левую сторону от выхода, метрах в двадцати Максим увидел кафе, что сразу же вызвало в нём желание перекусить. То ли время не было ранним, то ли ещё что, но кафе было почти пустым, занято было три-четыре столика, и ещё пара человек сидело за стойкой. Максим подошёл к дверям, вышел наружу, где сразу же наткнулся на самого Матвея Кузьмича

– Да, – заметив Максима, сказал Матвей Кузьмич, – любите вы на массу надавить, молодой человек.

– Ну, извините, воздух у вас видно тут такой, я как отключился, так и проснулся только что. У меня сразу вопрос.

– В этом я ничуть не сомневаюсь, – улыбнувшись, хитро произнёс швейцар, – кстати, ты уж прости, что мы вчера над тобой слегка подшучивали, мы не со зла, просто, у тебя был такой возбуждённый вид, по сравнению с принцессой.

– Ну, конечно, вам бы...

– Да ладно, ладно. Не обращай внимания на стариков.

– Да, ну, действительно, ладно. А почему принцесса?

Матвей Кузьмич снова хитро улыбнулся:

– Как почему? Потому, что принцесса.

Максим вопросительно взглянул на швейцара, но не стал продолжать эту тему.

– А кстати... – начал он.

– Маргарита давно уже в городе, с подружкой. Уже знакомства завела, пока ты спал.

– Понятно.

Разговаривая, Максим смотрел по сторонам. И что же он видел? Да ничего, на первый взгляд, особенного. Объедините архитектуру центра Москвы, Санкт-Петербурга, Лондона, Парижа, Вены, Праги, Мадрида, Стокгольма, Амстердама, Берлина. Добавьте туда Тбилиси, Стамбул, Ташкент, Дамаск, Дели, Пекин, Токио, Сеул. Ах да, еще Манилу, Сингапур, Джакарту, ну и Сидней с Мельбурном. Не забудьте Вашингтон, Оттаву, Гавану, Рио-де-Жанейро, Мехико, Лиму и Сантьяго. И подкиньте немного Каира, Найроби, Кейптауна и Дакара. А теперь попробуйте вывести нечто среднее, и вы увидели бы то же, что видел Максим. Этот «микс» предложен для того, чтобы не утруждаться описанием и представлением улицы, на которую вышел Максим. Заметим лишь, что высота домов, попадающих в его поле зрения, не превышала пяти этажей, проезжая часть была выложена булыжником, вдоль улицы стояли невысокие фонари. «Арбат» какой-то», – подумал он. Проезжая часть была не такая уж и проезжая, поскольку ни одной машины видно не было, но наличие тротуара говорило о возможности использования... стоп. Из-за угла показалась лошадь, и не просто лошадь, а лошадь запряжённая. Тянула она за собой самую настоящую карету. Максим проводил её взглядом и спросил.

– А какой век на дворе?

Швейцар улыбнулся.

– Не беспокойся, тот же, двадцать первый, просто мы на-

ходимся в центре города, здесь зелёная зона. И здесь ездят кареты. В пределах Садового кольца автомобили, причём, довольно-таки ограниченно, с определённым разрешением, больше служебные. Все стараются пользоваться общественным транспортом: трамваями или метро. До третьего транспортного кольца уровень допуска к пользованию авто расширяется, дальше, от третьего до МКАД свободно, за некоторым исключением, а уж за МКАД гоняй, сколько душе угодно, ну, там совсем всё по-другому. Мы очень трепетно относимся к экологической обстановке.

– Это вы мне про Москву сейчас?

– Так тебе будет понятней.

– Он больше Москвы, надо полагать?

– Что ты, бог с тобой. Сравнил тоже. Большинство жителей на окраинах и не были никогда. Чтоб пересечь Город нужно потратить много дней, недель.

Максим удивлённо посмотрел на Кузьмича.

– Да-да. Это не совсем обычный город. В его пределах и горы, и степи, и леса, и... да всего сразу я тебе не расскажу. Да и на службе я. Ты перекусить не хочешь?

– Вы читаете мои мысли.

– Посмотри вокруг, через каждый дом кафе, бары. Это центр! Загляни вон в тот, «Пингвин» называется, там узнаешь больше.

– А почему вы так уверены? Там справочное бюро?

– Зайдёшь сейчас – поймёшь.

– А какие у вас тут деньги? Это вопрос номер ноль.

– А ты карточку не взял?

– Мне дали на «ресепшене» что-то, но ничего не сказали. – Максим достал карточку.

– Вот это – гостевая безлимитная денежная карта, можешь пользоваться в течение шести месяцев, и ни о чем не задумываться, это на жизнь. Машину или квартиру, разумеется, тебе по ней никто не продаст. Да и, на первое время всё необходимое у тебя есть в номере.

– А потом?

– Что потом?

– После шести месяцев?

– Ну, шесть месяцев это приблизительно, по обстоятельствам, у всех по-разному. Через три месяца, может, будешь работать, зарабатывать и сам себя обеспечивать. Если, конечно, вообще, останешься здесь, в Городе.

– То есть как?

– Ну, этого уж я не знаю. Есть много вещей, которые, может, вообще, никто не знает. Так, ну хватит, я на работе. Сходи вон, в «Пингвин», отобедай.

– «Пингвин»? – Максим только сейчас вспомнил о кафе Пингвина на дороге.

– «Пингвин», «Пингвин», всё, давай, а то меня тут так уволят с тобой. Вот сменюсь, тогда поболтаем. Давай, удачи.

– Так откуда вы знаете про МКАД, про третье кольцо и вообще?

– Да я не знаю. – Кузьмич невозмутимо смотрел на Максима. Тот не стал обременять ни себя, ни швейцара дальнейшими вопросами, развернулся и направился к кафе. Название кафе «Пингвин», кроме встреченного ночью Пингвина, напомнило Максиму кафе-мороженое, которые были ужасно популярны в Москве в конце восьмидесятых. Пока он шёл, его охватила ностальгия, он вспомнил, как, будучи ещё школьником, они с друзьями простаивали в очередях на улице Горького ради пары шариков мороженого.

Максим подошёл к входу в кафе. Перед ним раздвинулись стеклянные двери. «Угу, где-то я это уже видел». Максим вошёл внутрь, где обнаружил уже знакомое ему убранство. Различие заключалось лишь в том, что количество столиков намного превышало один. Половина столиков были свободны. За стойкой стоял Пингвин.

– Как настроение? – спросил он подошедшего Максима.

– Даже не знаю, что сказать.

– Что же, вполне понятно, должна пройти адаптация.

– Не знаю я, что там должно пройти, мне тут посоветовали заглянуть именно сюда для получения хоть какой-нибудь информации. Чтоб я хоть что-нибудь понял.

– А как насчёт завтрака?

– Это можно. Тут опять, всё, что угодно?

– Нет, – засмеялся Пингвин, – тут, согласно меню. Пожалуйста.

Максим пробежал глазами список блюд.

– Пожалуй, я буду яичницу с ветчиной, кофе со сливками и вот эту вот булочку.

– Да, аппетит уже не тот.

– Это да. У меня тут карточка гостевая. Так, как мне узнать всё?

– Ну, всего ты сразу не узнаешь, точнее, всего ты не узнаешь никогда, но некие начальные сведения, я думаю, ты получишь. Ты просто выбери столик и садись, к тебе подсядут.

– Кто?

– Увидишь. Да ничего страшного и странного. По тебе видно, что ты только что прибыл. Так что, садись. Кому надо, тот и подойдёт.

– Это кому-то ещё и надо?

– Нет, я не так выразился, да не цепляйся ты к словам. Расслабься.

– Ну, хорошо.

– Садись, сейчас всё принесут.

Максим выбрал столик, сел за него и стал ждать.

Минут через пять к нему подошла официантка с его заказом и пожелала приятного аппетита. Максим приступил к скромной утренней трапезе. Он ел, не замечая, как он ест, и всё смотрел на входную дверь, ожидая увидеть этого кого-то.

Тем временем его внимание привлекли двое посетителей, сидящих через столик от него. Привлекли они его сначала тем, что оба были с бородой и в очках. Один, лет сорока – пятидесяти, как решил Максим, – более точно, у него возраст

определить не получалось, – напоминал добродушного плюшевого медведя, благодаря своим габаритам и бросавшейся в глаза неуклюжестью. По взъерошенным волосам и неухоженной бороде, а также, в целом, не очень-то опрятному виду, было видно, что за собой он следит мало, да и, скорее всего, его это совсем не волнует. Перед ним на столе, вместо тарелки лежала толстая тетрадь, в которую он что-то записывал, слушая своего собеседника. Собеседник, мужчина лет шестидесяти – семидесяти, напротив, вид имел опрятный и даже презентабельный. Седые волосы были тщательно причёсаны, острая бородка ровно пострижена, на нём был костюм, галстук, несколько старомодные, как показалось Максиму, очки с круглыми линзами, через которые тот периодически кидал взгляд на Максима. Это второе, на что обратил Максим внимание. Собеседники о чём-то спорили, но спор их был лишён эмоциональности, что, видимо, было привычным для них обоих.

Максим закончил с яичницей и приступил к кофе. В этот момент он увидел, как один из замеченных им собеседников, тот, что старше, поднялся из-за столика и направился к нему. Подойдя к Максиму, он вежливо поинтересовался:

– Извините, вы не будете против, если я присяду за ваш столик?

– Пожалуйста.

– А вы недавно приехали?

– Да, этой ночью.

– Мы так и подумали. Извините мне мою навязчивость, я вам не мешаю?

– Нет,нисколько. – Максим догадался, что это и был тот кто-то. – Я не прочь с кем-нибудь познакомиться. Здесь я никого и ничего не знаю.

– Буду рад вам помочь. Наверное, мне надо представиться, Роберт Полански, профессор городского университета, преподаю историю и философию. Здесь я уже сорок лет, так что можно сказать, что мы с вами попали практически одновременно, если принять во внимание время вообще. Сколько лет Городу, никто сказать не может, и тот, кто не помнит в каком поколении он горожанин, возможно, является предком кого-нибудь из основателей. Легенд бесконечное множество, но выбрать что-то более или менее достоверное практически невозможно... О, простите, я как-то так резко начал, издержки моей непосредственной профессиональной деятельности. Сейчас каникулы в университете, по вечерам я веду подготовительные группы. В пять начинается лекция. Мне нужно еще успеть подготовиться.

– Чем больше, тем лучше. А то я, признаюсь, как, как....

– Как во сне? Да, помню мои ощущения, очень вас понимаю. Я работал в Бостоне, в университете. Я сам американец, предки мои в шестидесятых годах иммигрировали в США из Польши. В шестидесятых годах прошлого, конечно, то есть позапрошлого, XIX-го столетия.

– Вы американец? – удивился Максим. – Вы безусловно

говорите по-русски.

– Я не говорю по-русски.

На это Максим уже не знал, как реагировать.

– А вас, простите, как величать? То, что вы русский, я уже понял.

– Максим Волков. Я что-то не понял с языком.

– Тут один язык, он понятен всем. Поскольку он единственный, у него нет названия, можно назвать его городским. Вы понимаете меня точно так же, как и я вас. Кстати, у Города так же нет имени, поскольку он один, есть названия лишь у округов, районов, ну и так далее. То, что «так далее», я расскажу позже. Я вижу, вы не можете воспринять понятие единого языка? Вы не одиноки в этом. Этого никто из живущих здесь понять и объяснить не может, да и не хочет, да и к чему это? Вы же, родившись и достигнув разумного возраста, не задавались вопросом, почему вы говорите по-русски, поскольку это было следствием множества факторов. Хотя, не такого уж и множества. Вас учили этому языку, ваши родные говорят на этом языке, все вокруг говорят на этом языке. Этого достаточно. Здесь фактор один – вы находитесь в Городе. Я не говорю – в этом городе, вы находитесь в Городе, потому как он один.

– Простите, один где?

– Один в принципе. Не можете понять?

– Признаюсь, нет, а вся земля?

– Вся земля здесь. Земля – Город.

– Подождите, а вот там море, океаны, это что?.. Ехал я сюда как-то, где-то, и там...

– Я вас перебую, простите, скажу вам сразу, идеального же ничего нет, да и быть не может. Существуют необъяснимые вещи. Так же, как существование нас и этого Города, и всего вообще. Как вы сюда попали? Нет ответа, можете только догадываться. Как и почему сюда попадают люди? Нет ответа. Это повод для бесконечных размышлений и прений. Кстати, видите, за тем столиком. – Полански указал на столик, за которым оставался его собеседник. – Один из любителей поучаствовать в этих прениях, Антонио Маркес, писатель. Видите, он и сейчас пишет. Напало вдохновение, даже не подошёл к вам. Ничего, ещё познакомитесь, он завсегда-тай здешних баров, включая тот, что в отеле. Непризнанный гений, каковым, в общем-то, сам он себя не считает. У него есть свои почитатели. Выдвигает он некоторые довольно-таки забавные идейки. Пишет с философским уклоном, это не пользуется большой популярностью в массах – не детективы, так что дохода его писательская деятельность приносит мало. Живёт Маркес в основном за счёт публикаций в прессе. Многие газеты и журналы любят блеснуть чем-то оригинальным или выходящим за рамки общепризнанных убеждений, будь то политика, экономика или проблемы семейной жизни. Так вот, возвращаясь к Городу. Город один, это факт, это аксиома. Есть суша. Не земля, степи, горы или что-то ещё, а именно суша. И есть вода – океаны, моря, реки. И всё. И

всё это Город, как место локализации разумной жизни. Здесь все существующие нации, но, сразу замечу, от национальных проблем мы избавлены. В принципе, не ясно как. Вам, как представителю многонациональной страны, наверное, не очень понятно, да и мне тоже было не сразу ясно в своё время. США, ведь, просто скопище всех наций со всего мира. Тут что-то вроде Нью-Йорка. Представьте себе, что весь мир, все семь миллиардов человек, все нации, все религии, все политические, экономические и прочие мировые институты сконцентрированы в одном Городе. Понимаю, представить сложно. Кроме того, представьте, что история всего человечества была прожита одним этим Городом. Тем более, невероятно. Попробуйте представить так, Город – это аппроксимация всего вашего мира.

– Да, а... ну, ладно, лучше вы говорите. – Максим понял, что дельного вопроса в данный момент он задать не может.

– Вы спрашивайте, если что.

– Нет, пожалуй, пока я помолчу.

– Ну, хорошо. Не буду вас отягощать информацией о политическом устройстве, структуре экономики, этики, и так далее, скажу только, что в целом ничего такого, о чём бы вы не знали или не слышали, тут вы не заметите, единственное различие лишь в концентрации. Все виды промышленности, включая добывающую.

– Вы добываете нефть в городе?

– По масштабам и населению нас можно было назвать

страной, странами, даже континентами.

– А какой масштаб и население?

– Точных цифр я вам не назову, скажу лишь, что отсюда, например, до западной окраины, вы будете ехать не менее десяти дней.

– Ничего себе, город, это как от Москвы до... я не знаю, за Владивосток уехать можно и утонуть в Тихом океане.

– Я не силён в Российской географии, но, видимо это далеко. Знаете, есть одно обстоятельство, о котором я скажу позже, хотя... ну, ладно. Город, (город именно в вашем понимании), по площади, может, чуть больше Нью-Йорка. Но таких чётких границ нет, он плавно переходит в то, что называется country. А дальше округа, чьи размеры и население может варьироваться от именованя «деревня» до «город». Это, чтобы вы понимали.

– То есть, ваш Город, это не город и даже не страна, это полмира, это Мир. И на такой территории нет стран, а только один город?

– В общем-то, так оно и есть, – заметил Полански. – И вот, один поразительный факт... сейчас вы удивитесь. У нас есть белые пятна! Не то, чтобы там никто никогда не был и не знает, что и как, просто там живут дикие племена.

– Кто? – Макс удивился – В Городе, значит?

– Да вот, такой парадокс. Ну, хорошо, смотрите, немного упрощённой географии. Сейчас мы в центре. Не в геометрическом смысле, то есть мы не в центре окружности, мы в

административном и культурном Центре, к нему примыкает Бизнес-центр, и так далее, увидите, когда ездить начнёте. Мы на берегу моря. И Город, опять же, в вашем понятии города, представляет такой полукруг, площадью, ну где-то как Нью-Йорк.

– Вы говорили.

– А, ну да, извините, мне проще сравнивать с Америкой. Кстати, все, кто живёт за пределами этого полукруга, а это процентов девяносто всего населения, тоже называют его Городом. Да и свои селения, многие из которых скорее напоминают провинциальные города, называют, кто, как хочет, и деревней, и городом. Это не имеет значения, это всё административные единицы всего нашего Города. В общем-то, это с официальной позиции. Чтобы вам сейчас было понятнее, давайте я буду называть то место, где мы сейчас находимся, этот некий Нью-Йорк, Городом, а все остальное...

– Областью.

– Хорошо, областью. Итак, сейчас мы в Городе. Отсюда область по суше разрастается и на восток и на запад, по воде на юг, там острова и, внимание, материка, значительно меньших размеров, чем та суша, на которой мы с вами сейчас находимся, но, все же, материка. А на севере, очень далеко отсюда, сразу за горами, живут дикие племена. Уровень их дикости неизвестен. Рассказывают, что говорить они могут, но словарный запас их крайне скуден. Так повелось, что мы их не трогаем, да и они нас тоже, хотя, они достаточно воин-

ственны и жестоки, во всяком случае, между собой. Есть сведения, что между племенами иногда возникают вооруженные конфликты, перерастающие в войны, но нас это не задевает, поэтому, как жили они, так и живут, благо оружие у них древнее и как-то нарушить экологию города они не смогут, а остальное, как я уже сказал – так уж повелось.

– Да, фантастика.

– Для начала достаточно, а то у вас голова заболит. – Полански сухо рассмеялся. – Когда я об этом услышал в первый раз – не поверил. Понимаю – дикие племена Амазонии, но тут, в такой близости. Хотя, знаете, на том же севере расположены селения гораздо более опасных дикарей, чем те, о которых я вам только что рассказал.

– Кто такие?

– Заключённые. Там расположены лагеря.

– С преступностью у вас тут не покончено, видать.

– Что вы? Как везде. И убийства, и ограбления, наркотики, оружие, проституция, все по списку, то, о чём принято писать в криминальной хронике любой центральной газеты. Ничего не меняется. Человечество достойно себя. Но, знаете, мне эта сторона жизни мало знакома. Это головная боль соответствующих органов и правительства, я от этого далёк. Но, вернёмся к географии. Я вам рекомендую как-нибудь, или когда-нибудь, отправиться в путешествие по Городу. Ну, в смысле, по областям. Я сам был мало где, но видел и съёмки, и фотографии. Очень красиво! Горы, степи, леса, реки,

озера, водопады – красота! А какая фауна! Через день пути на запад в океан уходит огромный полуостров, практически целый материк, на две с лишним тысячи километров – там начинается настоящая экзотика: джунгли, саванны, пустыни, есть всё. Да и на востоке. Да, что я вам... Приобретите атлас! – Полански засмеялся.

– Не такой уж и концентрированный ваш Город, – заметил Максим, – городок.

– Увлёклись, – сказал Полански. – Так можно бесконечно рассказывать. Атлас!

– Обязательно, – согласился Максим.

– Я продолжу, с вашего позволения. Сейчас я вам скажу нечто такое, что может вам показаться совсем неприемлемым для цивилизованного города, с достаточно мощно развитой инфраструктурой. Здесь есть что-то от легенд. И, если честно, лично я этого понять не могу, да и объяснить это толком никто не может, хотя некоторые, говоря об этом, делают вид, что для них всё понятно. Одним словом – так повелось. Есть в Городе, то есть в Области, на западе, на самом крайнем, как раньше говорили про Штаты, диком западе, такой вот провинциальный город, как мы с вами договорились их называть. Он живёт жизнью, практически не связанной с центром. Его называют Городом Дракона. Глава его, когда нужно рапортует в центр о делах округа, предприятия, расположенные там, или по близости, исправно платят налоги, тамошние жители, как законопослушные гражд-

дане, участвуют в выборах. Вся власть, законодательная, исполнительная, силовые структуры, подчиняются вышестоящему руководству. Они приезжают сюда с отчётами, докладами, к ним ездят с инспекцией, короче говоря, всё, как и должно быть. Обычный округ с обычными людьми. Но... Город Дракона все боятся.

– Почему? Чего все боятся?

– Дракона.

– Кого?

– Дракона.

– Дракона? Настоящего, летающего, огнедышащего?

– Да. Говорят, он исчадьё ада, сам Дьявол!..

– Вот как. Да, у вас тут не так все просто, – заметил Максим. – Фэнтези?

– Может это и смешно, но так говорят. Ну, насчёт огнедышащего и летающего, это конечно чушь собачья, но большинство уверено, что Дракон – потомок королей, правящих городом с незапамятных времён, пока они не были побеждены конкурирующей династией, а после не настала эра переворотов, революций, а там и демократических преобразований. Центр Города ранее располагался именно там. Позже, в результате дворцового переворота власть перешла к другой династии, которая обосновалась здесь. Кстати сказать, монархическая партия имеет кое-какой вес среди населения. Монархия ассоциируется с эпохой рыцарей и драконов... Так, я опять начинаю утруждать вас подробностями,

которые сейчас вам не столь интересны. Некоторые потомственные дворяне с недавних пор даже пользуются рядом привилегий, живут, например, в особняках своих предков. На определенных условиях, и если могут себе это позволить. В основном, конечно, старинные сооружения принадлежат Городу. Что же касается Дракона, то, если верить преданиям, остался лишь замок, где он и живёт. И там он, и король, и... не знаю, как ещё называть этот фантом, плод воображения. Я не очень-то верю в это. Не знаю для чего и кем это всё придумано. Не думаю, что сейчас вам следует что-то об этом узнавать. Не всем это интересно. Есть ещё одна очень забавная история, касается она лиц королевской крови. Но, это уже точно, из области фантастики. Боюсь, сочтёте меня сумасшедшим.

– Хорошо. Не все сразу. – Максим улыбнулся. – А глава Города, президент, значит?

– Да, в городском устройстве вы не увидите ничего нового, за исключением нюансов, каковыми отличаются устройства любого государства. Президент избирается сроком на четыре года.

– Четыре? Да уж, действительно, не оригинально.

– Еще есть орден Лебеда, считающийся единственный продолжателем и хранителем королевской династии. Их дворец находится недалеко от президентского дворца. Одним словом, Дракона не существует, а Лебедь, да ещё с такой гвардией, – существует ещё как. Орден Лебеда – целое учре-

ждение, наподобие Полиции или любого другого Городского образования или министерства.

– Пожалуй, мне достаточно... – проговорил Максим.

– Сенат, парламент, правительство, министерства, партии... – не останавливаясь, продолжал Полански. – И так далее и тому подобное. Армии, как таковой нет, хоть она и называется армией, – воевать не с кем, только внутренние войска. Их используют, если необходимо, обе наши полиции. – Полански не мог остановиться. – Две полиции, я думаю, вы поняли какие. Департамент полиции и Министерство Городской Безопасности. У вас, насколько я помню, был зловещий КГБ.

– Угу, ФСБ. Раньше был КГБ, а ещё раньше, кажется, Министерством Государственной Безопасности называлось, МГБ сокращённо. Как у вас, забавно.

– Если говорить об экономике, то тут я вас также ни чем не удивлю.

– Понятно. А каково население города?

– Согласно последней переписи свыше двухсот миллионов.

– Замечательно. Город. А как... Не знаю, как и спросить. Нас вчера пригласили на бал, в котором порой принимает участие президент. Тут двести миллионов, мы так просто будем вращаться в высшем свете?

– Не думаю, что кто-то допустит, что бы вы так запросто смогли бы с ним поболтать. Кто-то попроще, возможно, зам.

министра, к примеру. – Профессор рассмеялся. – Как, почему, куда и зачем вы попали, я повторяюсь, никому не известно. А что касается доступа двухсот миллионов на вечеринку такого уровня, так это дело каждого. На допуск туда ограничений нет, разве что финансовые, которые, как сами понимаете, отсекают сразу же очень значительную часть населения. Да, к тому же, как гласит известная поговорка: «Всяк сверчок знай свой шесток». Каждый человек прекрасно понимает, куда он вхож и где он может быть интересен и востребован, так же, как, с ещё большей уверенностью, он понимает, где и что ему интересно. Больно нужны кому-то эти балы и рауты в отеле, тем более что это далеко не единственное место для такого рода мероприятий. Есть гораздо более, как это сейчас говорят, стильные и престижные места, рестораны и клубы. Дорогие – ужас! Я не интересовался, насколько, определённо, это не моё. – Полански снова засмеялся. – А, вообще, я вам не смогу объяснить, почему здесь собираются именно те и те, почему здесь бывают члены правительства, представители крупного бизнеса, люди искусства, разносторонний бомонд, и почему здесь не собираются толпы зевак, хотя бы просто на это всё поглазеть. Так повелось. Есть ещё много такого, что может показаться вам необычным, а, может быть, даже, диким. Например, у нас не отменена смертная казнь.

– Ну, это не так уж и дико. В штатах до сих пор её не отменили в... Неваде, что ли, в Калифорнии, не помню...

– Причём смертная казнь через расстрел.

– Ну что ж, романтичнее, чем электрический стул.

– Ну, вот, что вас удивит, я ручаюсь. У нас официально разрешены дуэли.

– Это как? Нужно перед вызовом написать заявление в полицию?

– Процедуру я не знаю, но примерно так, секунданты – они же будущие свидетели.

Максима вдруг что-то, как будто ударило. Он вспомнил разговор с Моррисоном, когда на его вопрос о способе смерти, он назвал дуэль. Тут же перед его глазами выросла фигура Лермонтова уходящего в туман. «Что за чёрт?»

– А почему вы мне именно про дуэль рассказываете? – настороженно спросил Максим.

– Да так, просто, первое, что пришло в голову, совершенно без всякой задней мысли, – ответил профессор. – Что с вами? Вы побледнели.

– Да ничего, вероятно, идет процесс сохранения получаемой информации на корочку, – смеясь, ответил Макс, – так что там с дуэлями?

– Да, довольно-таки забавная тема. Дуэли могут быть разными, многоуровневая система у нас. Можно вызвать кого-то для публичного обличения, с дальнейшим оскорблением. Вызывающий в таком случае избавлен от наказания по статье об оскорблении. Можете плюнуть обидчику в лицо, можете дать ему пощечину, и так далее. Как вы сами пони-

маете, если возникает ситуация, способная привести к вышеописанным действиям, то мало кто использует этот закон. О нём все забывают. Не прибегает никто и к официальному оформлению этих самых действий. Разве что, в случае какой-нибудь политической игры или чего-либо в таком роде. По крайней мере, я не слышал даже о заурядных случаях. Причём, если вы намерены публично назвать вашего обидчика подлецом, он вправе повысить ставки, тем самым защищая себя и свою честь, и предложить вам, скажем, публично дать вам пощечину, в свою очередь, вы предложите ему высечь его на площади. Он, в таком случае, уже должен придумать что-то такое, что будет превосходить последнее предложение по степени воздействия. Степень определит общественная комиссия, и так до тех пор, пока кто-то не сдастся, приняв условия. Он в глазах общества останется проигравшим. Согласитесь – полная профанация, но что-то в этом есть.

– Действительно. А та дуэль, которая испокон веков считалась дуэлью?

– И это можно, только есть одно «но». В случае смерти одного из дуэлянтов, второй приговаривается к четырём годам заключения.

– Мощно. Президентский срок. И за убийство у вас так мало дают?

– За убийство на дуэли, официальной дуэли.

– И были случаи?

– Были. Природа человека непостижима. Именно такие случаи и были. В каком состоянии находились эти люди, не знаю.

– И это официальное разрешение приносит какую-то пользу?

– Считается, что, зная об этом, люди будут относиться друг к другу более уважительно. Конечно же, те же проблемы можно решить через суд, но, как вы понимаете, как правило, суды выигрывают деньги. Поэтому, разрешая, хоть и в такой форме, дуэли, правительство как бы дает понять народу, что оно всегда держит руку на пульсе Города и открыто заявляет, что любой член общества может защитить свою честь от кого бы то ни было. Вам смешно? Вас рассмешила общественная комиссия? Оставим. Что-то мы слишком много времени уделяем этой теме.

Далее разговор перешёл на более бытовой уровень. Максим задавал первые, приходившие в голову вопросы. Например, он выяснил, что в городе отсутствует мобильная связь, все пользуются обычными телефонными аппаратами, лишь полиция имеет право использовать рацию. Здесь очень хорошо развиты высокие технологии, всё компьютеризировано, но нет Интернета. Есть телевидение и кинематограф, конкурирующие каналы, теле и кинокомпании, радиостанции. Производственные и коммерческие холдинги, страховые и юридические фирмы, банки, издательства, модельные агентства, салоны красоты, морги и кладбища, в общем, всё то, о

чём говорил Полански, и что вряд ли как-то отличается от того мира, откуда прибыл Максим.

– Ну, ладно, Максим, мне пора в университет, готовиться к проведению своих подготовительных курсов. Советую взять извозчика и прокатиться по центру города, – предложил Полански.

– Думаю, это неплохая мысль, тем более что в голове у меня уже каша от такого потока информации.

–Ну, пойдёмте.

Выйдя из кафе, Полански показал Максу, где можно поймать извозчика, объяснив ему, что, достаточно показать гостевую карточку, и его провезут по всему Городу. Попрощавшись и высказав надежду на скорую встречу, он заспешил в университет.

Максим без труда остановил проезжающую карету и отправился на экскурсию.

Сложно предать, что чувствовал Максим, проезжая по центральным улицам города, о котором никогда не слышал и нигде его не видел. Дворцы, особняки, арки, скульптуры, памятники, фонтаны, бульвары, аллеи, парки, сады. Описать это всё невозможно. Сев в карету, Максим тут же встал и все три часа, что его возили, с открытым ртом, то и дело, крутя во все стороны головой, поглощал встающие перед ним городские картины. Определённо, Город не уступал по красоте всем городам Земли.

Когда в глазах Макса начало рябить, он попросил извозчика остановиться.

Выслушав объяснение извозчика о том, как пешком добраться до гостиницы, Максим вышел на набережную. Вдохнув свежий морской воздух, он огляделся по сторонам. Пятница! Вечер! «На душе легко и спокойно», – подумал Максим. Ночные страхи и беспокойства пропали. «Красота. Куда же я попал?»

– Ну, в том, что это не рай, могу тебя уверить, – раздался сзади голос Брата.

Симба посмотрел на часы, висящие на стене его кабинета, и ощутил приятную лёгкость. Часы показывали 17.00, что говорило о скором окончании рабочего дня. Все дела на сегодня были выполнены.

«Июль. Осталось пять месяцев до выхода на пенсию. Очередные пять месяцев. Неужели я наконец-то решусь уйти? В следующем году мне стукнет 68. Пора остановиться», – думал Симба, собираясь домой. У двери висел маленький плакат, оставшийся с празднования его последнего дня рождения. Плакат гласил: «Симба, не покидай нас, ты отличный полицейский, как же без тебя мы будем бороться с наркотиками?»

«Не покидай нас, – прочёл он снова и подумал: – Хватит, мне пора. Пора, седые волосы смотрятся контрастно с чёрной кожей».

Сорок лет в полиции, тридцать лет в отделе по борьбе с наркотиками – это не шутка. Когда-то он начинал в отделе убийств вместе со своим другом, его напарником. Однажды они вдвоём, не дождавшись подкрепления, решили взять одного торговца наркотиками, проходившего у них по делу об убийстве нескольких его клиентов. Преступника они взяли, точнее сказать, Симба взял его один, поскольку тот, в момент проведения операции пустил пулю его напарнику пря-

мо в сердце, в результате чего его друг скончался на месте. После этого случая Симба и ушёл в отдел по борьбе с наркотиками Департамента полиции из окружного отдела убийств. Было это тридцать лет назад. У напарника остался пятилетний сын. Вряд ли можно объективно судить о подобной ситуации, не оказавшись на месте его участников, но по сей день Симба чувствовал свою вину за смерть друга. У него не было детей, он так и не женился, по причине, как ему кажется вполне веской, заключающейся в нежелании оказаться на месте своего друга и, погибнув, оставить семью. Сын его друга стал, практически, его сыном. Мать мальчика, вскоре, после смерти мужа нашла себе другого спутника жизни, так и не получившего привязанность пасынка.

Ян Гашек – так звали сына бывшего напарника Симбы. Он пошёл по стопам отца и работал в отделе убийств Центрального округа. Сейчас он ждал Симбу в кафе, недалеко от Департамента полиции и потягивал пиво, наслаждаясь последними днями отпуска.

– Приветствую неугомонного борца с дурманом и его дистрибьюторами! – Гашек поднялся навстречу старшему другу.

– Здравствуй. Что касается «неугомонного», то тут ты погорячился. Утомился я. – Симба сел за столик и, задумавшись на мгновение, повторил: – Утомился.

– Что-то не так?

– Да, не так что-то, – рассеяно ответил Симба. – А ты как,

отдохнул? Готов приступить к борьбе с убийствами и их, как ты сказал, дистрибьюторами?

– Да я всегда готов. Нет, отпуск, это какое-то пустое занятие. Не понимаю, как я это выдержал. Хотел раньше выйти...

– Да тебя не пустили. Заявили, что без тебя спокойнее, хотя бы месяц от тебя отдохнём, так?

– Ха-ха, ну где-то так. Нет, ну действительно, я уже не знал, чем заняться.

– Эх, семьей бы давно обзавёлся. Тебе уж четвёртый десяток идёт. Вот тут бы ты не раздумывал о том, чем заняться.

– Сколько же можно об одном и том же? И кто мне это говорит? Ты прожил столько времени один и ничего. Или что, выйдешь на пенсию и женишься?

– А почему бы и нет?

– Это на седьмом-то десятке?

– Для любви возраст не имеет никакого значения.

– Ой! – Ян остановился, заметив на лице Симбы хитрую улыбку. – Ты это серьёзно?

– Серьёзно. Ну, жениться, может, не женюсь, но...

– Ну-ка, ну-ка?

– Встретил я пару месяцев назад одну старую приятельницу, да какую там приятельницу, не виделась мы лет, боже мой, пятьдесят, одноклассницу свою.

– Да как вы узнали друг друга?

– Сам удивляюсь! А, ведь, узнали! Видно судьба. Да не то, что узнали. Я в банке был, по делам, а она там деньги сни-

мала, ну, не важно, я услышал имя, одно только имя, и этого оказалось достаточно. Помню, я даже влюблён был в неё, лет в двенадцать. Посидели мы с ней, попытались вспомнить детство наше, рассказали друг другу о том, что у кого было, – да разве расскажешь всю жизнь-то? Вот и решили остаток дней своих развлекать друг друга историями о себе, пятьдесят лет, как-никак, много чего есть вспомнить. Она вдова, пятый год уж, с детьми как-то не получилось, родни, кроме племянницы, живущей где-то далеко, нет. Одна она, совсем одна, и я... один. Почему бы нам, старикам, на закате дней своих не соединить уходящие судьбы.

– Ой, ой, Симба, закат дней, уходящие судьбы... это в вашем-то с ней возрасте? Да ты же всё ещё лучший в своём отделе, тебя даже не отпускают. Вся жизнь, можно сказать, впереди.

– Да уж, вся жизнь. Так, о чём мы? Я вот, решил. А ты что же? Всё гуляешь?

– Гуляю? Ну, можно, конечно, и так сказать... – Гашек задумался на мгновение. – Нет, куда мне? Офицер Симба, я давно уже решил, семья – это не для меня. Ты, вот, для меня пример.

– Дурной пример – не повод для подражания, офицер Гашек.

– Да при чем тут это? Не просто так ты прожил всю жизнь в одиночестве. Отец мой погиб при исполнении, мать одна со мной осталась. Если меня так же? Чем меньше у человека

привязанностей к кому-то или чему-то, тем менее он уязвим – аксиома. Нет, наша профессия не совместима с семейной жизнью. Ведь прав я, прав? Прав. А работа моя... живу я ею. И будем жить мы с ней душа в душу, и умрём в один день. Ну, а вам, молодые, совет да любовь! Ты познакомь меня с невестой-то.

– Да ну тебя. Как тебя в отделе терпят?

– Я им сказал, что, если не будут терпеть, я их всех убью.

Отдел убийств, всё-таки. Работа такая.

– Может тебе сменить работу, пойти, к примеру, в цирк, клоуном.

– Уважаемые зрители! Не желаете ли осмотреть труп, найденный сегодня в Почтовом переулке. Взгляните, это вот нож, по рукоятку он всажен в тело, прямо в сердце. Предположительно, причина смерти... Не смешно. Не получится из меня клоун.

Тут Гашек заметил, что Симба о чём-то задумался и не слушает его.

– Симба, что-то случилось? Какой-то ты грустный сегодня. Вообще, ты всегда грустный, но сегодня как-то особенно.

– Зарезали, говоришь? – отвлечённо произнёс Симба. – Сам не пойму. – Он улыбнулся. – Я представил, как мы с Розой...

– Ага, её зовут Роза!

– Неплохо, для полицейского. Как мы с Розой сидим на

берегу моря, на веранде, пьём кофе... У нас будет маленький домик с верандой, – я уже присмотрел в журнале, денег хватает. Ещё хочу купить автомобиль, на котором мы будем путешествовать, а то, я за всю жизнь, толком-то и не выбирался отсюда никогда. По утрам я рано буду выходить в море на лодке, ловить рыбу. Я на рыбалке-то никогда не был, эх... – Симба снова задумался. – Сидим на веранде и говорим, говорим... Ян, как-то тоскливо у меня на душе...

– Да я же говорю, что-то с тобой не так. Может, ты заболел? То такие радужные картины рисуешь, то...

– Да ничего не произошло. Не пойму никак. Сердце что-то, как будто плитой гранитной придавило. Тяжесть какая-то. Никогда не было.

– Так, рассказывай. – Гашек не на шутку взволновался.

– Совещание в отделе странное было сегодня. Ничего конкретного, одна вода. Шеф заявил, что в ближайшие месяцы ожидаются крупные сделки, будут раскидываться крупные партии наркотиков, при этом, как отвлекающие манёвры, будут использоваться, практически, в открытую, мелкие перепродажи по всему городу. Все должны быть начеку... Бред какой-то.

– Действительно...

– Крупные сделки, крупные партии, манёвры. Откуда он это взял? Не сказал, обошёлся короткой фразой: «Распоряжение пришло сверху». Выборы, Дракон, мафия...

– Может шеф того, сам дунул?

Симба грустно посмотрел на Яна.

– У меня информаторы по всему городу. Большинство наркодельцов мы знаем в лицо...

– И Дракона?

– Причём тут Дракон?

– Ну, ты же сам сказал, Дракон, выборы... а при чём тут выборы?

– Пришло сверху. МГБ всё под своё крыло взяло.

– Да их отдел по дури толком ничего не контролировал никогда. Ахинея полная. А кто был на совещании-то?

– Да шеф, я и ещё один, ты его не знаешь...

– И всё?

– Ну да...

– Тебе не показалось это странным?

– Да нет, хотя закралось некое подозрение, но, я и не смог определить, в чём оно состоит.

– Я, конечно, не лезу в ваше ведомство, но, когда такого рода информация идёт с верхов, это становится отвратительно подозрительным и пахнет дерьмом.

– Согласись, вся наша работа пахнет дерьмом. В общем-то. Нет, просто, стар я стал. Ладно, чёрт с ними со всеми. Так, про машину я уже сказал?

– Да, давай, что там ещё будет? И к тому же, пятница, в конце концов, у тебя выходные, у меня конец отпуска. Предлагаю по пиву за эти события, плюс, наш герой по борьбе с... как я там говорил?

– С дистрибьюторами.

– Точно, с дистрибьюторами, на закате своей уходящей судьбы решил найти счастье и успокоение в семейной жизни. Две кружки пива нам, пожалуйста!

– Пока я катался, у меня возникло ощущение... – говорил Максим Брату.

– Можешь не продолжать. Если ты хочешь о чём-то меня спросить, то вряд ли я смогу тебе помочь. Советую, не тратить слишком много времени на анализ своих ощущений и не думать постоянно, что, да почему. Тебе же сказали, со временем привыкнешь.

– Нет. Ну вот, к примеру, – продолжал Максим, пропустив замечание Брата, – к вопросу о национальностях, ведь, живущие здесь китайцы или французы...

– Я ещё раз повторяю...

– Или вот! Я видел церковь с крестом и Буддийский храм. Значит, откуда-то они знают, что...

– Хватит. Расслабься. Принимай это как... Вообще, тебе вечером на бал. Не грузи себя тем, чего всё равно не поймёшь, или поймёшь потом, или поймёшь, что это не стоит того, чтобы понимать. И вообще, читай газеты.

Как и в предшествующие встречи, Брат исчез так же неожиданно, как и появился. Максим постоял ещё несколько минут на набережной и пошёл в направлении, указанном ему извозчиком, к гостинице.

«Да ну, действительно, не буду я морочить себе голову всей этой ерундой! Поживём – увидим, – подумал Максим. –

Эх, настроение поднимается – хорошо. Оптимизм растёт – замечательно. Красота! Море, солнце, номер «Люкс» в отеле, безлимитный тариф! И это не рай? Нет, конечно... стоп, стоп, стоп.

Максим шёл по улице, всматриваясь в лица людей, идущих ему на встречу, разглядывая жилые дома, административные здания, магазины, скверы, фонарные столбы, телефонные будки, афиши, рекламные щиты, пытаюсь увидеть что-то необычное. Но ничего необычного не было. Единственное, что заставило его задержать свой взгляд, была большая афиша, висевшая вдоль ограды парка. Привлекло его внимание не содержание афиши, кричащей о том, что 29 июля в 18.00 в «Театре Оперетты» состоится премьера мюзикла «Летняя ночь» с участием несравненной Жанны Роллан, а фото этой самой Жанны Роллан. Блондинка с зелёными глазами пленила Максима своей улыбкой. «Интересно, она действительно хороша так, как здесь нарисована?»

Газетный киоск, попавшийся на пути, напомнил ему о совете Брата купить газету.

– Будьте добры, дайте мне сегодняшнюю... – Максим пробежал глазами газеты и журналы, лежащие на витрине. – Вот, сегодняшнее «Городское время».

Расплатившись, Макс пошёл дальше, рассматривая первую страницу «Времени», но, пройдя несколько шагов, остановился и замер. Минуту он не мог оторвать взгляда от газеты. После он поднял голову и закрыл глаза. Глубоко

вздыхнув, он снова посмотрел на первую полосу и прошептал: «Твою мать, а?» Внимание его было приковано к дате выхода номера: пятница, 27 июля 2012 года.

– Согласись, как было бы интересно жить раз в пять лет, – сказал Брат, опять возникший из ниоткуда, прямо перед Максом, – скажем так, по месяцу. При средней продолжительности жизни в шестьдесят лет можно было бы жить, правильнее сказать, наблюдать жизнь на протяжении трех с половиной тысяч лет. Конечно, это было бы интересно только в том случае, если ты живёшь в одном и том же месте и наблюдаешь движение этой самой жизни, как смонтированную киноленту. Так что, извини, это не твой случай, к тому же, никто не сказал, что такое повторится. Конечно же, я шучу. Что ты опять раскис?

– Я что-то не понял, где я шлялся одиннадцать лет?

– Ты меня сейчас слушал?

– Слушал. И что?

– Ты нигде не шлялся. Или ты забыл? Ты вчера выехал и сегодня ты тут.

– Во-первых, я выехал в пятницу, 27 июля, и это, действительно было вчера. Соответственно, сегодня должна быть суббота, 28 июля. Но, сегодня, если верить этой газете, всё ещё 27 июля. Во-вторых, я выехал, когда на дворе был 2001 год, а тут... А сколько мне лет тогда? Я что-то....

– Тебе столько, сколько и было. Двадцать семь неполных. Просто здесь сейчас 2012 год, 27 июля, пятница. Тебе от это-

го хуже стало? Напоминаю, не пытайся всё сразу понять.

– Нет, но, как?..

– Понятия не имею, – отрезал Брат и ушёл прочь.

Максим продолжил движение к гостинице, стараясь «не думать». «Не думать» не получалось. Мысли снова начали путаться, в голове опять вдруг что-то зашептало, зазвенели колокольчики. Он свернул с дороги, ведущей в отель, и пошёл бродить по улицам, пока не наткнулся, в полном смысле этого слова, на летнее кафе. Не раздумывая, он сел за ближайший столик.

Весь зал был выложен чёрным мрамором. Потолок был украшен фресками, изображающими сцены из всевозможных мифов и легенд с участием сказочных существ, среди которых дракон занимал центральное место. Вдоль стен, на равном расстоянии друг от друга, висели зеркала в золотом обрамлении. Пространства между зеркалами заполняли барельефы дракона. Окон в зале не было. С темнотой успешно боролись пылающие факелы, висевшие вдоль стен, и множество свечей, что горели пятью дивизионами, расположившимися на пяти люстрах, спускающихся с потолка. Дальняя, противоположная входу в зал, стена была завешана черным бархатным балдахином, который, подобно театральному занавесу, за своими, переливающимися в отблесках огня, складками, казалось, скрывал некую тайну или предвосхищал какое-то действие. Посреди зала, в стене, помещался

огромный камин, оказавший приют целому пожару. Перед камином стоял невысокий овальный мраморный стол, а за ним большой диван, обтянутый бархатом. Никакой другой мебели в зале не было. На столе стояла бутылка вина и хрустальный бокал.

Она, мягко двигаясь, словно плывя, пересекла зал от входа к балдахину. Чёрная легкая тога облегла её изящное и в то же время крепкое тело. Амазонка, Диана-охотница, первое, что приходит на ум при виде её высокой, стройной фигуры. Чёрные густые волосы ниспадали на белоснежные плечи. Смелый разлёт бровей придавал ей облик хищницы. Изпод длинных ресниц сверкали большие, чёрные, как уголь, глаза. Лёгкая, хитрая улыбка играла на её, немного пухлых чувственных губах.

Подойдя к балдахину, она провела рукой по его складкам и что-то неслышно прошептала. Потом развернулась и также бесшумно подплыла к камину. Некоторое время она заморожено смотрела на огонь, затем налила вина, подняла бокал и еле слышно произнесла:

– Я так долго ждала тебя...

Она сделала глоток, а оставшееся в бокале вино выплеснула в камин. В этот момент весь огонь, горевший в зале, вздрогнув, взорвался ослепительным светом и откуда-то изза стены, завешанной балдахин, раздался протяжный гул, переходящий в шипение. Она медленно повернула голову в сторону шума и поднесла палец к губам. Всё затихло, огонь

успокоился и продолжал мерно гореть, раскидывая по залу свои тёплые отблески.

Она подошла к зеркалу, взглянула на своё отражение и улыбнулась. После закрыла глаза, подняла голову и сказала уже громче:

– До встречи...

Проигнорировав подошедшего официанта, Максим вот уже несколько минут сидел за столиком, не отрывая взгляда от верхушки башни, что возвышалась над нагромождением крыш домов. Ему, во что бы то ни стало, захотелось узнать, что это такое. За соседним столиком сидели, беседуя, двое контрастных, как подумал Максим, приятеля. Один из них был пожилой чернокожий мужчина, второй «ярко выраженный бледнолицый» блондин, который уже несколько раз кидал на Максима пронзительный взгляд своих голубых глаз.

– Прошу прощения, не могли бы вы мне подсказать, что это за башня виднеется вон там? Я тут впервые, – неожиданно для самого себя обратился к ним Максим.

Симба и Гашек посмотрели в указанном им направлении.

– Это... – начал было Симба.

– Это музей, – перебил его Ян. – Раньше это был санаторий. Лечебное заведение строгого режима.

– Это как? – спросил Максим.

– Курс лечения для тех, кого туда помещали, мог длиться бесконечно, то есть пожизненно, и это в лучшем случае...

Больше везло тем...

– Ян, – остановил его Симба, – не морочь человеку голову. Молодой человек, а вы издалека? Впервые в Центре?

– Впервые, в общем-то. Так всё-таки, что это?

– Странно, почему из всех прелестей города ваше внимание привлекла именно эта? – поинтересовался Гашек.

– Да меня много что привлекло, просто, эта башня, она как-то... не знаю, выделилась.

– А из каких вы мест, можно поинтересоваться?

– Ян, ну, что ты пристал?

– Я думаю, вы никогда о таких местах не слышали, – ответил Максим.

– То есть? – не унимался Гашек.

– Я издалека, – вставил Максим.

– И как вам тут?

– Интересно, – ответил Максим. – И всё-таки, вы мне скажете, что это за башня?

– Это городская тюрьма, – отрезал Ян.

– Тюрьма, – повторил за ним Максим и тут же встал. Не сказав ни слова, он вышел из кафе.

– Станный он, – мрачно заключил Гашек.

По пути в гостиницу Максим ещё раз решил попробовать воспринимать всё, как обыденные моменты и не задумываться о возникающих нестандартных, если так можно их назвать, явлениях. Не дойдя ста метров до входа в отель, он услышал, как кто-то выкрикнул его имя. Он обернулся и

увидел того самого писателя-философа, что был с Полански в кафе. Антонио Маркес махал Максиму, подзывая его к себе. Маркес сидел за столиком в летнем кафе, почти напротив «Пингвина». «Он что, из-за стола не вылезает?» – подумал Максим, подходя. Кроме писателя, с ним за столиком сидел ещё один полный господин и не менее полная дама.

– Максим Волков, вас так зовут? Простите, вы куда не торопитесь, не хотите ли присоединиться к нам? Буквально на несколько минут.

– Да нет, не тороплюсь, – сказал Максим, присаживаясь за столик.

– Меня зовут Антонио Маркес, Роберт говорил, наверное. Это вот Стефан и Лориан Фогель.

Максим и супруги Фогель обменялись любезностями.

– Вы знаете, так интересно увидеть совершенно новое лицо, – быстро заговорила мадам Фогель, – нет, не в смысле, просто новое, а вот, такое новое, что из какого-то другого мира. Или не мира, вы ведь, наверное, уже успели понять, что сами мы не очень-то понимаем, как это происходит. Сами мы, то есть, предки наши, тоже когда-то здесь появились, а может, и жили всегда. В общем, это всё так интересно. Особенно, когда вы появляетесь в этом отеле. Хотя, я не знаю, попадают ли в город как-то еще. Наверное, можно оказаться где угодно... или только здесь. Не знаю, не знаю. И...

– Дорогая, что ты набросилась на человека? Простите, Максим, моя жена, наверное, единственная, кого интересуе

проблема прибытия гостей.

– А что, прибытие гостей – это проблема? – поинтересовался Максим.

– Нет, я не так выразился. Это явление рядовое, как, скажем, дождь, ветер, смена дня и ночи. Никто не придаёт этому значение феномена. Если они, конечно, не останавливаются в таких шикарных отелях.

– Я думаю, Стефан, что жизнь сама по себе – явление феноменальное во всех её проявлениях, – заметил Маркес.

– У вас-то, философов, понятно, а мне просто любопытно, что чувствует человек, прибывший из другого мира, – продолжала Лориан.

– А с чего вы взяли, что тот мир, откуда прибывают гости, другой? Может, как раз наоборот, их мир, это тот самый, настоящий, а наш с вами, в этом Городе, другой? Ведь, всё же относительно. Ведь нам не понять, как могут существовать сотни, тысячи Городов, каждый со своим президентом, со своим языком.

– Вот с языком, я не понимаю. Как это может быть другой язык? – не унималась мадам Фогель, – президент – это могу представить, это как разделить Город на муниципальные округа, каждый со своим президентом.

– Ну, надо же. – Засмеялся Стефан.

– Ничего смешного. Тебе, Стефан, вообще не интересно ничего, кроме твоего банка.

– Правильно, зачем мне нужно что-то знать о существова-

нии какого-то параллельного мира. Мы знаем, что есть Луна и знаем, что жизни там нет, знаем, что есть Марс, а есть ли там жизнь или нет – это уже неясно. А совершенно другой мир, другое измерение – это ни к чему мне. Достаточно того, что есть информация об их существовании. Хотя, если бы этого не было, я бы не огорчился. Меня, действительно, гораздо больше занимает вопрос экономической стабильности.

– Ты скучный.

– Ха-ха, каждому своё.

– В чём-то я с вами согласен, – сказал Маркес, – мы не можем разобраться в том, что происходит в нашем Городе, на нашей земле, а всё лезем куда-то, в дебри других миров, внеземных цивилизаций. А вот, как вы себя ощущаете здесь, Максим? Хотя одного дня, думаю, не достаточно, чтобы можно было оценить здешнюю атмосферу. Но, думаю, это сравнимо с тем, как если взять человека с какой-нибудь далекой фермы, где-нибудь на окраине Города, привезти его сюда. Для него Центр будет уже другим, отличным от того, миром. Всё дело, опять же, в относительности. Вы что скажете, Максим? Простите, что-то мы разговорились.

– Действительно, – вступила Лориан, – скажите же что-нибудь.

– Ну, – начал Максим, обращаясь к Маркесу, – думаю, я с вами согласен. У-у-у, что-то, я даже не знаю, мне больше, нечего сказать. Я ещё... не привык.

– А чем думаете заниматься? – спросил г-н Фогель.

– Признаться, об этом я тоже не думал.

– А у себя, в том мире, вы чем занимались? – спросила г-жа Фогель.

– Ну, так, работал там, как это... менеджером среднего звена, а может даже и нижнего... или... не знаю, как, в общем.

– А в какой сфере, если не секрет? – поинтересовался Стефан.

– Машиностроение.

– О, вы работали на заводе?

– Да нет, какой там завод. – Максим рассмеялся. – Я на заводе и не был никогда. Так, продажа разного оборудования для этих самых заводов или наоборот.

– Как это наоборот.

– Ну, мы продаём что-то на сам завод, или кому-то продаём то, что продаёт завод. То есть перепродаём. Хотя в первом случае, так же перепродаём то, что произвёл какой-то другой завод. В общем... да продажи, короче. Не знаю я, как ещё сказать.

– А продажа чего-то конкретно, или...

– Или. Продажа всего подряд. Всё, что продаётся и покупается, то мы и продавали, и покупали и, в общем, это не интересно.

– То есть, вам это было не интересно? – спросил Маркес. – Зачем же вы этим занимались?

– Риторический вопрос. В нашей стране, ну, в Городе в последнее время сложилась такая ситуация, что заниматься приходилось не тем, что нравится, а тем, что есть, и это есть дает возможность есть. О, как. – Максим заметил на себе предосудительный взгляд Маркеса. – В общем, долго рассказывать.

– Ну, правда, что мы пытаем молодого человека? – вступилась Лориан. – Он ещё, как вы сказали, не...

– Не акклиматизировался.

– Непосредственно с финансами вы не работали, я полагаю. То есть, с банковской деятельностью вы не знакомы? – спросил Стефан.

– К сожалению, нет.

– Жаль, я бы мог помочь вам с работой. У меня свой банк. Можно ещё варианты продумать.

– Стефан, ну ты что?

– Нет, – смеясь, продолжал г-н Фогель, – просто, мало ли, свежие идеи, проекты... Я думаю о перспективах. Молчу, молчу. Максим, после поговорим, хорошо?

– Хорошо, я вот только не знаю... Ладно, – попытался как-то ответить Максим и про себя подумал: «Это видимо очередная шутка. Или просто такая случайность? Он швейцарец и у него свой банк. Чушь! Тем более, раз у него свой банк, то он, скорее, должен быть евреем. А почему я собственно решил, что он швейцарец?»

– А вы на бал идёте, Максим? – спросила Лориан.

– Ну, да, загляну.

– Приходите обязательно, не пожалеете.

– Да, между прочим, Максим прибыл не один, – оповестил Маркес.

– Да что вы? – воскликнула г-жа Фогель.

– Кто же ваш попутчик? – поинтересовался г-н Фогель.

– Да я и не знаю, в общем. Девушка. По пути сюда познакомились. – Тот факт, что Максим приехал сюда с Маргаритой как-то совсем вылетел у него из головы.

– Девушка! А где она сейчас? – Г-жа Фогель была заинтригована. – О таком я даже не слышала. Что бы сюда прибывали парами. Какой-то особенный заезд гостей!

– Да успокойся, дорогая, не вижу ничего особенного. Можно подумать, ты знаешь обо всех заездах. И что тебя это так беспокоит? Уверяю тебя, будет, как обычно, как рассказывают, через пару месяцев, ни ты, ни я, ни кто-либо ещё, включая Максима и его попутчицу, и не вспомнит о том, что они гости, они станут такими же гражданами Города, и будут жить этой жизнью и этим миром.

– В целом, я с вами согласен, – сказал Маркес, – хотя, не думаю, что так уж скоро.

– Забавно, – произнёс Максим.

– А где же девушка? – не унималась Лориан.

– Где-то гуляет, – ответил Максим, – я ещё спал, когда она ушла, познакомилась с кем-то, как мне сказали, и того...

– Ну что же вы так? Только познакомились и уже упусти-

ли, – весело заметила Лориан. – Симпатичная?

– Да. То есть, наверное. В общем, я не помню, не знаю...

– Как это?

– Как-то не до этого было.

– Ну что ты опять пристала? – одёрнул жену Стефан. – Может, у человека стресс был, ведь правда, могло такое быть?

– Да уж, это точно, – сказал Максим и в это мгновение услышал за спиной шум колёс и цокот копыт, он обернулся и увидел медленно проезжающую карету.

– Ух ты, имённой экипаж? Как её раскрутили! – произнесла Лориан.

Когда карета поравнялась с кафе, кучеру пришлось попридержать лошадей, чтобы пропустить пешеходов. В момент остановки Максим увидел, как в окошке экипажа показалась прелестная женская головка. Её обладательница, взглянув, встретила его взгляд и задержала на нём своё внимание. «Чёрт возьми, опять, что ли, начинается? – подумал Максим. – Я же её где-то видел! Во сне, в бреду?» Видимо, заметив его замешательство, девушка улыбнулась и скрылась в глубине кареты, которая тут же тронулась дальше. «Ну, точно, – не унимался Максим, – блондинка, эти глаза, эта улыбка».

– Поздравляю, Максим, – вывела его из транса Лориан, – вам улыбнулась сама примадонна!

– Кто? – спросил Максим.

– Звезда сцены номер один, и не только сцены, Жанна Роллан. Сколько уже? Год, уж точно, занимает первое место в рейтинге популярности. Была простой актрисой театра оперетты, и тут нате вам. И кино, и телевидение, и шоу разные.

– Коротка земная слава, – вставил Маркес.

– Моя жена, – обратился Стефан к Максиму, – только и делает, что следит за миром шоу-бизнеса: читает жёлтую прессу, да смотрит все эти передачи. Как она только разбирается во всех этих актёрах, актрисах? Я вот, если б от неё не услышал, то и не узнал бы никогда про эту Роллан.

– Начинается, ещё напomini мне про сериалы. Нравится – вот и смотрю, тебя же никто не заставляет?

– Точно, – словно опомнился Максим, – афишу я с ней видел.

– Вот видишь, – продолжала г-жа Фогель, адресуя мужу упрёк, – человек только приехал, а уже видел афишу. Только ты у нас ничего не слышишь и не видишь. Знаю я вас, мужчин: «Это всё чушь, как это может быть интересным, как на такое можно тратить время», а сами и гороскоп почитывают тайком и, хлебом вас не корми, дай посплетничать.

– Ну конечно, – начал было оправдываться г-н Фогель.

Максим и Маркес весело наблюдали семейный спор.

– А это правда, или очередная утка газетная? – обратился Антонио к Лориан, – мол, Жанна Роллан, дочь того самого Роллана, Филиппа.

– Правда. Так она, видимо, через папу и раскрутилась, или раскрутили. Ещё бы... Ага. – Лориан снова набросилась на мужа. – Даже наш философ знает, кто такая Жанна Роллан...

– Всё, я со всем согласен, успокойся, – сдался Стефан.

– Так вот, – продолжала Лориан, на этот раз, обращаясь к Максиму, – отец Жанны Роллан – Филипп Роллан, генерал спецназа МГБ. Он хоть и в отставке уже, и, вообще, если верить слухам, немного того, не в себе уже, ну, такая работа, а генерал есть генерал.

– Да, – добавил Стефан, – а МГБ есть МГБ.

– Ой, – воскликнула г-жа Фогель, – половина седьмого уже, скоро бал, нужно домой ещё забежать, мы тут живём, прям рядом с отелом, – проинформировала она Максима. – Вы как, идёте?

– Да, переодеться надо, наверное.

– Конечно, пойдёмте собираться. Вы, господин мыслитель, по традиции, игнорируете такие пустые мероприятия?

– Да, извините, это не для меня, – улыбаясь, ответил Маркес, – вам хорошо отдохнуть. Я тут ещё посижу немного.

Супруги Фогель и Максим попрощались с Маркесом и направились к отелю.

Более двадцати лет назад Глен Хайден окончил Юридическую академию, защитив диплом на кафедре криминалистики. Но с криминалистикой иметь дело он не захотел. И, вообще, как он потом объяснял, оказался он на этой кафедре случайно. Юношеский азарт, подогретый детективами, постепенно сошёл на нет, и вставал конкретный вопрос о том, чем же ему лучше заниматься. Собственно говоря, при большом желании бороться с преступностью, было бы логичнее пойти после школы в Полицейскую академию. Но видимо, где-то в глубине души, неосознанно, Хайден поставил себя вне боевой деятельности и риска, а, покидая студенческую скамью, окончательно для себя решил, что он человек сугубо штатский. Немалую роль в сделанных им выводах сыграла его нынешняя жена, Натали. Через полгода свиданий, как раз к моменту получения Гленом диплома юриста, он хотел только одного – жениться, завести детей и жить для семьи. Его возлюбленной овладевали те же стремления, что и привело их в скором времени во Дворец бракосочетаний. Поистине, их союз был, и остаётся по сей день, идиллией. Глен и Натали Хайден воспитывали двух дочерей, одна из которых только что закончила школу, а вторая готовилась войти в её стены 1 сентября этого года.

Однако, полностью спокойной и размеренной жизнь Гле-

на, во всяком случае, в том смысле, в каком он сам себе это представлял, не вышла. Конечно, ему хотелось бы работать в какой-нибудь юридической конторе, получать стабильно повышающуюся зарплату, со временем, возможно, открыть собственную фирму и радоваться жизни. Но не всё складывается так гладко, как хочется. Сразу по окончании академии работу найти ему не удалось. Точнее сказать, не получилось найти ту работу, какую он хотел, стабильную, доходную – мешала специфика его диплома. Это, конечно же, не было принципиальным фактором, специфика большой роли не играла, со временем всё бы было – диплом юриста, он и на Луне диплом. Но, как-то, через пару месяцев, после защиты, он встретил своего приятеля, сокурсника, Сурена Наиряна, и тот, будучи увлечённым политикой и, готовившийся сделать себе карьеру на этом поприще, уговорил Глена пойти с ним получать дополнительное образование, не куда-нибудь, а на факультет политологии в академию городской службы при президенте. В Городе тем временем разразился мощный политический, и, как следствие, экономический кризис (или наоборот, как кому удобней принимать). О стабильности можно было забыть, и надолго. Если где её и было искать, так это в городских, муниципальных службах. Вот тут-то Глену и сделали предложение, которое он принял, почти не раздумывая. Юрист, криминалист, политолог. Ещё два года учёбы в секретной школе и вот она стабильность!

Глен Хайден, майор Министерства Городской Безопасно-

сти направлялся домой после очередного рабочего дня. Завтра он собирался сводить младшую дочь в аквапарк, старшая дочь сегодня сдавала последний вступительный экзамен в институт. Об этом ему хотелось сейчас думать. Но почему-то это всё было вытеснено другими, никогда, за всё время работы, так остро не тревожившими его, мыслями. Обрывки фраз, сказанные сегодня заместителем директора МГБ на общем собрании, не давали ему покоя всё время по пути домой.

«Не стану вам читать прописные истины, – звучало у Хайдена в голове, – наша работа заключается в защите мирной жизни Города. Мы служим Городу, правительству, народу и избранному народом президенту». Он говорил так, словно мы принимаем присягу. «Вы должны быть лишены каких-либо политических пристрастий. Одно пристрастие у вас должно быть – пристрастие к порядку в Городе... Скоро выборы». Полгода ещё, знаю, но, всё равно, спасибо за информацию. «Ситуация крайне нестабильна». А когда она была стабильна в последнее время? «Партия «Наш Город» – оплот президента, коммунисты, либералы, социалисты, анархисты, монархисты. Ну что сказать, у каждого свой вкус, мы не вправе запрещать. «Свобода выбора – величайшее достояние демократии. Но выбор может оказаться безрассудным. Мы просто не имеем права пускать всё на самотёк. Должен быть жёсткий контроль. У народа есть права, у нас – обязанность направлять эти права на благо Города».

да». Это он мудроёно сказал. «Если партия и её лидер способны обеспечить стабильность и процветание Города, то пусть это будет хоть партия любителей тараканьих бегов, мы будем служить Городу под их программой». Богатая фантазия, собственно, как и остроумие. Нет, ничего особенного сказано не было, одна вода. Обычное, штатное выступление. Почему меня это так заинтриговало, как будто впервые я оказался привлечённым к делу министерства. Я исправно служу Городу. В оперативную деятельность я не вовлечён. Конечно, я не герой, да мне этого и не надо. Аналитическая работа – тяжёлый кропотливый труд. Меня это устраивает, я приношу пользу и это главное. Да и кто не хочет, чтобы Город жил стабильной, спокойной и процветающей жизнью? Кто, как не я, да кто, как не мы все хотим быть уверены в завтрашнем дне? В завтрашнем дне наших детей».

Так, размышляя практически ни о чём, Глен доехал до дома. Только он вышел из машины, как его кто-то окликнул по имени. Голос был знакомым и, как оказалось, принадлежал старому приятелю Глена по академии, Сурену Наиряну. Последний раз они виделись года три назад, причём, ни где-нибудь, а в приёмной директора МГБ. Наирян тогда уже работал в администрации президента.

Они обменялись приветствиями, и Наирян предложил присесть на лавку «поболтать о том, о сём». О том, о сём они поговорили пару минут, отвечая друг другу на вопросы «Как дела?», «Как работа?», «Как жена, дети?» – «Нормально»,

«Ничего так», «Цветут». После Глен спросил:

– Насколько я могу предположить, нашёл ты меня не для того, чтобы поболтать «о том, о сём»?

– И да, и нет, – ответил Сурен, – а, вообще-то, поболтать. Конечно, ты офицер МГБ, я заместитель главы администрации президента. – Сурен ухмыльнулся.

– Да ты что?

– Один из пяти. Это не имеет значения, мы старые друзья-однокурсники и городскими тайнами обмениваться не будем. Это я к тому, что, вдруг ты опасаясь того, что за тобой следят?

– Думаю, если кто за мной и следит, – улыбнувшись, произнёс Хайден, – то жена из окна дома.

– Я и говорю, подозревать нас пока не в чем.

– Пока?

– Шучу я, шучу. Слышал, у вас собрание было?

– А вы хорошо информированы.

– Ну, это же не тайное совещание. К тому же массовые собрания даже в таких ведомствах, как ваше, вряд ли несут в себе стратегически важную информационную нагрузку. Скорее, это похоже на переключку. Но, тем не менее, везде есть своё зерно и причина, по которой хотят дать ему прорасти.

– Что ты этим хочешь сказать?

– Не более того, что политика – вещь хитрая и непредсказуемая, и сложно угадать, в каком месте, в какое время луч-

ше всего оказаться.

– Сурен, ты говоришь как-то уж слишком витиевато, подготавливая меня к продолжению чего-то для меня не совсем комфортного? Каким боком это касается меня?

– Пока никаким, Глен! – Сурен рассмеялся. – Но, если ты захочешь распорядиться той информацией, которую я могу тебе изложить, и распорядишься ею грамотно, сможешь оказаться в нужном месте.

– Ты же знаешь, я никогда не играл и не собираюсь играть в такие игры. К тому же, ты сам сказал, что тайнами, и подобной информацией мы не обмениваемся.

– Я не так выразился. Не информация, а, скорее, соображения.

– Не важно. Ну, хорошо, с тобой-то всё понятно. Для чего это нужно мне? Мои интересы в политике ограничиваются просмотром утренних газет и вечерних новостей.

– И этот человек является офицером полиции, именуемой Политической, – рассмеялся Сурен.

– Я аналитик, а не политический обозреватель. Я руководствуюсь исключительно логикой и не привязан ни к чему конкретному. Не знаю, чем я могу тебе помочь.

– Скажу тебе прямо – я хочу остаться там, где я сейчас нахожусь. Четвёртый год я в администрации, год, как заместитель главы. Движение есть, и есть, куда расти. А, если что пойдет не туда – пшик.

– При смене аппарата ты можешь оказаться не при делах.

– Верно, а при кардинально новом аппарате, тем более.

– Но смена сама по себе маловероятна?

– А коммунисты?

– Это возможно? Они не пройдут.

– Все в этом мире возможно. Ты принадлежишь соответствующему городскому органу. Конкретно я предлагаю лишь оценить ситуацию. Я знаю тебя, и могу тебе довериться. А там уж сам думай. А как повлиять на процесс, я ещё не решил. И могу ли я сам?

– Неужели всё настолько плохо?

– Гораздо хуже, чем кажется. Нет никого из команды президента, кто мог бы его сменить. Мне кажется, коммунисты способны сравнивать шансы. И альтернативой коммунистам вполне мог бы стать кто-нибудь из силовиков.

– Например?

– Ну, скажем, у генерального прокурора довольно-таки высокий рейтинг популярности.

– После того как он располосовал бывшего директора Департамента полиции, отправив его на пенсию – он народный герой, тут ничего не скажешь. Не стоило тому так афишировать свои коммерческие успехи. Ты помнишь, он занялся бизнесом с теми, против кого всю жизнь боролся, и составил им конкуренцию, используя связи с ними же? И забавный момент – обвинения были сняты, прокурор, казалось бы, остался не прав, а вот и нет. Именно прокурор – герой. А пенсионер угорел в своем гараже. Что-то не сошлось в ба-

лансе. Пенсионер угорел в своём гараже. Ты видел этот гараж?.. И спустили всё на тормозах. И героями остались оба!

– Эти новости ты читал в своих специальных очках? – заметил Сурен

– Это для всех прозрачно...

– Ну ладно, ладно. Так вот, – продолжал Сурен, – возвращаясь к возможным приемникам нынешнего президента из числа нынешнего аппарата власти, генеральный прокурор, по моим соображениям, кандидат № 1.

– Да? Вполне возможно. Хотя особой активности я не замечая.

– Так ты же ограничиваешься утренними газетами и вечерними новостями. Поверь, я варюсь в этой каше. Вблизи вид совсем другой. Кандидат № 2 – руководитель администрации президента, мой непосредственный шеф. Кандидат № 3 – директор МГБ, твой шеф. Ещё мог бы быть премьер, да он уже еле двигается. Тоже интересный момент, до окончания президентского срока ещё может появиться новый премьер-министр. Да, в общем-то, и всё. И каждый из перечисленных кандидатов имеет меньше шансов, чем любой либеральный лидер многочисленных партий.

– Так что у тебя ко мне? – наконец спросил Хайден.

– Кто такой Томас Шнайдер, знаешь?

– Глава юридической компании «Центр». Остальное прилагается, как я понимаю?

– Думаю, так. Томас Шнайдер, сын Фридриха Шнай-

дера, генерального прокурора города, директор компании «Центр». Несколько юридических контор, лучшие адвокаты города. Ему тридцать шесть лет, диплом юриста он получил пару лет назад, папа заставил. Но, не будем вдаваться в подробности, сейчас не об этом. Месяц назад Томас вступил в партию «Наш Город» и тут же занял довольно-таки активную позицию. Сынок жаждет встать на свой путь. Вот тут начинается самое интересно и абсурдное.

– Что?

– У Томаса появилось новое увлечение романтического характера. Он положил глаз на Жанну Роллан.

– На ту самую? – удивился Хайден.

– Да, вон на ту самую, – сказал Сурен, показывая на стоящий неподалёку рекламный щит с афишей предстоящей премьеры в «Театре оперетты». – Теперь оцени. На Жанну Роллан ставят телеканалы и радиостанции, продюсерские центры и киностудии. Её это заслуга, заслуга продюсеров или ещё кого, не важно. Она востребована, её знает и любит весь Город. Более того, она дочь героя Города, генерала спецназа МГБ Филиппа Роллана. Вот такая картина. Что скажешь?

– И это всё? – Хайден пожал плечами. – Это для жёлтой прессы. Как это может быть связано с политикой? – спросил Глен.

– Я не знаю, Глен.

Прятели некоторое время смотрели друг другу в глаза, не говоря ни слова, после чего дружно рассмеялись.

– Такие вот дела, – хитро проговорил Сурен.

– Дела интересные, занятные дела, – улыбаясь, сказал Глен. – Извини, но мне пора. Рад был встрече. – Глен поднялся, добавив: – Сомнительные у тебя мысли, Сурен, вернее, я полагаю, идеи, назревающие на их почве. Это так?

– Ладно, Глен, забыли. – Наирян поднялся вслед за Хайденом. – Нужно их чем-то заменить. Ты согласен?

Глен улыбнулся и произнёс:

– Я обещаю подумать.

Поднявшись на свой этаж, Максим встретил Матвея Кузьмича, который сразу же справился о полученных впечатлениях.

– Одно я могу сказать точно, здесь я никогда не был, – сказал Максим.

Подходя к своему номеру, он заметил, как дверь номера напротив открылась, и на его пороге показалась Маргарита. Волнение, овладевшее Максимом при виде девушки, превзошло все переживания прошедших суток. Наконец-то он её увидел. Увидел и мгновенно потерял дар речи и способность трезво анализировать ситуацию. Назвать Маргариту просто красивой было бы несправедливо. Она была не просто красива, она была божественна. Другого определения Максим подобрать не мог. Её фигура, её дивные пропорции олицетворяли собой колдовство женской грации. Маргарита была одета в голубое вечернее платье, что ещё более придавало ей вид чего-то неземного, чего-то небесного. Роскошные каштановые волосы были аккуратно убраны назад, подчеркивая изящество её прелестной головки. На чистом, открытом, слегка смуглом лице, словно кистью художника, были выведены очертания бровей, большие голубые глаза, прямой нос и коралловые губки, подчеркиваемые рядом ровных жемчужных зубов.

– Привет, – сказала Маргарита, не заметив, или сделав вид, что не заметила смущения Максима. – Ты с Городом знакомился? Я утром встала рано, спустилась вниз, в кафе, и там случайно познакомилась с девушкой, Сандрой. Она так быстро меня заговорила, да мне самой было жутко интересно все, и просто силком повела меня показывать Город. Мы думали поднять тебя, но решили не будить, мало ли. Так что извини. Ты как, не обиделся? Сандра уже подготовила нам культурную, туристическую программу. У неё сейчас отпуск, как раз не знает, чем заняться, вот и предложила свои услуги гида. Здорово, правда? Она на бал придёт, я тебя познакомлю. Ты идешь на бал? А ты куда-нибудь ездил? Максим, что с тобой?

– Что? Да... Ну... Так... там... Да, иду, – бормотал Максим, пытаясь совладать с собой. – Привет, кстати. Иду, а ты уже идёшь?

– Да, мы с Сандрой договорились. Ты подходи, – сказала Рита и направилась к лестнице.

Максим заворожено проводил её взглядом и уже после того, как она скрылась, спустившись по лестнице, продолжал смотреть в её сторону.

– Сударь, ваша дверь располагается левее, – заметил Матвей Кузьмич, увидев, как Максим гладит рукой стену, пытаясь обнаружить вход.

– Спасибо, – сказал Максим и сделал шаг влево. Нащупав дверной замок, он вставил ключ, повернул и начал дергать

ручку двери на себя – дверь не поддавалась.

– Сударь, двери нашей гостиницы открываются вовнутрь, – снова помог швейцар.

– Спасибо. – Максим толкнул дверь и вошел в номер, задев лбом косяк.

«Так, что это было?» – думал Макс, пытаясь привести в порядок мысли, которые не то чтобы спутались, а, вообще, просто куда-то делись, а всё их место занял образ Маргариты.

Он вышел на балкон, постоял пару минут, поглядел на море, на небо, на облака, и ещё на небо, на облака, на море. Вошёл внутрь и начал кругами ходить по комнате. Намотав несколько кругов, он остановился перед зеркалом.

– Так, спокойно, – сказал он себе, – все мы способны потерять голову при виде красивой женщины, и не просто красивой, а идеально красивой. Что такое идеально красивая женщина? Что такое идеально? Идеального ничего не бывает. Что такое красивая? У всех свой вкус, свои параметры, ну... и так далее. Что такое женщина? А, ну, это еще можно понять... хотя, черт его знает! Отсюда вывод: это женщина, и да, она понравилась мне. Понравилась, в этом нет сомнений. То есть, её внешность, которую я, согласно моим вкусам, расценил, как красивую. Мои вкусы совпали с её внешностью. Нет, чушь. Мой вкус определил, что она красивая, так лучше. И поэтому она мне понравилась. Она, в смысле, внешность, и она, то есть, красота. И она, в смысле, Рита. Чёрт

возьми! Красивая так красивая, что я красавиц не видел никогда? Что ж меня так трясет-то? Тихо, тихо, спокойно. Вот только не надо мне говорить, – повысил голос Максим, обращаясь к своему отражению, – что в тебе проявились признаки влюбленности. Ты влюбился, балбес? Ты не в том возрасте, чтобы с ума сходить с первого взгляда. Вот она, любовь с первого взгляда. Идиотизм! Тебе мало приключений молодости? Никакого позитива на финише. Спокойно. Просто, выдалась тяжелая ночь. А тут привлекательная девушка! Можно подумать, я за день не насмотрелся на разных девушек, включая привлекательных. Нет, таких я не видел. Да что же это такое? Может, и видел, но не таких. Нет, нет, нет! Маргарита! Маргарите нужен Мастер. Так? Так. Опять бред. Оооой! Этого только не хватало. Нет любви, короче, нет эмоциям! Нет, нет, нет и ещё раз нет. Все эти неудобства нужно гасить в зародыше. Так, как мы боремся с эмоциями? Как, как, как? Ну, разумеется!

Сказав это, Максим подошел к бару, достал оттуда бутылку виски, наполнил бокал и выпил не поморщившись.

– Как меня пробрало. Хорошо прошла. – Он налил себе ещё. – За холодный рассудок!

На часах было без пятнадцати семь. «Может не ходить никуда?» Размышляя о предстоящем вечере, Максим принял душ и облачился в наиболее подходящий к светскому рауту, костюм. Собираясь, он ещё пару раз приложился к виски и, ощутив прилив бодрости, всё же откинул от себя мысль «не

ХОДИТЬ».

– Итак, сегодня двадцать седьмого июля две тысячи первого, тьфу ты, двенадцатого года. Город увидит Волкова Максима Сергеевича, прибывшего из далекой России. Да, не Россия. Не нажраться бы. – Максим сел в кресло. – Что-то как-то не по себе. – Он налил себе еще виски. – Это для храбрости. За встречу и за знакомство! Или всё-таки остаться здесь, переждать? Я слышал, что некоторые, отправляясь в плавание, первые дни на корабле пьют и спят, не выходя из каюты, говорят, так лучше переносится морская болезнь. Ничего, если я последую их примеру? Я думаю, ничего страшного не произойдет, если меня увидят не сегодня. К тому же, сегодня они увидят, или уже увидели, Маргариту. Чёрт! Маргарита... Эх, ну что ты будешь делать?

О любви не говори,

О ней всё сказано.

Сердце, верное любви,

Молчать обязано.

Без причины не гори,

Владеть собой умей.

О любви не говори,

А молчать не в силах – пей!

Мыча себе под нос песенку, Максим вышел из номера и отправился на бал. Ощущая гибкость в теле и легкость духа в мыслях, предвкушая веселый вечер, звуки которого доносились снизу, он спустился на пол-этажа ниже и остановился

пред окном, выходящим на улицу, перед главным входом в отель. Вид улицы представлял собой идиллию счастливого городского летнего вечера. Вот идет влюбленная пара, вот веселая компания, вот куда-то спешит одинокий прохожий с завистью, а может, в предвкушении поглядывая на первых и вторых. Вот проехали дети на велосипедах. Строгий постовой прохаживается взад-вперед напротив отеля. Немного дальше по улице на лавке сидит старушка и крошит хлеб голубям. Судя по внешности и одежде, это цыганка. Максим задержал на ней внимание, и какое-то время наблюдал, как та кормит птиц.

Вдруг цыганка подняла голову и тут же поймала его взгляд. Максим смутился, но не отвел глаз и моментально оказался в положении кролика, глядящего на удава. Ему стало не по себе, по спине пробежал холодок, но он, замерев, продолжал смотреть, не понимая, как на таком расстоянии, через оконное стекло, эта старая женщина может его видеть. Вскоре он пересилил себя и резко отвернулся от окна. Сделал он это так резко, что тут же наскочил на какую-то женщину, едва не сбив её с ног.

– Прошу прощения, я нечаянно. Вы не ушиблись? – не очень внятно начал Максим.

– Ничего страшного, я цела, – весело ответила дама. – А вы вот, как мне кажется, чем-то напуганы. Что-то страшное увидели? Уж не меня ли? Как вас зовут? Кажется, я вас уже видела сегодня. Вы тут новенький?

– Нет, ну что вы, не напуган. Я, просто, я не знаю. Новенький? Ну да, то есть, да, приехал сегодня и... а, Максим. Вы меня... – Максим узнал в женщине ту самую примадонну, чье изображение он видел на афише.

– Меня Жанной зовут. А вы один? Где ваша подруга? Мне Кузьмич по секрету рассказал. Мы с ним знакомы. Что вы так засмутились, Максим? – Жанна засмеялась.

– Я? Да нет. Просто... как будто тут все всё знают уже?

– Расслабьтесь. Что вы зажались? Я вас не съем. Где ваша подруга?

– Подруга? Это не совсем так, наверно, мы только познакомились, в пути. Так что... Она на балу, вроде, – с трудом подбирая слова, ответил Максим.

– А вы идёте на бал?

– Да вот, иду.

– Хорошо. Тогда увидимся.

Сказав это, Жанна убежала вниз по лестнице. Максим, постояв с минуту, медленно начал спускаться следом. «Что же это такое? – думал он, – нельзя же так травмировать слабую мужскую психику! За последний час два удара».

Как Максим и предположил утром, за занавесом, висевшим в глубине гостиничного кафе, размещался грандиозный зал. Третью его, примыкающая к кафе, была заставлена столиками, далее столики выстраивались вдоль стен, освобождая пространство, предназначавшееся для танцев или ещё для каких представлений. С высокого потолка спускались огром-

ные люстры, освещавшие помещение, по стенам были развешаны картины и фотографии, на которых были изображены различные виды Города. На балконах расположились друг напротив друга два оркестра, поочередно игравшие музыку, не давая ей остановиться. Зал был полон народу. Свободных мест за столиками, меж которых шныряли официанты, практически не было. Было шумно и весело, играла музыка, раздавался смех, звенели бокалы.

«Мероприятие пользуется популярностью», – думал Максим, вступая в зал и начиная движение вглубь. Особого внимания на него никто не обращал и тем более пристально не разглядывал, как ему казалось утром. Тут его окликнул уже знакомый голос, принадлежавший жене банкира Фогеля, Лориан.

Максим присел за столик супругов Фогелей, за которым кроме них сидела ещё одна пара, молодой человек и девушка, внешностью напоминавших представителей юго-восточной Азии.

– Что будете пить, Максим? – осведомился господин Фогель.

– Стефан, – укоризненно произнесла мадам Фогель.

– Ну, что ты. Человек новый, только приехал, устал. За приезд, встречу, знакомство, и так далее. Кстати, знакомьтесь, – продолжал Стефан и указал на молодую пару, – Акира, его подруга Саши. Максим.

– Как вам здесь? – пожимая руку Максиму, спросил Аки-

ра.

– В данный момент замечательно.

– Осторожнее с этим человеком, Максим, – шутя, произнесла Лориан, – Акира начинающий журналист, он может замучить вас расспросами.

– Ну что вы такое говорите? Мне присущ журналистский такт, – заявил Акира.

– Что такое журналистский такт? – поинтересовался Стефан, – не понимаю, ваша цель осветить событие, информацию о котором нужно добыть всеми способами, забыв о слове «такт», информацию не добыли, её нужно придумать. Какой тут такт? Либо у вас есть такт, либо у вас есть работа. Не так ли?

– Вы чересчур предвзято относитесь к нашему брату, – начал было защищаться Акира, – к тому же, раз вы напали с таким замечанием, вашему роду деятельности, я полагаю, также свойственно действовать вне данной категории.

– А я и не претендую, – рассмеялся Фогель.

– Друзья мои, давайте не будем омрачать вечер непонятным спором, – возмутилась мадам Фогель.

– Действительно, господа, пора поднять бокалы. Максим, так что вы предпочитаете? У нас коньяк и белое вино, можете заказать себе что-то ещё.

– Да ничего, коньяк очень даже подойдет.

– Ну и отлично. – Фогель наполнил всем бокалы. – Предлагаю выпить за знакомство, и, кстати, раз мы тут все уже

знакомы, давайте перейдем на «ты», если вы не против, а то лично я ощущаю себя на заседании правления.

Возражений не последовало. Осушив бокал, Фогель продолжил:

– К сожалению, а, может, и нет, просто я не знаю степень вашего любопытства, никаких знаменитостей сегодня здесь что-то не видно.

– Как же нет, а Жанна Роллан! – возмутилась мадам Фогель

– Ваши певички мне не интересны, – смеясь, заметил Стефан, – я имею в виду людей политики и крупного бизнеса, которые иногда сюда заглядывают, да и которых я, по крайней мере, знаю в лицо.

– Здесь Шнайдер, – возразил Акира.

– Кто, Шнайдер, что он тут делает? – удивился Фогель.

– Я имею в виду младшего.

– А, тоже мне знаменитость, папин сынок, к тому же напроць лишенный талантов и способностей отца. Шнайдер Фридрих – генеральный прокурор Города, – обратился Фогель к Максиму, – а здесь, как его?

– Томас, – помог Акира.

– Томас Шнайдер, сын его, ошибка природы, и что он тут делает?

– Ты потише, Стефан, – одернула мужа Лориан.

– Шнайдер младший решил пойти в политику по стопам отца, – объяснял Акира Максиму, – вообще, у него своя юри-

дическая компания.

– Акира, мне кажется этот Шнайдер не заслуживает того внимания, чтобы обсуждать его сейчас и перво-наперво рассказывать о нём Максиму.

– Мужчины, – вмешалась Лориан, – предлагаю, вообще, оставить политику. Мне кажется Максиму достаточно того, что он сегодня уже увидел и услышал. Дайте человеку отдохнуть, в конце концов. Да и нам с Саши не очень-то это интересно, правда, Саши?

Саши в ответ скромно улыбнулась.

– А ты со мной согласен? – продолжала мадам Фогель, обращаясь уже к Максиму.

– Не скажу, что мне не интересно, однако, – решив угодить дамам, ответил Максим, – боюсь, мой склад временно-го хранения информации переполнен настолько, что я могу просто-напросто запутаться.

– Вот видите, – обрадовалась мадам Фогель.

– А ты обещаешь мне дать интервью? – серьезно спросил Акира Максима.

– Я? – растерялся Максим.

– Акира! – вспыхнула Лориан.

– Да пошутил я, – засмеялся Акира. – Максим, откровенно говоря, даже если предположить, что интервью может состояться, от него не будет проку ни мне, ни тебе, по одной простой причине, история и описание вашего мира людям будут абсолютно не интересны. Это так же, как напечатать в

газете выдержки из фантастического рассказа. А сам ты интересен, не более чем любой другой человек. Так что не беспокойся, никто тебя под микроскопом изучать не будет.

– Да я и не боюсь, – сказал Максим. Замечания Акира ему показались несколько грубыми. Тот же мило улыбался ему.

– Акира, где твой журналистский такт? – вмешалась Лориан.

– А вообще-то, в существование вас, гостей, и в ваше пришествие далеко не все верят. Я, например, не очень верю, – заметил Фогель.

– Стефан, – возмутилась Лориан.

– А что, – продолжил Фогель, – это я к тому, что меня не интересует природа и причина появления этих гостей. Мне всё равно, как и что там у них было, мне важно, что происходит сейчас и что будет дальше. Для меня ты, Максим, просто молодой человек, с которым я сегодня познакомился – не более. Гость ты, инопланетянин, или ещё кто – не важно, ты, волей случая, мой новый знакомый и всё.

– Стефан, ну что ты не успокоишься никак? Набросился на человека, – встала Лориан.

– Я набросился?

– Господа, – воскликнул Акира, – предлагаю подвести черту. – Максим, ты полноправный член Города, такой же, как и мы, мы такие же, как и ты. Ничего особенного в том, что ты здесь появился, для нас нет, и для тебя также не должно быть. Волей случая мы оказались первыми, или почти

первыми, с кем ты познакомился. Вот и всё.

Выслушав Акиру, Максим сказал:

– Если честно, то я это, и подобное этому, уже столько раз слышал, что полностью принимаю ситуацию такой, как она есть.

– Наконец-то вы отстанете от молодого человека, – заключила мадам Фогель.

– Ну, тем лучше, – смеясь, согласился господин Фогель, – предлагаю выпить.

– Максим, а ты женат? – спросила Лориан.

– Ха-ха-ха, – не сдержался Максим, – началось... Нет, я не женат.

– Замечательно. У тебя все впереди. А, кстати, где твоя попутчица?

– Должна быть где-то здесь, – ответил Максим, оглядываясь по сторонам.

– А друг-то твой придет? Ну, я имею, тот, с кем ты пришла, Макс? – спросила Сандра, изучая меню.

– Да он тут уже, – безразлично ответила Маргарита.

– Где, где, где? – заинтересовалась Сандра.

Маргарита указала на столик у противоположной им стены зала.

– Это вон тот, в сером костюме, с глупой улыбкой?

– Ха-ха, почему с глупой? Да, это он.

– Ха-ха, ну, может и не глупой... далеко, не видно. Я вижу, он уже с кем-то познакомился. А он ничего так, симпатяжка. Или это так кажется? А, Рита?

– Да, есть немного. – Рита никак не могла привыкнуть к латиноамериканскому темпераменту её новой подруги.

– Есть? Немного? Точно немного? Ха-ха. Рита? А что это ты глазки опустила? Может и не немного? Может его позвать?

– Он же сидит с кем-то уже.

– Ну и что! Хотя, верно, с какой это стати мы должны его звать, пусть сам приходит. Что он не увидел тебя? Какой он невнимательный. А, вообще, он незаметный какой-то, да ещё серый костюм одел. Никакого вкуса! Не блещет. Ну и пусть там сидит! К тому же ребята сейчас подойдут. Он будет лишним.

– Ребята? Ты же говорила, твой молодой человек должен прийти.

– Правильно. Он с другом придет. Я не смогла удержаться и рассказала про тебя. То есть, я так и так бы рассказала, но я намекнула на то, какая ты красавица и было бы не плохо... ну, ты понимаешь. Не обиделась? Веселей будет. Ренат, так его зовут, отличный парень! У нас, на нашем курсе, первым спортсменом был. Все девчонки так и вешались на него. Он на такой машине приезжал к институту – отпад! Его отец входит в этот, как там его, совет директоров «Металл-авангарда», так-то. Это самый мощный холдинг всяких там металлических заводов и всего такого.

– Ничего себе, друзья у тебя!

– А то! Ха-ха! Сидела бы я здесь. У нас, кстати, почти все после института рванули в эту компашку. Я вот только не знаю, взяли кого-нибудь или нет. Из моих знакомых никто, кроме Рената, не попал, но он не в счёт. Рика моего не приняли. Но ничего, может, через Рената потом получится.

– А ты чего не пошла туда?

– Бог с тобой, куда мне? Ты что? Господи, я пять лет железки изучала, кошмар какой-то! Ничего не понимала. Меня не отчислили только за то, что я девушка, там с этим острая нехватка. Зато мальчиков много! Ха-ха! Ой! так что смотри, Ренат – перспективный молодой человек. Он буквально месяц назад разбежался со своей кралей. Если бы ты её видела: дура душой. Он год с ней таскался, с последнего курса, та

заняла первое место в конкурсе красоты – Мисс института. Что в ней такого нашли? Ни фигуры, ничего, ноги высотой с фонарный столб, и улыбается постоянно, как лошадь, у неё рот, по-моему, не закрывался никогда – все должны были видеть её безупречные зубы, она как будто родилась в кабинете стоматолога. Мисс, мисс! Можно подумать, она Мисс Города. У нас в институте на десять мальчиков одна девочка была, а то и меньше. Повезло. Возомнила о себе. Да и Ренат тоже хорош, перед друзьями своими решил выступить. Для престижа, мол, подруга моя, первая красотка ВУЗа. Той-то только того и надо, подцепить такого парня, да ещё с деньгами. Не знаю, как там он год с ней протянул, я несколько раз пыталась с ней поговорить – ноль, табуретка, всё в ноги ушло, ха-ха! В общем, теперь он в поиске. И, в конце концов, должен же кто-то за тобой ухаживать. Заодно под присмотром у меня будешь, а то ты только посмотри, сколько джентльменов на тебя глаз положили. Здесь где-то Роллан должна быть, ну, я тебе показывала, так ты ей, чувствую, тут такую конкуренцию составишь! Уведёшь поклонников! Вон, смотри, справа, в зеленой жилетке, толстый такой всё косится. Это жена его, наверное, а он всё косится и косится... а? Ха-ха!

Сандра так и тараторила бы без умолку, если бы не подошли её друзья.

– Вечер добрый, дамы! – хором произнесли молодые люди.

– Привет, привет, джентльмены. – Сандра вскочила им на встречу. – Знакомьтесь, это Рита. Ренат, Рик. Ой, здорово, РРР. У нас рычащая компания получается.

– Очень, очень приятно, – заметил Ренат, высокий парень, спортивного телосложения, как и говорила Сандра. – Добро пожаловать в нашу команду. Рита, как тебе здесь?

– Интересно, – ответила Рита, подметив для себя наглова-тую манеру Рената вести себя. Он прошёлся по ней взглядом с головы до ног.

– Давайте скорее чего-нибудь выпьем! – воскликнул Рик, усаживаясь за столик.

– Алкоголик! – засмеялась Сандра.

– Ну что за поведение, Рики, – назидательным тоном произнес Ренат, не спуская глаз с Маргариты, – что о нас подумает наша гостья? Не обращайтесь на него внимания. Он заработался. Не так просто целыми днями стучать по клавиатуре компьютера, выписывая накладные. Мозги могут опухнуть под конец рабочей недели. Рик у нас кладовщиком работает на инструментальном складе. Очень интересная работа.

– Что значит «не обращай внимания»? Хотя верно, ты Рита особо внимания не обращай! – смеялась Сандра.

– Выбирать не приходится, – оправдался Рик, подзывая официанта.

– А выбирать надо. Выбирать нужно всегда всё и всех. Ты со мной согласна, Рита?

– А если нет такой возможности? – возразила Маргарита.

– Да ладно. Возможности есть всегда. Просто, нужно грамотно ими пользоваться.

– Это говорит человек, возможность которого заключается в его отце, – оскорбилась за Рика Сандра.

– Вот только не надо начинать. Да, отец. А взял бы он меня, будь я кретином. Я и Рика к себе возьму. Ты, Рик, пока печатай накладные, повышай, так сказать, работоспособность. Начинать нужно с малого. Правильно? Терпение и труд всё перетрут. Да ладно вам... шучу я! Предлагаю, ага, – Ренат подождал, пока официант разлил по бокалам вино, – выпить за знакомство!

Все поддержали его предложение. Маргарита пригубила вино и поставила бокал на стол.

– Ценю в женщинах умеренность и скромность, – сказал Ренат.

– Да уж, тебе эти вещи не знакомы, – заметил Рик.

– Это уж точно, – поддержала Сандра.

– Хотя, ты и не женщина! – захохотал Рик. Сандра осуждающе взглянула на друга.

– Эх, Бог миловал, как видите. Шучу, снова шучу.

– Что-то, мальчики, с юмором у вас сегодня не очень. Вы заставляете меня краснеть перед моей новой подругой, – обиженно произнесла Сандра.

– Брось ты. Расслабься, – Ренат подлил всем ещё вина, как раз в тот момент, когда к столу поднесли закуску. – Рита и ты тоже расслабься. Мы отдыхаем. Верно? А чем ты у себя

там занималась? Училась, работала?

– Училась. Заканчивала институт.

– Какой?

– Медицинский.

– Ты врач?

– Нет ещё, то есть уже.

– Рита, может быть, если здесь останется, а она останется, я это чувствую, правда, Рита? – весело спросила Сандра.

– Посмотрим, – улыбнувшись, ответила Маргарита. – Я вот только не знаю, как здесь можно остаться, или не остаться.

– А я где-то слышал, что гости сами не решают этот вопрос, – отметил Рик.

– Какой? Оставаться или нет? – спросила Сандра. – А кто решает?

– Да, я тоже что-то такое слышал, только не помню, что именно, но кажется, Город тут не при чём, – вставил Ренат.

– Город не при чём, – продолжал Рик, – тут, вообще, никто не при чём. Всё происходит само собой. Короче, этого никто не знает...

– Отлично. Вот ты и объяснил, – засмеялась Сандра.

– Да ладно вам сказки обсуждать. Меньше знаешь, крепче спишь. Давайте ещё о Драконе поболтаем, или вспомним о королевской крови, – зловеще произнёс Ренат.

Маргарита вопросительно посмотрела на него.

– Не забивай себе голову. Сандра, что ты там говорила про

Риту? – продолжил тот. – А то, что-то наша гостья неразговорчива. – Ренат подмигнул.

– Так вот, если Рита останется, она закончит учебу здесь и будет работать врачом. Правда, здорово?

Рита улыбнулась и кинула взгляд в сторону столика, за которым сидел Максим.

– Кстати. – Сандра проследила за взглядом Риты. – Маргарита приехала не одна.

– То есть? – удивился Ренат.

– Точно, ты же говорила, – поддержал Рик.

– С молодым человеком. И он тоже здесь.

– Ну, вот тебе, новость, – воскликнул Ренат, – я вижу, у меня есть конкурент!

– Соперник, – вставил Рик.

«Что за свинство? – возмутилась про себя Рита, – этот жеребец слишком много себе позволяет. Или это у него такой юмор? Это и не самоуверенность, а наглость чистой воды. Хотя, с другой стороны, уверенность в себе, если это она, похвальна для мужчины. А он, я вижу, привык видеть себя всегда исключительно в роле победителя. Главное, он знает, чего хочет. Такие люди многого добиваются. Многого и многих. Ну, пусть попробует. Кто знает?»

– И где он здесь? Что-то я его не вижу. Твой молодой человек – невидимка? – спросил Ренат.

– Он не её молодой человек. Рита знакома с ним так же, как с тобой, просто они приехали вместе, в дороге познако-

мились.

– И такое бывает? – поинтересовался Рик.

– Можно подумать, ты знаешь, какое оно бывает.

– А, всего-то? Ну, это упрощает задачу, – успокоился Ренат.

«Какую еще задачу? – продолжала возмущаться Рита, – определенно, он начинает меня раздражать. Никакого такта».

– Покажите мне ещё одного пришельца, – потребовал Ренат.

Сандра объяснила, за каким столиком сидел Максим, и показала:

– Вон тот, в сером костюме.

Ренат с Риком посмотрели на Максима, который в этот момент запрокинул очередную рюмку коньяка.

– Вижу, он не дурак выпить. Уже с кем-то затусовался. А чего он не тут? – обратился Ренат к Маргарите.

– Видимо, его перехватили. – Рита пожалала плечами.

Зал к этому времени уже заполнился танцующими парами.

– Маргарита, – произнес Ренат, – прошу простить мне мою грубость, возможно, в чем-то я был резок...

– Не может быть! – воскликнула Сандра, – я это слышу или мне чудится?

– Сандра, не перебивай. И в качестве извинения я приглашаю тебя на танец. Ты согласна?

– Хорошо, – улыбнулась Рита, – согласна.

– Тогда, пойдём. Как-никак, бал!

Ренат взял Риту под руку, и они вышли в зал.

– Ну, а ты что сидишь, джентльмен? – обратилась Сандра к Рику.

– Сейчас, сейчас. – Рик дожевывал кусок мяса. – Прошу вас, мадамгазель.

Часы показывали девять с четвертью. Вечер шёл своим чередом. Музыка, шум, веселье. Лишь за одним столом, стоящем несколько обособленно от других, веселье не нашло себе пристанище.

– Но вы же не будете возражать, господин Крейг, против того, что и у себя в парламенте вы заметно сдали позиции и именно за последний год. И это при подавляющем большинстве «Нашего Города». Я уже не говорю про ту поддержку, финансовую и не только, что оказываем вам, в частности, мы.

– Вот-вот, Ким, вы слишком афишировали вашу финансовую поддержку, думая исключительно о своей пользе. Но, вы выбросили из зоны внимания тот факт, что, скажу прямо, думаю, все поймут, будучи не до конца честными с массами, вы тем самым компрометировали нас.

– Мы же вас и компрометировали? Ха-ха. Извините, законы ваши. Вы их так часто пересматриваете и меняете, что нужно содержать огромный штат юристов, чтобы быть в курсе всего. Это, кстати, на руку вам, Шнайдер, разумеется со стороны профессиональной, а не партийной.

– Всем не угодить. Определенно, нет дела, успех которого был бы более сомнителен, нежели замена старых порядков новыми.

– Насколько я могу судить, сейчас мы говорим не о порядках, а о рабочих моментах, не так ли? И уж, кто не был честным с массами? Я уже вижу итоги грядущих выборов. Как, по-вашему, сколько мест в парламенте вам оставят коммунисты?..

– Жанна, дорогая, я, конечно, понимаю, я в годах и непривлекателен, но поверьте, старая гвардия ещё на что-то способна. Прошу вас, разрешите пригласить вас на танец, пока эти хищники меня не съели тут с потрохами.

– Конечно, господин Крейг, – согласилась Жанна Роллан.

– Жанна, как твой продюсер, советую тебе быть осторожнее, знаем мы эту старую гвардию, – смеясь, предостерег её Давид Кац, продюсер Жанны.

– Смотрите-ка, как наши парламентарии умеют красиво уходить от ответа. Жанна, можно мне быть вашим следующим партнером, надеюсь, моя жена мне позволит, правда, дорогая? – поинтересовался Ким Сан Шик.

Ким Сан Шик был главой автомобилестроительного концерна, с ним была его жена. Кроме продюсера Жанны Роллан, Давида Каца, господина Крейга, члена парламента и его жены, за столом сидели Томас Шнайдер, сын генерального прокурора Фридриха Шнайдера, глава юридической компании «Центр», Ульф Юнсон, главный редактор третьего канала городского телевидения с женой и Сурен Наирян, заместитель главы администрации президента. Наирян, после встречи с Гленом Хайденом, сразу отправился в отель. При-

быв на бал, он встретил там своего знакомого, Юнсона, который и предложил ему присоединиться к ним. Придя на бал, просто понаблюдать, такой удачи Наирян не мог и ожидать. Размышляя о том, как бы что-то разузнать и подобрать к Томасу Шнайдеру, он случайно был зачислен в его знакомые. И хотя, конкретной программы действий, если таковые, вообще, целесообразно будет совершать в этом направлении, не было, Наирян был крайне рад такому развитию событий. Вот уже второй час они сидели за столом и откровенно скучали. Зачем они тут все собрались таким составом, Наирян понять не мог. Хотя, скорее, никакой конкретной цели все эти люди не преследовали, просто проводили вечер. Такой периодический выход в полусвет, и от верха недалеко, и к народу поближе. Действительно, разве не могут они просто прийти, отдохнуть? К тому же с женами. Да и его бы вряд ли пригласил Юнсон, если бы эта встреча несла в себе хоть частицу делового смысла. Хотя, как Наиряну всегда казалось, такие люди в общество просто так не выходят. Вообще, обстановка была натянутая. Попытки затеять политический спор ни к чему не приводили, видимо в этой теме собеседники были друг другу не интересны, к тому же женщины начинали открыто скучать. Как только речь заходила о бизнесе, они уже искренне зевали. Томас Шнайдер не принимал участия не в одной из затеваемых бесед. Всё его внимание было приковано к Жанне Роллан. Он так напористо приударял за ней, что присутствующим становилось иногда

даже неудобно за свое присутствие здесь. «Вот кому-кому, а Роллан, – думал Сурен, – в этой компании делать точно было абсолютно нечего. Единственная причина таилась видимо в Шнайдере. И продюсер здесь не просто так. Как Давид Кац договорился со Шнайдером о Жанне? Нелепость. Хотя, какое это имеет значение?» Жанна, заметил Наирян, была не в восторге от притязаний Шнайдера, который уже был близок к тому, чтобы наброситься на неё прямо здесь. «Определенно, – думал он, – у молодого человека с психикой было что-то не в порядке». Уже два раза они танцевали, и приглашение Крейга Томас расценил, как оскорбление и проводил их недобрым взглядом, тут же попытавшись глупо шутить:

– Кстати, господа, давайте делать ставки! Кого Жанна пригласит на белый танец?

– Не вижу смысла. В зале десятки претендентов, – заметил Юнссон и хотел ещё что-то добавить, но остановился.

– Я думаю, было бы не очень красиво приглашать кого-то со стороны, когда здесь столько достойных джентльменов, – вставил продюсер.

– Вы это серьезно? – удивилась жена редактора, – вы плохо знаете свою подопечную, да и... к тому же, Томас, у вас за спиной уже два танца. Не будьте таким собственником.

– Да, – смеясь, добавил редактор, – есть же, в конце концов, ещё и очередь.

Наирян заметил, как у Шнайдера от злости заходили желваки. «Такое ощущение, – думал он, – что над ним нарочно

издеваются. Не могут же они не замечать его мук, которые сложно было бы назвать душевными. Как бы им это боком не вышло».

– Ну, ладно, посмотрим, – еле сдерживаясь, но, улыбаясь, выдавил Шнайдер.

– Между прочим, господа, – заметила госпожа Крейг, – у Жанны в воскресенье премьера в театре, а вы тут со своими очередями.

Ульф Юнсон неожиданно взял жену под руку, и они вышли в зал.

Госпожа Крейг закрыла глаза. Продюсер вилкой катал горошек в своей тарелке.

– Томас, давайте лучше выпьем, – отложив вилку, предложил Кац.

Через несколько минут все, за исключением Жанны Роллан, вернулись к столу.

– Постойте-ка, господин Крейг, куда вы дели мою подопечную? – поинтересовался продюсер.

– Жанна сказала, что скоро подойдет, а куда ей понадобилось, я уж, простите, спрашивать не стал. Ведь, не мое это дело, не так ли, дорогая? – обратился Крейг к супруге. – А что тут у вас нового? Все кости мне перемыли?

– Вас мы временно оставили в покое. Мы тут решили обсудить деятельность профсоюзов и... – начал было Ким Сан Шик.

– Я вас умоляю, господа, ну, сколько можно? – вмешалась

госпожа Крейг.

– Не будем, не будем, – засмеялся Юнсон.

В этот момент в зале раздался голос ведущего:

– Дамы и господа, мы надеемся, вам у нас нравится. Вам нравится?

– Да! – смеясь, зашумели дамы и господа.

– Музыка хватает?

– Да!

– Обстановка, общество, обслуживание, выпивка, закуска, всё в порядке?

– Да!

– Что же, мы всегда рады доставить вам удовольствие и всегда готовы прислушаться к вашим пожеланиям! В нашем отеле ничего невозможного нет! Мы всегда вам рады! Итак, продолжаем наш вечер. Внимание, а сейчас объявляется белый танец! Дамы приглашают кавалеров! Маэстро, музыку!

– Ну, так как на счет пари? – смеясь, спросил Юнссон Шнайдера, оглядывающегося по сторонам в поисках Жанны Роллан.

Толи Фогель так часто подливал всем коньяк, толи этот шум, музыка, общее веселье, разговоры, смех так подействовали на Максима, что он уже был изрядно пьян и чувствовал, как от всей этой приятной суматохи у него кружится голова. Но, определенно, он чувствовал себя прекрасно. Единственное, что нарушало его спокойствие, это Рита. Периодически он кидал взгляд в сторону столика, за которым она сидела с новыми друзьями, и испытывал что-то вроде обиды и даже злости на то, что он не с ней, вернее на то, что она не с ним. Особенно его злило то, что уже раза два она выходила танцевать с каким-то парнем. «Вот, – думал Максим, – не успела появиться здесь, уже кого-то подцепила. Вот, черт возьми, женщины! А что я сию-то? Давно бы подошел! Ага. Зачем? Сказал бы, что приехали вместе и всё такое, вошел бы в круг, сразу было бы видно, что к чему. В конце концов, пригласил бы подергаться. Я ж не танцую. Ну и что? И повод, и причина. Нет, такие вот мы нерешительные. Балбес, одним словом. Ну, давай, вперед». Вот уже несколько раз он порывался встать, но каждый раз что-то его останавливало. «Ладно, вот эта песня закончится, и следующий танец мой». И так все два часа, что они тут сидели. То, о чём разговаривали новые знакомые Максима, он слушал уже более чем рассеяно, и лишь когда его самого привлекали к беседе.

– Вот, если бы ты выдал мне кредит на несколько лет, я бы себе купил квартиру как раз в этом районе, – говорил Акира Фогелю. Они оба так же, как и Максим уже были хорошо подогреты алкоголем.

– Ха-ха! Пока твой профессиональный статус не дает повода быть уверенным в твоей платежеспособности. Это сколько, тысяч тридцать?

– Можно и меньше найти. Это же почти центр. Стимулирует. Я выйду на нужный финансовый уровень. К концу года, думаю, зарплата моя будет равна сорока рублям. И это я буду всего лишь рядовым корреспондентом, разумеется, хоть сейчас я и стажер ещё, но этот вариант уже рассматривается, и продвигается, а в следующем году...

– Как, как ты сказал? – перебил Акиру Максим.

– Что именно?

– Сорока чего?

– Рублей, – удивленно ответил Акира.

– У вас рубли? В смысле, ваши деньги называются рублими?

– Ну да, рубли, копейки, – вставил Фогель, – а что, у вас тоже так назывались?

– Назывались. Называются. У нас, в стране нашей, в мире куча разных валют... но, это вам не понять. Просто, рубли! Ни фиги себе! Простите. Как там было? «В Европе нынче за рубль дают всего лишь полтину, но это ничего, хуже будет, когда за рубль будут давать в морду». Ха-ха, жаль, не могу

никому рассказать, что рубли тут деньги. Что рубли, вообще, деньги. Как? Вот это новость! В этом Городе солнца, в этом концентрированном мире, на всю цивилизацию можно сказать, что во всем мире российский рубль – деньга! Ну, ладно, не буду вам объяснять. Что-то, это... давайте за это выпьем!

– Максим, мы ничего не поняли. Но, давайте выпьем!

– Господа, может вам снизить темп, – заметила госпожа Фогель.

– Дорогая, ну, что ты снова начинаешь. Мы же не дети, в конце-то концов.

– Вот именно. Максим, ну что вы всё сидите. Пригласите же кого-нибудь потанцевать.

– Обязательно, – твердо заявил Максим, – вот сейчас выпьем, и пойду танцевать.

Максим бросил взгляд в сторону Маргариты, которая мило беседовала со своими приятелями. «Все, вот, сейчас точно пойду. Песня кончится, и пойду».

Песня кончилась. «Ну, вперед». Максим быстро встал и медленно, прогуливаясь между столиками, рассеянно глядя по сторонам, как бы без всякой цели, направился к Маргарите. Ведущий бала в это время что-то говорил, гости что-то кричали. Максим не обращал на это никакого внимания, и только последние слова ведущего, которые он четко расслышал, заставили его остановиться и впасть в состояние тупого замешательства.

– ... Внимание, а сейчас объявляется белый танец! Дамы

приглашают кавалеров! Маэстро, музыку!

Максим резко развернулся на сто восемьдесят градусов. «Ну, вот вам и здрастье, маэстро! Вот не везет, так не везет. Да уж, видно не судьба», – подумал он, чуть постоял, и медленно двинулся обратно. Не успел он сделать двух шагов, как услышал за спиной:

– Максим!

«Опа, – удивился Максим, – однако, может, всё-таки везет? Вот уж, этого я ожидать никак не мог. Я ещё существую, не исчез сразу же и насовсем за блеском её новых друзей. Хотя, стоп. Что тогда получается? Допустим, у нас начнутся, допустим, я говорю, допустим, отношения соответствующего характера и что же, она будет мне напоминать, что сделала первый шаг? В смысле, я колебался, не решался, одним словом, тормозил, а она взяла и все сделала. Так, ладно, я, кажется, перебрал. Ещё ничего нет, посмотрим. Так, что же ей сейчас такого сказать?»

За столиком Маргариты и ее приятелей не прекращался смех, в ход пошли анекдоты. Рита заметила, как Максим поднялся со своего места и медленно направился в её сторону. «Неужели он все-таки сподобился подойти ко мне, и неужели он решил меня пригласить? Вспомнил, наконец-то?» Всё время, что она здесь находилась, её обуревали практически те же мысли относительно Максима, что Максима относительно неё, во всяком случае, касательно отсутствия взаим-

ного внимания. Когда ведущий бала объявил белый танец, она увидела, как Максим, пройдя половину пути, остановился и развернулся. Риту охватила досада, но она тут же решила действовать сама.

– Белый танец, дамы! – воскликнул Ренат.

– Предлагаю внести разнообразие, – сказала Сандра. – Ренат, я тебя приглашаю. Рик, ты не против?

– Воля ваша, дамы, – весело ответил Рик. – А мне соответственно предстоит танец с... – Он взглянул на Маргариту.

– Ты мыслишь логично, – поддержал Рика Ренат.

– Ребят, – словно оправдываясь, начала Рита, – я прошу прощения, но мне любопытно, как там?.. Вы не возражаете?

«А с какой стати я прошу прощения, и какая мне разница, возражают они или нет?» – подумала она.

– Что там? – удивился Ренат, – а, ха-ха, Рик, тебе не повезло.

– Ничего, попробую пережить, – обиженно, но, смеясь, проговорил Рик.

Маргарита направилась к Максиму.

«...Так, что же ей сейчас такого сказать? Скажу, жаль, мол, что объявлен белый танец, был бы черный, я бы с радостью тебя пригласил, а то за весь вечер танцы вообще никак не объявляли, вот я и не знал, что можно приглашать. Чушь какая-то... Ну ладно». Все это пронеслось в голове Максима одним мгновением. Он развернулся.

– Молодой человек, вы не будете возражать, если я вас приглашу на танец? – Перед Максимом стояла Жанна Роллан.

– А, – Максим оторопел, – нет, не буду... Правда, я не умею...

– Ну что же, придется это исправлять. – Жанна взяла Максима за руку и вывела в зал.

Не успел Максим опомниться, как они уже кружились в ритме танца среди остальных пар. Жанна подсказывала Максиму, как надо двигаться.

– Музыканты не изверги, – весело говорила Роллан, – они прекрасно понимают, в какое нелепое положение могут попасть неуклюжие мужчины, поэтому играют наиболее простую тему. Согласитесь, ничего сложного. Давайте перейдем на «ты», не против?

– Не против.

– Что же это ты говоришь, что не умеешь. Очень даже неплохо получается. Опыта мало. Хочешь, я буду давать тебе уроки? Я профессионал.

– Предложение заманчивое, – отозвался Максим, всё пытаясь прийти в себя от неожиданности.

– Значит, договорились. Ты не обиделся, что я отбила тебя у твоей подруги?

– Как это?

– Ты что же, даже не заметил? Эх, мужчины! Она шла, по всей видимости, к тебе, а я её опередила. А что это вы не

вместе? Не нашли общий язык и выбрали себе разные компании?

«Как она это заметила?» – подумал Максим

– Не удивляйся, я очень наблюдательна, – словно прочитав его мысли, продолжала Жанна,

– Так получилось, – грустно произнес Максим.

– Как зовут девушку?

– Маргарита.

– Красивое имя. Она и сама красивая. Неужели ты и это не заметил?

– Почему, заметил, – смущаясь, ответил Макс.

– Что же ты терялся? Ведь, наверняка, ты весь вечер не решался к ней подойти. Ведь так?

– Ну, можно, наверное, так сказать. Просто тут столько всего, и все новое, – улыбаясь, оправдывался Максим.

– Можешь не оправдываться. Я сразу заметила, какой ты скромный. Говорить стеснительный не буду, это оскорбляет мужчин. И тем более нерешительность им чести не делает. С другой стороны, иногда подкупает ярко выраженная интеллигентность. А ты интеллигент, не так ли? Во всяком случае, производишь такое впечатление.

– Ну, уж не знаю. А что похож?

– Похож, похож. Только пользы от этого никакой. Не окупается. В этом кругу интеллигент – редкость. В моём, так вообще нет такого понятия. Я актриса.

– Это я уже знаю.

– Я тебя, смотрю, совсем смутила. Будь раскованней. Кстати, еще о скромности. Делать даме комплементы никогда не лишнее, лучше не скромничать. Когда я упомянула о красоте твоей подруги, мог в ответ сказать что-нибудь такое: «С твоей красотой ей не сравниться».

– Я... – Максим чувствовал, что он уже весь красный, как сочный помидор.

– Ха-ха! Шучу. Определенно, ты мне нравишься, Максим. Оставайся таким же. Ты бы выпил чего, расслабляет.

– Да я выпил, расслабился, вроде. А вот вы, то есть, ты, меня опять как-то, не знаю, наоборот, напрягла...

– Да ну что ты? Ха-ха! Оставь, воспринимай как шутку. Кстати, у меня послезавтра премьера в театре оперетты. Приходи, я тебе пригласительный билет дам. Или два билета, как скажешь.

– Хорошо...

– Хорошо билет или два билета? – хитро спросила Жанна.

– Ну, я даже не знаю, просто...

– Ха-ха-ха, хорошо, дам два билета, а там разберешься.

Тем временем танец закончился.

– Пойдем, я тебя представлю сильным мира сего, – предложила Жанна.

– Ой, что-то даже не знаю. А зачем?..

– Да просто так. Может, тебе понравится. Я уже с ними не могу. Выставляют меня как деревянную куклу.

– То есть?

– Да, не бери в голову. Пойдем, билеты заодно вручу.

Жанна подвела Максима к столику сильных мира сего.

– Разрешите представить, господа, Максим, новый член нашего общества. Гость! Самый настоящий.

– Очень рады видеть новые лица! – воскликнул Юнссон. –

С прибытием. Это надо отметить.

Максиму предоставили место и вручили рюмку.

– Как первое впечатление? – поинтересовался Ким Сан Шик.

– Впечатляет, – ответил Максим.

– Похоже на ваш мир? – спросила госпожа Крейг.

– Есть что-то.

– Ну вот, сразу все набросились на человека. – Жанна встала на защиту Максима.

Она открыто выражала участие в Максиме и принялась за ним ухаживать, предлагая всё, что было на столе. Максим вежливо отказывался, улыбаясь. «Они не плохо смотрятся, – подумал Наирян и заметил, как у Шнайдера захрустела челюсть. – А шустрая она, звезда сцены. Подсолила продюсеру, поставила Шнайдера на место и, возможно, подкатила этому мальчику ненужных проблем. Сдается мне, из этого что-то родится. Тут и редактор – желтый оттенок вечера обеспечен. Жалко этого Максима, а может, и саму Роллан. Шнайдер вряд ли всё так оставит».

– А скажите, Максим, – шутя начал Крейг, – за кого вы будете голосовать на выборах?

– Ха-ха-ха, – сорвался Юнссон, – слушайте, Крейг, я чуть не подавился из-за вас!

– Нет, ну действительно, интересно, каких политических позиций придерживается молодой человек.

– Знаете, я стараюсь не придерживаться никаких конкретных позиций, держась в стороне от политики. – Максим заметил, что рюмка, выпитая им только что, произвела свое расслабляющее действие и моментально, добавившись к предыдущим, начала развязывать его язык, из чего он сделал вывод, что нужно как можно скорее отсюда убираться.

– Это что же, ваша гражданская позиция? – спросил Юнссон.

– Я считаю, что не имеет значения окрас политических движений, важно, каково от их деятельности государству, то есть Городу и его народу.

– Bravo, молодой человек! – воскликнул Крейг, – мысль не нова, но здрава. Хотя, хочу вам заметить, это всего лишь слова. Тем не менее, приходится выбирать окрас, чтобы увидеть каково оно. Рано или поздно вы станете членом Города и пойдете на выборы. Придется определяться.

– Обещаю вам в ближайшее время во всем разобраться и выбрать надлежащую позицию. – Максим решил закончить разговор и уйти, его начало мотать. – А сейчас разрешите мне вас покинуть, меня ждут. – Он встал и начал прощаться.

– Желаю вам скорее со всем разобраться и принять верное решение! Рады были знакомству, – весело заключил Юнс-

сон. Он единственный, кто произвел на Максима относительно положительное впечатление.

Максим раскланялся и направился к своему столику, как его окликнула Жанна, она подошла к нему.

– Куда же ты так сразу? Про билеты забыл. – Она вынула из захваченной сумочки два билета и улыбнулась. – Там на нас внимательно смотрят?.. А, чёрт с ними. Ты же здесь пока?

– Пока? Ну да, а... в смысле...

– Город не покидаешь ведь?

– Да я как-то не собирался...

– Ну, хорошо, жду на премьере. – Жанна быстро развернулась и пошла к своим сильным мира.

«Что сейчас было? Ничего не понял, – с трудом подумал Максим, – чувствую, я хорошо набрался. Нужно подышать свежим воздухом».

– Ну, Максим, ты просто герой. Танец с самой Роллан! Надо выпить! – Восторженно встречал Максима Фогель.

– Да остановитесь вы когда-нибудь? – начала Лориан.

– Ну что ты! – Фогель разлил и подал рюмку Максиму. Они выпили. Максим, не садясь за стол, объявил, что ему срочно нужно подышать свежим воздухом и тут же удалился.

На улице уже стемнело. Максим побродил вдоль отеля и сел на лавку. Вдруг его охватило какое-то непонятное беспокойство, ему почудилось, что на него кто-то смотрит. Он огляделся по сторонам. Никого не было. Он закрыл глаза и

начал глубоко дышать, пытаясь таким образом привести себя в чувства. Голова кружилась.

– Опасность, – раздался рядом хриплый шёпот. Максим вздрогнул и открыл глаза. Перед ним стояла цыганка, та, которую он видел из окна гостиницы. Он вскочил. Цыганка пристально смотрела на него и он, как в предыдущий раз, не смог отвести от неё взгляда. Цыганка продолжала:

– Опасность грозит тебе, юноша. Рядом ходит. Берегись. Не каждому дано узнать судьбу, но и не каждому её можно предсказать. Мне не нужно смотреть в твою ладонь, в глазах твоих вижу страх. Убьешь ли его? Заблудился ты. Отыщешь ли? Тайна гнетёт. Разгадаешь ли? Раскрой силу. Найди её. Не упади. Упадёшь, будешь ползать или встанешь? Холод в тебе и пламя. Спрятано глубоко. Зло великое. Как поступишь? Берегись.

Цыганка развернулась и пошла прочь. Максим очнулся и крикнул ей вслед:

– Эй, бабуля! Не понял ни хрена! Что за...

Цыганка скрылась из вида. Максим вошел в отель и, решив не возвращаться на банкет, поднялся в свой номер.

«Да ну их всех к чёрту! Отличный вечер... вообще. Жанна. Стоп. Маргарита. И что дальше? – думал он, раздеваясь и укладываясь в постель. – Эх, на подвиги тянет! Что я разделся-то? Опасность, опасность. Моя информационная база переполнилась. Как же так с Маргаритой получилось глупо? Вернее, не получилось. Жанна. Обалдеть, взял и так запро-

сто танцевал с самой звездой. И всё же, Маргарита. Что бы такого сделать? Ой, перебрал я, перебрал. Завтра башня раскалываться будет. Спать, спать. Или ещё взять и... О, театр в воскресенье... как бы так?.. Маргарита... Рита...»

Каждый номер отеля был оборудован почтовым ящиком, представляющим собой пластиковый лоток, сообщающийся с коридором посредством простейшего механизма, установленного в полости, вырезанной в стене. Пропускной способности, обеспечиваемой механизмом, было достаточно для того, чтобы почтовый ящик без труда мог принимать солидную еженедельную газету или журнал. Корреспонденция собиралась на стойке регистрации, откуда её забирали коридорные и доставляли адресату. Оказавшись в компактном пластиковом ящичке, висящем на стене коридора возле входа в номер, она попадала внутрь номера, непосредственно в лоток.

Конверт, лежащий в лотке, Маргарита обнаружила уже, когда выходила из номера. В конверт был вложен листок, содержащий короткий, написанный от руки текст: «Пишет Вам Ваш поклонник. Именно поклонник, потому как по-другому назвать себя не могу. С сего дня я приклоняюсь перед Вами. Как только я Вас увидел, я был сражён Вашим блеском. На протяжении всего вечера я не мог оторвать от вас глаз, но подойти так и не решился. Несмотря ни на что, я считаю необходимым хотя бы в такой скромной форме выразить Вам свое восхищение. Надеюсь, нам удастся с Вами познакомиться ближе. Спасибо Вам за то, что Вы есть. Спо-

койной Вам ночи. 27 июля, 2012 год».

«А он оригинал, – подумала Рита. – Исчез с бала и всё оставшееся время сочинял эти строчки. Стоп. А может, это совсем не он? Рассказать Сандре? А что здесь такого? Никого же этим я не оскорблю? Письмо тем более не подписано. Забавно». Безусловно, Маргарита была польщена и заинтригована. Несмотря на то, что с большей долей вероятности авторство письма она отдавала Максиму, могло стать так, что он тут был не при чём. «Почерк, во всяком случае, сличить можно. А если в лоб ему вопрос задать и посмотреть, как он смутится. Или же он для этого и написал? Ладно, придумаем что-нибудь». Она вышла из номера и направилась в кафе.

Максима разбудил стук в дверь. Плохо соображая, ощущая во рту Сахару, а в голове ледовое побоище, он с трудом поднялся с кровати, накинул халат и направился к двери.

– Доброе утро. – На пороге стоял молодой мужчина в полицейской форме. – Я участковый, позвольте?

Полицейский вошел внутрь, огляделся и продолжил:

– Вижу, вы вчера славно погуляли. Отметили прибытие?

– Есть немного, – нехотя ответил Максим. – Я что-то натворил?

– Нет, ну что вы. Обычная процедура. Вам нужно явиться в местное отделение полиции, к начальнику отделения. Отделение Центрального округа, вот адрес. Нам необходимо получить ваши данные.

– Какие ещё данные?

– Да вы не переживайте. Ваше имя, возраст, профессия, и так далее. Вас же нужно как-то зарегистрировать. Сегодня в 14.00.

– Так сегодня же суббота! Подождите, а этими делами ведаёт начальник отделения округа?

– На первоначальном этапе так. Не беспокойтесь, тестировать, исследовать вас никто не будет, простое собеседование. Вот вам повестка. Обязательно будьте.

– А то что, за мной пришлют конвой?

– Надеемся на ваше сотрудничество, – пропустив мимо ушей замечание Максима, сказал участковый. – Это в первую очередь нужно вам.

– А я один? Со мной ещё девушка прибыла.

– У меня повестка только для вас и лично в руки. Кстати, распишитесь.

Максим расписался. Участковый пожелал удачи и вышел.

– Ё-мое, десять часов ещё, или уже! – Максим лихорадочно вытащил из холодильника бутылку минеральной воды и выпил её залпом. После снова улегся в постель.

Отделение находилось буквально в двух шагах от отеля. Ровно в 14.00 Максима вызвали в кабинет начальника отделения.

«Буденный, – первое, что пришло в голову Максиму, когда он его увидел, – вероятно, такие усища придают солид-

ности его должности».

– Меня зовут Гунько Остап Михайлович, я начальник отделения полиции Центрального административного округа Департамента полиции города, – отрапортовал начальник. – Хотя и редкие такие процедуры, ненавижу этим заниматься. Но таков порядок. Приступим. Имя, возраст?

– Максим, двадцать семь будет скоро, – вяло ответил Максим.

– Во-первых, отвечай четче. Во-вторых, тебя просто Максимом зовут? – жестко отреагировал Гунько.

«Ну, я попал. Чувствую, он меня расстреляет, если что не так», – подумал Максим.

– Никак нет, гражданин начальник! – резво ответил Максим и тут же пожалел об этом.

– Что за балаган? Не хамить! Давай сразу определимся, нянчиться я с тобой не намерен, это первое. И второе, заруби себе на носу, ты мне уже не нравишься. Делай выводы. Попробуй ещё раз.

– Волков Максим Сергеевич. Двадцать семь лет. Будет осенью...

– Так. Я спрашивал, сколько тебе будет?

– Ну, вы просто спросили...

– Если я спрашиваю, сколько лет, это означает «сколько лет», а не «сколько лет будет».

– Двадцать шесть, – отчеканил Максим.

– Дата рождения?

– Двадцать пятое ноября, тысяча...

– Хватит. Меня не интересует год, хоть пять тысяч. Мне все равно, какой год у вас, у нас тут 2012.

– То есть, я без даты рождения остался?

– Тебе какая разница? Мне нужно знать, сколько тебе лет и всё. Так. Не хочу с тобой тратить время. Держи анкету. Заполнишь. Остальное буду спрашивать. Пять минут тебе.

Анкета была очень простая. Никакой конкретики. Место учебы, образование, профессия, названия рабочей деятельности и всё. Через пять минут Максим вручил заполненную анкету начальнику. Тот пробежался по ней глазами и начал зачитывать.

– Так. Образование среднее. Школа №... Вот очень мне нужно знать какой номер у твоей школы! Ладно, так. Образование высшее. Московский авиационный институт, факультет прикладной математики и физики, квалификация инженер-математик, так. Ну, авиация у нас только в теории, а вот звучит красиво, инженер, да ещё и математик. Так, что тут у нас с работой? Ничего себе послужной список! Оператор ПК, менеджер по продажам, менеджер по работе с клиентами, региональный менеджер, менеджер по логистике, менеджер по рекламе, менеджер по развитию бизнеса. Так, угу, менеджер. А профессия-то, какая?

– Ну, вот, инженер.

– Инженеры у вас занимаются развитием бизнеса?

– Нет, ну, просто, вот так получилось...

– Короче говоря, профессии нет.

– Почему, я же вот написал сколько.

– Эти вот все менеджеры – это чушь собачья. А что это ты так много перебрал, это всё на каком-то одном предприятии?

– Нет, где как.

– Ага, то есть успеха ты не имел на этом поприще.

– Нет, ну почему?

– Да потому что. Одним словом, торгаш-неудачник.

– Здравсьте, приехали.

– Сколько тебе было лет, когда ты институт закончил?

– Двадцать три.

– Три года ты менял все эти так называемые работы и что?

– Ну, по-разному.

– А сколько лет ты учился в этом авиационном институте?

– Шесть лет.

– Учился шесть лет, получил диплом инженера и пошел менеджерить. Зачем ты учился?

– Как зачем? Высшее образование чтоб было.

– Ну, есть высшее образование, что толку? А зачем ты учился на инженера? Чтобы идти торговать?

– Я не торговал...

– Да ладно мне рассказывать, а то я не знаю, что там, где есть слово менеджер, воняет спекуляцией и только, работать не хочется, вот и идут срубить денег там, где, кажется, это проще. Конечно, проще продавать что-то, а не производить

это что-то. Ты крутишь продуктами, произведенными другими, ты торгаш и есть. Я одно не пойму, для чего нужно было тратить шесть лет на изучение того, чем потом не придется заниматься, это у вас, в вашем Городе, мире, так принято?

– В мире не знаю, в городе нашем так получается.

– Что значит, так получается? Куда смотрит Город? Неужели, будучи, вот этим самым инженером-математиком, нельзя себя обеспечить и работать на благо Города?

– Мой уровень полученных знаний не был настолько велик, чтобы я мог себя этим обеспечить.

– Что же ты не достиг должного уровня? У вас там у всех невеликий уровень?

– У кого-то уровень нужный.

– Вот! И что же, эти кто-то могут себя обеспечить и работать для Города?

– Могут обеспечить себя, но почему-то, только в том случае если будут работать на другой Город.

– То есть как?

– Я думаю вам не понять, это наше местное.

– А чего ты хотел получить, кроме диплома, если потратил целых шесть лет.

– Не знаю. – Максим устал отвечать на вопросы.

– Интересно. А чего ты хочешь?

– Не знаю.

– Надо полагать, к нам ты попал, потому что у себя ты просто-напросто не нужен.

– Всё может быть.

– Всё может быть? И ты так легко на это реагируешь? В твои годы я уже давно знал, чего хочу, и шёл к этому, у меня была профессия, работа, семья. Я твердо стоял на ногах и был нужен обществу, так же как оно было нужно мне. А что есть у тебя? Ничего. А нужно тебе общество? Не знаешь. А обществу ты нужен? На хрен ты ему не нужен! Ты лишний член общества! И... ты мне не нравишься.

– Мне расплакаться?

– Не удивлюсь, если это единственное, что ты можешь. Так ладно, был ты судим или нет, все равно не скажешь.

– Почему? Скажу. Не был.

– Вот видишь, и судимости даже нет, ни черта у тебя нет. Не знаю, что ты будешь делать, как собираешься жить. У меня все. Свободен.

– «Печально я гляжу на наше поколение!

Его грядущее – или пусто, иль темно,

Меж тем, под бременем познания и сомнения,

В бездействии состарится оно».

– Курить будешь? – спросил Брат Максима, который, выйдя из отделения, ощутил похмельную слабость и присел у фонтана, расположенного на полпути между полицией и отелем.

– Ой, не могу. Теперь ты меня пилить будешь? Мне тут кто-нибудь что-нибудь доброе скажет?

– А с чего бы это? Отношение к тебе не может меняться в зависимости от территориального положения. Все замыкается на тебе самом.

– Ну, а что ж делать, если «в начале поприща мы вянем без борьбы»? Так уж исторически сложилось.

– Даю наводку. Что привлекательнее? Когда история делает тебя, или, когда ты делаешь историю?

– В обоих случаях не плохо бы для начала сделать себя.

– Вот, мыслишь в нужном направлении, осталось подумать о реализации.

– Перед этим бы подумать о целесообразности этой реализации.

– Может тебе пивка? – Брат встал. – Подумай, подумай.

– Я вот что думаю, давай не будем гадать, а просто подождем, – говорила Сандра Рите, сидя в гостиничном кафе. – О, а вот и твой Макс!

Войдя кафе, Максим подошел к барной стойке. Сандра с Маргаритой сидели несколько в глубине кафе, и он не мог видеть, как пристально они на него смотрели. Он попросил кружку пива и, не отрываясь, осушил ее. Опустив голову, он отдышался и попросил ещё одну.

– Пожалуй, это не он, – сдержано произнесла Маргарита.

Допив вторую кружку, Максим направился к себе в номер с одним лишь желанием – лечь спать.

Фернандо сидел на краю огромного плота и курил, пристально наблюдая за работой матросов. Следить за порядком входило в его обязанности. Капитан был стар и без поддержки помощников не мог бы управлять судном, но он всё ещё был капитаном. Помощники спорили между собой о выборе курса, матросам всё больше не нравилось их начальство, но они боялись Фернандо. Ему это очень льстило, так же, как льстило ему то, что помощники капитана не могли обойтись без него. Море было спокойным, но плот всё-таки попал в переделку. Это была огромная воронка. Плот закружился. Матросов охватила паника. Капитан бездействовал, а его помощники спорили между собой на предмет способа спасения. Среди матросов начались волнение, помощники готовы были начать драку между собой. Положение становилось критическим. Нужно было принимать решение. Многие обратили свои взоры на Фернандо. Вдруг кто-то закричал: «Лебедь! Белый лебедь!» Как бы нелепо это не звучало, но с востока к плоту действительно подплывал белый лебедь. Более того, все увидели, как за лебедем, четко выделяясь в воде, бурлило мощное течение, направленное в противоположную его движению сторону. Течение врезалось в воронку, и плот понемногу стал сбавлять скорость вращения. Появилась возможность выйти из водоворота по принесенной лебедем вод-

ной дороге. Помощники капитана были в растерянности, это спасение, но можно ли доверять лебедю? Вдруг какая-то тень на мгновение закрыла солнце. Все подняли взоры вверх и увидели большого чёрного орла, кружащего над плотом. Тут же все заметили, как в воронку врезался ещё поток, направленный на запад. Все поняли, что это течение принес орел. Какой путь выбрать? И стоит ли доверять двум пришедшим спасительным потокам, а спасительные ли они? Надо принять решение! Надо принять решение. Надо принять решение...

Фернандо проснулся. Фраза «Надо принять решение» стучала у него в голове, понемногу утихая и уходя в небытие вместе с увиденным сном. Для Фернандо не существовало таких понятий, как выходной, отпуск, отдых. Сегодня воскресенье, но в десять часов должен прийти его секретарь с докладом о последнем задании. Пять лет Фернандо Коста возглавляет Министерство Городской Безопасности, и до сих пор, как он считает, ещё далёк до полного исправления ошибок, сделанных его предшественниками, каждый из которых занимал этот пост не более года на протяжении нескольких предыдущих лет.

«Допустим, орел и лебедь, белое и черное, – думал Коста за завтраком, – левые и правые, не суть кто из них чёрный или белый, орел или лебедь, все они крысы! Но плыть за кем-то из них нельзя. А может лебедь и орел – что-то другое. На королевской эмблеме красовался лебедь. На эмблеме

последнего дома. А второй, совсем древний? Никакого орла там нет, скорее, дракон приснился бы, которого вообще нигде нет. Так, это всё чушь, хотя монархическую струю следует взять в разработку, да и поднять городские законы, относящиеся к ней. Волшебства я не видел, но должна же где-то в ком-то течь королевская кровь, люди любят традиции. Так, пока оставим сказки. Капитан ни на что не годен, но менять его тоже пока нельзя. Но потоки заманчивы. Баланс реален, но маловероятен. Нужно застопорить вращение, возможно, ещё, добавив третье течение, чтоб запутать процесс окончательно и отказаться от потоков. Народ – быдло, пусть развлекается брызгами. Чёртов сон».

В десять часов, как было условлено, секретарь принес документы, запрошенные Фернандо, и отчет, по которому тот сразу же пробежался взглядом и, отложив его в сторону, принял вид слегка задумчивый, но в то же время, говорящий о том, что просмотренное не произвело на него никакого впечатления. Секретарь, будучи в курсе всех текущих, входящих в сферу его доступности дел, не заметил на лице шефа никакой реакции. Решив прервать затянувшуюся паузу, он произнес:

– И относительно вот этого задания. Честно признаюсь, господин директор, я не совсем понимаю необходимость наблюдения за вновь прибывшими гостями. Гости, конечно, не часто жалуют наш город своим появлением, но я не припоминаю, чтобы кто-нибудь из них так привлекал ваше внима-

ние.

– Отработаем по форме. Ещё сутки и снимаем наблюдение, забудем про них. Можешь быть свободен.

Секретарь удалился. Коста принялся перебирать на столе принесенные документы. Это были анкеты и личные дела сотрудников министерства, подобрать которые, в соответствии с необходимыми требованиями, продиктованными Коста, было поручено лично его секретарю. Документов было немного, и по большей части это были дела аналитиков. Директор выбирал кандидата на должность своего личного «оперативного аналитика». Задачи, которые он намеревался поставить перед представителем выдуманной им профессии, должны были оставаться в рамках их взаимоотношений. Процедура выбора кандидата для чего бы то ни было для директора МГБ вполне стандартная, но почему-то сейчас Фернандо мучили сомнения. «Аналитики, – думал он, – люди умные, дотошные, педантичные, одним словом, занудные. На рожон они не лезут, а служаки из них ещё куда более надежные, чем из наших сорвиголов из спецназа. Храбростью и бойцовскими качествами они вряд ли обладают. Опыт их работы не дал им научиться мгновенно принимать решения, не смотря на довольно успешные выводы, получаемые путем досконального изучения материала. Но вот эта усидчивость, тихая, никому незаметная, это настойчивость приучила их к терпению и исполнительности».

«Проклятый сон! – Фернандо не мог успокоиться. – Как

мало времени до выборов... Так, Глен Хайден. Что-то слышал. Майор Министерства Городской Безопасности, женат, двое детей. Замечательно. Какой примерный послужной список, такое ощущение, что он всю жизнь проработал в НИИ по разработке сливных бачков. Так, так. Не впечатляет, слишком примерный ученик. Это тоже не всегда хорошо, мало фантазии. Друзей практически нет. Что было глубже? Институт. Так... Стоп! – В комментариях, сделанных секретарем, было подчеркнуто имя одного из сокурсников Хайдена и выдана ссылка на источник. Фернандо подсел к компьютеру, стал перебирать базы данных, пока не нашел нужную. Есть! Да, действительно. Дружил наш примерный мальчик с Суреном Наиряном. Сурен Наирян, – Фернандо читал характеристику. – Надеюсь, они там, в администрации, не все идиоты, и не захотят гибнуть с самой администрацией».

Подумав несколько минут, Фернандо пододвинул к себе телефонный аппарат и снял трубку.

Часы показывали 14.00. Проснувшись в восемь утра, Максим оставался в постели, потягивая из двухлитровой бутылки минеральную воду и, размышляя о бренности существования, боролся с неуверенностью в собственном самоощущении, обусловленной последствием употребления спиртосодержащих напитков.

До премьеры спектакля в театре оперетты, куда его пригласила Жанна Роллан, оставалось четыре часа. Нужно было собраться и реализовать план по обеспечению обжигающего его руку второго билета, предназначенного для Маргариты.

Вспомнив бал и свою нерешительность в отношении Маргариты, Максиму стало несколько неудобно. «Стыдно? – думал он. – Нет, просто неудобно. Извиниться? Признаться в нерешительности? Или...»

Максим поднялся, принял душ, привел себя в порядок и вскоре, облачившись в костюм «доброго крокодила», цвета салата, был готов к выходу в свет. Выход нужно было начать с приглашения Маргариты. Он направился к двери.

«Голос у меня какой-то глухой. Волнуюсь... Что за черт? Нужно отдышаться. Очень хочется увидеть Риту! Так, так, очень хочется увидеть и пригласить, так, так... а ещё очень хочется выпить. Стоп. Нет, не стоп, вперед».

На нерешительный стук Максима в дверь, Маргарита тут

же открыла.

– Максим? Здравствуй, – сказала Рита. Максим тут же отметил про себя её удивление. – Я думала, это Сандра, мы просто выходим уже, погулять перед спектаклем. – В голосе Риты чувствовалась некая тень смущения.

– Перед спектаклем? – упавшим голосом спросил Максим.

– Да, нас ребята, с которыми я на балу познакомилась, пригласили сегодня в театр оперетты. Сегодня премьера с участием твоей новой знакомой. – Рита хитро улыбнулась. – А ты не собираешься? – спросила она, окинув его взглядом с головы до ног.

– Да я не знаю. Вот, думаю... – Максим совсем растерялся.

– А в таком праздничном костюме легче думается? – поинтересовалась Рита.

– Я... – Максим выдавил смех. – Ладно, не буду мешать сборам. Удачно сходить. – Максиму больше ничего было сказать. Он развернулся и удалился к себе в номер.

«Я разозлился или обиделся? За что и на кого? За два дня я познакомился с двумя шикарными женщинами, но... вот то-то и оно, что «но».

Машинально он открыл бар и... через три часа шёл в театр веселый и беззаботный. Перед самым выходом в своем почтовом ящике Максим обнаружил письмо довольно краткого содержания, оно гласило: «Настоятельно рекомендую вам обратиться из Города, в противном случае можете лишиться

жизни».

– Да пошли вы все! – Максим швырнул письмо на стол и вышел прочь. – Никто меня тут не любит.

Успех премьеры спектакля был потрясающим. Жанна Роллан была засыпана цветами и комплементами, восхищение лилось со всех концов зала от начала и до конца представления. Оно было волшебно во всех смыслах. Даже навязчивые притязания Томаса Шнайдера на обладание примадонной, демонстративно проявляемые им в каждом антракте, не бросили тени на спектакль. Испортить такую сказку было нельзя.

Да, испортить сказку не мог бы никто. Никто... кроме Максима.

Вплыв в театр до начала спектакля, он, осознавая свое состояние, удалился в комнату для мальчиков, где пробыл до третьего звонка. Далее, после непродолжительных поисков он забрел в ложу бенуара, куда у него было два билета, уронил своё тело в мягкое кресло и через пять минут после начала спектакля благополучно заснул. Он бы так и провел вечер, никого не побеспокоив (благо он не храпел), если бы не антракт, который он принял за окончание спектакля и, как только увидел, что зрители начали покидать зал, выполз из своего убежища и тут же натолкнулся на две симпатичные пары. Это были Маргарита с Ренатом и Сандра с Риком. Сандра мгновенно заметила веселое состояние Макси-

ма и шепнула об этом Рите. Ренат же не стал деликатничать и приступил к атаке:

– Да вы, – начал он, – как бы это сказать...

– Наше благородие нарезались, – помог ему Максим.

– Рита, а в том месте, откуда вы прибыли, все мужчины такие весёлые? – продолжил Ренат, вонзив свой взгляд в Максима. Он ждал ответной реакции, но Максим только глупо улыбался, обводя окружающих таким же глупым взглядом.

Тут Максиму захотелось совершить что-нибудь совершенно нелепое, настолько нелепое, насколько он был в данный момент способен. К компании подошёл официант с подносом, на котором красовались четыре бокала с шампанским.

– Большое спасибо, – пробормотал Максим. – Шампанское дамам и... – Он схватил один бокал, осушил его, схватил второй, сотворил с ним то же самое. Отдышавшись, он спросил: – А виски у вас есть?

– Хам! – воскликнул Ренат.

Маргарите было стыдно за то место, откуда они прибыли.

Неизвестно чем бы это всё закончилось, если бы два охранника не подхватили Максима под руки и не вынесли его за пределы театра.

Секретарь директора МГБ, положив телефонную трубку, улыбнулся и прикурил.

– День бессмысленного наблюдения закончен?

Было Максиму стыдно? Было. Конечно не так, как ему будет стыдно завтра, но стоя на углу дома, куда его оттранспортировали, он с сожалением смотрел в сторону театра, силясь понять, для чего он это всё затеял. Рядом стояла лавка. Стараясь не промахнуться, Максим сел, достал пачку сигарет и, выудив оттуда последнюю сигарету, прикурил. Но прикурил он так неудачно, что сигарета выпала из рук и оказалась в урне, стоящей возле лавки.

«Печально, – подумал Максим и принялся осматривать окрестности, стараясь обнаружить табачный киоск. Его взгляд не встретил ничего подходящего. Выход был один, и прийти он мог только в голову человека, находящегося в той степени опьянения, в которой и пребывал Максим – достать сигарету из урны. – Кажется, я совсем плох».

Прищуриль один глаз, Максим снова огляделся. Напротив него, на лавке, сидел мужчина и читал газету.

«Курить, конечно, хочется настолько сильно, что можно понадеяться на то, что меня никто не заметит, – думал Максим. – Если я быстро? Нет. Это слишком...»

И в это самое мгновение Максим заметил что мужчина, сидящий напротив, не только читает газету, но ещё и курит. Недолго думая, Максим поднялся и, стараясь не шататься, направился к незнакомцу. «Я страдаю, а он тут так нагло курит!»

Незнакомец заметил Максима и, продолжая держать пе-

ред собой развернутую газету, исподлобья смотрел на приближающуюся пластилиновую фигуру жертвы никотиновой зависимости.

Максим остановился. Ему вдруг стало не по себе. К состоянию опьянения добавилось необъяснимое беспокойство. А заключалось оно в том, что только сейчас он обнаружил, что незнакомец с сигаретой был не один. Нет, не на лавке, что стояла напротив, а вообще, вокруг. Народу кишмя кишело. Центр города! Воскресение! Восемь вечера! «Вопрос первый, – принялся размышлять Максим, стоя напротив незнакомца, продолжавшего также напряженного на него смотреть, – почему меня не забрали в полицию? Ответ – допустим, я не настолько пьян, да, может, не так это и заметно. Вопрос второй – почему, кроме этого господина, я никого не заметил сразу? Ответ... какой же ответ? Он был с сигаретой, что меня больше всего интересовало в данный момент. Мало. Ах, ты ж! Да я не сразу и заметил, что у него сигарета. Почему меня это так занимает? Или... Он сам смотрел на меня раньше, чем я, и смотрел так пристально, что подавил во мне все инстинкты оставшегося созерцания. Какая нелепая фраза: «инстинкты оставшегося созерцания». Да и ладно! Стрельну у него сигарету и дело с концом!» Максим приблизился к незнакомцу со словами:

– Простите, вы не....

– Нет, – резко ответил незнакомец, встал и направился прочь.

– Ну и не очень-то и хотелось! – вдогонку ему прокричал Максим и тут же рассмеялся. – Что не ситуация, то нелепость. И сам я... бесконечная нелепость...

Максим направился в сторону отеля.

– «Пьянство – это добровольное сумасшествие». Так, кажется, сказал Сенека. – Брат протягивал Максиму пачку сигарет.

– А оказаться здесь, это не сумасшествие? – Максим прикурил и остановился. – Вот я считал себя всегда более или менее адекватным человеком, но я не могу, как ты, как вы все тут говорите мне, «принимай всё, как есть, потому как, по-другому не может быть». Я двадцать шесть лет считал, что, так как было и как есть, и по-другому не может быть, а тут оказывается... – Максим продолжил движение.

– А почему ты так считал?

– Да потому что так оно и есть, было и будет, наверно...

– А может, ты так считал, потому, что ни о чём другом ты думать не хотел, не мог, боялся? Ты хотел когда-нибудь что-нибудь изменить, хотя бы в мечтах? Нет. И наверняка думаешь, что ничего изменить ты не сможешь.

– Почему, хотел... хочу... но...

– Гораздо проще быть клоуном для самого себя, не так ли? Слабость нельзя скрыть ничем. Её можно только победить. Уничтожить.

– Уничтожить. Я не знаю, как можно... – Максим осекся. Минуты три они шли молча.

– Для начала, об этом стоит задуматься, – продолжил Брат. – Надеюсь, твой час ещё не настал. Надеюсь, свой час ты ещё не назначил. Как говорил тот же Сенека, где оказывается бессилён ум, там часто помогает время, и, конечно же, глупо чувствовать себя несчастным из-за того, что когда-нибудь станешь несчастным.

– Проклятье! – воскликнул Максим.

– Что ещё не так? – осведомился Брат.

– Это же тот самый гражданин, что сбежал от меня.

– Я смотрю, тут интересно. Пожалуй, не буду тебе мешать.

Незнакомец, ускользнувший от Максима, не пожелав делиться с ним сигаретами, оказался в нескольких шагах от него, – он не спеша прогуливался по той же улице, в том же направлении. Желание удовлетворить любопытство, экспериментальным путем познав теорию случайных процессов, подбросило Максима в сторону незнакомца с криком:

– Уважаемый!

Незнакомец, не останавливаясь, мгновенно развернулся и направился в противоположную сторону.

– Прошу прощения, уважаемый! – Максим настаивал на диалоге. «Уважаемый» лишь резко прибавил скорость и начал увеличивать дистанцию. Максима это возмутило, он перешёл на бег. Нагнав незнакомца, он, пытаясь заглянуть ему в лицо, закричал:

– Я вас не понимаю, что вы от меня бежите? В конце концов, почему вы себя так ведете?

Незнакомец, никак не отреагировав на замечание, продолжал равноускоренное движение, тем самым заставляя работать на износ подтачиваемую никотином и алкоголем дыхательную систему Максима.

Погоня?

«Не понимаю, что происходит? – думал Максим. – Нелепо начавшийся день, имевший нелепое продолжение, несомненно, должен также нелепо закончиться».

Незнакомец прибавил шагу и перешел на бег. Максим начал отставать.

– Уважаемый... – пролепетал он. Незнакомец его не замечал. Вдруг Максим обнаружил ещё одного бегуна. Тот только что выскочил из остановившегося неподалеку дилижанса и ринулся в сторону Максима. Опешив, Максим остановился, прислонясь к стене дома. Второй незнакомец пробежал мимо Максима. Сомнений не было: второй незнакомец гнался за первым незнакомцем.

«Может, я тут вообще не при чем?» – Максим тяжело дышал, глядя в след погоне.

В этот момент погоня скрылась в переулке, метрах в ста от того места, где остался стоять Максим. Недолго думая, он ринулся туда же. Забежав в переулок, Максим оказался в довольно-таки большом, но пустом дворе.

– И куда же все подевались? – разочарованно прошептал он. – Похоже, всё закончилось. И что это всё было?.. Что-что? Это был виски...

Максим развернулся в сторону выхода из переулка, но, сделав шаг, понял, что ещё не совсем всё закончилось. Понял он это по тому, как потемнело у него в глазах. Он ощутил легкое покалывание в области шеи и слабость в коленях. Вокруг всё закружилось и расплылось.

«Мягкой вам посадки, Максим Сергеевич». Он потерял сознание.

Глава

III

Часы закончили бить очередное время, такое неинтересное для человека, сидящего перед свечой.

– А твоя свеча горит вечно?

– Пока я живу.

– Но, ты же сказал, что живёшь всегда.

– Так почему свеча не может жить столько же?

Ветер продолжал злобно завывать за окном, и, казалось, что он вот-вот разобьёт его своей яростной силой. Но как только эта мысль приходила в голову, зловещий вой превращался в сладкое мяуканье теплого летнего ветерка.

Жизнь настолько же темна, насколько бесконечна.

Замок пугает своей мощью. Мощь, вообще, пугает всё и всех. Таков закон природы силы и слабости. Постичь этот закон дано немногим, да и не зачем, вероятно.

– Вы сейчас думали об этом?

– Я всегда о чём-то думаю.

– Раз вы употребляете такие слова, как «вероятно», то вам

свойственно сомневаться?

– Я мгновение назад сказал, что думаю всегда. Этот процесс немислим без сомнений или жажды познания. Благодаря этому мы становимся умнее и глубже, бесконечно глубже, поскольку нет конца познаниям.

– Обладая таким багажом знаний и ума, человек становится могущественнее.

– Чем умнее и глубже человек, тем труднее и трагичней его жизнь. Так, кажется, сказал Шопенгауэр. Так что, нужно сначала решить, стоит ли принимать на себя ответственность.

Ветер снова рванул и прокатился жутким гулом по стенам замка. Где-то внизу бушевало море, дополняя мощь, пугающую начинания.

Свеча продолжала гореть перед его глубоким взором.

– Да, понедельник день тяжелый! Мои люди доложили мне, что пацана какого-то пригрела вчера. А, Целительница душ и тел человеческих? Сказали, череп подпортили или ещё чего. Жив, герой?

– С ним всё в порядке, что тебе ещё?

– А кто таков? Что стряслось?

– Ты зачем пришёл? Хочешь, чтобы я тебе погадала? Ты хорошо знаешь, что ничего доброго от меня не услышишь. Так, что пришёл? Тёщу навестить, или внучку мою ненаглядную?

– Внучка твоя ненаглядная в силу природы ещё и дочь моя. Забыла? Сколько можно устраивать этот цирк? Прости, мать. Или нарочно так и норовишь нарваться на мою грубость? Тебя это потешает? Где Лала?

– От такого как ты я и не жду ничего другого. Три месяца тебя не было видно. Явился снова. Мы не скучали, ни я, ни Лала.

– Она моя дочь.

– Она моя внучка!

– Я принес...

– Не нужны нам твои грязные деньги! Не хочу, чтоб грехи твои на нас пали, сколько тебе повторять. Хватит того, что дочь мою сгубил! Изверг, скольких ты погубил, всё богатство

твое на лжи да крови...

– Сколько пафоса в устах простой цыганки. Твои завороты или как там у вас это называется, на меня совершенно не влияют. Можешь, хоть все силы ада на меня спустить – мне по боку.

– Оно и видно – всё тебе по боку.

– Эх, мать, твою мать, ты бы хоть пластинку сменила, один в один меня паришь!

«Так, а собственно, где это я? – сам себя спросил Максим, увлекшись подслушиванием разговора, доносившегося из-за закрытой двери. Он обнаружил себя, лежащим в одежде, но без пиджака, который висел тут же, на стене, на жесткой кровати под грубым одеялом в очень маленькой комнате, напоминавшей чулан. Быстро, но крайне смутно, прокрутив в голове события прошедшего дня, не сильно насыщенного разнообразием, он ощутил в этой самой голове необычную для похмельного состояния легкость и весьма слабую, учитывая удар (если это был удар) отправивший его сознание к потере, боль в затылке.

–... Когда-нибудь тебя не станет, и с чем останется Лала? Бывай, мать. – Максим продолжил слушать разговор, который на этом и закончился, о чём оповестил сначала шлепок чего-то бумажного о стол, потом быстрые шаги и грохот захлопнувшейся двери.

Максим решил подняться. Он откинул одеяло и сел на кровати. «Странно, как бодро я себя ощущаю», – подумал

он. Натянув туфли, стоявшие около кровати и накинув пиджак, он открыл дверь и, только сделав шаг из своей опочивальни, тут же наткнулся на взгляд, повергший его в трепет. Причем этот трепет был уже третьим за последние три дня. Перед Максимом стояла та самая цыганка, которую он видел перед банкетом и встретил после него. Он снова глядел в её глаза как кролик, не смея пошевелиться.

– Проснулся? Как голова? – как ни в чем не бывало начала старушка.

– Я, да... ничего, вроде... – начал было Максим.

– Что ты такой испуганный? Как пить, так вы все герои. Дай гляну. – Она притянула Максима к себе, нагнула ему голову, осмотрела ее. – Все в порядке, как новенький. Это был не удар.

– А как я тут оказался? – спросил хоть что-то Максим, оглядывая бедную обстановку комнаты. Окна, приютившиеся под потолком и обрешеченные снаружи, позволили ему предположить, что находится он в подвале.

– Соседи помогли. Занесли. Ты ж, как знал, прямо перед моей лавкой и прилёг.

– А я что же, всю ночь тут пролежал? – сделал предположение Максим, вспомнив, как только что ушедший гость упомянул понедельник и видя дневной свет, проникающий с улицы.

– Не только ночь, но и день. Сейчас шесть часов вечера, – укоризненно заметила цыганка.

Постепенно испуг покинул Максима. Перед ним была не страшная ведьма, какую он представлял ещё недавно, а довольно-таки милая старушка. Она тем временем, подойдя к столу, взяла лежащий на нем бумажный сверток и направилась к камину. Напротив, входной, как решил Максим, двери, в стене, он только заметил, потрескивая дровами, находился маленький камин. Подойдя к нему, цыганка бросила сверток в огонь.

– А что это вы бросили? – безо всякой задней мысли, забыв удивиться текущему времени, спросил Максим.

– Деньги, – легко ответила милая старушка, – хоть на улице и тепло, у нас все время сыро тут, приходится топить.

– Деньги? Забавно. – Максим удивился этому факту и, решив продолжить в том же ключе, спросил дальше: – Это я столько без сознания был? Что ж за злодеи меня так пригрели?

– Злодей тут только один, это ты сам. Что ж ты милочка, думаешь, что это от удара ты столько пролежал, хотя, не похоже это на удар, я уже говорила. Эх, дорогой мой. Да ты сознания лишился на несколько мгновений, а уж не помнишь ничего. Головку твою дурную я примочками быстро выходила от того, что тебя пригрели, как ты говоришь, а вот спал ты так долго, потому что снадобье мое действовало, пока вся дурь из тебя не выпотела, да не вытянулась. Тебе, мил человек, зелье пить не следует. Не умеешь, поди.

– Да уж, что правда – то правда, не умею, – огорченно со-

гласился Максим и добавил не без удовольствия: – Но люблю.

– Эх, дурья башка.

– Это вы про мою? А что в ней такого? – Максим продолжал удивляться и, вспомнив предыдущие встречи, поинтересовался: – А мы, ведь, уже встречались, вы мне что-то такое говорили, только я ничего не понял...

– Конечно, где ж тебе понять, когда ты под хмельком, – с укором, но без обиды ответила цыганка. – Не буду я тебе ничего сейчас говорить, не время, своих забот хватает.

Максим вдруг проникся какой-то непонятной привязанностью к этой бабушке. Чем-то теплым и загадочным веяло от неё. И это, несмотря на то, что цыгане, особенно цыганки, особенно старые, те, что постоянно норуют вам погадать, вызывали в нём исключительно негативные эмоции.

Он очень хорошо запомнил один случай из своего школьного детства. Как-то в электричке, подъезжая к своей остановке, он вышел в тамбур и наткнулся там на трех пожилых цыганок с огромными тюками. Они, собираясь выходить, выстроились перед дверьми. Максим встал за ними. Тут одна из цыганок обернулась и попросила его помочь вынести вещи. Максим легко подхватил в обе руки два самых больших тюка и на остановке вытащил их из вагона. «Спасибо тебе, сынок» – сказала цыганка. И, как только он поставил тюки на землю, схватила его за руку, развернула ладонь, и, взглянув на неё на мгновение, произнесла: «Тяжелая судьба

тебя ждет, сынок, тяжелая. Несчастливая». После чего отвернулась, и, взяв вещи вместе со своими попутчицами, отправилась прочь. С тех пор свою судьбу, жизнь свою он считает, если уж и не настолько тяжелой и несчастной, то, уж во всяком случае, неудачно сложившейся, и винит в этом не иначе, как цыганку, предрекшую ему бесконечные невезения.

Подумав об этом сейчас же, он не преминул спросить, как бы издалека:

– А вы, как бы это сказать, врач?

– Да уж как тебе будет угодно.

– Значит, не врач, а... вы гадаете по рукам там, по... как там еще?

– Сколько ж тебе лет?

– Мне скоро двадцать семь, а что, вы этого по моему виду определить не можете, вы же... а что?

– По виду. Возраст определяют не только по виду. По виду тебе лет двадцать, а по твоим вопросам и того меньше. Садись за стол, подкрепиться тебе надо. – Цыганка во время разговора быстро накрыла скромный стол, поставив глубокую тарелку с супом, ложку и два кусочка белого хлеба.

– Ой, спасибо. – Максим сел за стол и принялся за свой вечерний завтрак. – А вот, я, конечно, прошу прощения, но у меня только карточка, эта гостевая. Я к тому что, вот, я у вас тут...

– Ну что за люди!

– Ну, всё-таки... тем более, вы же, – Максим не знал, как

пояснить цыганке о цыганах в его видении и всем что отсюда вытекает.

– С тебя мне ничего не надо, – прервала его размышления бабушка.

– А почему именно с меня? – удивленно спросил Максим, словно забыв о встрече у отеля.

– Да вот нравишься ты мне с дурьей своей башкой.

– Ну, хорошо, – Максим смирился, продолжая трапезу, – вкусный суп. А кто тут был только что? Вы тут ругались. Извините, я невольно подслушал.

Цыганка на мгновение задумалась, потом, видимо, решила рассказать.

– Разбойник приходил.

– Какой разбойник? – захотел уточнения Максим.

– Самый настоящий, – тут же ответила цыганка.

– Что-то я не очень понял.

– Отец моей внучки.

– Ну, тогда понятно, и это называется зять, правильно?

– Никакой он мне не зять, он разбойник. Дочь мою погубил, и нас погубить хочет.

– А как так? – Максим оказался в замешательстве.

– Дочка моя полюбила его, злодея. – Старушка решила рассказать подробнее. – Говорила я ей, ничего доброго не выйдет, а она... поженились они, свадьбу без меня играли... потом... – цыганка тяжело вздохнула, – ему сына подавай, а родилась Лалочка. Как же он был зол. Дочь свою я не ви-

дела совсем. Муж её не выпускал почти из дому. Изредка приезжала ко мне, внучку показать. Хорошенькая была, Лалочка. Не рассказывала мне ничего доченька, но я сердцем чуяла неладное. Как снова забрезжила в утробе её жизнь новая, так увидела я, что легче ей стало, видать, что подобрел муженёк её, понадеялся на то, что сына принесёт ему. Ан не получилось у него, сильна кровь наша. Как узнали, что девочка опять, расшвирипел изверг. Сгубил девочку мою, зло пало на неё, и начала она рожать раньше времени, да и померла вместе с ребеночком. Внучку я себе забрала, добрые люди помогли, отняли у него.

– Это как же? – удивился Максим.

– В тюрьму посадили злодея, и надолго.

– Ох, как у вас тут весело!

– Я знала, когда его выпустили. Не приходил, не узнавал. Потом, когда Лалочке уже пятнадцать лет исполнилось, явился. Даже такую чёрную душу к родной крови тянет. И вот, два года уж ходит, подачки подбрасывает, всё пытается у дочери своей прощения за мать вымолить, да все без толку. Избегает его Лалочка, боится...

Вдруг откуда-то раздался звонок.

– Так, пора мне. Заговорила я с тобой, а работа не ждет. Когда будешь уходить, захлопни дверь. Вот эту дверь, – цыганка указала на ту, что Максим и принял за входную, а сама направилась к двери, что была по соседству с комнатой, где он спал. Когда она её открыла, Максим увидел ступеньки,

ведущие наверх. Видимо это был вход прямо из квартиры в лавку, о которой говорила цыганка.

– Да я уже иду, – Максим встал и направился к выходу. Старушка решила его проводить и подошла к двери вместе с ним.

– Если что нужно будет, приходи, помогу, чем смогу. И помни, что я тебе говорила давеча.

– Да я... – Максим хотел было заявить, что ничего не помнит, хотя это было не так, и передумал, предположив, что бабулю не проведешь. Тогда он решил воспользоваться случаем и быстренько рассказать эпизод из детства с цыганками в электричке, нисколько не опасаясь снова получить обвинение в инфантильности.

– Можно короткий, ну, не совсем короткий, вопрос. Дело в том, что я никак не могу забыть один случай. Как-то...

Цыганка остановила его рукой, пристально, так что Максиму на мгновения опять стало не по себе, посмотрела ему в глаза и произнесла:

– Сильный не тот, кто предугадывает судьбу, а тот, кто её творит.

– Ага, – пробубнил Максим, открывая дверь, – до свидания, спасибо.

Максим вышел во двор, тот двор, где его и «пригрели». Двор напомнил ему питерские колодцы. Во дворе было пусто и тихо. Шум доносился со стороны улицы, куда и выходил магазин цыганки. Максим представил, что это мага-

зин всевозможных колдовских штучек – талисманов, амулетов, оберегов и прочих Фэн-шуй и вуду. Он направился к арке, в сторону улицы и, выйдя на неё, обнаружил магазин цыганки, разочаровавший его своим названием. Над витриной красовалась вывеска с надписью «Аптека» и припиской «травы, настойки...» и что-то ещё. Максим не стал читать, что там дальше, а обратил всё своё внимание на заходящую в магазин девушку, внешность которой тут же погасила его секундное разочарование, и вызвала неумолимое желание последовать вслед за ней. «Что-то везёт мне последнее три дня на красоток! – подумал Максим, – все же попал я в какой-то голливудский застеночек. А не внучка ли это та самая?» Максим не успел, как следует рассмотреть её, заметил лишь, что была она совсем молоденькая, невысокого роста, смуглая, у неё были черные волосы и очаровательная улыбка. Эта улыбка несколько смутила Максима, потому как была она неспроста, а имела свое предназначение, а предназначаться она могла только кому-то, а кроме себя вокруг Максим никого не видел, поскольку полностью был поглощен созерцанием мгновенно появившейся и скрывшейся женской красоты. Кроме того, на Максима эта прекрасная незнакомка не смотрела, её глаза были опущены. Но все же улыбалась она...

– Максим? Какими судьбами? – услышал он прямо перед собой.

«Не может быть? – подумал Максим. Перед ним стоял

Акира, журналист, с которым он познакомился на банкете, тот, что был в обществе с семьей банкиров, Фогелей. Акира стоял в метре от входа в магазин. Максим так засмотрелся на девушку, что не заметил никого и ничего, что было вокруг него. – Уж не ему ли предназначалась эта чудесная юная улыбка?»

– Я тут по состоянию здоровья, – ответил Максим. – А ты какими судьбами?

– У меня профессиональный интерес. Пишу статью о народных целителях, ну обо всём таком. У меня сейчас довольно-таки вольная работа, сам себе выбираю темы, из тех, что предложат разные издательства, потом раздаю материал. Кто что закажет. У меня что-то вроде стажировки, практики последиplomной. До конца лета вольный художник, потом кто-то должен меня к себе взять в штат... если понравлюсь.

– А если нет?

– Об этом я стараюсь не думать. Просто беру всё подряд и работаю. На послезавтра вот договорился об интервью с музыкантом одним, звездой рока. Правда, я с ним немного знаком уже, но тем не менее.

– А сегодня у тебя тоже было интервью? – поинтересовался Максим. Он помнил, что на банкете Акира был далеко не один и, уяснив ситуацию, решил не отступать перед его намеревающимся уходом от темы.

– Нет, – ответил Акира. Только тут Максим заметил, что тот всё же слегка растерян и цвет лица его не то чтобы имел

красный оттенок, но был близок к этому, – я выбираю. Мне подсказали как-то, что эта аптека принадлежит очень известной, по крайней мере, в этом районе, целительнице. О ней все говорят, как о настоящей колдунье, ну, или там экстрасенсе, заговоры разные творит, будущее предсказывает, ну и так далее, как обычно. Вот я и решил.

– Что? – спросил Максим.

– Проверить.

– Что проверить? Действуют ли заговоры? Ты уже разговаривал с ней?

– Нет, мне сказали, что её нет сегодня.

– Правда? А кто сказал? Уж не это ли прекрасное создание, что впорхнуло только что в этот чертог магии и заговоров? Кстати у неё потрясающие травы. Я только что исцелился, вырвавшись из лап зелёного змия. Я попробую угадать. Это прекрасное создание имеет отношение к той самой целительнице? – наигранно хитро спросил Максим, – только не говори, что не понимаешь, о чём я.

– Это её внучка, – вздохнул Акира, – Максим...

– А давно ты берешь интервью?

– Я его уже три недели пытаюсь взять.

– Но отвлекает кто-то, не пускает...

– Я её боюсь, – наивно-испуганным тоном проговорил

Акира.

– Кого, внучку?

– Максим, послушай...

– Да ладно тебе, – Максим рассмеялся, – мне-то что, в самом деле.

– Кстати, а ты не хочешь пойти куда-нибудь перекусить? Тут недалеко ресторанчик неплохой есть. Я угощаю, – вдруг предложил Акира.

– Я взяток не беру! Хотя, конечно, не против. Учитывая, что день пропал, необходимо скрасить вечер. Там всё и расскажешь? Да? Да шучу я. Вообще, я смотрю, хорошо быть стажером-журналистом. – Тут Максим заметил за собой, что манера его разговора с Акирой такая, будто они знакомы уже вечность и представляют собой не иначе, как друзей-не-разлей-вода. «Да ну и пусть», – подумал он и продолжил, уже обращаясь к этому другу: – Только, мне бы зайти переодеться, а то я мятый весь какой-то.

– А что случилось?

– Да не стоит того, чтобы об этом рассказывать. – Максим подумал и, ухмыльнувшись, добавил: – Кстати, чуть не забыл, ресторанчик – это конечно заманчиво, но мне тут рекомендовали не злоупотреблять алкоголем, так что даже не знаю, как мне быть. Я же теперь не пью...

– Наливай, «Куросава»! – довольно таки уверенно произнес Максим, обращаясь к Акире. Двадцать минут он терпеливо наблюдал, как на фоне стоявшего перед ним пустого бокала, коньяк искрился в бокалах его собеседников. С Максимом и Акирой за столиком сидел Антонио Маркес. Они встретили писателя по пути в ресторан и предложили ему присоединиться к ним в столь необычном, как он сам выразился, для понедельника мероприятии. В виду предварительного заявления Максима о воздержании, он поначалу отказался от принятия спиртного, но пожалев об этом, решил всё же прибегнуть к легкому утолению эмоциональной жажды.

– Я Такеши, – весело парировал Акира, подхватив графин с коньяком.

– Ну, хорошо. – Максим на мгновение задумался. – Это серьезно?

– А что тут такого? – удивился Акира, разливая коньяк по бокалам.

– Да, ничего, в общем-то, одни совпадения... и почему ты не пьёшь sake?.. Ну, да ладно.

– Вы всё пытаетесь проводить параллели? – поинтересовался Маркес у Максима.

– Да я не то чтобы пытаюсь, они непроизвольно проводят-

ся, – ответил Максим, – предлагаю, раз я передумал бросать пить, выпить за параллели!

– Что ж, можно и за них, – поддержал Акира.

– И это будет везде! Вы понимаете, о чём я? – заметил Маркес Максиму.

– Не совсем, – признался Максим.

– В целом, как я понял из бесед с Полански, мы с вами находимся, если говорить о настоящем моменте, в одинаковых циклах.

– Циклах? – любопытно спросил Максим, – вы придерживаетесь теории цикличности истории.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, скажем, если согласно Шпенглеру – обязательный повсеместный переход от культуры к цивилизации. О том, что мир можно рассматривать как природу и как историю. Первое можно описать математикой, второе аналогией. Описывая историю, мы набираем бесконечное количество её форм, совокупность которых представляет собой культуру, та превращается в цивилизацию, которая в свою очередь гибнет... как-то так...

Маркес с Акирой одновременно удивлённо смотрели на Максима.

– Ладно, не слушайте... – осёкся тот. – Так о чём вы?

– Ссылаясь на рассказы Полански, могу заметить, что национальный вопрос, коим обременено ваше общество, нам, в частности, мне, представляется абсурдным. Вдуматься хо-

тя бы в выражение «Право наций на самоопределение». Надо же, какое одолжение делает какой-то нации, судя по всему, другая нация. Ну, не абсурд ли? Вот представьте себе дом, обычный жилой дом. В один момент какая-то семья решила самоопределиться и заявить о своей исключительности, заблаговременно образовав некую ячейку путем объединения членов этой семьи. Возможно, в пределах лестничной клетки это покажется целесообразным, как целесообразность присутствия уникальности в каждом индивидууме. Но вот, эта семья объединилась с семьями на этой самой лестничной клетке, и они создали нечто, придумав себе свою исключительность, исключительность, основанную на принадлежности к данной лестничной клетке, или даже, не исключительность, а отличие ото всех остальных клеток. Внутри подъезда это покажется непонятным, в доме неинтересным, на улице смешным, в городе в это никто не поверит. Принадлежность к нации подразумевает наличие Родины. Можно ли назвать лестничную клетку Родиной, даже, если ты родился на ней и питаешь к ней необъяснимую привязанность, живя и общаясь с целым Городом? Думаю, можно. Но как тогда назвать дом, в котором ты родился, улицу? Можно как угодно символизировать понятие Родины, равно как и нации, но на деле, ничего, кроме, возможных внешних отличий, людей не разделяет. Разве можно предположить, заглянув в будущее, где космические корабли путешествуют по галактикам, что астронавт, общаясь с представителями других планет, гово-

ря о доме, подразумевает что-то иное, кроме Земли.

– Итак, все люди братья! За космополитизм! – резюмировал Максим, поднимая бокал. Он уже снова ощущал приятную легкость во всем теле.

– Ну, может, и не братья, но, во всяком случае, не по причине разнообразия наций. А эти бесконечная рознь, эти национальные войны...

– Так, что касается войн! – решил объяснить Максим, – на мой взгляд, война – это сугубо коммерческое мероприятие. Сама жизнь это коммерческая сделка в определенном смысле... а война, как способ изменения этой самой... что-то я не расположен к дискуссиям такого рода. – Максим примолк, но тут же рассмеялся. – И оставим его. У меня уже лирические ноты по всему телу...

– Кого оставим? – наконец спросил Акира, начинавший путаться в обрывочных размышлениях Максима.

– Всё, хватит, – Максим вздохнул, – но я не о коньяке. Кстати, он закончился.

– Официант! – позвал Акира.

– Итак. Наций у вас нет, осталась лишь условность, – тем не менее, продолжил Максим, словно мгновенно забыв о том, что сам только что сказал. – Причем... нет, не могу представить. Допустим, в рамках одной только Европы – куда не шло, но весь мир! Вот это прогресс!

– То есть, вы считаете это прогрессом? – спросил Маркес.

– Не иначе!

– Давайте, выпьем! Я абсолютно ничего не понимаю, что вы такое говорите, – вставил Акира.

– Кстати, религиозный вопрос – не менее удачная находка для всякого рода спекуляций и тех же войн, развязываемых всё с той же коммерческой целью, – не обратив внимания на Акиру, продолжал Максим, на ходу сменив направление беседы.

– Религий у нас тоже нет, – заявил Маркес.

– То есть, у вас нет ни Бога, ни Дьявола, – отреагировал Максим, – что же у вас есть? Шутка...

– Вот как раз Бог и Дьявол у нас есть. Но не более того. У нас есть вера в Бога, но нет различий в способе выражения этой веры. У нас нет христиан, мусульман, иудеев, и прочих, у нас есть Вера...

– Это разве не религия?.. – перебил Маркеса Максим. – Ладно... Честно говоря, я стараюсь избегать вопросов, связанных с религией...

– Верой.

– Хорошо, верой. Я далёк и от того и от другого. Подождите, я точно помню, что видел церковь, католическую, православную и... мечеть.

– Это в прошлом, как и национальность. У нас были построены единые для всех церкви. Давно были построены. Сейчас это просто церкви для граждан города. А мечеть или костёл – это теперь музеи для всех.

– И вы ходите в церковь и также молитесь Богу?

– Лично я не хожу в церковь.

– Вы не верите в Бога?

– Вера и церковь это ни одно и то же...

– Ага, надо полагать, все же церковь у вас... – начал Максим.

– Хорошо, давайте отложим и тему веры на потом, – улыбувшись, оборвал его Маркес.

– Согласен. Что ж, значит, по двум направлениям вы нас обогнали. Вы избавились от двух наиболее мощных причин одному человеку ненавидеть другого.

– Да, но этого недостаточно...

– Предлагаю выпить за мир во всем мире! – объявил Максим, – и попросить еще один графин. Увлекся я. Давайте кардинально сменим направление. Что бы спросить? Ну, вот... Что у вас тут такого мистического происходит? – спросил Максим, смеясь нелепости вопроса. – А то я несколько раз уже слышал... и заинтригован.

– Мистическое? – переспросил Маркес, – вы имеете в виду, легенды о рыцарях, принцессах и драконах? А у вас этого нет?

– Легенды есть, но тут-то...

– Это и есть легенды.

– Так мне же и Полански рассказывал.

– Да всё предельно просто. Мифы, предсказания, рассчитанные на соответствующую аудиторию, а то и на всю, но с учетом разной степени восприятия. Признаться, я что-то не

могу припомнить чего-то такого, что могло бы... хотя, Дракон! Я угадал? Я полагаю именно им заинтересовал вас Полански? Помню, когда я с ним познакомился, – сразу, как он тут появился, – его это тоже больше всего привлекло. Видимо, наиболее эффектно выглядит. Так вот, дракон, как мифическое существо, был одним из элементов эмблемы первой королевской династии, первой, во всяком случае, согласно дошедших до нас летописей. Всё! На этом сказка, реальная сказка о драконе заканчивается. Позже, видимо сами историки, для упрощения называли Драконом каждого представителя этой самой династии, хотя, насколько я знаю, даже прозвища такого, по аналогии с вашим Ричардом Львиное сердце, не было. Я тоже для простоты их так буду называть, Драконами, вы не против? – Маркес улыбнулся. – Кстати, не факт, что династия Драконов была первой, скорее, на каком-то этапе они захватили власть, опередив конкурентов, как это всегда происходило, и затмили своими деяниями всю предшествующую историю становления монархии. Это лишь предположение. Драконы правили из западного замка, об этом вам Полански уже рассказал, я полагаю. Далее представители одного из конкурирующих родов собрали на востоке большие силы. Они беспрепятственно соорудили военные укрепления, часть из них сохранилась на территории королевского дворца, построенного позже. Вы его уже, наверное, видели. Кстати, замок Дракона уцелел целиком. Хотя, думаю, от первоначальных построек там также

мало, что осталось, просто, видимо, к поддержанию его стен относились более ответственно. Я был там последний раз лет десять назад. Так вот, как вы догадываетесь, Драконов скинули, и началось правление следующей династии. Первой заняла трон королева, прозванная Лебедем. Потом появилась эмблема с изображением лебедя. Видимо поэтому, позже было принято сопоставлять два этих королевских дома, как нечто злое и доброе, черное и белое. Красиво, Лебедь и Дракон. Дракону присудили, к тому же, нечто дьявольское. По сути, как можно предположить, ничем они друг от друга не отличались. Несколько столетий подряд Драконы пытались вернуть себе трон, но безуспешно. Вскоре следы их династии затерялись, как, в общем-то, и следы династии, начатой Лебедем. Монархическое правление просуществовало довольно-таки долго, перебрав на троне несколько династий после Дракона и Лебедя. Но именно они, Дракон и Лебедь, остались в памяти, как истинные правители, обладающие подлинной королевской кровью. Разумеется, такое решение принял кто-то определённый и с какой-то определённой целью, теперь уже не раскопаешь какой, придав к тому же всему этому некое божественное начало. Хотя, скорее магическое. Вот почему в Городском законе есть упоминание о королевской крови.

– То есть? – спросил Максим.

– Я не уверен, есть ли это или нет сейчас. Помню, был ряд правил, или законов, которые нельзя ни изменить, ни вне-

сти в них никакие либо поправки, исполнение их возложено в обязательном порядке на любую власть в городе, будь это хоть инопланетяне.

– Что-то я уже потерял нить... – признался Максим.

– А как вы думаете, если из всего того, о чём вы тут говорите, я напишу статью, то... – начал было Акира.

– В вашем законе, в конституции, есть такая фраза, как «королевская кровь»? – перебил его Максим, обращаясь к Маркесу. – Это всё серьёзно?

– Абсолютно, – отозвался тот. – Не представляю, каким образом может происходить исполнение и контроль всего того, что с этой самой фразой, как вы сказали, связано, но это так. Это как закон природы, нарушить который не получится никоим образом, то есть, пойдя против таких законов, просто ничего дельного, да и вообще ничего не выйдет. Я не скажу, как это оформлено, как это звучит, тем более не знаю, на чём эта, скажем так, статья, основывается и откуда берёт начало, но это так. Это факт, и должен быть принят, как смена дня и ночи, как неизбежное. Но, есть одно «но», не зря же эти статьи не публикуются в каждом издании конституции. Ими, во всяком случае, на моей памяти, никогда не пользовались.

– Почему? – спросили Максим.

– Почему? – повторил за ним Акира.

– Вероятность существования условий, представленных в них настолько мала, что приняли решение не забивать голо-

ву народу... людям, интересующимся законами. Их много? Вот, Акира, ты часто читаешь конституцию, ты её, вообще, читал?

– В институте...

– Ах, ну да, извини, забыл, что ты журналист.

– Я помню, было что-то такое, – сказал Акира, – но мы не заостряли на этом внимания. Помню только, мне показалось, что это бред какой-то. А ведь не так давно и было. Так, промелькнуло незаметно. Да, и это в рамках рассмотрения государственных институтов, в частности, Ордена Лебедя... Я всегда считал его чем-то надуманным... а так... в общем, не отложилось, потому, как бред...

– По большей части так и есть, но, не то что бред, а практически не исполнимо. Так вот! К чему я? К правлению. Смысл закона заключается приблизительно в следующем: гражданин, в чьих жилах течет королевская кровь, имеет право влиять на Городское управление путем назначения главы Города по своему усмотрению. То есть, если бы я был персоной, в чьих жилах течёт королевская кровь, то я мог бы назначить кого-нибудь из вас президентом.

– Ха-ха! – не сдержался Акира.

– В чем подвох? – серьёзно спросил Максим.

– Назначение имеет силу в течение полугода, и может быть использовано раз в пять лет. То есть, если через полгода президент, скажем, не понравится народу, он сможет его снять и поставить другого путём голосования. Ну, это я уже

переносу на нашу почву, так сказать. Как это было целесообразно использовать раньше, в случае использования – не знаю. Это не единственная статья, наверняка, я не помню, что там ещё есть. Кажется, ещё что-то говорится о возможности правления непосредственно самими обладателями этой самой крови при определенных условиях. Не буду врать, если любопытно, можете сами выяснить. Вот тебе, Акира, и тема.

– Да я уже только об этом и думаю. Жаль, нельзя её будет преподнести, как что-то совсем новое. Но, в преддверии выборов напомнить законы, о которых многие забыли, было бы, наверное, забавным.

– Мне почему-то кажется, что далеко не всем это покажется забавным, – ухмыльнулся Максим.

– Вполне возможно, – поддержал Маркес, – так что, твой репортаж может оказаться напрасной тратой времени и сил.

– Ничего! Попробовать-то можно! – по-мальчишески гордо заявил Акира.

– И каким образом определяют королевскую кровь? – поинтересовался Максим.

– Вот это я не знаю. Существует целый Орден, тот самый, Орден Лебеда, отвечающий за все эти королевские дела, – наигранно серьезно произнес Маркес.

– Класс! – воскликнул Акира.

– Вообще, составить свою родословную, насколько я могу предполагать, недешёво. В библиотеке есть база данных.

В принципе, любой может прийти, сесть за компьютер, или купить диск, но что он там найдет? Сами понимаете, идентифицировать себя с кем-то из перечня, скажем, схожих фамилий, никак нельзя. Нужны неопровержимые факты: реальные документы, хранящиеся в городском архиве. Но, кто в них будет разбираться? Слышал, есть некоторые субъекты, крайне интересующиеся своими корнями, например, нувориши, горящие желанием объявить о своем благородном происхождении и не жалеющие никаких средств на поиски.

– Так, подделать-то, наверняка, можно всё, что угодно, – сказал Максим.

– Не знаю. Нет, может и можно, но зачем? К этому вопросу относятся крайне серьёзно. Этот самый Орден не допустит никакой фальсификации.

– Почему? – удивился Максим.

– Не всё так просто. А насколько не просто, я не знаю, я итак храню в своей голове много ненужной информации, – улыбнувшись, ответил Маркес, – а уж, что касается непростых дворянских родов, а именно королевской крови, то тут уж точно места нет. – Маркес указал на свою голову. – Я слышал, что Орден хранит кубок, вылитый из какого-то специального сплава, прикосновение к которому заставляет излучать его неземной свет. Но только в том случае, если в жилах прикоснувшегося к нему течёт королевская кровь.

Акира и Максим смотрели на Маркеса с легкой долей недоумения.

– Может ещё выпить? – предложил Максим.

– Вы просили рассказать что-то эдакое. – Маркес улыбнулся.

– И что, каждый может прийти и пощупать этот кубок? – поинтересовался Акира.

– Да ладно, Акира! – вмешался Максим.

– Этого уж я не знаю. Не думаю, – ответил Маркес и, смеясь, добавил: – Да ладно вам, не забивайте голову чепухой. Всё, мои юные друзья, мне пора. Засиделся я тут с вами. Спасибо за вечер. – Антонио поднялся, вынимая из кармана бумажник.

– Ну что вы, Антонио, сегодня я угощаю! – возразил Акира.

– Ну, хорошо, – согласился Маркес. – Не понимаю, конечно, с чего бы это, но, если так угодно... Ну, всего хорошего.

Акира с Максимом попрощались с Маркесом и на мгновение погрузились каждый в свои мысли.

– Да ну, ерунда какая-то, – словно очнувшись, проговорил Максим. – А вот чего я не пойму, так это то, как вы друг друга понимаете? Не то что на одном языке говорите, а вот как западный человек, восточный, араб, ну, и так далее, могут понимать друг друга? Это ж совершенно разные культуры. Это ж...

– А где это всё находится, интересно, – не слушая Максима, произнес Акира.

– Что? Ты о кубках?

– Ну, интересно же!

– Забей, – предложил Максим и разлил коньяк по бокалам, – честно говоря, я уже плыву. Мне что голубая кровь, что чёрная, что Лебедь, что Дракон...

– А мне хорошо, – улыбаясь во всю свою ширь лица, промурлыкал Акира.

– Ты об Эсмеральде? – спросил Максим.

– О ком?

– О ведьминой внучке, – смеясь, уточнил Максим.

– Да ну брось ты!

– Шучу-шучу.

– Лалочка...

– А почему Лала? Это же не цыганское имя, или... да я и не знаю, это ж... – Максим примолк, и после заплетающимся языком процитировал:

«Я спросил сегодня у менялы,

Что дает за полтумана по рублю,

Как сказать мне для прекрасной Лалы

По-персидски нежное «люблю»?..

– Это что есть такое? – поинтересовался Акира.

– Персия.

– Что?

– Колись, «Нотр дам», чё ты замутил с красоткой-цыганкой при живой-то, прости, не помню, как зовут...

– Саша, – застенчиво произнес Акира, – понимаешь...

– Стоп, стоп, стоп, да там о ней речь шла, как о невесте,

если я ничего не путаю.

– Да, но это.

– Подожди, – Максим встал и, с трудом передвигая ноги, направился в уборную. «Как резко меня накрыло, – пытался думать он, – как бы чего не вышло». Возвращаясь, он задел соседний столик, в связи с чем получил мягкое, но настойчивое замечание от охранника ресторана.

Сев за свой столик, Максим обнаружил своего нового друга в объятиях Морфея. Подперев щеку кулаком и опустив голову, Акира спал, оставаясь незаметным в этом качестве окружающим.

– Ну, вот и поговорили, – разочарованно заметил Максим, осторожно тряся Акиру за плечо.

– Кажется, нам хватит, – уверенно, но медленно проговорил Акира, совсем не удивившись тому, что он отключился.

– Кажется, мы кому-то мешаем, – наклонившись к Акире, произнес Максим.

Он услышал, как с соседнего столика, за которым располагалась компания из шести человек, двух женщин и четырех мужчин, доносились недовольные возгласы, адресованные именно им. Максим смог различить лишь обрывки фраз, среди которых были такие как: «Этот, вообще заснул», «Да он чуть не рухнул на стол нам», «Дома бы сидели, молодняк», «Дорогой, остынь», «Может, вышвырнем их?», «Да чем они мешают?», «Да раздражают они меня...», и так далее. Судя по всему, эти господа, особенно трое муж-

чин, были не намного трезвее Максима с Акирой, да и не на много старше, как отметил Максим, обидевшись на «молодняк», а лишь рисовались перед дамами и друг перед другом. Прислушав ещё несколько высказываний, Максим не выдержал, – проспиртованная кровь жгла мозг, – и, повернувшись к соседнему столику, довольно громко и резко заявил:

– Ну чё вы там телитесь? Если есть чего сказать, так вперед!

Соседи, видимо, не ожидавшие такой наглости, на мгновение примолкли. Первым очнулся довольно-таки крупный, как оказалось, когда он поднялся, господин. Он был больше, чем Акира с Максимом вместе взятые. Не успел Максим подумать о том, какую глупость он совершил, как события начали разворачиваться с невероятной скоростью и очень быстро закончились. После предложения выйти, озвученное поднявшимся господином, последовало более ленивое: приложить их тут же, на месте. Обе эти перспективы были категорически отвергнуты двумя подошедшими охранниками, слушать которых отказались обе стороны. Акира проявил неожиданную прыть, вскочив из-за стола и размахивая руками, доказывая свою правоту, не смотря на то что, в общем-то, никто ни в чем его не обвинял. Причём правоту он пытался доказать охранникам, чем ввел в заблуждения как Максима, так и их соперников. Охранники, также введенные в заблуждение, не заметили того момента, который, к сожалению, был очень хорошо оценен Максимом, который,

пролетая между двух столов, не забывая при этом схватить с каждого из них скатерть, увлекая за собой всё их содержимое, довольно-таки громко приземлился на пол. В считанные секунды к только начавшейся потасовке, присоединилась добрая половина посетителей ресторана. Время было за полночь, практически все были подогреты алкоголем, а завсегдатаи этого заведения видимо не отличались благопристойными манерами. Для Максима вечер закончился, когда он, подняв над головой стул, стараясь таким образом отмахаться от назойливых противников, оказался лежащим на улице, предварительно раскрошив этим стулом витрину. Судя по всему, именно Максим причинил ресторану наибольший ущерб, поскольку, к приезду полиции только его одного крепко держали охранники, в то время, когда все остальные разбежались, не скрывая своей радости за неоплаченный ужин.

Красивая женщина в обществе это, что бы там не говорили, преступление природы перед этим самым обществом. Неравенство будит зависть, зависть рождает вражду, вражда раскалывает общество, какими бы прочными узами оно не было связано. Поэтому, если круг вашего общения включает женщин, довольно-таки заурядных, а речь идет исключительно о внешних достоинствах, поскольку какие-либо другие не рассматриваются мужчинами вообще, по крайней мере, на ранней стадии развития отношений, не следует вводить в него кого-либо, кто способен привлечь к себе внимание всего круга. Это касается вас, женщины, если вы не хотите упасть в глазах мужчин и подруг, и вас, мужчины, если вы не хотите ссор с женщинами и соперничества с друзьями.

В девять часов, после того как спектакль в театре оперетты закончился, Сандра предложила пойти прогуляться по парку. Благо было ещё светло, да и парк располагался недалеко от театра. Парк примыкал к морю, захватывал часть побережья, в результате чего он никогда не пустовал. Близость моря привлекала посетителей неким духом романтики: приятно прогуливаться по набережной, прислушиваясь к шуму волн.

Оказавшись в парке, друзья встретили большую шумную компанию, которая, как выяснилось, выбралась туда с той же

незатейливой целью. Только поводом послужило не желание развеяться после театра, а необходимость подышать свежим воздухом после весёлого застолья. Оказалось, что Ренат, Рик и Сандра прекрасно знали всех участников этой компании, и, более того, со многими были в тесных дружеских отношениях. Выяснилось, что компания отмечала день рождения одной девушки по имени Сара, являющейся подругой Сандры, но которая, по причине их недавней ссоры, не пригласила её на торжество. Всё это с подробностями Маргарита узнала позже, а пока происходила церемония представления её и знакомство. Мероприятия эти, да ещё в таком масштабе, Маргарита не любила.

Большая компания разбилась на группки, и в какой-то момент Маргарита осталась совсем одна. Она почувствовала себя неуютно и не знала, что делать. Но тут ей на помощь пришла Сара, именинница. Это была довольно-таки симпатичная девушка, невысокая и немного полноватая, что очень ей шло и придавало больше привлекательности. Смуглая, с выразительными карими глазами и строгим выражением лица, она производила впечатление серьезного человека и контрастировала, как отметила Рита, со своей легкомысленной подругой, Сандрой. Она сразу очень понравилась Рите, и, быстро найдя общий язык, они разговорились. Рита узнала, что Саре исполнилось сегодня двадцать три года, что училась она в одном институте с Риком, Ренатом и Сандрой. Что почти большинство здесь присутствующих, за исключе-

нием двух-трех человек, это её бывшие одноклассники, что работает она ассистентом менеджера по продажам в одной нефтеперерабатывающей компании, что её молодой человек вместе с другом повели своего товарища, который немного перебрал, домой.

– А вот и они, вернулись, – обрадовалась Сара, – ну, как, довели? Он совсем плохой? Завтра на работу, а он...

– Золотое правило, которое, гораздо практичнее, чем суеверие относительно того, что справлять день рождения заранее плохая примета, – это ни в коем случае не справлять его перед рабочим днем, – одновременно весело и серьезно прозвучал ответ. Голос, низкий и немного грубоватый, но в тоже время звучащий, как должен звучать голос настоящего мужчины, то есть уверенно и четко, как представляла Маргарита, принадлежал молодому человеку, подошедшему сзади и представшего перед ней с Сарой.

– Знакомься, Маргарита. Курсант... – начала Сара, – ой, всё не могу привыкнуть к тому, что ты уже этот. Кто там? Лейтенант? Я не разбираюсь в званиях и никак не могу их запомнить.

– Так точно, лейтенант Валдис Райнис! – отрапортовал лейтенант.

– Кальман, – представила Сара другого подошедшего молодого человека.

– Маргарита, – сама представилась Рита.

– Какая потрясающе красивая девушка, а ты её скрывала,

Сара! – воскликнул Валдис.

– Мог бы подождать, пока я отойду и выдать комплемент, – возмутилась Сара.

– Прости, не смог сдержаться. Это второй комплемент, поэтому, снова прости.

– Спасает тебя лишь то, что всё что мог, мне ты уже высказал, – улыбаясь, и с укором сказала Сара. – Мы только познакомились.

– Дорогая, несмотря на то, что я согласен с Валдисом, я промолчу, поскольку ты дороже мне всех на свете. И это, несмотря на то, что только что ты напомнила Валдису в моём присутствии о ваших с ним отношениях, пусть это и было в детстве! – весело сказал молодой человек, подошедший вместе с Райнисом. Рита его не сразу заметила.

– Прости, дорогой, больше не буду! – нежно проворковала Сара и поцеловала Кальмана в щечку.

– Милые бранятся, только тешатся, – прокомментировал Валдис и продолжил, обращаясь к Рите: – Так вы с Ренатом? – В его голосе звучало разочарование.

– Мы в театр ходили, – уклончиво ответила Маргарита.

– Она новенькая, – засмеялась Сара.

– Рит, а ты знаешь, как нас с Сарой называли на первом курсе? – Вдруг откуда-то вынырнула Сандра, она успела уже помириться с Сарой. – «СаСа». Мы ходили всё время вместе, и чтоб не заморачиваться, все так и говорили. «Ты не видел СаСа?» – прикольно! – Сандра засмеялась. – Привет,

Валдис! Привет, Кальман!

Валдис произвел на Маргариту должное впечатление, как и подобает молодому офицеру в самом начале армейской карьеры. Но, не более! Ренат тем временем сухо поздоровался с Валдисом:

– Как наш щит? Порядок в войсках? Ты какими судьбами? Давно тебя не видел.

– Я на западе служу. Такое распределение. Первый отпуск... кончается.

– Далеко на западе?

– Тысяча километров.

– Ого! Вы там пустыню охраняете что ли?

– Что ты пристал, Ренат? – вмешалась Сара.

– Это учебная часть. После переведут.

– Учебная опять. А в училище вас не учили? Переведут дальше на запад?..

– Всё зависит от того, какое будет назначение. Должны направить сюда, насколько мне известно. – Валдис не знал, каким образом тут можно было отшучиваться, поэтому просто отвечал.

Как потом Маргарита узнала, Валдис Райнис учился с Сарой в одном классе в школе, причем одно время она была его девушкой. После он поступил в военное училище и связь с ним пропала. Пару лет о нём ничего не было слышно, пока Сара случайно не встретила его на улице. Тогда у неё была, что называется, сформирована институтская компания, хо-

зайкой которой она себя видела, и она пригласила его, и заодно ещё двоих бывших одноклассников на одну из вечеринок. Тогда-то Валдис вместе с их общими одноклассниками прочно вошёл в круг. После окончания училища он ни с кем не виделся целый год, и вот приехал в отпуск.

Кто-то из группы, видимо, ведущей какой-то свой спор, позвал Рената, и он удалился, увлекая с собой Сандру с Риком. Одновременно с этим увели в соседнюю группку и Сару с Кальманом. Как именинница, Сара была востребована больше всех. Маргарита осталась с Валдисом один на один. Несмотря на то, что в двух шагах весело шумели её новые приятели, она ощутила жуткое смущение. Валдис смотрел на неё в упор своими пронзительными, излучающими блеск, глазами.

– А как вы познакомились с Ренатом? – спросил он, – прошу прощения, если вопрос не очень скромный.

– Ничего страшного, – ответила Рита, – нас Сандра познакомила.

– Так. А как вы познакомились с Сандрой? – продолжил допрос Валдис.

– Совершенно случайно. Я спросила у неё дорогу, и мы разговорились. А что?

– То есть, вы никого из этой компании раньше не знали? – не унимался Валдис, расстреливая Риту веселыми искорками своих глаз.

– Я гость, так это у вас называется, насколько я понимаю. –

Маргарита решила поставить все точки над и.

– Seriously? Интересно... – загадочно произнес Валдис. – Разрешите задать мне один, действительно, нескромный вопрос? – начал он.

– Разрешаю, – улыбнулась Рита.

– Вы с Ренатом просто ходили в театр или... не просто? Поскольку мне хотелось бы показаться вам человеком тактичным и не задавать ненужных вопросов, ответом на этот вопрос я бы все сразу выяснил и больше вас не беспокоил, возможно. – Валдис улыбнулся. – Так вот, как я понял, знакомы вы недавно, то есть, практически, не знакомы. Значит, в театр вы ходили просто так, а значит, никаких, упаси боже, обязательств у вас нет. Правильно? Вот видите, чтобы вас не беспокоить по пустякам, я сам ответил на свой вопрос.

– Замечательная логика, – засмеялась Рита.

– Дело в том, что через два дня у меня заканчивается отпуск и вернусь я сюда не раньше, чем через месяц. Во всяком случае, я так надеюсь. Не скрою, вы мне очень понравились. – Валдис хитро улыбнулся и тут же добавил: – Снова, простите, но я повторюсь, у меня мало времени, поэтому лучше сразу обозначить свою позицию.

– Мы знакомы всего пять минут, – весело возразила Маргарита.

– Разве этого недостаточно, для того чтобы понять то, насколько человек тебе симпатичен?

– Согласна, в принципе.

– А разве вам я не понравился? – наигранно возмущенно спросил Валдис.

– Понравились, понравились, – в тон отвечала Рита.

– Поэтому! Я хотел бы предложить вам как-нибудь встретиться со мной. Даже так: вы не возражаете, если я назначу вам свидание? – Валдис говорил достаточно громко, но не настолько, чтоб кто-то ещё мог их услышать. – Например, завтра вечером.

Маргарита смеялась, но была сражена уверенностью Валдиса.

– Я подумаю, – ответила она.

– Хорошо. Законное желание. Как я смогу вас найти? Остался один день.

– Рита! – подбежала Сандра и, схватив Риту за руку, увлекла за собой.

Больше Рите с Валдисом не удалось остаться наедине. Веселье продолжалось ещё какое-то время, но, поскольку, большинство ждала завтра работа, то решено было разойтись по домам. Ренат, на правах сегодняшнего кавалера, потребовал вернуть ему Маргариту. Он старался шутить, хоть и был не на шутку огорчен притязаниями Валдиса, которые он смог распознать, глядя на них со стороны. Тем не менее, Валдис уступил ему право проводить Риту до дома, что тот и выполнил, всю дорогу пытаясь выведать у Риты, о чём они беседовали, не забывая всеми способами произвести на неё впечатление мужчины, предпочитать которому кого бы то ни

было просто глупо. Маргарита же только отшучивалась и, оказавшись у входа в отель, от души поблагодарила Рената за чудесно проведенный вечер и скрылась за дверью, оставив его в раздумье о нелегкой конкурентной борьбе мужчин за право обладания женщиной.

Поднимаясь к себе в номер, Маргарита пыталась проанализировать все чувства и эмоции, переполнявшие её, уделив особое внимание интересу, который проявляют к ней мужчины, что, впрочем, не было для неё чем-то из ряда вон выходящим – она всегда пользовалась успехом у сильного пола. Волновало её вот что. За всё время, начиная с того момента, как она вышла из номера и направилась в театр, она ловила на себе взгляды прохожих или тех, с кем общалась и не могла отделаться от ощущения, что на неё смотрит кто-то, кого она не видит, причем постоянно. Особенно остро она почувствовала это сейчас, оставшись одна. И почувствовала это, потому что лишилась этого ощущения.

«За пределами отеля за мной кто-то следит», – вдруг решила она и испугалась.

На следующий день, прямо с утра она решила поделиться этими наблюдениями с Сандрой. «Больше все равно не с кем, – подумала она, и тут же пред её глазами возник образ Валдиса, представлявшийся ей как некий символ настоящего мужчины, защитника, – не стоит торопиться, я его совсем не знаю. Ну, не Ренату же рассказывать». Оба рыцаря, как Маргарита назвала их про себя, предложили ей встречу се-

годня вечером, и двум она пообещала подумать. «А может Сара? – вспомнила она, подумав, что та вызвала у неё больше доверия, нежели Сандра, – но как её найти? Только через Сандру. А что, если мне только кажется, и я буду выглядеть полной дурой. Этого бы мне не хотелось... Максим!»

Маргарите показалось забавным, что единственный человек, который мог бы её понять, не удивляясь ни одному самому безумному предположению, это был её соотечественник, тот, с которым она, собственно, и оказалась в этом Городе, пришел ей на ум в самую последнюю очередь. Хотя, за те уже почти четыре дня, проведенные здесь, ее новые знакомые были гораздо ближе ей, чем он. Тут же Рита усомнилась в реальной поддержке Максима, вспомнив, в каком виде она встретила его в театре, и что за этим последовало. Тем не менее, она пошла к нему, благо он жил в номере напротив. Максима не было. Маргарита решила не выходить из отеля, равно как и не встречаться ни с одним из кавалеров, позвавших её на свидание. «Думаю, так будет лучше. Не так быстро», – решила она. Будучи полностью погружённой в свои мысли, она, гуляя по коридору, встретила Варвару Ильиничну, служащую отеля. Старушка пригласила Риту к себе в комнату на чай и так увлекла её рассказами о себе и о городе, что Маргарита не заметила, как пролетел день и наступил поздний вечер.

– Мне кажется, ты хотела, чтобы так получилось, – хитро заметила Варвара Кузьминична, когда Рита посмотрела на

часы и была поражена текущему времени. Часы показывали половину одиннадцатого вечера.

– Да, действительно, – замешкавшись, подтвердила Рита, с благодарностью глядя на милую бабушку.

Прощавшись, Рита направилась наверх. Несколько раз она стучала в дверь Максиму, но безрезультатно.

Он проснулся от горячего ощущения того, что его кто-то толкнул, причём, откуда-то изнутри его самого. Всё его тело было покрыто потом, который, впитавшись в одежду, создавал неприятное ощущение зябкости. Мёртвая тишина. Только стук сердца. На миг ему показалось, что если он пошевелится, сместившись со своего места, то обязательно провалится в пустоту. Не было ни стен, ни пола, ни потолка, не было ничего. Только эта молчаливая и страшная пустота. Пустота вокруг него и пустота в нём самом.

– Проснулся?

– Чёрт! – прохрипел Максим от неожиданности. – Это я где?

– Ну а где ты мечтал оказаться? – ответил вопросом мужской неторопливый, низкий и немного хрипловатый голос, который, как показалось Максиму, он уже где-то слышал. Это не был кто-то из его знакомых по путешествиям в глубинах его разума, таких как Моррисон или, даже, Брат, которого он встречал уже в Городе. Но точно, он где-то уже слышал этот голос.

Максим сел на кровати, оказавшейся широкой скамьей. Протерев глаза и осмотревшись, он обнаружил, что скамья, прибитая к стене по всему периметру трех стен маленького квадратного помещения, это единственное, что здесь было,

кроме двери в четвертой. С потолка свисал маленький фонарь, свет от которого был настолько слаб, что не позволял разглядеть черты собеседника, сидевшего напротив.

– Обезьянник, – не без огорчения заключил Максим, мгновенно вспомнив события прошедшего понедельника.

– Bravo! Накуролесил? Чего намутил, кроме того, что нарезался? – поинтересовался незнакомец.

– Кажется, я что-то сломал в каком-то кабаке. – Максим закашлялся, схватившись за голову.

– На, держи, поможет. – Незнакомец кинул Максиму довольно-таки объёмную фляжку, открыв которую, тот почувствовал нежный аромат виски. – Очень кстати.

Сделав глоток, он спросил:

– А вы какими судьбами?

– Оставь, тебе нужнее, – сказал незнакомец, заметив, как Максим решил вернуть ему флягу. – Я тут просто так. Тебя как зовут?

– Максим. Что значит просто так?

– Меня Леонардо, можешь, просто, Лео. У меня документов не было, вот они решили помочь мне установить мою личность.

– И давно вы здесь?

– С вечера, ровно двенадцать часов здесь парюсь. Сейчас семь утра, если тебе интересно.

– Не очень, если честно, – устало ответил Максим, ещё раз приложившись к фляге, ощущая, как тепло разносится

по его телу. – А тут имеют право так делать? Отсутствие документов является основанием для ареста?

– Ну, это не арест, а задержание. Если твое лицо похоже на лицо преступника, находящегося в розыске, могут задержать по подозрению и всё проверить.

– Что же они никак не могут выяснить вашу личность?

– Да на хрен им это не сдалось.

– Что-то я очень туго соображаю.

– Они меня прекрасно знают.

– А зачем?..

– Они думают, что такими щенячьими прогонами они меня на «стрём» сажают. Всё тужатся показать, кто в Городе хозяин. Каждая мелкая тварь, наделенная формальной, самой ничтожной властью испытывает нескончаемое удовлетворение от её демонстрации.

– А кто в доме хозяин? – поинтересовался Максим, с трудом понимая, о чём идет речь.

– Хозяин, – повторил за ним Леонардо. – Это вопрос вечный и неопределенный. В любом случае, не эти шавки. Гунько, твою мать. Я и не знал, кто ты такой.

– Гунько? – удивился Максим, вспомнив усищи Буденного на строгом лице начальника полиции.

– Ты его знаешь, что ль?

– Да не очень, он меня как-то допрашивал...

– Ты чего, на рецидиве? – недоверчиво спросил Лео.

– Да нет, – отмахиваясь, сказал Максим, – он со мной что-

то типа собеседования проводил. Короче, я гость.

– Ё-моё, реально? Никогда не видел. Ну и как?

– Да ничего особенного, а вы... – Максим начал догадываться с кем он попал в одну камеру, и ему стало не по себе с одной стороны, и до смерти любопытно с другой. – Вы, надо полагать, здешний Аль Капоне?

– Что? – не понял Лео.

– Карлеоне, крестный отец. Подпольный бизнесмен?

– Как пожелаешь, – Леонардо ухмыльнулся, – я просто живу так, как хочу, а хочу я не зависеть ни от кого.

– А вы не боитесь? – осторожно спросил Максим.

– Ты думаешь, им есть, что мне предъявить? Я же сказал, они так тешат себя. Конечно, если честно, чалиться тут большого удовольствия мне не доставляет. Но я где хочу, когда хочу, как хочу и что хочу, то и делаю. А эти уже достали. – Он тихо рассмеялся. – Четвертый раз за год. По-любому докопаются, если засвечусь где-нибудь. Сейчас к документам присосались, уроды. Думаю, долго не продержусь, на них самих в суд подам. Но, боюсь, они только этого и ждут. Эх, навестил дочь.

– В смысле? – спросил Максим.

– Да дочь моя без меня живет, с бабкой. Тёщей. Вот я и решил её навестить сегодня, то есть вчера. – Немного помолчав, он снова рассмеялся и добавил: – А теща её прячет от меня, ведьма.

Тут Максим вспомнил, где он слышал этот голос. Это был

тот самый злодей, изверг и так далее, зять цыганки, что его выходила, отец Лалы. «О как! Бывают же совпадения», – подумал он и его любопытство возросло. Ему во что бы то ни стало, захотелось узнать всю историю.

– А почему прячет?

– Боится меня. Я ж изверг. – Он снова засмеялся уже громче.

– И это правда?

– Абсолютная! – серьезно произнес Леонардо. – Иначе, я был бы таким же ничтожеством, как вся эта шваль, именующая себя гражданами, лишённая даже элементарного понятия о самоуважении. Ведь никто из них даже не задумываются о том, что он должен быть хозяином. Хозяином своей жизни! Свободным человеком! А не прыгать, как все эти мартышки, в смысле, граждане нашего справедливого Города. Ты хозяин, ты берешь, что хочешь, используешь это общество, пока оно само не загрызло тебя в этом паскудном Городе... – Леонардо осёкся. – Извини, что-то я вдруг разошёлся на пустом месте. – Он рассмеялся.

– Ничего, мне очень даже любопытно, вернее, интересно... простите. Я же тут ничего не знаю, так что, любое... Ладно. Так о чём вы говорили?

Леонардо пристально посмотрел на Максима, улыбнулся и продолжил:

– А в мире так называемых людей, юноша, можно жить только на вершине. Там власть! И там, на вершине, у этой

самой власти пригrelась толпа присосков, родственники, друзья и прочие прихлебатели, все те, кто «имеет» всех вас – свободных граждан Города! Всё богатства в их руках. Всё у них! Они создают производственные компании, торговые фирмы, всевозможные корпорации, правительства, полицию, войска, суды. Они придумывают законы, оберегающие их и их богатства. Оберегающие в первую очередь от тех, кто эти богатства создает. Они – хозяева жизни! Все остальные, этот, так сказать, народ, основная масса общества, всего лишь инструментальный набор для их благополучного существования на вершине этого общества. Как туда попасть, на вершину?

– Как? – спросил Максим, невольно испытав азарт.

– Элементарно! Нужно быть сильным! Но не просто сильным, нужно быть сильным негодяем, подонком, тварью, мразью, сволочью! Нужно лишиться всех существующих принципов и самых элементарных понятий о чести, совести и прочих атрибутах порядочности. Что за слово? Порядочность! На кой чёрт она сдалась? Какой от неё прок в этом мире? Иметь нужно то, что приносит пользу. И быть нужно тем, кто может приумножить пользу, разумеется, свою, личную. Нужно стать кучкой дерьма. И тогда все двери в хорошую жизнь будут тебе открыты!

– То есть, – я сокращу изложенный вами путь, – для того чтобы обрести свободу, нужно стать кучкой дерьма?

– Нет, что ты. Это только для того, чтобы открылись

дверь. Для того чтобы стать свободным, нужно из кучки превратиться в огромную кучу самого отборного дерьма. Когда я вижу в телевизоре какого-нибудь политика или бизнесмена я чувствую, как начинает вонять. Самый лучший способ оказаться на вершине – это родиться там. Мечтой простого человека является то, что для них, рожденных на Олимпе, есть предмет пользования, само собой разумеющийся, в любом количестве и на любой вкус. Ведь рожденные там с самого детства обладают тем, что простому человеку кажется неосуществимой мечтой. Они начинают свою жизнь с того, к чему обычный человек надеется подойти к концу своей. Вот решил мальчуган стать архитектором и строить дома, и сказал об этом папе с мамой. Папа с мамой обрадовались, но предупредили, что обучение стоит денег, которых у них сейчас нет, но они будут стараться, и, может, скопят необходимую сумму. И вот они работают, не покладая рук, без выходных, днем и ночью, отказывают себе во всем, гробят здоровье ради сына. А он уже не маленький, он понимает, какой ценой достается первый шаг к осуществлению его мечты, и сердце его обливается кровью. Он может попросить родителей не трудиться столь упорно, но тогда о мечте можно забыть. А может кто-то из родителей, скажем, отец, не выдерживает и умирает. Тогда ему приходится бросить школу и идти работать. Но мечта остается! Он уже кое-как заканчивает школу. Они с матерью живут впроголодь, всё ради того, чтобы он стал архитектором. Через несколько лет им удастся

собрать нужную сумму, но цена обучения возрастает, приходится снова откладывать. Наконец он поступает в институт. Но как учиться? Ведь на что-то нужно жить и кормить мать, которая уже не в состоянии работать? А её здоровье подорвано и, если что, денег на лечение не хватит. И вот он учится, чудом успевая подрабатывать. Но вот, мать кладут в больницу, и ему приходится бросить учебу и работать больше, чтоб оплатить лечение. Мать чувствует вину перед сыном, который ни семьей никак не обзаведется, ни учебу не закончит. Она решает умереть. И умирает. А он понимает, что явился причиной её смерти. Сомкнув зубы и сжав кулаки, он всё же оканчивает институт и получает диплом архитектора. Но как найти работу? Лет ему уже много, а опыта работы архитектором нет. И вот он долго ищет себе место, перебиваясь случайными заработками, не смея отказываться от своей мечты. И, о чудо! Ему предложили место. Он рад, он счастлив, он добился того, о чём мечтал в детстве! Но где его семья, которая могла бы поддержать его? – Он не смог завести её, идя к цели. Где друзья, которые могли бы порадоваться вместе с ним? – У него не было времени на них. Где родители, которые могли бы гордиться им? – Они не дожили, отдав все силы ради его мечты. Да и сам он истратил столько сил и здоровья, что времени на реализацию своей мечты у него почти не осталось. Он счастлив? Стоили все жертвы такого финала? А вот, нет никаких великих целей, хочется иметь лишь собственное жилье, квартиру. Что для

этого нужно? Опять деньги! Зарплата рабочего где-то тридцать рублей...

– Хорошо, для рабочего, – наконец вставил слово Максим.

– Думаешь, это хорошо? Квартира стоит двадцать тысяч. Средненькая. Это деньги, которые придется копить ему, учитывая траты на семью, или отдавать, если это кредит, всю жизнь. То есть, всю жизнь придется жить ради того, где жить. И это не крайность – далеко не крайность. Если есть хоть один подобный случай, следует усомниться в целесообразности такого социального развития. А это наш Город! А вот тебе детки, рожденные на вершине. У них есть сразу всё! Квартиры, возможности... но они ничего не хотят! Им ничего не интересно. Ничего нового, никакого движения, в лучшем случае продолжить плавное течение по вырытому до них руслу. – Леонардо выдержал паузу. – Больше всего меня тошнит от этих ублюдков. Они ведут себя как собственники всего мира и потомственные рабовладельцы, совершенно серьезно уверенные в том, что так оно и есть, и так должно быть всегда. Что все жизненные блага принадлежат им, несмотря на то, что к приобретению всех этих благ они не приложили никаких усилий. Хотя, нет. Больше всего меня тошнит от присосков, готовых лизать задницу всем и вся, любому выкидышу олигархии или власти, лишь бы как-то продвинуться вверх по социальной лестнице. Ведь те самые выкидыши не могут справиться с тем, что наследуют от родителей. И это естественное явление. Родиться на вершине

лучше всего для здоровья, но хуже для будущего и будущих поколений. Имея с рождения все блага, не будешь знать их реальную цену, а потому не сможешь грамотно ими распоряжаться, хранить и приумножать. Поэтому с самого начала жизни эти твари окружены той самой толпой присосков, стремящихся урвать куски этих благ, или вообще отнять их и поделить между собой. Поэтому, я думаю, что считать общество сильным можно только на этапе формирования и сразу после рождения, поскольку создают его козырные личности, сильные и бескомпромиссные, подминая под себя все и всех. И плевать они хотели на толпу, на этих слабых людишек, эту массу. Мало иметь цель и идти к ней любыми способами, нужно ещё и побеждать. Борьба за выживание не терпит соплей. Ты либо владелец, либо раб.

– Угу, волк или овца, – рассеянно добавил Максим.

– Или так. Хотя тех, что на вершине, волками бы я не назвал. Во всяком случае, далеко не всех. По большей части там одни свиньи. И чем дальше от создания существующего общества, тем их там больше. Но таков закон природы. Ты либо над законом, либо под.

– А вы, надо полагать, вне закона? – спросил Максим.

– Я не хочу иметь ничего общего ни с этими скотами, ни с этим рабским стадом. Я хочу быть свободным. Ведь, даже находясь на вершине, и имея возможность быть таковым, нужно обладать недюжинной силой, чтобы воспользоваться этой возможностью. Богатства делают человека независимым до

определенной степени. В какой-то момент происходит смена ролей и человек становится рабом своего имущества. Он должен тратить на него все свои силы. А он не может или не хочет. Тут-то ему нужна помощь, и он уже перестает обладать всей полнотой власти.

– Я попробую угадать. На помощь ему приходите вы! – сказал Максим.

– Не обязательно. Без меня там хватает деятелей, вращающих все мировые богатства в своём кружке, дуруя башку народу. Вся экономика, юриспруденция, и прочая шушера, все эти подсосы и присосы! Вся эта шваль служит хозяевам жизни, которые утверждают, что служат народу.

– Если вам так жалко народ, а вы такой сильный, что ж вы ему не поможете?

– Ха! Мальчик мой, кто сказал, что мне жалко народ? Народ – это понятие условное, оно состоит из каждого отдельного человека, который теоретически сам хозяин судьбы. Но, теоретически. Я тебе уже привел пример с архитектором. Неужели ты думаешь, что кто-то из этого самого народа откажется от предложения оказаться на вершине, владея всем? И ты думаешь, оказавшись там, он вспомнит о своих согражданах. Хрен! Как бы рабы не ненавидели своих господ, каждый раб мечтает стать господином и иметь своих рабов. Свобода! Это красивое слово, которым борцы за неё прикрывают свою жажду власти. Люди обманывают друг друга, но в первую очередь сами себя, утверждая, что тот уровень бла-

госостояния, которого они достигли, это то, чего они хотели. Они не признаются в том, что не способны на большее, но при первой возможности получения этого большего ринутся за ним и придумают в качестве оправдания что-то ещё. Уровень твоего социального статуса и благосостояния прямо пропорциональны размерам кучи дерьма, содержащегося в тебе.

– Ну а вы? – спросил Максим.

– Что я? Я тот, кто есть, и я считаю себя свободным.

– Сидя в камере? – полюбопытствовал Максим.

– Что ж делать, – ухмыльнулся Леонардо, – это цена моей свободы. Я ещё не закончил свое движение, поэтому моя свобода – это лишь ступень.

– Я не очень понимаю, – признался Максим.

– Я достаточно силен, чтобы занять определенную ступень свободы, но во мне не хватает дерьма, чтобы достигнуть самой вершины.

– У свободы есть ступени? А без дерьма никак нельзя обойтись? Можно привлечь какую-то силу, – не знаю, – дополнительную? Вы же ведь тоже не признаетесь в том, что её, силы, не хватает.

– В отличие от свободы, силы не бесконечны. Я ещё не достиг полного самоудовлетворения. Я способен на большее! Я смотрю вверх! Я достигну этого верха, и буду держаться там, пока... – Леонардо замолчал.

– Пока? – спросил Максим.

– Пока не появится более сильный.

– И сместит вас?

– Или встанет выше. В любом случае мне придется уйти со сцены совсем.

– Зачем уходить?

– В одном стаде двум быкам не место. – Леонардо замолчал. – Всему когда-то приходит своё время, и ничего с этим не поделаешь. Но я доволен. Именно сейчас я доволен своей судьбой, и чтобы там ни было, а хорошего там не было ничего, я доволен, что сейчас я именно тот... – Леонардо снова примолк. – Ни черта я не доволен! Да, я изверг, мерзавец и прочее, но сам себе царь... и у меня есть дочь...

– Царь?

– Да царь, разве лев, не царь? А я Лео.

– И как у вас становятся царями? – справился Максим.

– Ну, я тебе уже представил несколько вариантов на выбор.

– Что-то размеры куч меня не очень вдохновили. Или это касается свободы?

– Такова жизнь. А вообще, никто тебе не запрещает изыскать свой путь.

– Свой путь, – повторил Максим, – осталось его найти.

Леонардо внимательно посмотрел Максиму в глаза.

– В тебе что-то есть. Не могу понять, что, – сказал он. – Ты чем, вообще, занимаешься?

– Я ищу.

– Что ищешь?

– Путь. Точнее, себя, чтоб потом искать путь... – Максим задумался. – Лучше я не буду углубляться. А что с вашим путем?

– Не очень-то он был веселый, – рассеяно произнес Лео. – Много потерь, которые никак не могу забыть, как бы ни глушил в себе эту никчемную сентиментальность. Этому пороку, боюсь, подвластны даже самые сильные личности.

– Я прошу прощения. – Максим вдруг что-то понял. – А ваша история про архитектора как-то связана с вами?

– Нет, – ухмыльнулся Лео, – кроме того, что я действительно в детстве намеревался стать архитектором. Кстати, мы забыли об одном из самых главных моментов, влияющих на судьбу, как, собственно, и на все. Случай! И не важно, счастливый он или нет. Счастливый может привести к несчастью, так же как и несчастный к удаче. На выбранный путь меня подвигла потеря друга. Хотя об этом я могу говорить только сейчас. Тогда, осознав эту потерю, да и потом, долгие годы, я никак не думал, что может произойти именно то, что произошло. Не важно. Это было первое, что я понял, и что я после как-то связывал с моим нынешним статусом, если можно так сказать. И именно то, что в какой-то момент друга у меня не стало. Звали его... Да не важно, как его звали. Допустим, Ник.

Мы были с ним ровесниками и учились в одной школе, в одном классе, более того, мы жили в одном доме, в од-

ном подъезде. Одним словом, знали друг друга с самого детства. Но это ещё не всё. Наши родители работали вместе. Мой отец был инженером НИИ при нефтеперерабатывающем заводе. Отец Ника работал там же, в одной, с моим отцом, лаборатории. Как я уже потом узнал, в разработке у них находилось несколько проектов. Каких, не имеет значение. Главное то, что именно мой отец являлся ключевой фигурой во всех проектах, фактически он был единственным генератором всех идей, в то время как остальные, включая отца Ника, играли роль исполнителей. Многие видели отца главным инженером, как НИИ, так и завода. Отец же был полностью отдан науке и совершенно не помышлял о карьере. Кстати, и НИИ, и завод были Городскими. Начальник лаборатории, в которой трудился отец, очень благоволил к нему и пытался как-то отметить или выдвинуть его на разных конференциях, заседаниях и прочих мероприятиях.

Мой отец не обладал даром пробивания, это было ниже его достоинства. Он был интеллигентом до мозга костей! Вообще, главная проблема интеллигенции, на мой взгляд, в том, что они совершенно не способны постоять за себя. Защитить себя и своих близких от внешнего мира. Отождествляя свою семью с собой, что, в общем-то, правильно, для кого бы то ни было, они направляют её в свое русло, поэтому семья их от них практически ничего не имеет. Они готовы броситься на амбразуру за совершенно незнакомого человека, но сказать за себя лишнее слова у них язык не повернется.

Прекрасные люди! Они, вообще, единственные, кого можно называть людьми. Они честны, принципиальны, бескорыстны, самоотверженны, по-своему свободны, и совершенно не приспособлены к жизни. В нашем мире, где можно выжить исключительно в том случае, если ты гребёшь всё под себя, они на пути к вымиранию. Была б моя воля, я бы выделил им отдельную резервацию, где бы они могли спокойно жить, творить и общаться между собой, иногда запуская их к нам, чтоб мы окончательно не уверовали в то, что жизнь – это помойка и ничего более.

Так вот, отец мой был единственным, кому начальник лаборатории мог оставить свою должность, в чём, собственно, никто не сомневался. Он так и сделал, уходя на пенсию. Мой отец, не будучи утвержденным, исполнял обязанности начальника, а когда встал вопрос о формальном назначении, в правлении института возникла небольшая заминка, в результате которой начальником стал отец Ника. Каким образом это произошло, можно только догадываться. Отец Ника, в противоположность моему отцу, обладал всеми данными для существования. Мать моя тихо возмущалась и тайком плакала от обиды за мужа. Я тогда ещё ничего не понимал, мне было десять лет. Реакция отца была предсказуема. Её не было. Сославшись на то, что, руководя лабораторией, непосредственно наукой заниматься будет некогда, он пришел к выводу, что так будет лучше. Тем более, проекты, которыми они занимались, находились в завершающейся ста-

дии и, собственно, заканчивались. Их результатом были два изобретения. Именно изобретения, имеющие, как впоследствии выяснилось, неопенимую практическую пользу. Именно, неопенимую. – Леонардо усмехнулся.

В это время в Городе жажнул очередной кризис, в результате которого работа многих предприятий парализовалась. Мне тогда было двенадцать лет, я уже начал кое-что понимать. Время было тяжелое. НИИ работал на энтузиазме, денег от Города практически не поступало. Институт перебивался редкими частными заказами, перепавшими то на один, то на другой отдел. Также существовала и лаборатория отца. Наша семья осталась практически на содержании одной матери, которая работала школьной учительницей и получала, какое никакое, но регулярное жалованье. А нас было четверо, у меня был старший брат, старше на четыре года. Вскоре власть сменилась. Я про Город. И вступили в силу, как и полагается, новые порядки и правила, простому человеку, возможно, даже и незаметные. Завод, к которому был прикреплен НИИ, стал частным и вошёл в какой-то там нефтегазовый холдинг, куда следом подтянулся и сам НИИ, претерпевший, как выяснилось, своеобразные организационные изменения. В частности, лаборатория, в которой работал отец, вместе с несколькими отделами, соответствующими их тематике, превратилась научно-производственное предприятие, входящее в состав холдинга. Генеральным директором НПО стал отец Ника. Практически с началом всех

работ оба изобретения отца начали активно применять сначала один завод холдинга, после остальные, а потом и предприятия всего Города, разумеется, купивших права на его использование. Купить их можно было у отца Ника. У него были оба патента. Весело! Каким-то образом, пока в городе царил хаос, он оформил на себя два последних изобретения лаборатории, с чем и пришёл к новым хозяевам НИИ и завода. Никому и в голову не пришло оспаривать его права. Найти работу, да ещё научную и специфическую, было не так просто, а в то время, просто нереально, поэтому все держались своего места, как могли, не поднимая лишнего шума.

Мой отец тоже ничего не сказал. Он просто ушёл. Он мог бы остаться в лаборатории и при сложившейся ситуации – ситуации с изобретением. Я уверен, что история с патентами его не сильно огорчила с точки зрения лишения его славы и прибыли. К тому же, он прекрасно понимал, что при прежних условиях патенты стали бы собственностью института, а заслуга принадлежала бы, в лучшем случае, всей лаборатории, но не ему лично. Он просто не мог больше видеть отца Ника. Он был до глубины души оскорблен и, тем более, не мог оставаться в качестве его подчиненного. Именно не мог видеть, его тонкая интеллигентная натура не позволяла ему даже презирать его.

С Ником я продолжал дружить, не зная обо всех подробностях отношений между нашими родителями. Но дружил я недолго, поскольку вскоре его семья переехала в Центр Го-

рода, в отдельный, собственный дом, а Ник перешел в специализированную, элитную, так сказать, школу. Мне было уже четырнадцать лет. Всё это я узнал от брата. Тут я познал чувство ненависти. И возненавидел я, в первую очередь, Ника. И не за то, что он сын своего отца, а его отец так поступил с моим отцом, и, значит, со всеми нами. Я возненавидел его потому как понял, что я ему завидую. Я осознал пропасть, которая возникла между нами и нашими семьями. Я ощутил себя на дне, в социальной яме, в то время как жизнь Ника, уходила в противоположную сторону, вверх. Вслед за Ником, я возненавидел его отца, и также, в первую очередь, из зависти. Потом я возненавидел своего отца. Я начал его презирать. Даже, когда вскоре с ним случился инфаркт, я не проникся к нему ни сожалением, ни сыновней заботой. Навещая его с братом, я сдержанно молчал. Брат, толи потому, что старше, то ли будучи по характеру таким же, как отец, всем своим видом оказывал ему поддержку и никак не мог понять меня.

Мы продолжали висеть на шее матери. Брату пришлось бросить институт и пойти работать. Он устроился на стройку. Я, кстати, тогда уже всюду лелеял мечту стать архитектором, и скрепя сердцем, ушёл из школы в техникум, исключительно из-за стипендии, которой хватало мне только на то, чтобы оплачивать обеды. Но хоть так снимал обузу с семьи. В техникуме я провел следующие четыре года, после чего ушёл в армию.

Отец после перенесенного инфаркта долго пытался прийти в себя, потом пытался найти работу, но безуспешно. Они часто ругались с матерью. Та не раз просила его вернуться в лабораторию, чем наносила ему оскорбления. Она любила и уважала отца, но жизнь её и её сыновей, пущенная под откос из-за, чёрт возьми, принципиальности мужа, и его неумения устроиться, затмевала ей глаза. Она понимала, что он умный, талантливый, работоспособный, но не могла взять в толк, почему он не мог это грамотно использовать. Отец же чувствовал свою вину, но ничего не мог с собой поделать. Брат помог ему устроиться к нему на стройку. Мать плакала, чуть ли не каждый день. Брат, приходя с работы и падая от усталости, тщетно пытался её успокоить. Отец очень изменился, он поседел, осунулся, стал молчаливым. Работа на стройке его убивала, да его и уволили вскоре. Мне было непонятно, как его, вообще, взяли. Я не мог дождаться, когда я окончу техникум, решив после уйти в армию, чтобы не видеть всего этого. Я не мог вынести этого тоскливого зрелища, а самому оказать помощь семье мне почему-то в голову не приходило. Мне казалось, что вся наша семья медленно умирает. Это может показаться странным, даже для меня самого, но тогда я, не смотря на столь юный возраст, не мог разглядеть в грядущей жизни, ни малейшего просвета. Только потом, будучи в армии, я понял, в чём было дело...

Отец устроился на продуктовый склад фасовщиком и работал там практически без выходных в течение года. Потом

пытался работать грузчиком, но здоровье не позволило, был сторожем, курьером, пытался торговать на рынке, продавал носки. Ужасно смешное зрелище. Все это время он писал, когда было время, научные статьи и предлагал их журналам, но те, если и печатали, платили сущие копейки. Я никак не мог понять, как такой человек, как мой отец, мог быть не востребован! Я еще не знал, что далеко не всегда важно то, что ты умеешь и знаешь, в противовес тому, как ты можешь себя продать. Что бы отец ни делал, где бы ни работал, он оставался ученым, и нес в себе этот свет, этот никому, кроме него самого, невидимый свет, до конца своих дней. Он не мог взять в толк, каким образом науку можно было превратить в коммерцию, как можно двигатель прогресса переделать в дойную корову, предназначенную для обогащения отдельных людей или корпораций, в ущерб развитию всей цивилизации. Он был одержим прогрессом, и верил в человеческий разум. Понять его было тяжело. Думаю, мать не понимала его. Для неё было непостижимо, что большую часть времени её муж проводит в другом, непонятном для неё, мире. Там нет ни горя, ни радости, нет нищеты, нет богатства. Там.... Да, не суть.

Отцу было пятьдесят. Мать была на год его младше. Последние годы она не могла уснуть без снотворного. Постоянное нервное напряжение. Врачи сказали, что она умерла от передозировки. Не думаю, что она сделала это намеренно. Мать была сильной женщиной и никогда бы не пошла на та-

кой шаг от отчаяния. Да что там, она была воплощение жизненной энергии. Открытой энергии, в противоположность отцу, замыкавшемуся в себе. Он пережил её на год. После её смерти он как бы перестал существовать сам для себя. Он прекратил писать, и, приходя домой с какого-нибудь очередного заработка, садился у окна и молча смотрел на улицу. Отец продолжал пробовать себя в бизнесе – торговал на рынке, это была его последняя ступень в карьере. Его нашли только утром, в канаве возле рынка. Видимо, кому-то очень понадобились носки, или кто-то решил, что на них можно хорошо заработать. В полиции сказали, что его очень долго били, вероятно, целью было не убить, а просто, поразвлечься. До смерти избив, с него сняли ботинки и сбросили в канаву, закидав носками, вероятно, непонравившегося фасона. Я был тогда уже в армии, об этом мне написал брат. Я не смог сдержать стоны, когда читал письмо. «Какая чудная вещь, эта жизнь!» – думал я. Человек с таким образованием, научной степенью, пользующийся уважением и признанием в научных кругах, автор изобретений, принесших немалую пользу, и... можно продолжать и продолжать, в расцвете творческих сил окончил свою жизнь на дне канавы, среди носков, избитый малолетними подонками.

Леонардо замолчал и минуту рассеянно смотрел в пол.

– Мне тогда было двадцать два года. Мой первый трехлетний контракт с армией закончился. Я решил его не продлевать. В армии я проникся чувством уверенности в соб-

ственных силах. Как физических, так и моральных. Я твердо усвоил, что силой духа можно перевернуть весь мир вверх дном. Ощущение невероятной энергии и тяги к деятельности мешала мне спать, заставляя искать область их применения. Письмо брата прорвало брешь моих раздумий, поселив во мне обиду, злость и, как следствие, жажду мести. Тогда я совершенно чётко осознал, что это толчок к разгадке моего жизненного пути. Я словно очнулся от долгого сна, будто родился заново. Прокрутив перед собой жизнь моих родителей, я вспылал к ним глубоким уважением и любовью, проклиная окружающий мир. Я решил победить тот мир, которому проиграли мои родители. Вот собственно и всё. В тот момент я стал именно тем, кто я есть сейчас, о чём несколько не жалею.

– А это как? – любопытствовал Максим.

– Думаю, тебе не стоит знать всех подробностей. Событий было предостаточно. Возможно, в старости, если доживу, буду писать мемуары. В армии у меня появились двое друзей (сейчас они мои компаньоны), которые вместе со мной покинули службу. Я рассказал им всё, не утаив не малейшей детали. Конкретных планов на будущее у них не было, во всяком случае, на ближайшие пару месяцев – они решили хорошенько отдохнуть после семи лет службы (они были старше и опытнее меня), поэтому с радостью предложили мне помощь. Мы вместе прибыли сюда и первым делом отыскали тех уродов, что убили моего отца. Найти их оказалось не

так сложно. Ребятки, державшие рынок, были в курсе всего, что творилось рядом. Они недолго упирались. Рынок через два месяца стал нашим. – Леонардо улыбнулся. – Пацанов, убивших отца было пятеро. От тринадцати до семнадцати лет. Полиции мы их не выдали.

Максим испуганно взглянул на Леонардо.

– Нет, мы оставили им жизнь. Мы неделю, всего неделю, продержали их в подвале на одной воде, периодически извещая о скорой смерти, чем довели их до иступления – я открыл в себе потрясающие способности психолога и воспитателя трудных подростков, а потом, двоим из них, самым старшим, переломав пальцы на руках, отпустили. После этого в районе рынка воцарился порядок. Вопрос воспитания остается в обществе насущным. Не уверен я, подвержены ли дети такого возраста перевоспитанию или нет. И какие уж дети – семнадцать лет. Тюрьма пользы не дает, положительный пример бесполезен, остается использовать только страх пред последствиями поступка. Но и это не решает проблему. Не знаю, вообще, я горел желанием замочить этих малолетних тварей. Но, чёрт с ними, приняв во внимания тот факт, что виновато общество, окружающее их, а именно оно, сгубившее моих родителей, было моим врагом, я не стал заострять на этом внимание. Далее произошел ряд событий, принесших нам популярность в определенных кругах. Не важно. Кое-кто, владеющий сразу несколькими рынками, сетью, вознамерился прибрать нас к своим рукам, решив про-

сто выгнать, даже не предложив отступных. Мы, разумеется, стали сопротивляться, но проиграли. Силы были неравные. Этот деятель добился моего ареста, воспользовавшись мелкой статьёй, первой подходящей в нужный момент, и меня отправили на северный курорт на два года. Но именно это сыграло, как впоследствии оказалось, на руку мне, и на беду конкуренту. В тюрьме я обзавелся такими знакомствами и приобрел столько опыта, что вскоре после того, как я откинулся, вся та сеть рынков стала нашей. И понеслось!

Леонардо опять замолчал, также молча уставившись в пол, и продолжил:

– Где-то через пять лет я встретил Любу. Женщины! Любовь. Черт с ней! Родилась дочь, Лала. Как-то при теще я пошутил, что наследником должен быть мальчик. С тех пор она считает меня виновником всех дальнейших бед. Хотя в чём-то она права. Моя жена ждала второго ребенка. Тогда я оказался под мощным прессом. Очень сильно я кое-кому мешал. Нашу машину обстреляли. Все остались живы, но жена перенесла стресс и вскоре у неё начались преждевременные роды, которых она вместе с ребенком не перенесла... У меня началась черная полоса. Я был так разбит этим, что дал слабину и упустил очень много важных моментов, чуть было, не потеряв контроль. Благо есть друзья, спасшие ситуацию. Но мне пришлось на семь лет покинуть свободный мир. Меня лишили отцовских прав. Ну, да ладно...

– А что с Ником? – вдруг спросил Максим.

– Ник? – Леонардо презрительно ухмыльнулся. – Я...

– Леонардо Манчини, – послышалось из-за открывающейся двери, – на выход, свободен.

– Неужто моя личность опознана? – воскликнул Леонардо, после чего встал и обратился к Максиму: – Как-нибудь после расскажу. – Он подошел поближе, глядя Максиму в глаза. – Что же в тебе такое? Ну, ладно, бывай. – Пожал руку и вышел из камеры.

Дверь закрылась, но ненадолго. Минут через пять в камеру вошел начальник отделения Гунько, уже знакомый Максиму.

– Ты по мне соскучился, как я погляжу, – начал Гунько.

– Не то, чтобы очень, – попытался он оправдаться, пряча флягу Леонардо глубже во внутренний карман пиджака. – Несчастный случай способствовал нашей с вами незапланированной встрече.

– По натуре я человек довольно-таки спокойный, но, признаюсь твоя никчемная личность, не понравившаяся мне с первого раза, сейчас начинает уже раздражать. Но, думаю, я успокою свою душу, объявив о твоём положении.

– Мне кажется, вы оказываете мне излишние почести, приходя сюда лично. А что у меня за положение?

– Дирекция ресторана подала на тебя заявление, приложив к нему счет, по которому тебе придется выплатить все сполна за причиненный им ущерб. Согласно заявлению, ты проведешь здесь пятнадцать суток. Это раз.

Максим подскочил.

– Сумма ущерба такова, что ты не сможешь покрыть его своей чёртовой гостевой карточкой, что, в общем-то, не имеет значения, поскольку данный случай является исключением и не подлежит оплате таким способом, то есть карточкой ты этой никак не считаешься. Поэтому платить за тебя будет Город.

– Спасибо Городу, – вздохнув, сказал Максим.

– Я рад тому, что ты рад это слышать, поскольку Городу эти деньги необходимо будет вернуть, а доверия к таким, как ты, у Города нет. Тебе придется отработать их в обязательном порядке. То есть, кроме пятнадцати суток, ты приговариваешься к двум месяцам исправительно-трудовых работ.

У Максима потемнело в глазах. Гунько вышел, захлопнув за собой дверь.

Максим остался сидеть, будучи словно пришибленным плитой по голове.

Минут через десять дверь снова открылась, и вошел охранник со словами:

– Вставайте. На выход.

– Как на выход? Куда на выход? – бормотал Максим, выходя из камеры. Выйдя, он наткнулся на начальника отделения, сурово смотревшего на него.

– Свободен, – коротко сказал тот.

– Как свободен? Вы же только что говорили...

– Ресторан забрал заявление, и счет за тебя оплатили, а

также внесли залог.

– Кто оплатил?

– Понятия не имею. Я разочарован, но надеюсь, в следующий раз все будет по-другому.

– В свою очередь я не надеюсь на следующий раз, – сам не свой от радости бормотал Максим, потом вдруг осекся и спросил: – А вы ведь не могли за пять минут... Вы же уже все знали!?

Гунько злобно усмехнулся, развернулся и пошел прочь.

Выйдя из отделения на улицу, Максим постарался как можно быстрее уйти подальше. Было уже десять часов утра. «Чудеса, – думал он, – кто-то за меня заплатил. Кроме Акиры никто не знал, что произошло. Ладно, выясним. Как плодотворно проходят дни!»

Он направился в отель с огромным желанием завалиться спать.

Возвращаясь от директора МГБ, Фернандо Коста, майор Глен Хайден, сотрудник аналитического отдела, поймал себя на мысли, что, оказывается, ему свойственен дар предвидения. Он вспомнил свои ощущения после собрания, которое проходило в пятницу, где заместитель директора говорил ничем не примечательные слова, почему-то запавшие Глену и таящие в себе, как ему тогда показалось, какой-то тайный смысл, предназначенный исключительно ему.

«Чушь собачья! – думал он, садясь за свой стол, – нужно собраться с мыслями».

Начальник отдела, проходя мимо него, остановился и многозначительно кивнул. С сегодняшнего дня и на неопределенный срок Хайден поступал непосредственно в распоряжение директора МГБ. Об этом знал только его непосредственный босс. Глен прекрасно понял, что от него хотел Коста, несмотря на то, что сказано это было в такой замысловатой форме, что сразу он не смог определить даже тему разговора. Теперь задача, общая задача, ясна. Осталось определиться, с чего начать, где начать и что начать. Срок, предоставленный ему директором, истекал 10 августа, ровно через десять дней. Теоретически, как он предполагал, если хорошо поразмыслить, решение можно получить моментально. А полученные им в теории результаты, будут реализовываться

каким-то образом уже без его участия. Это он уже не предполагал, на это он надеялся.

Первое с чего Хайден собирался начать, было подробное изучение и анализ выдвигаемых политических и экономических программ наиболее популярных партий, имеющих вес в политической жизни города. После он собирался изучить результаты ряда социологических исследований, негласно, то есть под видом невинных опросов, проводимых МГБ через ряд независимых изданий. После нужно было тщательно проштудировать все необходимые на его взгляд законы. Это был далеко не весь перечень задач, которые ставил перед собой Глен, аккуратно выписывая их на листочек. Закончив план на ближайшие десять дней, он усомнился в возможности его осуществления. Он встал и решил прогуляться по улице.

Выйдя на улицу, Глен глубоко вдохнул теплый летний воздух. Он ощущал себя совершенно по-новому. Необычное состояние объяснялось внезапным получением свободы. Свободы относительной, но, тем не менее, свободы. «Странно, – думал он, – как, оказавшись вдруг в подчинении человека, который никому, фактически, не подчиняется, ты чувствуешь независимость. Видимо она, независимость, измеряется не степенью ответственности, а количеством её центров. В том случае, если соотносить независимость с ответственностью. А будет ли свобода иметь смысл, если ответственность и вовсе убрать? Наверное, будет, но кто же тогда

заметит, что ты свободен? Так, не туда я уйду. И так, какая у нас задача? Добиться переизбрания действующего президента на второй срок. Разве это задача? Мелочь!»

Хайден сел на скамейку и стал наблюдать за прохожими. «Вторник, – думал он, – разгар рабочего дня, а я сижу и греюсь на солнце. «Застопорить течения». Почему Коста всё так странно называл? «Желательно, больше одного потока». И Наирян, видимо, тоже возымел способность предчувствия, раз он ко мне так вовремя подкатил? Профессиональное чутье? Если я с ним сразу так встречу, он что-то да заподозрит. Хотя, что он может заподозрить, а тем более, какое это имеет значение? Не зря Коста упомянул о нём, как об одном из источников получения информации, не внесенного в действующие списки конторы. И что Сурен мне за пищу дал для размышления в пятницу? Ничего дельного. В любом случае, ничего нового. Зацепиться не за что. Казалось бы, так элементарно – смоделировать процесс, просчитав все возможные варианты финала. Нужно встретиться...»

Глен пригрелся на солнышке, и ему не хотелось вставать. Зажмурив глаза и, пытаясь отвлечься от последних мыслей, он вспомнил о своих дочерях и сладко улыбнулся. Минут пять он просидел с закрытыми глазами, а когда открыл, взгляд его упал на рабочих, снимающих большую театральную афишу с изображением Жанны Роллан. Хайден замер. Вдруг он резко вскочил и быстрым шагом направился обратно, к своему рабочему месту.

Фернандо Коста был раздражен последними известиями от секретаря касательно гостей. Точнее, гостя. Пьянство, беготня, хулиганство. Ему начинало казаться, что он занимается чепухой, распорядившись следить за Максимом Волковым. Он, хоть и собирался уже снять наблюдение, но воскресный случай заставил его пересмотреть свое отношение к проблеме, и он решил подождать. «Может это совпадение? Может агенты что-то перепутали? Вряд ли, конечно. Вот если бы не упустили того, за кем гнался этот герой... хотя, что только в пьяную башку не стукнет? Чуть какая-то. Взять просто и допросить его? Глупо. Просто поговорить, сославшись на дополнительную проверку, согласованную с участковым и отделением? Кстати, ещё и отделение!» Утром Фернандо получил донесение от агентов, следящих за Волковым о том, что произошло накануне в ресторане и чем всё это закончилось. Вне себя от бешенства, вызванного в первую очередь нелепостью ситуации, он распорядился вытащить Максима из отделения, не привлекая ничего внимания.

– Ну, его к черту! – не выдержав, выругался Фернандо. – Снимаю наблюдение. Может еще освобождение отменить? Пусть посидит?..

В этот момент раздался телефонный звонок. Фернандо снял трубку.

– Что за чёрт? Кто? Зайди ко мне.

В кабинет вошел секретарь.

– Господин директор. Разрешите доложить?

– Давай уже, докладывай и поскорей.

– Максим Волков был выпущен из изолятора временно-го содержания отделения полиции центрального округа в девять часов пятьдесят минут. Дирекция ресторана отозвала заявление, поданное ранее. Кроме того, ущерб ресторану был возмещен.

– Кем? – спросил Коста.

– Выяснить не удалось. По словам директора, утром ему был звонок с просьбой забрать из полиции заявление на Волкова взамен на покрытие расходов, после чего в ресторан прибыл курьер, доставивший наличность на сумму, превышающую размер ущерба. Претензий у директора, сами понимаете, нет.

– Мы?..

– Нет, конечно, не светились, так же, как и в отделении. Примечательный факт. Выяснилось, что Волков провел ночь в одной камере с Леонардо Манчини, известным как Змей.

– Бред, – спокойно произнес Фернандо.

– Кроме того, – продолжал секретарь, – предыдущий день и ночь Волков провел в квартире Зоры Жемчужной, принадлежащей Манчини тещей, куда тот наведывался в 17.30 30 июля, в тот момент, когда там находился Волков.

– Бред, – повторил Коста. – А ты как думаешь?

– Я полностью с вами согласен, – ответил секретарь.

– Снимай наблюдение. Без того дел по горло. Повторяюсь?

С обоих. Но... – Фернандо сделал паузу, – если что, тех же агентов кинем обратно. Вот только что это «если что»? Ладно, будем считать, предписание выполнено. Выполнять.

– Есть. – Секретарь вышел.

Фернандо задумался о роли случайности, как в его профессии, так и в жизни, и поймал себя на том, что не сможет успокоиться относительно этого гостя, пока не выяснит причину этого беспокойства или не забудет о нём вовсе.

«Прошу Вас серьезно отнестись к этому письму. В первую очередь хочу сказать, что желаю вам только добра, и поэтому, прошу вас покинуть Город. Вам угрожает опасность. Уничтожьте письмо».

Послание было написано от руки на обычном листке бумаги формата А-4, так же, как и полученное два дня назад. «Не очень-то тут пытаются скрыть улики. Можно было и напечатать. И неприлично, в конце концов, не подписываться». Будучи в состоянии легкого опьянения и страшного желания спать, Максим не придавал этому событию особого значения и, бросив листок на стол, завалился в кровать.

В отличие от него, с полудня Маргарита была взволнована и весь оставшийся день не находила себе места. Дело в том, что она тоже получила письмо, но более объемное и, за исключением вступления, иного содержания. Оно гласило:

«Здравствуйте, Маргарита. Прошу Вас принять серьезно всё, что Вы читаете, а также зря не придаваться панике. Насколько я могу судить по Вашему внешнему виду и неожиданному затворничеству, вы напуганы. Думаю, Вы заметили, что за Вами следят. Не беспокойтесь. Мы устанавливаем наблюдение за всеми прибывающими гостями, и до поры не выдаем себя, равно как и не афишируем свои действия в Городе. Касается это только Вас лично, поэтому убедитель-

но прошу Вас не распространяться на этот счет, поскольку тем самым Вы можете себе навредить. Думаю, Вы хотите услышать более четкие объяснения. Поэтому, предлагаю Вам встретиться с нами сразу, как только Вы будете готовы. Буду ждать Вас каждый четный день недели в 19.00 на Триумфальной площади у фонтана. Для Вашей уверенности, это очень людное место в любое время суток. Удачи Вам. До встречи».

Маргарита не знала, что делать, и решила все рассказать Максиму. Несколько раз подряд стучала она в дверь его номера, но безрезультатно. Последние события, особенно, ночь, проведенная в камере, не позволили внешним раздражителям пробудиться их герою. Рита отправилась бродить по городу, не удаляясь особенно от отеля. Она всё пыталась определить, кто же за ней следит, но тщетно. К тому же ощущение, смутившее её накануне, пропало. Неумолимое желание подойти к семи часам на Триумфальную площадь и все выяснить преследовало её весь день. Но страх оказался сильнее любопытства, и вечером она вернулась в отель.

Маргарита застала Максима у себя в номере в прекрасном расположении духа. Он был весел, беспечен и, как только она сказала о том, что ей нужно посоветоваться с ним по одному делу, выказал готовность принять живое участие во всех, какие только можно себе представить проблемах девушки и их скором разрешении. К удивлению Риты, Максим был крайне любезен и учтив. Выглядело это немного неесте-

ственно и даже смешно. Он уверил её в том, что она может чувствовать себя как дома, полностью ему довериться, рассказать всё, что накопилось, и предложил выпить. Собственно, причиной его безграничной отзывчивости были полбутылки виски, которые он уговорил к приходу Маргариты. Та заметила его веселость, равно как и то, следствием чего она являлась.

– А ты сейчас в состоянии адекватно воспринимать информацию? – поинтересовалась она.

– Конечно! – уверил Максим. – Я слегка пропустил, но это для нервов.

– А что у тебя с нервами? – удивленно спросила Рита.

– Ровным счетом ничего. Вот для того, чтобы ничего не было и в дальнейшем, я и пропустил.

– С момента нашего приезда, я не видела тебя трезвым. Ты алкоголик? – серьезно спросила девушка.

– Нет, ну что ты, конечно, нет! – возбужденно запротестовал Максим, наливая в бокал виски. – У меня акклиматизация.

– Ты забыл, что я врач. В медицине это называется по-другому.

– Да? – Максим сделал глоток виски. – И как это называется в медицине?

– Запой.

– Итак, перейдем к делу.

– Хорошо, – с некоторым сомнением согласилась Марга-

рита и дала Максиму письмо, – я получила его сегодня днем

Максим внимательно прочитал, усмехнулся, взял со стола два письма, полученные им, и предложил их Маргарите.

– Вот меня, почему-то все прогоняют, а тебе что-то там объяснить хотят, – возмущенно проговорил он. – Тебе его ещё и распечатали, всё официально, а мне тут просто накалякали что-то.

– «Настоятельно рекомендую вам убраться из Города, в противном случае можете лишиться жизни». Это – женская рука. Совершенно точно, – сказала Рита, показывая письмо, полученное первым, – вот это... не знаю...

– Вот как? Женщина мне угрожает и требует убраться, а неизвестно кто желает добра, но хочет того же.

– Что будем делать? – спросила Рита.

– А у тебя видений не бывает? – подозрительно спросил Максим.

– Я не пью, как ты, – ответила Рита.

– Так! Так... Что бы на моем месте сделал Джон? Что бы сделал Джон? Перестрелял бы всех, сел бы и закурил.

– Что?

– Не обращай внимания, – смеясь, сказал Максим. – Стоп! Сегодня, говоришь, получила?

– Да, днем, – подтвердила Рита.

Максим бросился к своему почтовому ящику, открыл его и медленно выудил оттуда конверт.

– Это на что-то похоже? – интригуя, спросил он Риту.

– Точно такой же конверт у меня.

– Кстати, ты его не принесла. Нужны все улики, – наигранно серьезно, подняв указательный палец вверх, сказал Максим, – вот две предыдущие записки как будто на ходу чиркнули и закинули мне, а тут всё по-взрослому. Так, а что там внутри, собственно?

Максим распечатал конверт, достал листок и зачитал вслух:

«Здравствуйте, Максим. Прошу Вас принять серьезно всё, что Вы читаете, а также зря не придаваться панике. Думаю, Вы заметили, что за Вами следят. Не беспокойтесь. Мы устанавливаем наблюдение за всеми прибывающими гостями, и до поры не выдаем себя, равно как и не афишируем свои действия в городе. Касается это только Вас лично, поэтому убедительно прошу не распространяться на этот счет, поскольку тем самым Вы можете себе навредить. Думаю, Вы хотите услышать более четкие объяснения. Поэтому, предлагаю Вам встретиться с нами сразу, как только Вы будете готовы. Буду ждать Вас каждый нечетный день недели в 19.00 на Триумфальной площади у фонтана. Для вашей уверенности, это очень людное место в любое время суток. Удачи Вам. До встречи».

Максим с Ритой мгновение молча смотрели друг на друга, после Максим произнес:

– Найдите пять отличий. Так, ну, тебе достались четные, мне нечетные дни.

– Пьяному море по колено.

– Ха-ха. А ведь, маловероятно, что мы не показали бы письма друг другу. Так? – спросил Максим и сам же ответил: – Хотя, не факт. Но, видимо, не настолько всё серьезно, раз такое может быть.

– Мы можем только гадать.

– Да уж. Тогда... – Максим налил себе еще виски и сел напротив Риты. – Начнем с самого начала.

– С какого? – поинтересовалась Рита.

– С самого! Как мы сюда попали. У тебя нет предположений относительно того почему ты тут оказалась? Как ты тут оказалась, думаю, ты не знаешь, также, как и я. Ну, кроме того, что я подобрал тебя на пустой дороге и мы доехали сюда на... кстати, совсем забыл про свою тачанку. Ну, да ладно. Так вот. Нет мыслей?

– Почему я тут? Нет, если честно. А у тебя?

– И у меня. Замечательно!

– Хотя...

– Что?

– Нет, почему я здесь, я не знаю, но точно могу сказать, что я не жалею об этом.

– То есть, ты не жалеешь о том, что ты здесь?

– Нет, скорее, я не жалею о том, что меня нет там. Там! – Маргарита помахала рукой над головой, словно пытаясь определить направление этого самого «там».

– О как. Плохие воспоминания?

Рита задумалась:

– Меня там ничего не держало. Я только сейчас об этом подумала. То есть, я только сейчас поняла, что, о том, что осталось там, я не думаю. Будучи там, я старалась не думать об этом всём, и не могла. Тут же это совсем не обязательно, как оказалось.

– Что же вы меня все хотите запутать? – недовольно про-
стонал Максим. – Я вот, ничего не понял из того, что ты сей-
час сказала. Кстати, у тебя нет видений? Уже было? Извини,
это принципиальный вопрос.

– Нет, нет, – засмеялась Рита.

– То есть, с той поры как ты сюда попала, ты общаешься
исключительно с живыми людьми?

– Да, а что такое?

– Эх, ладно, видимо это действительно от пьянства. А до
того, как мы встретились ночью на дороге?

– Тогда... – Маргарита замолчала в нерешительности.

– Ага, тогда?..

– Мне бы не хотелось об этом говорить. Мне кажется это
очень личное.

– Возможно, – разочарованно пробормотал Максим, – а
мне вот... и не знаю, как сказать. Тогда, забудем. То есть
никого, кто встретился тебе в тот момент, здесь ты больше
не встречала?

– Нет.

– И Пингвина?

– Какого пингвина?

– Проехали. Так. Ладно. Итак, мы здесь. – Максим при-
молк, задумавшись. – Ничего не держало? Гм... Ни друзей,
ни родных? Ты же в институте училась, заканчивала, и тут
раз! Неужели совсем ничего?

– Бывает так, что какое-то одно событие настолько доми-
нирует над всем остальным, происходящим в жизни, что всё
остальное уже не имеет никакого значения, а если это собы-
тие не одно, то тем более.

– Так-так?

– Хорошо. Сестер и братьев у меня нет. Есть родная тетя,
но я её почти не знаю, и не помню, когда её видела в послед-
ний раз. Мной она совсем не интересовалось, несмотря на
то, что я единственный ребенок её родной сестры, которая
умерла, когда мне было десять лет.

– Это...

– Да. Моя мама умерла. У отца своя семья, жена, ребенок,
уже достаточно взрослый. Иногда он, конечно, вспоминал о
моем существовании, но, как мне кажется, ему это было в
тягость. После смерти мамы мы жили с ним вдвоем. Потом
он нашёл себе женщину, вскоре ставшую его женой, у них
родилась дочь. Папина жена приехала из другого города, от-
куда-то издалека. Два года, пока я училась в школе, мы жили
вместе в нашей квартире. Несмотря на то, что это был мой
дом, дом в котором я жила с рождения, я чувствовала себя
совершенно чужой. После рождения ребенка на меня про-

сто перестали обращать внимания. Отец мой очень слабый человек. Как это не грустно и, может, не пристало так говорить о собственном отце, но мужчиной его назвать сложно. Его жена всё держала в своих руках, имея над папой неограниченную власть и контроль. Мне кажется, ему только это и нужно было. Сейчас, насколько я знаю, живет он со своей новой семьей не очень хорошо. Я имею в виду их материальное положение. А тогда была ещё и я. Какой-либо помощи с их стороны я не получала, я видела, что отцу тяжело от того, что он не может ничего для меня сделать. Он, по сути-то, человек очень добрый. Поэтому, как-то раз, когда он решил меня навестить в общежитии... Да, после школы я поступила в институт, и тут же переехала в общежитие. Какое же это было облегчение, словно два года меня пытали и вдруг выпустили на свободу. Так вот, он попытался объяснить, долго ходя вокруг да около, что он не в состоянии оказывать мне материальную поддержку. Да ещё жена его против того, чтобы он часто встречается со мной потому-то, да поэтому, в общем, что-то такое невнятное говорил, стараясь, видимо, как-то смягчить слова жены. Тут я вдруг решила закончить всё раз и навсегда. В очень краткой форме я изложила ему, что не нуждаюсь ни в чём, что я нашла себе хорошую работу, не мешающую учебе, что способна обеспечить себя сама, а также сказала, что нам не стоит больше видеться, что так будет лучше для всех. Реакция была для меня неожиданная. Он примолк, я заметила на его глазах слезы. Он во всем со-

гласился со мной, попрощался и ушёл. Думаю, как ни тяжело ему было это услышать, он был рад, что так получилось, во всяком случае, не ему пришлось принимать решение. Я его больше не видела. Представляешь! После его ухода, я долго плакала. Потом решила всё забыть и начать новую жизнь. Про работу я солгала, но вскоре мне действительно повезло, меня взяли на работу в больницу, работу черную, практически, если так можно сказать, но без опыта по-другому никак не получалось. Чтобы получать максимальную стипендию я усиленно училась, забыв о том, что такое личная жизнь. А её очень хотелось. Мне необходима была поддержка. Но, почему-то мне катастрофически не везло.

– Быть этого не может! – Очнулся заслушавшийся Максим.

– Правда? Это расценивать как комплимент? – хитро спросила Рита.

– Нет, и ещё раз нет. Это факт. Я не могу представить, как... Точнее, я могу только представить, как за тобой толпами ходят кавалеры и умоляют обратить на них внимание. Маргарита улыбнулась.

– Не всё так просто. Это не кино. Честно говоря, за пять лет, проведённых в институте, у меня ни разу не было ничего серьёзного. Толи я виновата, толи... У меня совсем не было времени. Работа, учеба, иногда мне казалось, что... Ладно не важно.

– Что, что неважно?

– Это только между нами, девочками, можно. – Рита засмеялась. – С друзьями-подругами как-то тоже не сладилось. Мне некогда было уделять этому много времени, а, сам понимаешь, студенческая жизнь требует полной отдачи себя. Находилась я в каком-то подвешенном состоянии. Иногда казалось, что так будет продолжаться всю жизнь. Или закончится это тогда, когда пройдет молодость. А я...

– Молодая, красивая. Мечта поэта. Фея!

– Да, Максим, алкоголь, видимо, превращает тебя в дамского угодника, – весело заметила Рита.

– Да, ну что ты, в самом деле! Я повторяю, я констатирую факты.

– Мне очень понравился один молодой человек, – вдруг резко продолжила Рита. – Познакомился он со мной сам, но заметила я его раньше.

– Бывает же такое, – ухмыльнулся Максим, – просто сказка.

– Мы встречались четыре месяца. Как выяснилось, я была первой красавицей Меда, и каждый мальчик мечтал о знакомстве со мной. Меня, оказывается, знал весь университет, заочно. Как-то мой молодой человек вернулся с вечеринки навеселе. У него развязался язык... В общем, оказалось, что он поспорил с друзьями на ящик коньяка, что... я стану его.

– Ё-моё. – Максим сделал глоток виски прямо из бутылки. – Второй день подряд меня пугают страшными историями. И что ты сделала?

– Ничего. Я никак не могла в это поверить. – Рита снова замолчала, задумавшись. – Он, пытаясь оправдаться, рассказывал, что давно меня заметил и влюбился с первого взгляда, но никак не решался подойти ко мне. Я казалась ему, как и всем, как он говорил, совершенно недоступной, и стал уверять, что эта игра, то есть спор, вдруг переросла во что-то более серьезное. Чушь какая-то. На меня эта история ни произвела никакого эффекта. Он даже не понял, что такой вариант развития событий ещё больше его чернит. Я прогнала его. А потом обо всём этом узнал весь университет. Вообще, не знаю, как это могло произойти. Я не знала, куда деваться и что делать. Честно, нет слов, чтобы описать то состояние, в котором я находилась... Не хочу больше об этом говорить.

Рита заметила на себе пристальный взгляд Максима. Он словно замер, глядя на нее с грустью и жалостью.

– Вот черт. – Он очнулся, выйдя из задумчивости.

– Почти каждый день я бесцельно бродила по городу, думая, что ходьба как-то заглушит мое состояние. Кроме того, я не хотела показываться вблизи университета. Все же сессию я сдала. Но это был не конец учебы. Я не представляла, как я смогу продолжать там учиться и жить там, где все будут показывать на меня пальцем и смеяться. Никто не старался мне как-то помочь или утешить, такое ощущение, что все сговорились против меня.

– Что-то совсем нереально, – не унимался Максим.

– У нас была практика. Месяц нужно было отработать вра-

чом скорой помощи. Это меня как-то спасало. В свободное от практики время я бродила по городу, пока...

– Пока мы не встретились, – угадал Максим, – да, можно сказать, что тебе просто повезло, что ты тут оказалась.

– Всё, – уверенно сказала Маргарита, – больше не будем говорить на эту тему, это всё в прошлом и... я все забыла.

– Хорошо, – согласился Максим.

– Так что мы будем делать?

– Мммм... Думаю, нужно идти на встречу! Других вариантов я не вижу. Говорить кому-то об этом нет смысла. Хотя...

– Хотя что?

– Да нет, подумал о новых знакомых, друзьях... думаю, если бы кто-то из наших новых друзей что-то подобное предполагал, уже сказал бы. Кстати, как у тебя с друзьями?

– Замечательно, – хитро ответила Рита, – а что?

– Нет, просто, интересно. Приехали вместе, и вдруг разделились так.

– Так кто в этом виноват?

– Да никто, просто странно как-то.

– Что странно?

– Да ничего, ладно. – Максим замешкался.

– Ничего? Ну, ладно. – Рита продолжала улыбаться. – Ты же ведь, как я вижу, весело время проводишь.

– Да уж, что правда, то правда!

– А как мы пойдем на встречу, порознь?

– Два варианта. Я иду первым. Ты идешь первой, а я за тобой слежу. Или сразу идем вместе. Вот, нужно подумать...

– А ты идешь, я за тобой слежу?

– Нет, вдруг это опасно.

– Что опасно? Следить или идти?

– Мммм. И то и другое. Так, второй вариант отменяем. Пойдем вместе... нет, а вдруг нас обоих там и....

– Что?

– Ну, там, не знаю. – Максим остановился. – Может, вообще никак не пойдём?

– Вот они, мужчины! – засмеялась Рита.

– Так, всё, – обиженно произнес Максим, – иду я. Завтра у нас... кстати, а какой сегодня день?

– Сегодня вторник.

– Ага, значит, завтра мой день. И, если ничего нового до завтра в голову не придет, то...

– Ха-ха! Ну, так что?

– Иду на стрелку я, – серьезно заявил Максим.

– Репетиция через полчаса. Но, как Джон сказал, они долго разыгрываются. Так что, если минут через двадцать выйдем, через полчаса будем там. В самый раз. Тебе двадцать минут хватит, чтобы собраться? – говорил Акира, как заведенный.

– Хватит, конечно. Что ты возбужденный такой? Интервью подействовало? – спросил Максим. – Так, а сколько сейчас времени?

– Половина второго. А ты только проснулся что ли?

– Да не совсем. Сейчас бы пивка.

– Ты что, продолжил вчера?

– Нет, так, слегка. Мне же нужно было успокоиться. Как-никак, всю ночь на нарах чалился, а ты и забыл про друга, – осуждающе сказал Максим.

– Прости, слушай. Я вообще, не помню, как домой попал в понедельник. А вчера в ресторан пришел, выяснил, что тебя забрали и отпустили. Ну, раз всё в порядке, я и не стал заходить. Просто, у меня встреча была вчера...

– Деловая?

– Ну, почти.

– Лале, склоняясь на шальвары, я под чадрую укроюсь... или я не угадал? Ты, кстати, так и не рассказал про свою невесту, вроде как.

– Про?

– Я про настоящую, ту, которая на балу была?

– Эх, Макс, я не знаю, что делать!

– Ладно, не парься. Так, половина второго, значит. Это где, вообще?

– А ты уже ориентируешься в Городе?

– Да нет. Знаю набережную и Триумфальную площадь. Запомнил, когда катался в первый день. Это далеко от них?

– От набережной далеко. До Триумфалки... три остановки на метро.

– О! Я же в метро у вас ещё не был. А долго там репетиция эта будет?

– А ты куда-то торопишься?

– Да, не один ты по Лалам бродишь.

– Макс, когда успел?

– Пока за решеткой сидел.

– Ха-ха! Seriously?

– Потом расскажу. Ты же всё тянешь с душещипательной историей о твоём любовном треугольнике.

– Там ничего интересного...

– Ладно, не интересно. Наверняка, только и думаешь об этом, так, «Куросава»?

– Я не Куросава! Нет, меня сейчас занимает кое-что другое.

– Как это? – удивленно воскликнул Максим, – ты нашел третью жертву?

– Ха-ха-ха! Нет, я не про это.

– Как ты можешь думать не «про это»? Хочешь разбить все женские сердца вокруг себя?

– Да, подожди ты. Обещаю, расскажу потом. Тут другое. Я решил сделать репортаж о выборах.

– Оригинально! Насколько я могу предположить, в преддверии выборов, сейчас все только и пишут о выборах.

– Да нет. Помнишь, в ресторане...

– Ой, не напоминай мне про ресторан...

– Да ладно. Так вот, помнишь, Маркес рассказывал про кубок?

– Какой кубок?

– Ну, тот, который, если его возьмет в руки кто-то королевской крови, начинает светиться...

– Ой. Ты веришь в это?

– Да не в этом дело. Маркес не будет молоть чепуху. В общем, я решил выяснить всё об этом, и если получится, попасть Орден и...

– Успокойся. Ты только сегодня интервью брал. У тебя какая-то повышенная работоспособность. Как, кстати, прошло? Ты что-то так много всего говоришь, но ничего не заканчиваешь.

– Да, что-то не очень оно получилось. Джон всё торопился куда-то. Вечером продолжим. Вообще, думаю, сделать не интервью, а просто написать репортаж о группе.

– Как группа-то называется?

– «Аллергия».

– О как. На кого аллергия?

– Кстати, я то же самое спросил у Джона. Он ответил, что аллергия у него «на это всё».

– На что, на всё?

– Да на все вокруг. Он философ, и всё такое.

– Угу, философ-аллергик. Кстати, у меня есть один философский вопрос. Каким образом меня выпустили из полиции?

– А каким образом тебя выпустили?

– Вот я и не знаю. Ты же был на свободе. Мне сказали, что ресторан забрал заявление и что за меня кто-то заплатил.

Максим загадочно посмотрел на Акиру.

– Нет предположений? Я как-то сразу не придумал этому никакого значения, а сейчас...

Максим вдруг подумал о письме, о встрече на Триумфальной площади, и решил, что всё это каким-то образом связано. «Ага, они сами меня вытащили из полиции, чтобы встретиться. Как я им видимо нужен... Или, наоборот, не нужен? А вытащили меня, чтобы... Убить? Чушь! Или это не они?»

– В общем, не пойму, кто это, – продолжил он вслух.

– Ну и ладно. Выпустили и хорошо, – констатировал Акира.

– Интересный ты журналист. Какие-то кубки мистические тебя интересуют, а вот тут живая необъяснимая ситуация, и любопытство твоё пропало. Или, тут к гостям так относятся,

что и из тюрьмы вытащат, если что? Кстати, я уже и забыл о том, что я гость. Так, всё, я пойду собираться. В половине третьего мы будем на месте. У меня не так много времени.

– Да с кем у тебя свидание? – любопытствовал Акира.

– С Джоном-философом-аллергиком.

– Его фамилия Купер.

– Хорошо, с Джоном Купером.

– Я серьезно, – не унимался Акира.

Максим загадочно посмотрел на него. В этот момент у него промелькнула мысль, рассказать Акире про письма. Но он не стал.

– Не скажу.

– Свобода – вещь сугубо индивидуальная. Поэтому, если человек говорит, что он свободен, а ты не видишь никаких признаков этой самой свободы и не можешь понять, почему это он так решил, то и не пытайся. Он всё равно будет прав для самого себя, если ему так хочется. Другое дело, что таких людей очень мало. Да что там мало, их практически нет. Большинство предпочитают стонать, сетуя на тяготы жизни, безысходность своего жалкого существования и бесполезность жажды свободы, проявляя тем самым свое закостеленое бессилие.

Джон Купер сделал глубокую затяжку и пустил длинную струю сигаретного дыма в потолок. Купер был чуть выше среднего роста. Он был строен, но худощав. Выразительные

серые глаза смотрели по-доброму хитро и иногда мимо собеседника, устремляя взгляд, в моменты задумчивости, куда-то сквозь стены. На вид это был обычный молодой человек, одного с Максимом возраста. Густые волнистые волосы, спадавшие на плечи, были, пожалуй, единственным, что могло позволить думать о нём, как о представителе чего-то неформального. Хотя, вряд ли рок-н-ролл всё ещё можно отнести к этому самому неформальному, как бы формально или неформально это не обозначалось. Тем не менее, Максим ожидал увидеть что-то взрывное, как он сам выразился, хотя и не мог озвучить, что он под этим подразумевал. Купер говорил, то растягивая слова, то наоборот, принимая темп скороговорки, словно его мысли носились в голове с переменной скоростью. Когда он говорил, на лице его играла еле заметная улыбка.

– Вообще, люди боятся свободы, – продолжал Купер.

– Своей? Сугубо индивидуальной? Боятся того, что они свободны? То есть, боятся они её, уже имея, или боятся её приобрести? – спросил Максим.

– Боятся приобрести, боятся столкнуться с ней.

– А как они сами могут определить нечто свое индивидуальное, как свободу, если кроме них этого никто не понимает? – спросил Максим.

– В том-то и дело. Люди всегда боятся неизвестного. А значит, не будут они ничего ни определять, ни стараться что-то понять.... Ну, в большинстве.

– А в меньшинстве? На мой взгляд, если свобода для каждого своя, то её приобретение процесс произвольный. То есть, в этом случае, в какой-то момент человек вдруг осознает, что он свободен. Ну, не определяет же он свою свободу заранее?

– Почему бы нет? – возразил Джон.

– Потому что, если кто-то определил для себя понятие свободы, пусть и, заявив о том, что она исключительно его, личная, то кто-то другой или другие, вполне согласятся с его определением, и эта свобода уже не будет индивидуальной.

– А зачем ему заявлять о свободе? – удивленно спросил Купер.

– Не о свободе, а о том, что это такое, свобода.

– Хорошо, зачем ему говорить о том, что такое свобода, если она его личная, и не похожа на чью-либо ещё?

– Так! Давай сначала. – Максим начал путаться. – Человек, каждый отдельно взятый человек, уверен в том, что он знает, что представляет собой его свобода?

– Не обязательно.

– Так как он определит, свободен он или нет?

– Он это почувствует, – как само собой разумеющееся сказал Купер.

– Значит, все-таки, никто не знает и, как следствие, не может определить свободу, свою ли, вообще ли.

– Думаю, даже определение свободы у каждого своё. Именно определение. Я имею в виду не формальное объяс-

нение, а именно чувство.

– Одним, словом, все бессмысленно, собственно, как и наш разговор, потому как, я вообще уже не понимаю, о чем мы сейчас говорим, – разочарованно произнес Максим. – А где Акира, кстати?

– Вон, о чем-то с басистом нашим трет.

Когда Максим с Акирой приехали в клуб, выяснилось, что репетицию из-за отсутствия барабанщика на сегодня отменили и Акира просто, предварительно познакомив Максима с Купером, решил поговорить с каждым участником группы, благо отмена репетиции не являлась для них причиной покидать клуб, а наоборот, послужила поводом расслабиться за барной стойкой. Закончив беседу с Купером, Акира перешел к следующей своей жертве, оставив его с Максимом.

– Думаю, это потому, что свобода не только индивидуальна, но и условна, – продолжал Джон, – виски будешь?

– Давай, – согласился Максим, – хотя нет. – Он вспомнил про встречу на Триумфальной площади, до которой оставалось два часа. – Хотя, давай...

Купер ушёл и вскоре вернулся с бутылкой и двумя бокалами. Максим хотел было что-то спросить, но Джон опередил его.

– Акира не говорил? Этот клуб принадлежит мне. Мне повезло с родителями. В отличие от них, которым не повезло с сыном. – Он засмеялся. – Я не оправдал их надежд. Не пошёл по стопам отца. Он у меня успешный бизнесмен.

– И как же это ты?

– Да, в общем, не важно. Сказал ему «нет» и всё. Мы три года не разговаривали и не виделись. Я ушел с четвертого курса института в жизнь, так сказать. Познавал её со всех сторон. Он разыскал меня. У нас произошло длительное противостояние, после которого он понял, что сломать меня, переманив на свою сторону, не удастся. Тогда мне и пришла в голову идея о создании клуба. Я сказал отцу что, если он хочет, чтобы я занимался бизнесом, пожалуйста, но только тем, который я захочу. Долго я слушал его разъяснения о нецелесообразности, после чего он сдался и ссудил мне приличную сумму, благодаря которой я и клуб открыл, и группу собрал. Повезло! Управляющих нашел толковых. Я ж, честно говоря, не смыслю в этом ни черта, да и, собственно, не вмешиваюсь в организационные вопросы. Меня даже выручка, как источник дохода не особо интересует. Есть и ладно, хорошо, дела идут, деньжата какие-то капают. То есть капают не такие уж и плохие, надо заметить. Тут ведь и кабак, и сцена, и гостиница. И на «музлу» наше в последнее время обратили внимание. Пошёл проект. Вот журналисты интересуются. – Купер засмеялся. – И не только.

– Не только что?

– Не только журналисты.

– А кто ещё? А, ну да, поклонники, – угадал Максим.

– Да, и что самое приятное, поклонницы. Но я не об этом, – загадочно произнес Джон и улыбнулся, – мы под кон-

тролем полиции. Точнее одного его замечательного подразделения.

– Дай-ка угадаю, – повеселев, сказал Максим, – там, где рок-н-ролл, там, кроме секса и алкоголя непременно присутствует это.

– Да, а кому легко?

– А если прикроют?

– Грозилась. Ну, нет свободы. А ты говоришь...

– Что говорю?

– Да ладно, это я так. Можно бесконечно рассуждать об индивидуализации этого понятия, выстроить кучу теорий и предположений, но пока наше общество довлеет над личностью, рассматривать его можно, в лучшем случае, в самом примитивном виде.

– А какой у свободы примитивный вид? – полюбопытствовал Максим.

– Да что не возьми, всё будет примитивным видом. Путь к свободе через уход от зависимости. А зависят все и всё! Зависимость повсеместна и бесконечна. Зависимость подчиненного от начальника, рядового от офицера, бизнесмена от курса акций, жены от мужа, мужа от жены, больного от лечащего его врача, студента от экзаменатора, депутата от избирателей, урожая от погодных условий, и так далее. Я могу продолжать до бесконечности. Иерархия! Вся жизнь построена на зависимости. Ребенок рождается рабом своих родителей. Что он сможет один? Только умереть, поскольку он

зависит от своего организма, который без сторонней помощи, помощи родителей, не справится с внешней средой. Он слишком слаб. Поэтому родители на правах сильных помогают ему в этом, одновременно подчиняя его своей воле. Его учат переворачиваться, ползать, ходить, говорить. Когда он взрослеет, ему навязывают свои идеи, мораль, этику, культуру. Его передают воспитателям, учителям. Он попадает под контроль общества. В общем-то, он уже находился под этим контролем сразу после рождения, так как родители его никто иные как представители, продукты этого общества, давшие обществу его, как будущий очередной продукт. Его никто не спрашивает о желаниях. Это не приходит в голову, поскольку так заведено. Я независим! Я не принадлежу обществу! Так может заявить лишь тот, кто всю жизнь провел в лесу, в полном одиночестве, вдали от людей.

– Как Маугли, – вставил Максим, – только в этом случае, человек будет зависеть от природы, то есть, всё равно от окружающей среды, только выраженной другим манером.

– Верно. Но это будет уже другая степень. Мозг его будет свободен от мусора этого общества.

– То есть, относительность свободы как-то можно рассматривать?

– Думаю, относительно можно рассматривать всё, что угодно. Только какой в этом смысл? Человеку, решившему найти свободу, не интересна относительность. Кстати, я говорю исключительно о человеке. Опустим общую зависи-

мость всего от всего.

– Согласен. Будем думать о себе подобных, хотя, я люблю аналогии.

– Так можно долго ходить вокруг да около. Мы разумные существа. Я надеюсь, – ухмыльнулся Купер и, разливая виски, громко добавил: – Я считаю, только высшее существо способно понять и оценить свободу.

– А высшее, это, по-твоему, человек, или кто-то выше человека?

– Не знаю, – задумчиво произнес Купер, – за свободу?

– Ура!

Они выпили.

– Мне, вообще, порой кажется, что свобода – это сказка, придуманная исключительно для достижения локальных целей. Я много думал о том, каким образом может существовать общество, в котором каждого её члена можно с полной уверенностью назвать свободным.

– Анархия? – предложил Максим.

– Анархия, – задумчиво повторил Джон, глядя куда-то в пустоту.

– Это что-то бесконечно далекое, – мечтательно продолжил Максим, – какая-то утопия.

– Вот это-то и обидно, – с досадой сказал Купер, подлив виски, – поэтому я и предлагаю вариант обозначения свободы, как индивидуального явления.

– Явления, воздействующего не на каждого?

– Скорее, не каждому присущее. Да какой там! Люди же не хотят этого сами! Покажи мне человека, который мгновенно согласиться взять на себя ответственность за свое существование. Днем с огнем не сыщешь! Почему ты такой, спросишь его? Потому-то, ответит он. А если то-то убрать или добавить, то есть, сделать так, как ты хочешь? Ан нет, возразит он. Вдруг ничего не изменится? Исчезнет причина, не на что будет пенять. Люди боятся свободы, как бы они не говорили о том, что она им необходима. И это их извечная проблема.

– Ну, кто сказал, что это проблема? Просто люди не знают, что такое свобода, – добавил Максим.

– Правильно, поэтому и боятся. Все слишком сложно. – Купер задумался. – Или, наоборот, все очень просто, поэтому никто ничего не может понять. Думаю, общество наше стоит как раз на тотальном подчинении. Свободы не может быть, в принципе. Чтобы подойти к ней реально, формально, индивидуально, как-нибудь ещё, нужно покинуть это общество. Потому как, если допустить индивидуальную свободу внутри общества, то это будет означать противопоставление себя ему, обществу. Чего оно, общество, не допустит... То есть... Ходим по кругу. Абсурд...

– То есть, стать свободным и противопоставить себя обществу, или противопоставить себя обществу и стать свободным?

– Уже не важно. В любом случае придется идти против

общества.

– Революция? – спросил Максим.

– Да! – восторженно отреагировал Купер.

– А индивидуальная революция в обществе, то есть революция частного лица – это преступление, не так ли?

– Выходит, что так!

– То есть, заявляя о своей свободе обществу, ты становишься преступником, и общество отправляет тебя в тюрьму – заведение, наиболее полно дающее тебе почувствовать всю прелесть свободы.

– Ну почему же сразу в тюрьму? – возразил Купер, – можно ещё в психиатрическую лечебницу. Очевидно, что любое мнение, идущее вразрез с существующим, общепризнанным и одобренным обществом, абсурдно и не может исходить от человека с нормальной психикой. Вот поэтому, необходимо покинуть это общество.

– Как? – спросил Максим.

– Ну, – Купер задумался, – например, вот так!

Он налил себе и Максиму по полному бокалу виски.

– Пойдем? – спросил Джон Максима.

– Ну, вперед, – поддержал тот, чокаясь и запрокидывая бокал.

Через полчаса Максим с Джоном сидели друг, напротив друга уже еле передвигая языками. Максим старался помнить о Триумфальной площади, смеясь тому состоянию, в котором он прибудет туда и, совершенно не отдавая себе в

этом отчета. Успокаивал он себя лишь тем, что страх, который он испытывал накануне, планируя действия с Маргаритой, улетучился с концами.

– Нас с пелёнок учат не быть свободными, – заявлял Купер.

– Дай-ка, синонимизирую, – перебил Максим, – а есть такое слово, синонимизировать?

– А хрен его знает! Кстати, куда делся Акира, он там интервью свое закончил?

– Акира упорхнул на крыльях любви, склоняться на шальвары Лале.

– Чего? – не понял Купер.

– Любовь у него. Так, я еще не синонимизировал. Ха-ха. Короче, с рождения нас учат быть рабами. Вот.

– Верно, Макс. Мы сами не замечаем этого. Более того, тот, кто нас этому учит, тоже не замечает. Да, по большому счету, этого давно никто не замечает, потому как все рабы. Рабство необходимое условие существования в этом обществе. Мы не граждане, мы не люди, мы рабы! Нам навязывают культуру и мораль, утверждая, что именно это есть культура, а это есть мораль. Всё, что не входит в рамки, есть грязь, чушь и преступление. Та свобода, которую они, или оно, общество, называет свободой, не является таковой, хотя бы по той причине, что называет его свободой общество, не имеющее ничего общего с этим понятием. И, думаю я, даже сейчас, вот, прямо сейчас, когда мы сидим тут и рассужда-

ем о свободе, мы, по большому счету переливаем туда-сюда мысли, вытекшие перед этим из навязанных нам с детства идей. То есть зомбированными мозгами мы... Чет я не могу сформулировать... Ха-ха!

– Да я понял, – успокоил Джона Максим, – поглощая продукты общества, неизбежно сам становишься его продуктом.

– Вот, наша группа. Ведь что бы гениального мы бы не сотворили, никогда мы не станем полноправными властителями дум... о, сказал, как. Ладно, не будем занимать высшие строчки рейтингов, если это не будет угодно обществу.

– Подожди, так это логично, – перебил Максим.

– Да. Так. Хорошо. Не будем угодны тем, кто контролирует общество. Находится во главе общества. Правительству, короче. Ну, не самому правительству, конечно, а владельцам всех этих масс-медиа. А масс-медиа поставлены правительством, или... ну, как-то так. А почему? Потому что народ должен пожирать только то, что ему должно, что ему засовывают в рот, то, что легко и без проблем переваривается, что не вызывает ненужных вопросов, а если вызывает вопросы, то только нужные. Вообще, лучше, конечно, чтоб вообще не вызывало. Ушло время рок-н-ролла, как акта протеста. И ушло не потому, что не выглядит, как протест, а потому что любой протест можно повернуть в нужную сторону и заставить служить тому, против чего он был изначально направлен. Иллюзия свободы очень эффективно заменяет саму свободу. Эффективность её заключается в том, что

никто не может отличить иллюзию от действительности, и не только потому, что действительности никто не видел, а из-за качественно сфабрикованной иллюзии. Хотите свободы? Нет, нам не нужна свобода, мы её боимся, да и не знаем, что с ней делать. Да, ну что вы! Мы с вами имеем демократическое общество. В демократическом обществе все граждане свободны. Так? Так, так! Ну, так получите вашу свободу! Где она? Да вот же она! Ах, вот она! И все уверены в том, что свобода это то, что в данный момент им дали. А это может быть все, что угодно. Угодно кому? Правильно, снова правительству. Ну, под правительством я подразумеваю, всё, что там наверху.

– Ну да, я понял, я уже слышал о тех, кто наверху кое-что, – сказал Максим.

– Меня просто бесит, как они там впаривают нам всем... – в сердцах проговорил Купер, – я всё про наших баранов.

– Шоу-бизнес?

– Эх, как не прискорбно, но это теперь всё и шоу, и бизнес. В принципе, вряд ли сейчас кто-то с уверенностью может определить, где здесь искусство, а где бизнес. Особенно, если учесть, что сейчас не только на самом настоящем искусстве делают бизнес, но и его само, искусство, превратили в бизнес. Искусство лишилось свободы, что уж о людях говорить.

– Ну, не без помощи людей, так что, как не крути, а люди-то это первопричина. И, во-вторых, ты сказал, лишилось.

Не означает ли это, что оно было свободным.

– Было, конечно. Чистое, настоящее искусство, не загрязненное коммерцией...

– Ну, я не то чтобы, конкретно об искусстве, а вообще. Если искусство было свободно, а оно является продуктом труда человека, являющегося первопричиной движения этого искусства от свободы к рабству, то нет ли того же движения у самого человека.

– От свободы к рабству?

– Да, Джон. Как-то грустно выходит. Движение только в одну сторону. То есть, раньше все было свободнее, чем сейчас, и если мы и хотим что-то поменять, а именно приблизиться к свободе, найти её, узнать, в конце концов, что это такое, то у нас нет фактически никаких шансов, поскольку, всегда мы только удаляемся от неё.

– Мда. Нужно поменять теорию, – уверенно сказал Купер.

– Не обязательно. Думаю, что отчасти ты прав. Всё зависит от подачи материала. Если где-то, в одном месте, что-то прибыло, в другом что-то убыло. Смотри. Раньше искусство было свободно почему?

– Почему? – в ответ спросил Купер.

– Я тебя спрашиваю, ты же это сказал.

– А, ну да. Ну, во-первых. Ну, вот картина. Художник писал её, вкладывая в нее всю свою душу, рассчитывая на признание потомков, не более того. Сейчас художник пишет, рассчитывая на гонорар.

– Ну да, конечно, – возразил Максим, – а раньше все художники были альтруистами, и есть им не нужно было.

– Верно, конечно, но не в той степени, что сейчас.

– Мне кажется тут дело не в этом. На всем откладывается отпечаток времени. Но многое остается неизменным. Во все времена творили как для себя, так и на потребу публики. Всё зависело от разряда публики. Если придворный художник мог рассчитывать на одобрение лишь очень узкого круга ценителей его искусства, то сейчас как раз наоборот. Даже не так. Сейчас есть выбор. Ты можешь творить ширпотреб для масс, дешевый, но за счет объема выигрышный, или также для тонких ценителей, коллекционеров, способных отвалить немалую сумму. Не важно, кто платит, главное размер прибыли. Плюс к этому, раньше произведением искусства могли насладиться представители узкого круга, сейчас же оно доступно всем. То есть, не стало ли сейчас, в противоположность прошлому, искусство свободнее? Это касается и музыки и... в общем, всего.

– Теперь ты меня запутал, – устало произнес Купер, – дай подумать. Вот единственная проблема приближения к свободе посредством ухода от общества. – Он держал в руке бутылку виски, разглядывая этикетку. – Это скорость работы мозга.

– А можно у вас попросить автограф? – вдруг услышали над собой Купер с Максимом.

У столика, за которым они сидели, стояла девушка, мгно-

венно сразившая Максима своей внешностью.

«Что за чёрт! Этого просто быть не может! Так: Рита, Жанна, мечта Акиры, Лала. И вот тут опять! Откуда они все берутся? Или я перепил опять? Так, через полчаса пора выдвигаться...»

– С удовольствием. – Купер, судя по всему, был солидарен с Максимом в оценке внешних данных незнакомки. – Как вас зовут?

– Белоснежка, – ответила девушка, протягивая Джону журнал с его изображением на обложке и авторучку.

– Вам очень идет это имя, – серьезно заявил Максим, восторженно разглядывая незнакомку с кожей цвета «капуччино», – и ещё вы очень похожи на Холли Берри.

– Спасибо, – ответила Белоснежка, – я, правда не знаю кто это.

– Это одна из самых красивых женщин, которая, однако, только что опустила на строчку ниже.

– Да ты, просто, дамский угодник! – воскликнул Джон, – кстати, вот, я тоже продукт общества. Видимо, чем-то ему угодный, иначе, откуда у меня такие прекрасные поклонницы. А как вас зовут на самом деле?

– А вы о чём тут беседуете, мальчишки? – полюбопытствовала Белоснежка, пропустив вопрос Джона.

– Эх, прекрасное создание! – вздохнул Купер, – мы ищем свободу.

– Серьезно? – хитро заметила девушка, – хотите десять

минут полной свободы, мальчики?

– Это как? – хором спросили мальчики.

– Очень просто, быстро и без последствий. – Белоснежка достала из кармана маленький прозрачный пузырек и извлекла из него две крохотные белые таблетки. – Десять свободных минут. Мой подарок. Можно с алкоголем, – добавила она, глядя на почти пустую бутылку виски.

– А мы не отравимся? – справился Купер, разглядывая таблетки, положенные Белоснежкой на салфетку и, смеясь, добавил: – Может, тебя кто-нибудь к нам подослал?

– Как хотите. Вам решать, – отозвалась девушка и мягко отошла от столика, направившись к барной стойке.

– Я и не заметил, как тут столько народу набралось, – удивленно сказал Максим, оглядываясь по сторонам.

– Да тут почти всегда так в это время. Рабочий день заканчивается, – объяснил Купер.

– Ой, сколько сейчас? Так, шесть. Через полчаса мне пора. Чёрт, жалко такую девочку отпускать, – с досадой проговорил Максим.

– Да никуда она не денется, – успокоил его Джон, – как это я её раньше не замечал, в первый раз, что ли, тут? Так что со свободой делать будем?

– Ты не боишься, Джонни?

– Как ты хочешь, не рискуя, почувствовать свободу?

– Верно, – неуверенно промолвил Максим, – но мне уходить нужно.

– Да успеешь ты! – разгорячено сказал Купер.

Благодаря отменному виски, что Джон, что Максим были в том состоянии, когда ни чувство опасности, ни элементарной осторожности не способны уже хоть как-то повлиять на поступки.

– Десять минут? – колебался Максим. – Ну, давай.

Они взяли каждый по таблетке в одну руку и по бокалу виски в другую.

– На старт, внимание... Марш! – скомандовал Максим.

Одновременно закинув таблетки в рот и запив их виски, они, молча, уставились друг на друга.

– Ну? Что? – осторожно спросил Максим.

– Ничего, – ответил Джон, – не так быстро же.

Минут пять они сидели, не разговаривая, пристально глядя друг на друга. Максим постоянно поглядывал на часы.

– Чёрт, опоздаю, где наша «Холли Берри» – Белоснежка?

Максим развернулся в сторону барной стойки, начал вглядываться в людей, сидящих за ней, как вдруг его что-то резко подняло до самого потолка, мгновенно вынесло сквозь стену на улицу и понесло над городом...

– Когда я смогу тебя увидеть? Через день, месяц, год, через десять лет? Не имеет значения. Ты здесь, мой дорогой – это главное. Я буду ждать тебя.

Треск дров, полыхающих в камине, разлетался гулким эхом по пустому залу. Факелы, развешенные по стенам, также мерно горели, придавая обстановке величие, восполняемое уютностью, источаемой мерцающими свечами.

– Любовь, смерть, свобода. Вечность. Следствие путешествия мыслей. Картины, рисуемые фантазией. Попытка оправдать суету и бессмысленность. Хитрость, пущенная разумом для самоутверждения. Нет тоски, нет печали. Есть движение. И есть ты. Сумеешь управлять движением? Обогнав смерть, вернуть жизнь, и слить их воедино? Вечность. Сила. Страсть...

Казалось, что зеркала настолько ясно отражали её, что на её фоне меркло всё остальное. Словно они стремились впитать в себя всю её сумасшедшую и загадочную красоту. Переходя от одного зеркала к другому, она любовалась собой, поднимая бокал вина перед каждым из них.

Она подошла к камину и села на диван, стоящий перед ним, поставив бокал на столик. Она вздохнула.

– Иногда мне одиноко, – сказала она, обращаясь к огню. – В отличие от тебя, я не испытываю удовлетворения, длитель-

ное время находясь в таком состоянии. Не знаю, возможно, потому, что я женщина и мне нужно внимание. Я не буду тебя торопить.

Сверкая неземным светом, пламя отражалось в её больших чёрных глазах.

– Ты часто снишься мне, но я никак не могу разглядеть твоё лицо. А меня ты когда-нибудь видел во сне?..

– Я хочу разрезать это чертово небо!

– Зачем?

– Мне тесно.

– Разрежь землю, она ближе.

– Не хочу землю, её всю уже изрезали и ничего не нашли.

– А что ты хочешь найти?

– Мне тесно.

– Я это уже слышал. Что ты хочешь найти в небе?

– Я ничего не хочу найти, я хочу разрезать небо, чтоб мне было чем дышать.

– А почему ты решил, что, если ты разрежешь небо, тебе будет, чем дышать?

– Я не знаю, но нужно же что-то делать...

Хочется спать всю жизнь. Хочется жить весь сон. Руки за голову! Ноги на ширине плеч. Лицом к стене. Вдыхаем носом, выдыхаем ртом. Готовьсь! Цельсь! Пли! Унесите эту падаль. И помойте стены.

– Мама, купи мороженое!

– Нет. Ты сейчас будешь обедать. Перед едой сладкое не едят.

– А после обеда ты мне купишь мороженое?

– Нет. Кажется, ты ел его вчера. Мы договорились, что мороженное ты будешь есть раз в неделю.

– Мама, я не ел его вчера, ты всё перепутала. Вчера я весь день сидел дома с бабушкой. А мороженое я ел в прошлый вторник. А сегодня четверг. Прошло больше недели. Ты мне купишь мороженое?

– Нет. У тебя же болит горло.

– Мамочка, у меня не болит горло. Ты мне купишь мороженое?

– Нет, я куплю его тебе в другой раз.

– Когда мамочка?

– Завтра.

– Но я не хочу мороженое завтра.

– Тогда не куплю.

– Мамочка, я хочу мороженое сейчас. Купи, пожалуйста.

Я хочу мороженое сейчас. Я же хочу.

– Милый, перестань, не всегда можно получить то, что хочешь.

– Почему, мамочка?

– Так устроена жизнь...

– Кстати, Макс, эти котлеты – фирменное блюдо нашего шеф-повара. Таких ты больше нигде не найдешь. Он с их помощью выиграл какой-то там конкурс. Ну, давай ещё по одной. – Купер поднял бокал.

– Ну, давай. – Максим сделал глоток виски и только тут осознал себя сидящим за столом, заставленным всевозможными блюдами, которых только что не было. – Черт! Сколько сейчас времени?

– Сейчас? – Купер посмотрел за спину Максима, на часы. – Половина седьмого.

– Так, мне пора! – Максим вскочил, но тут же, почувствовав в ногах слабость, опустился обратно на стул.

– Куда? – сдавливая смех, спросил Джон.

– У меня встреча... а что ты ржёшь?

– Макс, поздравляю. С возвращением. Я вернулся полчаса назад. Теперь я вижу, как это со стороны.

– Не понимаю. Что ты говоришь?

– Мы уже минут двадцать сидим и точим.

– Ну и... не понимаю я, о чём ты? – раздражённо спросил Максим, пытаясь развернуться и посмотреть на часы.

– Короче. Пять минут подожди. Ты ещё не вернулся.

– Пять минут. Пять минут уходить. Пять минут возвращаться.

– Ты про таблетки свободы?

– Ну, а про что еще. Кстати, тебе как?

– Отпад, Макс! Наверное, только я ничего уже не помню.

Но, чувствую, было круто. А ты? – тут Купер не сдержался и захохотал во все горло. – Ну, «подсуропила» нам Белоснежка. Уважаю девку. Как она тебе, кстати? Помнишь? Хотя вряд ли, судя по всему.

– Что помню, Джонни? Я ни хрена не понимаю, мне пора!

– Да ты опоздал. Важное что-то было?

– Ещё не опоздал...

– Спокойно, Макс. Опоздал. Теперь слушай внимательно. – Купер попытался придать лицу серьезное выражение, но тут же прыснул и залился раскатистым смехом.

Максим с недоумением смотрел на него, пока тот не успокоился.

– Короче, Макс, так. Не могу. В общем, сегодня завтра.

– Что?

– Сегодня, это не сегодня, а завтра, – повторил Джон.

– Можно ещё раз? – попросил Максим.

– Хорошо. Мы познакомились с тобой в среду. Среда была вчера. Сегодня четверг. Ты куда-то там опоздал на сутки. Так там что-то серьёзное было?

– Ё-моё, – прошептал Максим. – А как это?

– Спроси у Белоснежки. Ты спросил?

– Когда?

– Когда-когда? Ты с ней вчера до полуночи трепался. Но, я не видел, мне рассказали.

– Ага. – Максим подлил себе виски и выпил залпом. –

Так...

Он мгновение помолчал, после чего принялся хохотать, тщетно пытаясь себя сдержать. Остановившись, он пробормотал:

– Но я ничего не помню. Ни Белоснежки, ни..., вообще, ничего.

– Аналогично, коллега, – участливо поддержал его Купер. – А жаль. Я точно уверен, что что-то было. Но, ты хоть с девушкой поговорил. Мне повезло значительно меньше.

– Что такое? – поинтересовался Максим.

– Я вот, как говорят, беседовал с бутылкой виски. Благо друзья сразу заметили, что я не в себе, и отвели меня в номер, где я продолжил разглагольствования.

– Ха-ха! А о чем ты базарил с пузырем?

– Ну, я не помню, а народу по барабану. К тому же, честно говоря, здесь ты вряд ли отыщешь кого-то с ясной головой. – Джон снова захохотал.

– А что Белоснежка?

– Да чёрт её знает. Никто не помнит, как она ушла. Ты заснул вон на том диване. Думаю, нужно сказать провидению спасибо за то, что мы остались живы и, воздать ему хвалу.

– Согласен.

Воздавая хвалу проведению, Максим с Купером так напились, на этот раз обсуждая более приземленные проблемы жизни, что уже к одиннадцати часам с трудом передвигая задними конечностями, расползлись по номерам гостиницы. Купер заблаговременно распорядился, чтоб его ново-

му другу на время его пребывания здесь («Видимо, отсюда так просто и быстро не уходят», – успел тогда подумать Максим) предоставили свободный номер в здешней гостинице.

Моментально заснув, Максим проснулся часа через два и ощутил страшный голод. Очутившись у барной стойки, он заказал себе самый большой сэндвич, какой там был и принялся за него.

– Какой у тебя аппетит, – услышал он голос рядом с собой.

Повернувшись, он обнаружил девушку, довольно-таки симпатичную стройную блондинку. Это единственное определение, которое он смог дать в тот момент.

– Тебя чем-нибудь угостить? – спросил он.

– Не откажусь от виски, – весело отозвалась блондинка.

– Отлично. Два виски.

Через два часа Максим проснулся, разбуженный шорохом одежды, и оторвал голову от подушки.

– Кстати... – начал было он.

– Джессика, – улыбаясь, сказала блондинка, застегивая юбку.

– Ага. Хорошо. Извини. Мне кажется, я не смогу тебя про- водить.

– Ничего страшного, – всё также весело отозвалась девушка. – Я же вижу, какой ты усталый. Ну ладно, пока.

– Может, ещё встретимся, – промывчал Максим.

– Я не против, – поддержала его Джессика.

Наклонившись, она поцеловала его в губы.

Весь день Маргарита не находила себе места. В среду Максим ничего ей не сказал перед уходом. Он так и не вернулся. Она ждала его до трех часов ночи, периодически проверяя, не пришёл ли он, пока, не заснула, сев в кресло, когда вернулась к себе после очередной проверки его номера. В четверг утром она его тоже не обнаружила. Рита растерялась. Она не знала, что делать. Кому-то нужно было всё рассказать. Но что рассказывать? И кому? Пропал человек. Но, почему пропал? Просто его нет. Никому он ничего не обещал и никому он ничего не должен. Он взрослый и может делать всё, что ему вздумается. Это она предполагала услышать от любого, кому она решится всё рассказать. В частности, что ей могут посоветовать в полиции? Она представила себе диалог:

- Он вам кто, муж, брат?
- Да нет.
- А кто?
- Да никто.
- Тогда, почему вы о нем так печётесь?
- Но он же пропал.
- Почему пропал? Может у него дела или ещё что?
- Нет, понимаете, мы же... гости.
- Знаете, девушка, мне совершенно всё равно, гости вы или нет. Закон один. Давно пропал?

– Вчера ушёл, и до сих пор нет.

– Да вы что смеетесь надо мной?

– Хорошо, я все поняла.

– Если хотите, оставьте заявление. Через три дня пойдет в ход, но мне кажется, это смешно...

Если у Максима и есть какие-то обязательства перед ней, то довольно-таки неопределённые. Она одна знает, что к чему, и если необходимо привлечь кого-то на помощь, то следует рассказать всё, как есть. Сама Маргарита думала, что с Максимом что-то случилось. Иначе, где он может быть? Не может же та самая встреча длиться так долго. Но, что она знает о встрече? Что это, вообще, было? Нет, действовать нужно было по-другому. Но что же делать сейчас? Рассказать о письмах с угрозами, об этой встрече? Кому? Полиции? Кому, кому, кому? А если это просто розыгрыш? А если это? Что же это может быть?

Маргарита была растеряна. Как же ей не хватает поддержки! Что там, в том мире, её не было, что здесь, что там не на кого было положиться, что здесь. «Стоп! – подумала Рита. – Почему я так решила? Так нужно что-то менять!»

Маргарита перебрала в голове всех, с кем она успела познакомиться за последнюю неделю. «Боже мой! – думала она. Уже неделя прошла, как я тут. Как мы тут. Максим! Почему я за него так переживаю? За кого я больше переживаю, за него или за себя?.. Наверное, в данном случае, это всё равно».

С некоторым сожалением Рита подумала о том, что скрывалась от поклонников последние три дня. Нет, не с сожалением – со злостью, с тоскливой злостью на Максима. Гордость гордостью, тактика тактикой, но... «Мужчины... Где же вы? Настоящие мужчины?»

Сара, единственный человек, который внушал Рите доверие, и с кем бы она хотела сейчас встретиться и попросить помощи или совета. Это она поняла и сразу задумала кому-то открыться.

Был еще один вариант, который пришел Маргарите на ум – прийти сегодня вечером на Триумфальную площадь и сразу всё выяснить. Но она не была уверена, что, во-первых, всё выяснит, а, во-вторых, она не хотела, так же как Максим, бесследно исчезнуть. К тому же, она чувствовала, что действовать нужно иначе. Она не могла объяснить почему, но ей казалось, что опрометчивые поступки сейчас могут ей навредить. Она вспомнила строки из письма, где говорилось, правда, не сильно настойчиво, о том, что письмо не следует никому показывать. Но, Максиму она его уже показала, а дальше уж теперь видно будет.

Итак, Рита решила найти Сару. Она отыскала рабочий телефон Сандры, который та дала ей ещё в первую встречу и, не раздумывая долго, позвонила из номера. Сандра, видимо, не сильно загруженная работой, осведомившись о том, как у Риты дела, сразу затараторила в трубку обо всем, что приходило ей в голову, заметив, между прочим, что Ренат сей-

час пребывает в расстроенных чувствах из-за того, что никак не может застать Риту. Рита терпеливо слушала, и, как только образовалась пауза, поспешила спросить у Сандры, как можно найти Сару, объяснив, что та обещала узнать у своих знакомых о работе в больнице, а также об обучении в медицинском институте, а телефон её она потеряла. Сандра нисколько не удивилась, выразив лишь восхищение и радость по поводу того, что Рита однозначно решила остаться в Городе. И, недолго порывшись у себя, дала ей координаты Сары. Поблагодарив Сандру, Рита тут же набрала номер Сары. Та, была приятно удивлена, услышав Маргариту, и с радостью согласилась встретиться сегодня вечером.

Рита на время успокоилась. Кроме всего прочего, выдумав на ходу причину, по которой ей нужно встретиться с Сарой, она выказала свое действительное желание. Причем желание это возникло моментально, и, даже, не желание, а жизненно важное решение. Только сейчас, словно получив толчок, она поняла, что обратно возврата нет, что жить нужно здесь и сейчас, а значит здесь и сейчас нужно как можно скорее со всем разобраться.

– Да. В полицию с этим не пойдешь, – уверенно сказала Сара и задумалась.

Маргарита встретилась с ней в парке, у набережной, в том самом, где они и познакомились. Сара, выслушав Риту, и, ни на йоту не усомнившись в искренности её слов, в серьезности её беспокойства, и моментально приняла участие в раз-

решении её проблем. Рита в ней не ошиблась. Она знала таких, как Сара.

– У Кальмана есть приятель, сосед. Он работает в полиции. Они, конечно, не совсем друзья, но хоть что-то. А ещё, насколько я слышала, он расследует убийства. Не совсем то, что нужно, но можно попробовать. Ты уверена, что не стоит ждать?

– Честно говоря, нет. Но, ничего не делать я тоже не могу. Вдруг...

– Понятно. – Сара, улыбнувшись, посмотрела на Риту. – Просто, судя по твоим рассказам, твой друг большой любитель приключений, да ещё больший любитель выпить. Может, для начала стоит обратиться в полицию не за помощью в поисках, а узнать, не попадал ли он к ним?

– Об этом я думала. Но...

– Боишься, что, в том случае, если с ним ничего не произошло, ты будешь выглядеть глупо в его глазах, раз проявила такую заботу о нем?

– И это тоже. – Рита засмушалась.

– Да, не всем нравится появление второй мамы. – Сара засмеялась. – Но, думаю, он так и так это узнает или просто поймет. А если нам найти его друзей? Ты же говоришь, он с кем-то познакомился.

– Да, но я никого не знаю, и тем более, не знаю, где их искать?.. Хотя, в отеле работает одна бабушка... – Рита вдруг просияла. – Точно, как это мне сразу не пришло в голову?

– Что такое?

– Наверняка она, или её муж (они вместе работают) знают всех завсегдатаев своего заведения.

– Ну вот, Рита, – с удовольствием заметила Сара, – главное правильно задать направление действия. Так что же? Может, прямо сейчас и пойдём? Займемся расследованием вплотную!

– Давай! – согласилась Рита, почувствовав прилив сил, осознав, что обрела в Саре надежного друга и поддержку, которой ей так не хватало, про себя ухмыльнувшись, что поддержка эта исходила далеко не от сильного мужского плеча.

– Но, думаю, в любом случае, даже если мы сейчас всё выясним, нужно будет попросить Кальмана, чтобы он свел нас с этим полицейским. Как-никак, тут такое...

– А если это розыгрыш? – усомнилась Рита.

– Тогда просто посмеёмся. Мы же неофициальным путем. Да не волнуйся ты так, придумаем что-нибудь.

Рита почувствовала рядом с Сарой такую уверенность, какую не испытывала никогда, ни с кем. Она так восторженно смотрела на Сару, что та заметила это.

– Ты что, Рит? – поинтересовалась она.

– Да нет, ничего. – Рита смутилась, но не смогла сдержаться. – Просто, ты такая... классная!

Она засмеялась. Сара засмеялась в ответ, но тут же замолчала и сказала серьезным тоном:

– Просто, понимаешь, Маргарита... Ты мне тоже понра-

вилась!

Они одновременно прыснули, и, продолжая шутить в том же духе, направились к отелю. По дороге Рита рассказала Саре, под каким предлогом она выяснила её координаты у Сандры, и спросила, так, между прочим, как, где и у кого, действительно, можно выяснить по поводу работы в больнице и учебе.

– Рита, Рита! Ты волшебница! Думаю, меня тебе сам бог послал. Этот вопрос, вообще, элементарно решим. Во-первых, мой дядя главный врач клинической больницы № 14, это одна из лучших больниц в городе, как говорят. Во-вторых, в медицинском институте, который он заканчивал, половина преподавательского состава – его друзья. Ну, тут я, конечно, вру, не половина, но кто-то там есть, кажется. Это потом выясним. Моя сестра учится там. На второй курс перешла. Так что, всё устроим.

– Сара... Ты просто... – Рита не могла сдержать своего восторга.

– Спокойно, девочка. Мы пока ещё ничего не сделали, – шутливо покровительственным тоном сказала Сара.

Не доходя ста метров до отеля, Рита увидела Матвея Кузьмича, который стоял как всегда у входа и разговаривал с каким-то молодым человеком. Подойдя ближе, Рита заметила, что молодой человек был невысокого роста и имел восточные черты лица. Его разговор со швейцаром был очень коротким и, когда Рита с Сарой подходили к дверям, он уже

шёл им навстречу. Матвей Кузьмич, провожая его взглядом, заметил Риту и, улыбнувшись, приветливо помахал ей рукой. Рита ответила тем же. Вдруг Матвей Кузьмич, слегка нахмурился, словно что-то вспомнил, вскинул голову и, глядя поверх Риты, крикнул, обращаясь к только что отошедшему молодому человеку, уже оставшемуся позади девушек:

– Акира!

Определенно, Рите сегодня сопутствовала удача. В этом она убедилась сразу, как только Матвей Кузьмич познакомил её и Сару с Акирой, представив им последнего, как друга Максима, а Риту ему, как спутницу Максима. Тут же он посоветовал Акире разузнать у них о Максиме. Акира пришёл в отель в поисках Максима. Не найдя его, он отправился было прочь, но заметил на дверях Кузьмича. Он поинтересовался, не видел ли тот его нового друга. Узнав от Риты, что они искали кого-нибудь из друзей Максима с той же целью, ему ничего не оставалось, как рассказать о том, где и когда он видел Максима в последний раз.

– Итак, позавчера вечером, в пять часов, ты оставил Максима в клубе «Бомба» и... – интересовалась Сара.

– Больше его не видел, – ответил Акира, который с момента знакомства явно нервничал, будучи смущенным двумя симпатичными девушками, приставшими к нему с расспросами.

– Может, сходить в клуб? – предложила Рита.

– Конечно! – поддержала ее Сара. – Вы нас проводите,

молодой человек? Симпатичный молодой человек, который очень сильно стесняется.

Акира залился краской. Сара засмеялась.

– Мне... Я...

– Что такое? – спросила Сара.

– Провожу, – ответил Акира, – только, насколько я помню,

Максим собирался на встречу в семь часов.

Сара с Ритой переглянулись.

– А он не говорил, что за встреча?

– Нет, сказал только, что это свидание. Ой...

– Свидание? – переспросила Сара.

– Он так сказал, – пытался оправдаться Акира, решив, что ляпнул лишнее.

– Хорошо, проверим, – уверенно сказала Сара.

Когда Маргарита услышала рассказ Акиры, её охватило одновременно два чувства: облегчение и разочарование. Когда они прибыли в клуб её облегчение подтвердилось, мгновенно исчезнув, а к разочарованию добавилось чувство обиды. Войдя в клуб, девушки поймали на себе любопытные взгляды посетителей, сопровождавшиеся свистом и неоднозначными возгласами. Народу было довольно-таки много. Акира подошел к барной стойке, что-то спросил и, вернувшись к девушкам, указал им на столик, стоявший в самом дальнем углу. Маргарита увидела Максима, подпирающего одной рукой голову. В другой его руке красовался полный бокал. Напротив него, примерно в той же позе сидел незна-

комый ей молодой человек.

– Это и есть тот самый Максим, друг твой? – спросила Сара с нескрываемым разочарованием.

– Да, – дрожащим от возмущения голосом ответила Рита.

– Ой, а это не Купер, случаем? – обратилась Сара к Акире.

– Он самый, – гордо отозвался тот.

– Хорошие у вас друзья. Что будем делать, Рита?

– Пойдем отсюда, – безучастно промолвила Маргарита.

– Ты уверена?

– Абсолютно, – ответила та, показывая в сторону Максим, который в этот момент поднял голову, предоставляя на обозрение свое помятое и покрывшееся легкой щетиной лицо, на котором блестели пьяные глаза. – Кошмар...

Сара всё поняла и весело предложила Рите:

– Ладно, подруга, пойдем куда-нибудь выпьем... кофе и решим, что же нам теперь делать.

– А тут вам не нравится? – неудачно сострил Акира.

– Нет уж, извольте, – сказала Сара. – Передай тому не очень трезвому молодому человеку... Ммм... Что ему передать-то?

– Думаю, уже ничего не нужно, – подсказала Рита.

– Хорошо. Ничего не передавай.

– Так как же? – Акира растерянно хлопал глазами.

– Вот так, – сказала Сара, беря Риту под руку. Они вышли из клуба и направились в поисках более приличного заведения.

– К черту эти бесполезные поиски смысла жизни! Что в них толку? Даже так: в чем смысл искать смысл? Да еще жизни...

– Ты же пьян.

– И что? Я не за рулем и не в общественном месте. Не учите меня чувствовать...

– Что чувствовать?

– Что значит «что чувствовать»? Чувствовать! Я не чувствую что-то, я просто чувствую. Я хочу чувствовать жизнь, если вам так хочется конкретики.

– Ну и как, помогает?

– Что помогает?

– Ну, в данный момент, «вискарь».

– Идите вы к черту со своими нотациями. Я хочу жить...

– Вне жизни. Так? Поэтому, тебе вдруг демонстративно не захотелось размышлять о смысле жизни? Знаешь, что? Во-первых, слишком много пафоса. Никого, ровным счетом никого, не интересуется твои кривлянья. Ты же клоун, к тому же бездарный. Смысл жизни!

– Да не нужен мне этот смысл! Жизнь. Она мне не нравится.

– Приплыли. Опять.

– Почему бы не пойти в противоположном направлении.

Почему бы не поискать смысл смерти?..

– Вопрос о смысле жизни я считаю самым неотложным из всех вопросов. То, что называется причиной жизни, оказывается одновременно и превосходной причиной смерти. Всегда быть просто логичным, но почти невозможно быть логичным до самого конца. Столь же логичным, как самоубийцы, идущие до конца по пути своего чувства...

– Брат, только что был не ты, это – Альбер Камю!

– Как ты нежно это сейчас сказал. Как с чувствами у тебя?

Что мы нынче чувствуем?

– Ты не представляешь, как ты порой раздражаешь меня.

– Согласись, это один из элементов ощущения жизни. Через сильные эмоции, через негатив, через боль можно много чего прочувствовать. И потом думать, что за смысл тебе интереснее.

– Я устал...

– Ты просто слабак!

Грезы, грезы, грезы. Сколько же можно ждать чуда? Все мы самые лучшие и единственные, самые сильные, умные, красивые. Короче, все одинаковые. Разница заключается лишь в том, кто как себя подаст. Или продаст? А это зависит исключительно от случая.

Чушь какая-то...

Создай свою судьбу. Напиши себе гороскоп. Нарисуй себе характер. Вылепи себе способности. Не лови удачу за хвост. Вырасти ее. Положи карту так, как тебе нравится. Никогда не поверю, что тебе ничего не нужно. Скажи, как должно быть, и сделай так, как должно.

– Слабак... – прохрипел Максим.

– Кто слабак? – поинтересовался Купер. Максим услышал, как что-то звякнуло.

– Ой ты ж ё-моё. – Максим оторвал голову от подушки и ощутил, как ей плохо.

– Думаю, сегодня нужно устроить разгрузочный день. – Джон выставил на стол четыре бутылки пива, одну из которых тут же взял и открыл. Он сделал глоток и посмотрел на Максима.

– Тебя подтолкнуть?

– Я не возражаю, – снова прохрипел Максим.

Джон открыл еще одну бутылку и подал Максиму. Тот жадно присосался к ней, не останавливаясь, выпил половину, и отдышался.

– Хорошо. – Он поднялся и сел на кровати. – Сколько сейчас?

– Чего? – спросил Купер.

– Времени.

– Да черт его знает. Пятница или суббота. – Он прикурил сигарету. – Суббота, вроде, хотя, какое это имеет значение. А

в воскресенье мне нужно будет отчалить на пару дней. Кстати, в среду меня с группой пригласили на великосветский гудёшь.

– Куда?

– Будем квасить в каком-то модном клубе, совсем другого пошиба. Типа светского раута будет, с мелкими олигархами и акулами шоу-бизнеса. Рок роком, но всё завязано на бизнесе. Придется поучаствовать. Пойдем с нами.

Максим взглянул на часы, висевшие на стене.

– Я нет, не... Если часы идут, то сейчас пять часов. Ты когда встал?

– Два пива назад, – не задумываясь, ответил Купер, – я бы давно пришёл, да мне тут передали, что девица у тебя.

– Ё-моё! Точно. Была. Какие на сегодня планы?

– Только пиво. Может, немного травы. Ты не думай, я не всегда так. У меня разгрузочный период, сопряженный с творческим кризисом и плановой депрессией.

– А репетиции?

– Да вот их и нет теперь.

– И надолго? Я просто не пойму, каким боком я...

Максим тем временем оделся и разглядывал в зеркале свою небритую физиономию.

– Это судьба, Макс! – воскликнул Купер. – Ты просто не представляешь, как ты вовремя и кто...

– Не понял, что кто?

– Я хотел сказать, что очень вовремя попался не кто-ни-

будь, а именно ты.

– А почему? – не понимал Максим, допивая пиво.

– А вот этого я не могу объяснить. Есть в тебе что-то....

Не знаю, что.

– Кстати, знаешь, что я подумал, Джон? – перебил его Максим. – Что касается свободы и пути к ней через вот то, что нам Белоснежка эта подкинула, или через стакан...

– Что? – заинтересовался Купер.

– Это не путь к свободе. В смысле, через уход от жизни. Сейчас. Значит так, уход от жизни – это не путь к свободе. Вот. От жизни, от реальности. То есть, может, это и путь куда-то, но не к свободе. И... нет, это вообще не путь через уход, это просто уход. Уход от реальности.

– Ну?

– А когда мы уходим от реальности? Когда не можем с нею справиться. А почему мы не можем с нею справиться? Потому, что сил у нас не хватает. Или, вообще, нет. Мы недееспособны не потому, что вокруг все так плохо, а потому что мы недееспособны. У нас ни не хватает сил, у нас их просто-напросто нет. Мы слабы. Мы не в состоянии справиться с реальностью, потому что мы слабы. Мы не в состоянии справиться с жизнью, потому что мы слабы. Мы не можем жить, потому что мы слабы. Мы уходим от реальности, потому что мы слабы. Мы не имеем права идти к свободе никакими путями. Мы не заслуживаем свободы, потому что мы слабы.

Купер затаился, допил пиво, поставил бутылку на стол,

повернулся к Максиму и, помолчав минуту, сказал:

– А не хлопнуть ли нам по такому случаю виски?

– Заметьте, не я это предложил. А у тебя есть бритва, а то я как бомж себя ощущаю?

– Посмотри в тумбочке. Должна быть. Я распорядился, чтоб тебе тут всё для жизни накидали.

– Ладно. Вообще, я в отеле живу. Мне бы...

– Да успеешь ещё. Ты гость, и плевать мне на то, что ты там какой-то гость. Сейчас ты мой гость. Давай собирайся.

Максим допил вторую бутылку пива, пока приводил, хотя, вернее будет сказать, пытался привести себя в порядок, и почувствовал бодрость в теле и желание утолить аппетит.

На этот раз вечер оказался более разнообразным. Максим с Купером не стали загоняться с употреблением алкоголя и размеренно потягивали виски, плотно закусывая и мерно беседуя о высоких материях. Через какое-то время они обратили внимание на то, что музыка, играющая здесь круглые сутки, не прерываясь, вдруг затихла, и на фоне общего оживления раздался свист настраиваемого микрофона, заглушаемого громом подключаемых музыкальных инструментов и аппаратуры.

– Начинается, – улыбаясь, сказал Джон.

– А что такое? – поинтересовался Максим.

– Волк караоке решил устроить.

– Кто?

– Волк, это кличка ударника нашего, забыл уже? Сейчас,

все кто хочет, может на сцену выходить и петь, что ему вздумается, а наши ему подыгрывать будут. Не хочешь?

– Да что-то не тянет, – устало ответил Максим.

– Ты, кстати, какую музыку предпочитаешь? Или у вас все совсем по-другому?

– Ух. У нас. Я что-то уже стал забывать, что я у вас, а не у нас. Да всё то же самое. Я вот уже неделю здесь и пришел к выводу, что.... Нет, к выводам я ещё ни к каким не приходил, но различий я не вижу. Это факт. А музыка. Да вот эта самая. Рок. Да и ролл. Ха! Мне, вообще, порой казалось, что я слышу тут наши группы. Настолько всё похоже. Нет, Джон, в хорошем смысле.

– Понятно. Значит, ты свой в доску. За единство! – Купер поднял бокал.

– Всё это рок-н-ролл! – отчеканил Максим, чокаясь с Джоном.

– Кстати, Макс, а ты ведь, толком, не слышал моих песен. Да, вообще, не слышал. Я же не пел, мы их не крутим в клубе. Только играем. Так, ты должен сейчас же ознакомиться. Пойдем в примерку.

– О, у вас примерка есть?

– А как же, все как у солидных артистов. – Джон рассмеялся. – Пойдем.

– А как же караоке?

– Да ладно тебе! Это теперь надолго, успеешь ещё. Идём.

Они встали из-за стола, прихватив с собой бутылку с бо-

калами, и отправились за сцену.

– Да, – протянул Максим, осматривая помещение, в которое его привел Джон, – самая настоящая гримерка рокеров!

– А чем характеризуется гримерка рокеров? – спросил Купер, разгребая мусор, которым был завален стол, стоящий посередине комнаты, и поставил на освободившееся место бутылку с бокалами.

– Этого нельзя объяснить, это можно лишь понимать!

– Пусть так. В общем, бардак, ты об этом?

– Да нет...

– Ладно, ладно. А что ты хотел? Работы невпроворот, убираться некогда, уборщицу мы сюда не пускаем, сам понимаешь, тут хрен разберешь, что мусор, а что нет. Так, давай быстренько за работу. – Джон разлил виски и выудил из кучи на столе диск. – Вот, последний альбом. Третий.

Он вставил диск в проигрыватель и нажал «Пуск»:

– За искусство!

– И жертвы, которые приходится ради него приносить! – заметил Максим, кивая на бутылку виски.

– Кстати, не будем, все-таки, налегать, хочу дунуть ещё. Кстати, где это тут у нас? – Купер порылся в карманах и вытащил пакетик. – Замечательный урожай. Небезопасно тут пыхать, конечно. Легавые пасут, я говорил. Но, какой рок-н-ролл без этого? Верно?

– Джон! – В гримерку вбежал парень.

– Твою мать, Рыжий! Ты меня чуть до инфаркта не до-

вел, – возмутился Купер, пряча пакетик в карман.

– А ты чего это? Ещё не задул, а уже на измене? Ха-ха.

– Да пошел ты! Чего хотел?

– Я по тому вопросу... Самому. Ну...

– Да не стесняйся ты, Рыжий, все свои. – Джон кивнул в сторону Максима.

– Короче, прямо сейчас нужно ехать...

– Нет, ну какого... – начал было Джон.

– Да там делов на полчаса. Давай сгоняем. Ничего не случится за это время.

– Ладно, давай. – Купер задумался. – Извини, Макс, я тебя оставлю тут ненадолго.

– Да не вопрос, – сказал Максим, уже вслушиваясь в музыку.

– Лады, – Купер быстро вышел из комнаты вместе с Рыжим.

Максим погрузился в прослушивание музыки рок-группы «Аллергия». Свобода, любовь, солнце, смерть, огонь. Ночь, вечность, звезды, кровь, весна, тюрьма, война. Уйдем, умрем, убей, умри, живи, кричи, не спи, спи. Вставай, летай, рассвет, закат, иди вперед. Уроды, скоты, козлы, дураки, предатели, дерьмо, вино. И так далее. Максим уже давно вышел из того возраста, когда подобные песни способны были произвести эффект постоянно взрывающейся бомбы и как-то подействовать на сознание, позицию, действия, манеру вести себя. Давно! Несмотря на это, интерес к подобной

музыке, року, и всем его детям, у него сохранился, и он с удовольствием слушал этих, в меру наивных, в меру жестких, глашатаев протеста.

– А где Сом? – Услышал он за спиной голос.

Он обернулся и увидел невысокую хрупкую девушку с короткой прической, с волосами неестественного иссиня-черного цвета. Её неумеренно накрашенные глаза и губы, черная одежда и вызывающий взгляд, позволили подумать о ней, как о яркой поклоннице группы «Аллергия».

– Где кто? – переспросил Максим.

– Сом, – повторила девушка и, пройдя через всю комнату, бесцеремонно уселась в кресло, закинув ногу на ногу.

– Наверное, уплыл, – ответил Максим, делая глоток.

– О, виски! Давай! – воскликнула девушка и тут же, подскочив к столу, схватила бутылку и сделала глоток прямо из горлышка. – А ты кто?

– Ну, во всяком случае, я не Сом. – Максим растерялся.

– А кто тогда?

– Чудо-юдо-рыба-кит, – нашелся он.

– Жаль, – разочарованно пролепетала девушка. – Я хотела покурить.

– Да кури, пожалуйста. – Максим достал пачку сигарет и предложил их.

– Ха-ха. Не тормози. Я хотела покурить реально.

– Извини, чего нет, того нет.

– Да есть все, – равнодушно произнесла незнакомка, – с

кем бы вот? Ты не хочешь?

– Хо-хо. Давай.

Незнакомка, достала из маленькой сумочки косметичку и извлекла из неё папиросу.

– По старинке? – спросил Максим.

– Давай огня, чудо, – не обратив внимания на его слова, потребовала девушка.

Максим достал зажигалку, дал прикурить. Незнакомка глубоко затянулась и задержала дыхание, передав папиросу Максиму. Он принял косяк и повторил её действия. Буквально через минуту у него подкосились ноги, и закружилась голова. Он поспешил сесть на стул.

– Ни фиги себе! – воскликнул он.

– Хорош, да? – с удовольствием спросила незнакомка. – А держит как!

Она взяла папиросу у Максима и ещё раз затянулась. Максим, немного подождав, последовал за ней, выпуская в потолок клубы ароматного дыма. Ему стало так хорошо, что он готов был плакать от счастья. «Качественные у них тут товары, – думал он. – И как быстро». Он заметил, что девушка, видимо также, ощутив прилив счастья, не отрываясь, смотрит на него и улыбается.

– Продолжим попозже, – сказала она и затушила тлеющую папиросу.

Прошло минут двадцать, как показалось Максиму, эйфории.

– Посидим? – наконец нежно спросила незнакомка, – или...

Тут она медленно встала и подошла к Максиму. Она все также, улыбаясь, смотрела ему в глаза. Подойдя, приложила свою ладонь к его щеке, поглаживая, спустила её ему на плечо, далее плавно поплыла вдоль руки и остановилась на его кисти.

– Может, совместим приятное с приятным? – сладко проворковала она.

– Гм. Ну. – Максим достал из пачки сигарету, засунул ее в зубы, вынул, положил обратно. – А почему бы и нет?..

– Я, вообще, с другой планеты! Там всё почти как здесь, только не так хорошо. То есть, как я понял, тут так же плохо, как у нас, но тут гораздо лучше. Просто, наверное, потому, что тут, это как будто, там. То есть, тут, это и есть там, но тут нет ничего, что было там у меня. Ну, не в том смысле, что у меня там ничего не было. Тут почти то, что там, но другое. Вот, то же самое, но, как-то вот...

– Я ничего не поняла. Ха-ха-ха. Ты несешь какую-то чепуху.

– Тебе не понять... Как можно родиться на чужой земле? Мне кажется, все мы родились не у себя дома. Может, поэтому, всё так плохо.

– Я очень люблю цветы. Все женщины любят цветы. А почему?

– Плохо потому, что мы воспринимаем всё через прозрачные очки. Вернее, нам кажется, что это прозрачные очки. На самом деле они не такие. Они специальные. И кто-то их смастерил именно такими. Он хотел, чтобы мы видели всё именно так, как он хотел. Но я не хочу так.

– Мне кажется, что цветы – это маленькие звездочки, просто они не висят в небе, а растут из земли. А женщинам нравится, когда мужчины им дарят цветы. Мужчины всегда обещают достать женщинам звезду с неба, но у них это не получается. Это никак не может получиться. А женщины очень хотят звезду. Вот и придумали, чтобы звездочки росли в земле, и мужчины дарили их.

– Цветам всё равно. Они универсальны. Они всегда нужны. От них нет никакой пользы, но они всем нравятся, и их всегда все хотят. Мы вручаем их тому, кого любим или в день рождения, тому, кто родился, и кладем их на могилу тому, кто умер. Рождение и смерть, казалось бы, противоположные понятия. Но цветы, что там, что здесь – обязательный атрибут.

– Мне давно не дарили цветы. Давно! Может мне умереть, чтобы их мне подарили? Даже на день рождения не дарили в последний раз.

– Почему мы чужие на собственной земле? Или она не наша, или мы не её. А? Может та земля, откуда я приехал сюда, чужая, а эта как раз наоборот?

– Ты всё время говоришь что-то, чего я не понимаю.

– Хочешь виски?

– Нет, я хочу... нет, и есть не хочу. Давай виски. А как тебя зовут?

– Чудо-юдо-ры.... А тебя?

– А тебе зачем? Цветы мне подарить?

– Макс! Ты... ха-ха-ха! – Купер подошел вплотную к Максиму и смотрел ему в глаза. – Глазки-то горят алым пламенем. Не мог дождаться? Это что тут такое? Ха-ха!

Джон снял со спинки стула бюстгальтер. Девушка выхватила его у него из рук и убежала из комнаты.

– Ха-ха! С этой кошечкой уже половина клуба перетрахлаась. Черт возьми, я полностью протрезвел. Нужно поправить. Как, послушал «музлу» наше? Или тебе не до того было? Так, ты сейчас как вообще?

– Я идеален нынче. Хочу петь. – Максим хихикнул.

– Где она достает такие конфетки? – Купер выпил виски. – Петь, говоришь, а?

– Я говорю... мне кажется... я понял, что у меня никогда не было Родины. Что я жил во вражеском лагере. Среди чужих мне людей. Мне кажется, не зная своих корней, сложно найти себя. Или корни не нужны? Как узнать, где мой дом? Плевать, что я родился там-то. Это не имеет значения. Своя земля должна определяться как-то иначе. Или нет? Я запутался...

– Ты не запутался, ты поплыл. – Купер весело подтолкнул Максима к выходу.

– Секс-мотор и рок-н-ролл, секс-мотор и рок-н-ролл, – бубня, напевал Максим, пока они не вышли в зал.

– Я хочу на сцену, – заявил Максим.

– Давай посидим немного. Есть хочешь? – успокаивал его Джон.

– О! Точно.

Ближайшие полтора часа Максим молча сидел и жевал, погруженный в свои путаные мысли. Купер не трогал его, общаясь с подсаживающимися к их столику знакомыми. Вскоре Максим оживился и захотел пива, заявив, что виски он больше видеть не может.

– А на сцену как же? – разочарованно спросил Купер.

– Да ну её.

Но миновать сцены ему не удалось. Максим вскоре ощутил невероятную бодрость и воспылил жадной сценической славы. Пытаясь объяснить музыкантам, что нужно играть, мыча, напевая, он всё-таки, с трудом, но добился от них понимания, благодаря помощи Джона, который способствовал выходу Максима, еле сдерживая смех. Благо, было уже поздно (время пролетело незаметно, особенно для Максима) и в клубе, несмотря на пятницу, остались лишь завсегдатаи, видевшие всё, что только можно представить.

– Дамы и господа! – объявил Максим, говоря в микрофон. Он, пошатываясь, стоял с гитарой через плечо. – Сейчас я попробую исполнить песню из нашего... То, чего у вас не было. Короче. Фу ты... знаете, скажите, вы живете у себя?

Вы уверены, что ваша земля это – ваша земля?

– Макс! – услышал он крик Купера.

– Ладно, – Максим хмыкнул. – В общем, Наутилус... ну, и так далее.

Он взял аккорд на гитаре и удивился, как он вдруг приятно зазвучал из колонок.

– Раз, два, три, четыре, – Максим проиграл на гитаре фрагмент в полном одиночестве, после чего, музыканты, не ожидавшие от него такой четкости исполнения, подхватили, и понеслась очень даже слаженная композиция, благо она не была сложной. Максим же, летая в паутине захвативших его мыслей, запел.

Когда я проснусь, снова буду один

Под серым небом провинции.

«Ирония судьбы. Чёрт возьми! И это происходит со мной? Может это... почему-то же это произошло. Почему я? Зачем я? Где я? Кто я? Что я? Для чего это всё? Вот где все эти смыслы и жизни, и смерти? Откуда и куда я?». Ко всеобщему удивлению, – особенно это поразило Купера, – Максим ни разу не сбился, ни в игре, ни в пении, и тем, и другим, особенно голосом, произведя неожиданно приятное впечатление на присутствующих в клубе.

Возможно, мы уже спускались с небес

Или рождались не раз.

Какая горькая память – память о том,

О том, что будет потом...

Прощай, чужая земля,

Но нам здесь больше нельзя...

От воскресения у Максима остались очень смутные воспоминания. Ездили за город, точнее за городскую, как он называл, черту Города. Катались всю ночь. Причём, каким-то образом, однажды он оказался за рулем. Купались ночью в реке. Потом оказались на море. Всё время что-то пили и курили. О чём говорили и говорили ли вообще, не понятно. Купера не было. Кому-то стало плохо, и его отвезли в больницу. Кому, когда? Полиция забрала двоих. Откуда, почему? Откуда они взялись, и где это было? Автомобилей было, кажется три. Одна авария небольшая. Никто не пострадал. Одну машину остановила патрульная служба, и больше ни её, ни тех, кто в ней был, в тот день не видели. Всё. Были какие-то люди, с которыми Максим познакомился в пятницу в клубе, после своего триумфального выступления, но он их не помнит. Была его новая знакомая блондинка, Джессика. Около неё он проснулся в воскресенье днем.

От понедельника у Максима остались очень смутные воспоминания. Он помнил дождь. Дождь-то его и разбудил. Джессика ушла так же, как и в первый раз – быстро собравшись, поцеловала Максима в губы и убежала. Были какие-то новые люди. А, может, и не новые. Откуда-то взялся микроавтобус и увёз его с компанией далеко, километров на сто от Центра. Был какой-то лагерь. Коммуна хиппи, как решил

Максим. Там пробыли недолго. Что делали? Да пили и общались. На какие темы? – не помнит. Весь день то шёл дождь, то светило солнце. Играли в лесу в футбол под дождем. Каким-то образом Максим попал к себе в номер, в отеле. К этому заключению он пришел, обнаружив, что на нем была другая одежда, новая, из номера.

От вторника у Максима не осталось никаких воспоминаний. Этот день выпал из его памяти совсем, точнее он слился со всеми остальными. А может, его и действительно не было, может он весь день проспал?

Проснулся Максим в среду довольно-таки рано для последних дней, часов в двенадцать дня. В горле у него пересохло. Головы он не чувствовал. «Мне хреново, – решил он безоговорочно. – Нужно что-то предпринять». Ужаснувшись, увидев себя в зеркале, он решил прекратить безумие и отправиться домой, то есть, в отель. Этому намерению помешала бутылка пива, стоящая на подоконнике.

Утолив жажду и облегчив муки, жизнь ему показалась снова светлой. Он подошел к зеркалу и, глядя на свое отражение, произнес:

– Никто тебя не любит, все тебя презирают. Улыбнись, неудачник. Так, кажется? Хотя, всё не так уж плохо! Сейчас побреюсь и стану выбритым до синевы алкоголиком. Хандра, твою мать, началась. Только не это.

– Макс, как ты тут? – в комнату вошел Купер. – Очнулся? Идем к «акулам» вечером! Или у тебя другие планы?

– Каким «акулам»?

– Ну, я же тебе говорил, в модный клуб к «акулам шоу-бизнеса». Пойдем, подорвем всю эту попсу. Разнесём там всё к чертям собачьим. Покажем, кто мы! Ха-ха! А, ты как? Давай, у меня дела ещё, в семь часов зайду за тобой. Увидимся.

Джон убежал. Максим побрился, умылся. Попытался принять опрятный вид и снова остро ощутил приступ депрессии, поддерживаемой начинающейся ломкой в теле. «Да, – подумал Максим, – это вам ни хухры-мухры, это алкоголизм. Клин клином вышибают».

Максим вышел в бар и вернулся с бутылкой виски.

Бесполезно. Бессмысленно. Глупо. Больно. Слезы. Слюни. Сигаретный дым. Горечь во рту. Тошнота. Благодать. Свет. Тина. Грязь. Тепло. Так легко умереть. Так легко сбегать. Так страшно сделать шаг. Хоть куда-нибудь. Сделать. Хотя бы шаг.

– Я бесполезен! Я не... именно, я «НЕ».

– У тебя истерика?

– Пошёл вон!

– О, психоз, вялотекущий? Ты смотри, белой горячки никогда не было?

– Хорошо, когда тебе ничего не нужно... и ты никому не нужен. Не перед кем отчитываться. Незачем нести ответственность. Не к чему стремиться. Зачем? Что можно поменять? Зачем что-то менять? Нас никто никогда не спрашивает, нужно ли что-то менять. Они просто берут и меняют,

или не меняют. Все же прекрасно знают, что мы примем всё, что дадут, мы сожрём любое дерьмо и будем считать его высшим благом.

– Ты не устал? Вот мне это уже надоело. Кому это ныть интересно, скажи?

– Мне кажется, я готов всё поменять. Вот только ещё немного посижу и пойду, сделаю первый шаг. Сейчас, ещё совсем чуть-чуть. Я только землю найду, или смирюсь, что её нет, или придумаю что-нибудь. Хотя, нет, почему? В общем-то, это меня не так уж и удерживает.

– Ты вот, о чем сейчас?

– Послушай, Брат, я очень люблю, когда я один. Почему ты всё время откуда-то берёшься, и тогда, когда тебя не зовут? Оставь меня, я хочу побыть один. Я хочу...

– Подумать? Посмотрите на него. Философ нашелся. Подумать! Ты уж всю свою думалку пропил, промочил.

– Вы ничего не понимаете... вы меня не понимаете...

– Да где мне? Ладно, утомил ты меня...

Где ты, юность? Почему я тебя не заметил? Может, тебя не было? Может, тебя ещё не было? А ко всем она приходит? Может, кто-то рождается стариком, вечным стариком? А, может, кто-то рождается мёртвым? Может, я родился мертвым? Действительно. Отсутствие вкуса к жизни не означает неумение воспринимать жизнь и действовать. Просто, мы рождаемся мёртвыми, большинство мертвы с рождения. А может, я брежу?

– Хорош спать! – весело крикнул Джон. – Семь часов. Вижу, ты очень устал за эти дни. Нам пора выходить. Все готовы. Ну, ты как, живой?

– А я живой? – Максим хлопал глазами, недоуменно глядя на Купера.

– Ну, ты просто улетел, Макс! Порой мне кажется, что ты из другого мира. Но не из того, твоего мира, а вообще, откуда-то извне. Эх, нравишься ты мне!..

– Искусство – это язык экспрессии! Индивидуальное движение, толчок, взрыв, плевок, как хотите. Но. Индивидуальное. Это искусство. – Максим участвовал в споре Купера с журналистом одного модного журнала. Точнее, спор представлял собой монолог Купера, подпитываемый комментариями Максима.

– А как же группа? – спросил журналист, обращаясь к Куперу. – Группа это ваш рупор, Джон?

– Понимаешь, друг, мы команда. Каждый волен выбирать всё, что ему вздумается, в том числе, играть ли в группе или нет.

– Это ваша мысль? Или мысль команды? Как у команды может быть одна мысль? Или у вас одинаковые мысли. Такого же не бывает. Или бывает?

– Разумеется, у нас у всех свои мысли, и какая-то песня, это выражение моей мысли, какая-то нет. У нас равноправие,

свобода выражения, в отличие от нашего Города. У нас так.

– Ха-ха. Джон Купер – известный шутник. Ваш друг сказал, что «искусство – это нечто индивидуальное». Вы с ним согласны?

– Согласен. Полностью. Это способ самовыражения, это мой путь, мой шаг к свободе!

– А как же, – я про индивидуальность, – творчество группы «Аллергия» может быть результатом творчества индивидуального, если его создавала команда.

– Мне кажется, вы провокатор, – вставил Максим.

– Я отвечу. Знаете, что. Наша жизнь... э, нет, я сейчас об искусстве. Да, об искусстве, поскольку, на мой взгляд, искусство это всё. Всё, что человек делает, это искусство. Вопрос лишь в том, насколько это у него получается, и доставляет ли это радость или пользу остальным людям. Так вот, наша жизнь устроена так, что люди знают, что им нравится, что им хочется, что должно быть, и как это должно быть. А знают они это потому, что им навязали это знание. Их убедили в том, что это хорошо, что это смешно, это красиво, а это гениально. И устроили это вы.

– Кто мы? Нет, лично я ничего не устраивал, – засмеялся журналист.

– Вы, вы. И те, кому вы служите. Вся ваша империя массовой информации, все, кто держит контроль над народом, в чьих руках власть.

– Вы мне льстите, Джон.

– Да я не про тебя, ты же всего лишь на службе. Так вот вы, вы, вообще, давно уже свели любое искусство к коммерции.

– Ну, если, процитировать вас же, то коммерция это тоже искусство, поскольку продукт рук человеческих.

– Вот именно, что продукт. И вся эта хрень, что вы льёте с экранов, всего лишь продукт, дешёвый пошлый продукт! Вы камерой бы сразу всех показали тут. Все это говно попсовое.

– Джон, – пропустив, мимо ушей, замечание Купера, продолжал журналист, – а как вы относитесь к тому, что вы, ваша группа находится в рейтинге самых популярных музыкальных коллективов на довольно-таки почетном, третьем месте, а коллективы эти относятся к разряду той самой попсы?

– Да мне насрать на ваши рейтинги, вы же их всё равно сами лепите. Может, интригу, какую мутите для ваших целей шкурных, мне по барабану.

– Как вы относитесь к славе?

– Если есть слава, значит, меня слушают, значит, кто-то со мной согласен. А значит, всё, что мы делаем, не зря.

– Но, вы же сами сказали, что популярность создают средства массовой информации, или себя вы считаете исключением?

– Да я не про вашу вонючую популярность и рейтинги ваши, а про реальную жизнь. Выйдите на улицу, спросите любого нормального пацана, что ему больше по душе?

– Вы уверены, что он предпочтёт вас?

– Меня это не «трясет». У нас есть своя аудитория, которую я вижу на концертах, они ходят к нам, значит им это нужно. Они такие же, как мы. А мы делаем то, что хотим. Понимаешь? Это нравится людям. Делать то, что действительно хотят. Они уважают тех, кто так живет, даже если сами они не могут этого. Мы независимы.

Журналист хитро взглянул на Купера.

– Ещё такой вопрос. Первое место в рейтинге сейчас занимает, ну, скажем так, совсем необычная исполнительница. Не относящаяся ни к року, ни к попсе, как вы выражаетесь, а к, довольно-таки, древнему, если сравнивать с современными течениями, жанру, оперетте. Жанна Роллан. Как вы прокомментируете этот феномен?

– Ну, как женщина, она, конечно, отпад реальный. Но, про рейтинг, я уже сказал, мне на него насрать. Значит, кто-то на этом знатно стрижёт. Куда не плюнь, везде эта Роллан. В телевизоре, по всему городу расклеена. Какая у Жанны новая прическа, какой фасон одежды она предпочитает, что пьет, что жрёт, сколько весит, сколько стоит. Вы захламили людям ненужной информацией все мозги. Их не интересует, что происходит в Городе, что преступность растет, что безработица растет, что олигархи жиреют, что население нищает. На хрена это им? Им нынче интереснее, что купила Роллан вчера в бутике. Насрать мне на Жанну Роллан.

– Тише, тише, между прочим, она должна быть здесь, – зашушукал журналист.

Максим вздрогнул при этих словах.

– Да насрать мне на то, что она здесь. Всё? Ещё вопросы будут?

– Пожалуй, пока достаточно.

– Ну, и отлично. – Купер положил Максиму руку на плечо и повел его к бару.

– Оставим пару фраз, запихнем в общий фон. Пойдем к следующим. – Журналист отключил микрофон и стал оглядываться по сторонам.

Клуб был переполнен. Максиму было непривычно после клуба Купера, который, кроме того, что был раз в пять меньше, проигрывал настоящему во всём.

– Куда мои бойцы потерялись? Тут четыре бара. Обалдеть! Вот рулят буржуи! Пойду, посмотрю. Макс, ты место тут охраняй, а то скоро плюнуть некуда будет. Хорош?

– Давай, – Максим устало опустился на стул. Последние несколько дней плюс триста грамм виски, лишили его сил.

– Здравствуй, незнакомец. Ты, наверное, с Купером?

Максим обернулся и увидел Джессику. Та была в шикарном вечернем платье и выглядела как истинная королева бала.

– Привет! А ты какими судьбами? – Максим вскочил и ринулся было обниматься, – у него на нее сработал инстинкт, – но та его тут же отстранила.

– Тихо, тихо, ты что? Не здесь. Муж увидит.

– Кто увидит? – озадаченно спросил Максим.

– Я с мужем пришла. Ты разве не знал, что я замужем?

– И кто у нас муж? – поинтересовался Максим.

– Гм. Мой муж – Кац, – с гордостью, не понятой Максимом, ответила Джессика.

– Гм. Ну? Еврей, ну и что?

– Ты не знаешь, какой Кац может быть тут? – удивленно осведомилась Джессика.

– Понятия не имею.

– Давид Кац. Продюсер. Ты знаешь Жанну Роллан?

Максим второй раз за вечер вздрогнул при этом имени.

– Слышал, – ответил он.

– Это его протеже. Слышал. Ты же говорил, что на концерте её был. Не помнишь уже. Ладно, мне пора, встретимся. Ты тут будешь? Всё, убежала.

Максим посмотрел ей вслед, подумав о том, как, всё-таки, тесен мир в этом Городе.

Купер не возвращался. Максим заказал уже четвертый виски и решил прогуляться по клубу. На сцене происходило какое-то не очень интересное, судя по небольшому количеству собравшихся вокруг неё людей, мероприятие. Максим подошёл ближе. Оказалось, что это была официальная часть вечера, и заключалась она в символическом вручении подарков или наград. Он не стал интересоваться. Единственное, что его привлекло, это объявление ведущего, выразившего желание пригласить на сцену для получения приза симпатий клуба, лучшую исполнительницу Города, Жанну Роллан, и

горько разочарованного её отсутствием, предложившего получить за неё приз ее продюсеру, Давиду Кацу. Максим увидел поднимавшегося на сцену маленького мужчину лет пятидесяти. В нём он тут же узнал одного из «сильных мира сего», с которыми Жанна Ролан знакомила его на балу в «Рапсодии». «И это муж Джессики? Сколько ж ему лет? Хотя, мне-то какая разница?»

Давид Кац, получив свой приз и что-то протараторив в микрофон, направился к длинному столу, стоявшему справа от сцены, где, как решил Максим, собираются все «сильные мира сего шоу-бизнеса», «акулы». Он хотел разглядеть за столом Джессику, но ничего не увидев, пошёл искать Купера. Потратив двадцать минут на поиски, он плюнул на всё, взял в баре сразу бутылку виски, подумав о том, какое замечательное всё же изобретение, эта гостевая карточка, и, не найдя свободного места, встал в уголке, напротив сцены.

Прошло минут пятнадцать, и его накрыло. Максимом овладел острый приступ мизантропии. Все и всё вокруг ему стало противно. «Сильные мира сего», сидевшие за столом превратились в свиней, жирных, грязных уродливых свиней. Все остальные, бродившие по клубу превратились в овец и баранов, они бегали друг за другом и блеяли. Через мгновение всё вокруг изменилось. Свиньи, овцы, бараны исчезли, а вместо них весь клуб кишел всевозможными страшными, уродливыми существами, недолюдьми-недоживотными. Хаос заполнил всё вокруг. Максиму показалось, что ощутить

себе внутри картины Босха было бы гораздо приятней. Его начало мутить. Он оторвался от стены и пошёл, куда глядели глаза, стараясь не касаться попадавшихся на встречу чудовищ. Вдруг один монстр заградил ему дорогу и проговорил ласковым женским голосом:

– Давай отойдем куда-нибудь, где не так шумно.

Максим тряхнул головой и, прищурив глаза, обнаружил перед собой Джессику.

– Ты уже готовый? – она, не дожидаясь его ответа, схватила его за руку и повела куда-то.

Он, с трудом передвигая ногами, еле поспевал за ней. Выйдя из главного зала, они оказались в каком-то коридоре, плотность населения в котором была уже значительно меньше, чем в зале. Джессика потащила Максима дальше. Увидев вскоре проход с правой стороны коридора, она нырнула туда, завлекая за собой Максима. Они оказались в ещё одном пустом, слабоосвещённом коридоре. Джессика отпустила Максима, обхватила руками его голову и впилась ему в губы. Вдруг рядом с ними открылась дверь и оттуда, потирая руки, вышел мужчина. Он прошёл мимо, улыбнувшись, заметив вжавшуюся в стену парочку. Джессика сообразила, что это туалет и рванула туда, толкая перед собой Максима. Не удосужившись проверить, есть ли кто в кабинках, Джессика закрыла входную дверь на защелку, и, набросившись на Максима, начала срывать с него одежду. Он, словно на автомате, совершал то же самое с ней, не забыв при этом осто-

рожно поставить на пол бутылку с виски.

– Я два дня тебя не видела, – дрожащим голосом просто-нагла Джессика.

Через минуту Максим вдруг словно очнулся, резко отстранив от себя Джессику.

– Подожди, подожди. Так ты же замужем?

– Да тебе-то что? – возмутилась та, порываясь вернуться в лоно Максима.

– Как что? То есть, плевать, конечно. А сколько ему лет-то? Продюсеру этому? – у Максима заплетался язык.

– Да что ты пристал-то, пятьдесят пять, какая разница. Возьми меня скорее!

– А зачем ты за него... Он же... Ты же... Ё-моё... – Максим рассмеялся.

– Вот именно. Ты знаешь, сколько у него денег? То-то. Что ты, скис что ли, тигр? Ау? – Джессика потрепала Максима за волосы и обвила руками вокруг шеи. – Ну, всё хорошо. Давай, милый! – Она начала целовать его лицо, потом шею.

Тут Максим случайно взглянул в зеркало, висевшее напротив, и увидел, как вокруг него обвивается что-то уродливое, склизкое и противное. Он, вскрикнув, резко оттолкнул Джессику, да так, что та упала на пол.

– Ты что сдурел?

– А если и так? Тебе-то что?.. У тебя... муж... – Максим рассмеялся.

– Идиот чертов?! Придунок! – вспыхнула Джессика.

Максим замер, и вдруг захохотал во всё горло:

– Скотный двор какой-то, свиноферма, мать вашу... – Его шатало во все стороны, он прислонился к стене.

– Ну, ты и козел! – заорала Джессика и принялась разглаживать помятое вечернее платье. – Урод! Урод!

– Да пошла ты, – тихо произнес Максим, беря бутылку виски и поднося ее ко рту.

– Пьянь подзаборная! Быдло! – не унималась Джессика, подкрашивая губы.

– Слушай, вали уже, – не выдержал Максим, чем окончательно ввел Джессику в бешенство, и та заорала во все горло:

– Заткни свое хайло! Где тебя, мудака, откопали, вообще? Скотина! Ублюдок!

Джессика резво подошла к двери и дернула ручку так, что оторвалась задвижка:

– Быдло! – и захлопнула за собой дверь.

– Сука, – безразлично резюмировал Максим и подошел к зеркалу, глядя на отражение своих глаз.

Он сделал большой глоток виски так, что чуть не захлебнулся, и поставил бутылку на раковину. Решив закурить, он полез в карман за сигаретами, но вдруг остановился, увидев в зеркале свое лицо, постепенно превращающееся во что-то гадкое и пугающее. Это нечто смотрело на него своими мутными, заплывшими зрачками. Он почувствовал, как его лоб покрылся потом. Он начал протирать глаза, трясти головой, открыл кран и брызнул в лицо водой, но это омерзительное

существо, являющееся им самим, продолжало смотреть на него из зеркала. Тут он ясно осознал, что собой представляет. И смотрит он на свое действительное отражение. Комок подступил к горлу, и его тяжело вырвало в раковину.

Придя в себя, Максим поднял голову и встретился с мерзостным взглядом. Он стоял как вкопанный, заморожено глядя на уродливые очертания себя.

– Ты права, Джессика... Урод, – прохрипел он.

Не в состоянии больше видеть монстра, он схватил бутылку виски и со всего размаха запустил ею в зеркало. Оно с грохотом разлетелось.

– Белоснежка о тебе позаботится.

– Я тебе уже говорил, что ты похожа на Холли Берри?

– На одну из самых красивых женщин, которая опустилась на строчку ниже?

– Я не шучу. Почему мне так плохо? Я же ведь не такой урод?

– Ну что ты, конечно нет. Ты просто устал и запутался. Заблудился.

– Извини, Макс, но Купер вчера выступил гораздо круче тебя. Он вчера перебрал колес так, что у него был передоз, это раз, и ещё он пытался поджечь клуб, это два. Ха-ха-ха! – как лошадь заржал Волк.

– А где он?

– У себя отмокает.

– А я где? – Максим осмотрелся и увидел, что сидит на диване в клубе Купера.

– Мы тебя вовремя увезли вчера, а то бы ты затмил всех звезд в их клубе. Ты уже лез на сцену, когда я тебя увидел. «Вы все уроды! Всем уродам смерть! Слабо умереть! Я тоже урод! Хотите, я умру у вас на глазах!» Ха-ха, повеселил. Но, это нормально, мы и не такое выкидывали.

Максим давно потерял счёт времени. Иногда он вспоминал Маргариту, и ему становилось нестерпимо стыдно. Он каждый день вспоминал о встрече на Триумфальной площади, но эта загульная жизнь так затянула его, что он никак не мог собрать себя.

– Джон, какой сегодня день?

– Плевать. После вчерашнего мне уже плевать. Завяжу я с колесами. К черту. Буду вести здоровый образ жизнь. Только «бухло» и немного травы, проверенной. Ты молодец, что не употребляешь.

– Я и без этого на пределе. Мне кажется, я скоро умру.

– Я могу сразу угадать, тебе это кажется каждое утро. Да, Макс?

– Я серьезно. Когда не можешь определиться с целью, смысл существования сводится к нулю. К пустоте, то есть, к остановке всякого движения. Поскольку не ясно куда двигаться, то и двигаться незачем. Все замирает, отмирает, умирает. Наливай. Остается только уходить от реальности, то есть показывать всем свою слабость. Причем не только слабость саму по себе, но и слабость, заключающуюся в неспособности определить свое назначение. Ведь, столько энергии внутри! Ещё немного и разорвет! Но для чего она?.. Вот и гашишь её, чтоб не разорвало. Хотя, может, всё дело в другом...

– У тебя глобальный «стрём».

Этот мир с тобой не дружен
В этом мире ты не нужен.

– Ты ничего не должен этому миру, да и он тебе, в общем-то, тоже. Однако если хочешь, можешь взять у него, что хочешь. Иначе, он возьмёт у тебя всё.

– Зачем?

– Ну, что значит зачем? Нет, не нравится жить – не живи. Боишься жить – не живи. Боишься умирать?

– А есть третий путь?

– Сколько можно сопли распускать?

– Я просто ушел от реальности.

– Это ответ?

– Да здравствует революция! Свобода! Равенство! Братство! Родина или смерть!

– Может, скорую вызвать?

– Насмешка убивает всё, даже красоту. Одна половина человечества всё время хихикает над другой, а та, в свою очередь, над первой. Люди только и делают, что убивают друг друга. Будучи детьми, мы, начиная осознавать окружающий мир, понимаем, что взрослые не принимают нас всерьёз. Мы так привыкаем к этому что, входя во взрослый мир, ведём себя как дети, не ожидая понимания со стороны. Нам стано-

вится жалко себя, но, поскольку, все живут также, мы начинаем смеяться. Как-то глупо, верно? Как заставить кого-то понять тебя?

– Ты сам-то себя понимаешь? И зачем тебе нужно, чтобы кто-то тебя понимал? Макс, твоя проблема в том, что ты слишком много думаешь. Особенно, когда выпьешь. Толку-то что? Занимательная философия – ходить от абсурда к абсурду!

– Знаешь, Брат, где истина...?

– А почему так темно?

– Ночь уже.

– Мне тяжело идти. Зачем мы идем? Куда мы идем, вообще?

– Я такси вызвала.

– А куда мы... слушай, Белоснежка, а как тебя, всё-таки, зовут?

– Ты же сам сказал: «Пойдем к тебе, я больше не могу тут оставаться». Вернемся?

– Да? Ну, раз сказал... а у тебя есть чего дома выпить?

– Ха-ха, ты несешь полную бутылку виски, тебе мало?

– Что-то я совсем умер.

Глоток. Сигарета. Жжет. Дым. Запить бы. Глоток. Тепло. Туман. Легко. Сигарета. Много слов. Всё лишнее. Глоток. Абсурд. Абсурд. Абсурд. Тишина. Понять. Тишина.

– Я вот, никак не пойму, есть ли у меня Родина? Есть ли, вообще, Родина? Земля. И, если есть, то, как узнать, где она? А если нет, то, что вместо неё? И, может ли быть что-то вместо неё? И нужна ли она? И что это, вообще?..

– А какой сегодня день? – спросил Максим. Он лежал, закутанный в одеяло, с трудом ощущая своё тело. Впившись щекой в подушку, он никак не мог оторвать от неё голову, и заморожено смотрел на Белоснежку, причёсывающую у зеркала волосы.

– Пятница, – ответила та участливым голосом.

– Пятница, тринадцатое?

– Десятое. Мне пора на работу. Извини, я уже опаздываю. Я не успела ничего приготовить. Захочешь позавтракать, холодильник в твоём распоряжении.

– А что это за картина? – не слушая, спросил Максим.

Белоснежка проследила за его взглядом.

– Я рисовала, – ответила она. – Увлекаюсь.

– Потрясающе. А у тебя есть, что выпить? А то боюсь...

– Рядом с тобой вчерашняя бутылка стоит. Эх, рыцарь... всё, я побежала.

Белоснежка сочувственно посмотрела на Максима, наклонилась и поцеловала его в щеку:

– Будешь уходить, просто захлопни дверь. Счастливо!

Двадцать минут понадобилось Максиму, чтобы принять

сидячее положение, после чего он, взяв бутылку виски, сделал большой глоток.

– Всё. Больше не могу. Пора заканчивать.

Он оделся, без любопытства осмотрел однокомнатную квартиру, съемную, насколько он помнил, вспоминая рассказы Белоснежки. Рассказы. Ведь были какие-то рассказы. Ничего конкретного в его голове не всплывало. Пора заканчивать. Он подошёл к картине, о которой спрашивал. Это был пейзаж. Морской берег, синее небо, светит солнце, летают чайки. На переднем плане изображены качели, на них сидит маленькая девочка. Дальше, за ними симпатичный домик, у дверей которого стоят, держась за руки, мужчина и женщина. Они, улыбаясь, смотрят на девочку. Красота. Максим обратил внимание на подпись в нижнем правом углу: «Вот оно, счастье. Аманда».

– Ага, значит, Белоснежку, всё-таки, как-то зовут. Не забыть бы. – Он внимательно посмотрел на подпись, словно таким образом пытаясь лучше запомнить имя. – Вот оно глупое счастье, с белыми окнами в сад...

Максим сделал ещё пару глотков виски и сказал своему отражению в зеркале:

– Всё, пора заканчивать. Или, пожалуй, так. Пора уже что-то начинать.

Выйдя на улицу, Максим выяснил, где он сейчас находится, обрадовавшись тому, что до его отеля ему придется добираться около часа, и отправился в дорогу. Преодолев

половину пути на метро, он почувствовал, что организм его начинает сдаваться. С трудом дотерпев до своей остановки, он выбрался на поверхность и побрел к отелю. Бешено, как ему казалось, светило солнце. Он с трудом управлял своим телом. Проходя мимо продуктового магазина, он зашёл и купил большую бутылку воды, которую там же, в магазине, начал лихорадочно открывать, чем привел в изумление продавцов. Руки жутко дрожали. «Допился». Подходя к отелю, он почувствовал, как его тело пробивает дрожь. Войдя внутрь, он уже явственно ощущал судороги. Он никого и ничего не замечал.

– Чёрт, лихорадка, что ли? Что со мной происходит? – попытался поговорить он, но заметил, что с трудом открывает рот. Челюсть свело.

Он остановился. Силы закончились. Поочередно, но очень быстро свело все части его тела. Он начал задыхаться. Опираясь о стену, он продолжил движение. Он с трудом добрался до «ресепшена», возле которого стояла Любовь Кузьминична. По его виду она всё поняла.

– Похоже, мне хана, – всё, что он мог проговорить, после чего свалился в кресло.

– Волков! Максим Сергеевич Волков!

Максим открыл глаза:

– Простите меня, господа, кажется, я вздремнул. – Максим зажмурился от света. По комнате разнесся дружный доб-

рый смех.

– У вас, видать, крепкие нервы, поручик. Невзначай вздремнуть накануне, может быть, вашего последнего боя.

– Бог с вами, князь! Негоже так говорить, – послышался справа от Максима голос Сабурова. – Максим, рассказывай, что тебе приснилось.

– Увольте, господа, я сам толком не разобрал. Чепуха какая-то. – Максим помолчал мгновение. – Признаюсь, очень грустные вещи, навеянные избытком самогона. И всё благодаря вам, Воронцов. Я этого и вообразить не смог бы никогда, при всём желании и самом смелом полете мысли.

– Интригуете, Волков, интригуете. Раскройте ваши грезы, мы будем пытаться вас до утра, – потребовал князь Рюмин.

– Так что же, вы поведаете нам о ваших сновидениях?

– Господа, – глухо отозвался Максим, – прошу не забывать, что это был всего лишь сон. И во сне я не мог найти свою землю.

– Простите? – не понял Рюмин.

– Я потерял её. Я сам себе не мог ответить на вопрос: что такое Родина? Я не знал, где её искать. Я не мог её выбрать.

– Что ж, поручик, – многозначительно сказал Воронцов, – смею вас уверить, что это совсем не сон. И вы далеко не один. Все мы последнее время задаемся этим вопросом. Что есть Родина? Давайте лучше выпьем, – предложил он.

– А может мы стали ей не нужны? – задумчиво произнес Максим.

– Волков, я всегда считал вас патриотом, каковым, я смею надеяться, вы и остаетесь, но это заявление, я расцениваю, как малодушие. Не сочтите за грубость, и тем паче, за оскорбление, – сказал Рюмин.

– Господа, прошу вас, – объявил Воронцов, – водка – чудодейственная сила, способная поднять дух, убив разум.

– За Россию, господа!

– А вам не приходило в голову, господа, – сказал Максим, – что мы, защищая Россию, воюем в то же время против неё?

– Вы испортили тост, Волков. Берите за это гитару. Спойте про вашу княжну, или про фею, или ещё про кого, про невесту вашего брата. Как они?

– Ольга в Париже. Володя где-то с нами. Я имею в виду, на фронте. С 1915 года. Пока я...

– Пока вы, милостивый государь, за казенный счет в ссылке прохлаждались.

– Панина потерял еще в девятнадцатом. Но, он, уверен, найдется.

– Вы незаметно ушли от рассказа о вашем сне, Максим Сергеевич.

– Мне больше нечего добавить.

Повисла тишина. Все обратили свой взор к Максиму

– Поднимем бокалы, – объявил он. – Тост, господа! За то, чтобы земли мы своей никогда не теряли, а если и случится такое несчастье, то чтобы в очень скором времени, мы смог-

ли бы её найти!

– Здравствуй, земля! – заключил Воронцов. – В крайнем случае, найдем другую, пусть, чужую, и обоснуемся, не хуже здешнего.

Раздался веселый смех, и зазвенели бокалы.

Глава IV

Ночь. Свеча. Замок. Море. Ветер. Часы.

– В молодости много времени уходит впустую. Когда ты молод, ты этого не замечаешь. Иллюзия того, что впереди вся жизнь, сильно вредит этой жизни.

– Как этого можно избежать, не умея управлять временем?

– Поскольку время твой враг, сражайся с ним, обманывай его, не дай ему взять власть над собой. Сам овладей им и поставь его на службу себе.

– У вас это получилось? И как это, когда время тебе служит?

– Ты способен управлять вечностью.

За окном, в черном небе ярко светили звезды. Они с завистью слушали рассказчика. Им тоже хотелось победить время. Легкий ветерок нагнал облака и закрыл звезды. Они встревожились, боясь не услышать, чем закончится беседа. Человек, сидящий за столом, улыбнулся, заметив их тревогу, и продолжил:

– Это возможно только в том случае, когда ты твердо уверен в своих намерениях. Когда у тебя есть цель. Не бывает недостижимых целей.

– А если нет цели?

– Таких людей мне просто жаль.

Свеча дрогнула. Облака рассеялись. Звезды с любопытством прислушались, пытаясь определить, не пропустили ли они чего.

– А если цель настолько многообразна, настолько неопределённая, что даже выразить её словами невозможно, то её можно почувствовать?

– Это главное. Почувствовать. К чему выразить её словами. Перед кем отсчитываться? Даже если она и многообразна, хотя, для цели, это не совсем подходящая определение, это не значит, что она недостижима. Необходимо сосредоточиться. Самое сложное и ответственное – это сделать первый шаг.

– И время?..

– И время начнет сдаваться. Вскоре ты поймешь, что живёшь по своему, изготовленному тобой времени, а время само по себе тебе и не нужно.

Звёзды задумались. Свеча горела вечно.

Какая же она красивая! Склонив голову немного на бок, сложив руки на коленях, она сидела в кресле. Маргарита спала. Максим заметил, что уже довольно-таки долго заворожено смотрит на девушку. С трудом оторвав взгляд, он попытался понять, где он и что, собственно, произошло. Он огляделся вокруг. Это его номер. Было очень тихо. В окно робко пробивался первый луч солнца. Максим безошибочно определил, что сейчас раннее утро. Он почувствовал ужасную сухость во рту, слабость во всём теле и колючую боль в локте. С трудом подняв голову, он увидел повязку на руке, охватывающую локоть. И тут он обнаружил капельницу, стоящую рядом с ним.

– Вот это я отмочил, – еле прошептал Максим, представив, что тут происходило. Он взглянул на Маргариту, и ему стало так тепло внутри, что захотелось заплакать от радости. В то же время он ощутил такой стыд, что захотелось вернуться к недавнему состоянию и забыться.

Маргарита вздохнула и проснулась. Максим мгновенно закрыл глаза. Он, не зная, как себя повести, решил претвориться спящим. Он услышал, как Маргарита встала и подошла к нему. Она взяла его руку и нащупала пульс. Ощувив её прикосновение, Максима охватила такая дрожь, что он, не совладав с собой и поняв, что не сможет дальше притво-

ряться, открыл глаза и тут же встретил взгляд Маргариты.

– Доброе утро, – единственное, что он смог прохрипеть.

Маргарита не ответила. Она подошла к столу, налила в стакан воды и подала его Максиму. Он жадно выпил, не отрываясь, и испуганно посмотрел на Маргариту. У девушки был строгий вид. Максим понял, как нелепо он выглядит и ему стало ещё невыносимей. Он собрался с духом и произнес:

– Прости меня.

– За что? – безучастно отреагировала Рита, надевая на плечо Максима манжету тонометра.

– Я... про Триумфальную площадь. Я...

Маргарита ничего не сказала, уделив все внимание измерению давления. Закончив, она кивнула и убрала приспособления на стол.

– Я просто... Я не знаю, как это получилось. Я...

– Не оправдывайся, это твоё дело. Ты ничего не обещал.

– Нет, ну я... а что мы будем делать? Надо же, а что тут...

– Да все замечательно.

– Нет, ну... я загулял, у меня бывает, я...

– Да мне-то что? Делай, что хочешь, – нехотя сказала Маргарита. – Значит так. Сейчас выпьешь вот эти таблетки. Будешь спать дальше. Потом я приду, посмотрю. За тобой наблюдает медсестра из клиники. Я тут на добровольных началах.

– А долго это всё?

– Пару дней будешь спать. Практически всё время.

– Как это спать? – удивился Максим.

– Такое лечение. Вот эти таблетки будешь принимать, как тут написано. Маргарита, закончив объяснять, осмотрелась кругом и вышла из номера. Максим полежал несколько минут в недоумении и заснул.

Максим превратился в овощ. Овощ не покидал пределы своего номера два дня. Овощ валялся в постели и постепенно привыкал отправлять внутрь через ротовое отверстие продукты питания. Продукты питания доставлялись в номер овощу Варварой Кузьминичной. Овощ себя не ощущал. Овощу было стыдно. Овощ хотел стать человеком. В субботу Маргарита пришла к овощу два раза, последний раз вечером. Он очень смутно её помнил, так же, как и эти два дня. В воскресенье овощ её не видел. В понедельник овощ, провалявшись в постели весь день, вечером решил стать человеком. Как ему показалось, сонливость прошла. В теле осталась слабость, а в мозгу стыд, чувство вины и депрессия. Овощ не видел Маргариту с субботы. Он не находил себе места. Первый, кто заговорил с овощем, была Варвара Кузьминична. То есть, заговорил первым овощ, а та с удовольствием поддержала беседу.

– Варвара Кузьминична... – начал было овощ.

– Вернулся? – спросила старушка, – слава тебе, господи! Я уж думала, пропал совсем. Какой ты впечатлительный. Ну, вернулся, и то хорошо. А то бывало, гости, в первое время

такое вытворяли, что некоторые и не возвращались совсем. Эх, мужчины, мужчины! Как на вас действует перемена обстановки. Я о гостях. Все вы с этого начинаете. Тебе повезло, что вовремя увидели тебя, милоч.

– Простите, Варвара Кузьминична, это вы серьезно?

– Что серьезно?

– Ну, про гостей, что они все, именно мужчины, как появляются, так и... уходят... И всё, прям всё, и это как закон, то есть это нормально... это, правда?

– Нет, – улыбнувшись, ответила Варвара Кузьминична.

– Я что-то не очень понимаю, а зачем вы мне это...

– Чтоб ты успокоился.

– Вы придумали это, рассказали, а потом заявили, что это всё неправда... я не понял...

– Да не для тебя я это придумала, а для принцессы. – Бабушка хитро улыбнулась.

– Для принцессы?.. – Овощ запнулся. – Для Риты...

Овощ молча смотрел на Варвару Кузьминичну, и постепенно его лицо расплылось в ласковой улыбке, он готов был расцеловать эту милую старушку. Такое неожиданное отношение к своей никчемности дали ему импульс, и он вновь обрёл человеческий облик. Овощ превратился в Максима. Он очень тихо произнес:

– Спасибо, – сказал он и, подумав, добавил: – Я больше так не буду.

Он рассмеялся.

– Эх, молодой человек! Какая девушка! Если бы не она. Я не совру, если скажу, что своей, может, если и не жизнью, но, во всяком случае, своим здоровьем, ты обязан принцессе. Хотя, вспоминая, какой у тебя был вид, всё же жизнью. Дама, которая увидела, как тебя скрючило, закричала, и встала столбом, и стоит. Я была неподалеку, тоже растерялась. А принцесса сразу выбежала на крик и тут же начала действовать. И, повезло ещё, что больница рядом. Успели откачать. А она же, оказывается, ещё и врач. Всю заботу на себя взяла. Весь день за тобой следила. Ты, то придёшь в себя, то уснёшь. И как тебя угораздило? Я ведь сразу не поняла в чём дело, потом только, врач скорой сказал мне слово какое-то, не помню, но объяснил, в чём дело. И батюшки, до чего же можно допиться-то. От плохой жизни что ли?

– Я же... Я больше...

– Да ладно, что уж теперь. Ты перед принцессой теперь в неоплатном долгу. Ох, и видная ж дивчина! Таковую нужно, раз и под венец! Куда ты смотришь? За ней тут уже косяками ходят. То один, то другой. То цветы передадут, то ещё что. Ладно. Давай уже, берись за ум. Пойду я.

– Спасибо, – сказал Максим.

– Да не за что, если что, приходи, поможем, чем сможем.

И не глупи, юноша.

Когда Варвара Кузьминична уже открыла дверь, чтобы выйти, он спросил:

– А почему, все-таки, принцесса?

– Почему-почему, потому, что принцесса.

Как только дверь закрылась, Максим принял решение действовать. Что именно делать, он ещё не решил, но приступил к поискам того, с чего можно было бы начать. С Маргариты! Что это значит? Нет, как-то не так. Сначала нужно определить, что нам тут делать и кто чего от нас хочет. То есть, приступить к разгадкам всех этих слежек и писем. Максим вышел на балкон и, любуясь морем, начал расталкивать свои мыслительные центры:

– Начнем с того, что отбросим видения и различные наставления цыганок-колдуний, как иррациональное. Рассматривать их не будем. Как там у Акиры роман с Эсмеральдой продолжается? Итак, слежка. Начну с себя. Нет, с Маргариты. За ней кто-то следит, но кто, она не видит. Только ощущение. Ощущение есть и у меня. Совпало. Ей пришло письмо касательно встречи на Триумфальной площади. Мне пришло такое же. Совпало. Что дальше? Однозначно, это один и тот же субъект, или субъекты. Этот вопрос будем решать совместно. Если принцесса захочет со мной разговаривать. А что, если она уже что-то узнала? Нет, она бы мне сказала. Стоп. С какой стати? Может, это касается только её? Выясним. Теперь переходим только ко мне. Не знаю, может, Рита что-то не договаривает? Одно письмо и ощущение слежки. У меня три письма. Нет, стоп, начнем со слежки. Следит кто-то, кого я не замечаю, ладно. Но ведь я ещё и замечаю. И их двое, причем один из них гоняется за другим. Два шпиона

– два вопроса. Встреча на Триумфальной площади, вызванная письмом и выяснение того, что это всё значит – это ещё вопрос. Три. Как это связано с Маргаритой в том же разрезе – четыре. Письма. Два письма с предложением покинуть Город. Одно с угрозой, другое с пожеланием. Не важно. Еще три вопроса. Итого – пять! Кстати, где эти письма? Взгляну я на них трезвыми глазами.

Максим достал все письма из ящика и пробежался по каждому из них.

– «...в противном случае можете лишиться жизни». Так, это у нас написано женской рукой, если верить Рите. «Вам угрожает опасность». Это неизвестно, кто. Ну, и предложение о свидании на площади. Посмотрел. И что теперь? Ничего...

Максим убрал письма обратно в ящик и задумался. Вдруг он поймал себя на мысли, что снова хочет взглянуть на них. Почему, он не мог понять. Он опять достал их. Оставил два первых, те, что были написаны от руки.

– Не пойму, что меня так взбудоражило? – Он внимательно разглядывал письма. – Чёрт возьми! Не понимаю.

И он швырнул их обратно в ящик.

– Что со мной? Так, так, так. Нет, точно, такое ощущение, что я уже это где-то видел. Что я видел? Письма? Нет. А что? Я видел эти письма, но не здесь. Такое возможно? Возможно, но глупо. Так, я видел что-то похожее, но не здесь. Похожее что? Да чёрт его знает! Похожим может быть только по-

черк. А что еще? Ну, не знаю. Стиль, к примеру. Какой тут к чёрту стиль? – Он ещё раз достал два письма. – Мда, стиль. Нет, если, что и может напоминать что-то, то только почерк. А почерк... – Максим внимательно присмотрелся. – Ничего мне не напоминает. Или? «Настоятельно рекомендую... Можете лишиться жизни». Стоп, определенно это где-то...

Раздался стук в дверь. Максим убрал письма в ящик и, подойдя, спросил: «Кто там?»

– Это я, Акира!

– Какие люди! – Максим распахнул дверь.

– Всё уже знаю, рассказали, и в клубе и тут. – Акира смеялся.

– А тут кто?

– Маргарита. Я заходил в субботу в клуб, там мне сказали, что тебя нет с четверга. Я сюда, тут встретил Маргариту...

– Так, подожди, а ты с ней знаком?

– Ха-ха, она тебя искала, ещё на прошлой неделе, я показывал тебя в клубе ей и её подруге...

– Вы приезжали в клуб?

Акира рассказал, как было дело.

– Она меня искала, – напряженно произнес Максим, – ну я и дурак! Что ты меня не вытащил? – Он засмеялся. – Притащил меня в вертеп. Хотя, Купер, классный такой... Мы ж с ним так!.. Ладно...

– Да я знаю, он тоже сейчас, кстати, в глобальном «отходняке». А ты как? Вижу, идёшь на поправку. Как, вообще, со-

стояние? Есть планы на будущее?

– Да, состояние! – Максим подумал о письмах с угрозами. – Нет в жизни счастья!

– Ну, не скажи, – возразил Акира, – у меня для тебя интересная новость.

– Новость? Стоп. – Максим замер.

– Что?

– Нет в жизни счастья.

– Ну, я понял, а что? – Не понимал Акира.

– Да так, ничего. Нет счастья, блин. Ладно, что за новость-то?

– Я случайно узнал, как тебя выпустили из полиции.

– Точно! Я ж сидел! Вот, тяжелая у меня жизнь. Я и забыл уже об этой печальной странице моего существования. Так, ну и как?

– Ну, за тебя внесли залог, заплатили ресторану, договорились, чтоб хозяин забрал заявление, и ты оказался на свободе.

– Ан нет, Акира, всё-таки, немного счастья есть.

– Где? – удивился Акира.

– Как где? Вот оно, счастье! Какие-то высшие силы, проведение вмешалось, и меня освободили из плена. Так что там?

– Короче, я знаю, кто это всё сделал. И это не провидение и не высшие силы, это гораздо любопытнее, – хитро проговорил Акира.

– Стой! – крикнул Максим.

– Что? – оторопел Акира.

– Счастье... вот оно... счастье. – Максим бросился к ящику, вынул оттуда письмо с угрозой и стал на него пристально смотреть, чем ввел Акиру в недоумение.

«Вот оно! Никаких сомнений, – подумал Максим. – Подчерком, которым было написано это письмо, была подписана картина: «Вот оно, счастье. Аманда».

– Белоснежка, – удивленно проговорил Максим.

– Да что с тобой происходит? – не выдержал Акира.

– Не обращай внимания. – Тут Максим посмотрел на Акиру и вдруг решил как-нибудь поделиться с ним происходящим. – Потом, может, расскажу.

– Ну, ладно, как знаешь... Так, черт возьми, ты хочешь узнать, кто тебя из полиции вытащил?

– Кто?

– Жанна Роллан.

В отличие от Максима, проведшего в загуле две с лишним недели, Маргарита, приняв твердое намерение остаться в Городе, приступила к устройству своей будущей жизни. Поняв, что от Максима нет никакого толка в разрешении вопроса с письмами и встречами, Маргарита доверилась Саре. Та предложила не принимать пока никаких действий, шутя, объяснив это тем, что порядочные девушки не бегут на свидание при первом же предложении, а заодно дождаться, когда Максим вернется из своего путешествия. Раз он никуда не делся, то полицию, даже знакомых полицейских, привлекать не стоит, разве только в том случае, если Маргарита вновь заметит за собой слезку. С этой целью Сара подумала, что было бы неплохо все же намекнуть Кальману о том, чтобы тот, если что, свёл их с его соседом – полицейским, если не появятся другие варианты.

Детективную составляющую пребывания здесь, как назвала её Маргарита, она пока оставила, и приступила личному обустройству. К своему удивлению, это оказалось очень легко. Благодаря Саре, конечно. Та, как показалась Рите, настолько легко решала все проблемы, со всеми договаривалась и всё устраивала, что за неделю будущее Маргариты в этом Городе было спланировано как минимум на два года вперед. Всё, в первую очередь, зависело от результа-

тов тестирования, о проведении которых, в индивидуальном, неформальном порядке, Сара договорилось со своим дядей, врачом. Суть заключалась в том, что Маргарита должна будет пройти тестирование на знание дисциплин, изучаемых в медицинском институте, согласно её уровню, о котором она заявила. Познакомившись с дядей Сары, тот вместе со знакомым профессором устроили Рите экспресс-опрос. Это было необходимо профессору для того, чтобы примерно определить, на что Маргарита может рассчитывать. Неизвестно, чему здесь соответствовал пятый курс Самарского государственного медицинского университета. Профессор, равно, как и дядя были довольны результатами опроса, и пообещали в скором времени, а именно в последних числах августа, подготовить комиссию и организовать сдачу экзаменов, благодаря которым будет принято решение, с какого курса Городского медицинского института Маргарита продолжит обучение. Кроме того, дядя Сары похлопотал за Риту в больнице, где он работал. Он предложил ей через неделю, 14 августа, придти к нему в больницу, проверить её на практике. В том случае, если он убедится в наличии у неё необходимых навыков, в чём он уже не сомневается, она может приступить к работе сразу, как определится её судьба с институтом. Работа предстояла на «скорой помощи». Девушка была готова ко всему.

Рита была на седьмом небе от счастья, забыв обо всех анонимных письмах и слезках. Она боготворила Сару. Встре-

чались они последнюю неделю почти каждый день. Сандра было немного обижена на Риту за то, что та так явно предпочитала Сару ей, но благодаря своей ветрености и отходчивости не придавала этому особого значения и, когда встречалась с Ритой, оставалась всё такой же веселой и шумной.

К этому моменту к числу поклонников Маргариты кроме Рената, который не терял надежды завоевать сердце столь изысканной красавицы, присоединилось ещё два молодых человека. Каждый из них несколько раз приходил к отелю и простаивал у входа в ожидании предмета своих воздыханий. Первый молодой человек заметил Риту на улице и, сражённый наповал её красотой, потеряв волю, последовал вслед за ней, пока та не скрылась за дверьми отеля. Он стал каждый день караулить её у входа в гостиницу, никак не решаясь заговорить. Когда же у него это получилось, он просто сказал, что «влюбился в неё без памяти»... И замолчал. Маргарита, улыбнувшись, проследовала дальше. На следующий день он пришёл с цветами. Потом ещё, ещё... и ещё. Предмет его любви оставался непреступен. Другой молодой человек как-то выскочил прямо перед Ритой, когда та выходила из отеля, и тут же принялся рассказывать о том, как увидев её и на балу, «сразу же лишился чувств от нахлынувшей безумной любви». После того, как он заявил об этом, он начал поливать Риту комплиментами так, что чуть не задохнулся. Этому кавалеру повезло больше, поскольку, услышав фразы «бал» и «после бала», Рита согласилась поговорить с ним.

Она хотела удовлетворить свое любопытство относительно письма, полученного ею на следующий день после бала. Всего нескольких наводящих вопросов привели её к выводу о том, что к посланию этот молодой человек не имеет никакого отношения.

Ренат, в отличие от упомянутых воздыхателей, не топтался под окнами Маргариты. Он был крайне недоволен таким холодным отношением к своей персоне, привыкшей получать от женщин всё, что ему угодно по первому требованию. Тем не менее, он твердо решил, что Маргарита должна стать его. Для укрепления своего намерения он заключил пари с Риком, взяв с него слово, что всё останется между ними. Пока, как он заявил, он взял паузу на пару недель. Взял он её в первую очередь потому, что прослышал о том, что Рита в данный момент занята своими бытовыми, как он их называл, проблемами.

Маргарита действительно была поглощена открывшимися возможностями. Конечно же, она была польщена таким вниманием со стороны сильного пола. Но! Во-первых, к этому она давно привыкла, во-вторых, её тяготила некоторая неопределенность. Неопределенность эта была связана как с устройством на работу в больницу и поступлением в институт, так и с загадочными обстоятельствами, обусловленными слежками и получаемыми письмами. Чего она хотела разрешить в первую очередь, он не могла установить.

Что касается работы, то она не сомневалась в том, что её

примут. Другое дело институт. Тестирование наверняка не закончится в два-три дня. «В практике такого ещё не было, – говорил дядя Сары, – и исключение делается лишь ввиду нестандартной ситуации, – прибытия гостя. Следует быть готовым к тому, что экзамены могут значительно перекрыть начало учебного года, поэтому нагонять придется в любом случае, на какой бы курс вас не взяли».

С письмами было сложнее. Рита вняла совету Сары ничего пока не предпринимать. Но вопрос-то оставался. И что-то, если это что-то действительно было, обязательно должно проявиться. А постоянно находиться в состоянии ожидания неизвестного ей абсолютно не хотелось. Да и Сару мучило любопытство. Поэтому они решили сразу же, как возникнет определенность с работой, то есть, после 14 августа, когда Маргарита продемонстрирует в больнице свои практические навыки, приступить не к чему-то там, а к самому настоящему расследованию. Как это будет выглядеть, они ещё не решили.

– И мне же ещё к экзаменам готовиться! – говорила Рита.

– В качестве детективов мы будем расслабляться, – уверенно парировала Сара.

Разделяя разочарование Риты в Максиме, Сара предложила найти надежных союзников, необходимых в том случае, если дело действительно примет серьезный оборот. Пока же всё напоминало какой-то бессмысленный розыгрыш.

Маргарите казалось довольно странным и нелогичным,

что Максима, имеющего непосредственное отношение к происходящим с ними обоими событиям, она сама не могла увидеть в роли, не то что участника, но и союзника. Его появление в отеле после почти двухнедельного отсутствия столь, мягко говоря, экстравагантным образом, убедило её в том, что от этого человека нельзя ожидать ни поддержки, ни, тем более, взятия на себя какой-либо ответственности. Но! Это было убеждение внешнее. Толи Рита хотела, чтобы на самом деле это было не так, толи чувствовала в Максиме что-то такое, чего сама себе не могла ни объяснить, не понять.

Целыми днями Рита сидела заваленная книгами, учебниками, и всевозможными пособиями по медицине.

– Итак, завтра вторник, 14 августа. Больница. Экзамен. А вот потом... Всё у меня получится, – произнесла вслух Рита, захлопнула учебник, приняла душ и легла спать.

– Итак, сегодня вторник, 14 августа, – произнес Максим, стоя перед зеркалом и глядя на свое гладко выбритое лицо.

Он был одет в серый костюм, тот, в котором он вышел на бал. Одел он его не просто так. Этим он хотел себе показать, что хочет дать себе вторую попытку в начинании. «Раз я оказался в столь необычных условиях, столь необычным образом, позволю себе такой каприз – начну сначала». Он чувствовал себя полным сил и наделенным жаждой деятельности. Жадой деятельности он называл состояние, когда, как ему казалось, его распирало от нереализованной энергии. Он был бодр. Слабость прошла. Максим проспал всю ночь, ни разу не проснувшись. Вчера, сославшись на усталость, чувство слабости и больное состояние, он распрощался с Акирой, пообещав ему встретиться сегодня вечером. Весть о Жанне Роллан произвела на него странное впечатление, объяснить которое себе он не мог.

– Никогда не поздно. – Он улыбался зеркалу. – Так, нужно причесаться.

Проснувшись сегодня, он долго лежал и размышлял, вспоминая все беседы, в которых он принимал участие с момента прибытия. Перед ним довольно-таки явственно стояла картина его мироощущения. Он, словно Леонардо, который в одно мгновение понял, что нужно делать, увидел свой

старт. Старт к тому самому поиску, о котором ему последнее время все твердили, и старт этот заключался не в копаниях внутри себя, а в начале каких-то осязаемых действий, пусть и связанных с этими копаниями. С чего-то нужно было начинать. Начинать побеждать этот мир? Нет, не всё сразу. Пока, просто начнем что-то делать. Действие! Движение!

– Чего я хочу? Я хочу всё! Мне выпал уникальный шанс. Что ж. Как там, Пингвин? Нужно будет зайти. Дорога. Посмотрим, что это такое. Куда она приведет? Или нет, куда я её приведу? Всё нужно узнать. Вот, может, это и называется перерождением? Может, я настолько закопался в том, своем мире, что начал бродить по кругу? А всего лишь нужен был толчок, пинок. И вот он. Так. Стоп. Не буду углубляться в дебри подсознания, ещё вся жизнь, надеюсь, впереди, успею потренировать мозг. Начнем с конкретных вещей. Итак!

Максим подошёл к столу, решив было достать лист бумаги, карандаш и нарисовать план действий, но передумал.

– Пока всё просто! – Максим задумался. – Для начала надо бы поблагодарить всех, кто не дал сорваться выпавшему мне шансу. Одуреть! – Максим присвистнул и засмеялся. – После того, как мне дали по голове, меня выходила цыганка, из полиции меня вытащила Жанна Роллан, из клуба увела Белоснежка, вернула к жизни Маргарита. Не город, а восьмое марта. Я всем обязан женщинам. Обязанным, вообще, неприятно быть, но так получается! Что ж, с кого начать – очевидно. Две причины.

Максим достал из ящика письмо, которое, по его мнению, написано рукой Белоснежки, сложил его, положил его в карман и направился к выходу.

С огромным трудом Максим отыскал дом, в котором жила Белоснежка. Удивительно, как он его, вообще, отыскал. Кроме названия метро, с которого он уезжал, он ничего, толком, не помнил. Бродил по району, полагаясь на свое чутье, и оно, как ни странно, не подвело. «Хотя странно, – подумал Максим, – обычно, оно меня подводило». Застать дома Белоснежку в это время Максим не надеялся. Решил он просто осмотреться и подождать её прихода, а заодно изучить карту Города, которую купил по дороге. Однако, войдя в подъезд (благо, в доме был всего один подъезд, что, несомненно, являлось плюсом для поисков, в противоположность большому минусу, заключенному в количестве этажей в доме – пятнадцать), он обнаружил консьержку, сидящую в своей камерке. Её он, что совсем не удивительно, не помнил. Вообще, поскольку в доме, где он жил, да и домах большинства его знакомых, в Москве, там, в том мире, в то время, в той жизни, консьержки были редкостью, то об их присутствии он и не мог подумать. «А ведь, возможно, у них можно что-нибудь узнать о жильцах, – подумал он. – Если, конечно, это добросовестная консьержка... ну, или какой ещё она должна для этого быть?..»

Поскольку вспомнить этаж и квартиру Максиму не представлялось никакой возможности, он, особенно не надеясь

на положительный результат допроса, направился прямо к консьержке.

– У меня к вам вопрос жизни и смерти! – выпалил он. – Где-то в этом доме живет моя знакомая, которая очень срочно мне нужна, но я не знаю где именно. Вы не могли бы мне помочь? У вас очень доброе лицо, я уверен, вы меня спасете.

– Вы же были здесь давеча, разве нет? – полюбопытствовала консьержка.

«С домом я не ошибся – это хорошо, – подумал следопыт. – Она меня запомнила – это плохо».

– Да, я забегал, но я был первый раз, и так быстро, и не о том я думал...

– Не очень-то быстро вы бегали, молодой человек.

– Ну, мне так показалось... вы мне поможете? – Максим замешкался.

Тут он подумал, что может быть имело смысл сначала зайти в клуб и выяснить там? «Ну, да ладно, – отмахнулся он, – сейчас не так важно, но, все же, нужно будет составлять план действия, прежде чем эти действия совершать».

– Как зовут её? – все же спросила консьержка.

– Аманда, – нерешительно проговорил Максим.

– Аманда?.. – продолжала консьержка.

– Просто, Аманда, – виновато сказал Максим, – я только имя знаю.

– Знакомая, говоришь. Понятно...

– Нет, но...

– Да ладно, мне-то что...

– Знаете, она такая... Как бы сказать, – начал было Максим, и тихо продолжил: – похожа на Холли Берри...

– Что?

– В общем, она такая симпатичная.

– Ну, разумеется.

– Это, вообще, не её квартира, вроде, она снимает. Темнокожая она, вот. Или у вас это... вы... – Больше Максиму сказать было нечего.

– Белоснежка, может? – между прочим, спросила консьержа.

– Да, – неуверенно подтвердил Максим, – а вы откуда знаете?

– Так это я её так назвала. Хорошая девочка. Мне сразу понравилась. Она всего месяц как въехала. Почему я и запомнила. Это ж, только что, считай, представляли мне её.

– То есть, представляли?

– Хозяин квартиры обязан представлять администрации дома всех квартирантов, въезжающих к нему. Познакомить с нами. В доме должен быть порядок.

– И вы знаете всех, кто живет в доме?

– Конечно. Я тут десять лет сию. Съемщиков, конечно, не всегда представляют, но, вот, твою знакомую ведь знаю, а значит, не зря такие порядки существуют. Тебе же я помогла?

– Ну, вообще-то ещё не помогли, – осторожно заметил

Максим.

– Сейчас, – консьержка открыла свой журнал, – вот, Аманда Хаксли, 50 квартира.

– А что у вас про неё еще написано? – обнаглел Максим. – Нет, просто любопытно, что вам нужно знать о жильцах, которые снимают квартиру. Согласно вашим порядкам. Я просто никогда ещё не снимал, а сейчас собираюсь, но совершенно не знаком с процедурой.

«А ведь и действительно, – тут же подумал Максим, – мне же придется где-то жить. Чёрт возьми, сколько проблем наваливается...»

– О тех, кто снимает вся информация у тех, кто сдает, – консьержка ухмыльнулась, – рабочий телефон только мы просим оставить, на всякий случай...

– А у вас...

– Ты, я вижу, очень близко знаком с этой гражданкой.

Максим сделал жалостливое лицо. Часто таким манером у него получалось добиться того, что ему было нужно. Консьержка записала ему номер телефона, кроме того записала номер телефона в квартире.

– Спасибо огромное. Я сбегая, посмотрю, может она дома сейчас... Вы не...

– Нет, я не могу весь день сидеть и контролировать, кто пришёл, кто ушёл.

– Спасибо, спасибо, – Максим направился к лифту.

Как он и предполагал, квартира была пуста, во всяком слу-

чае, на звонок никто не отвечал. Тогда, поблагодарив удачу в лице консьержки, давшей ему номер рабочего телефона, он решил позвонить по нему.

«Интересно, где она работает? И кем?» Зайдя в телефонную будку, располагавшуюся неподалеку, он набрал номер. «Почему они не изобретут мобильную связь?»

– Ресторан, – услышал он в трубке.

– А... простите, это какой ресторан?

– «Изумруд». Вы хотите заказать столик?

– Я... – Максим думал, стоит ли спрашивать Белоснежку, или лучше на месте разобраться. – Да нет. А столик обязательно заказывать? Если просто так прийти можно?

– Можно итак, конечно, но нет гарантий, что будет свободно. Вы бы когда хотели?

– Прямо сейчас.

– Сейчас свободно. Приходите.

– Спасибо, а какой у вас адрес?

Максим записал адрес, отыскал его на карте и тут же отправился туда. Оказалось, что ресторан располагался совсем близко от отеля. «Совпадение?»

Ресторан этот Максим видел уже не раз, когда проходил мимо, но не обращал на него внимания. Войдя внутрь, он увидел, что свободных мест было предостаточно, и, выбрав столик, сел за него и стал изучать меню. К нему подошла официантка.

– Виск... – Максим осекся. – Соку можно, пожалуйста,

и вот это вот что-то такое? Не могу прочесть, но картинка вкусная.

Очень быстро ему принесли легкий обед. Пока официантка сервировала стол, он спросил:

– Простите, а вы не знаете, Аманда Хаксли... – Он выдержал паузу.

– Аманда? – приветливо отозвалась официантка. – К сожалению, она больше не работает у нас.

– Да? – разочарованно протянул Максим, – а давно?

– Да вот, в пятницу только уволилась. Меньше месяца проработала. Очень жаль, мы с ней так подружились.

– Вы тоже?.. – Максим запнулся. – А вы не знаете, где ее можно найти, мне ей нужно кое-что передать.

– У меня есть ее домашний телефон. Я сейчас его принесу.

«Какие все отзывчивые сегодня», – подумал Максим, без интереса приступая к обеду.

Официантка продиктовала номер телефона. Этот номер, как Максим и предположил, он уже знал. К его неудовольствию, кроме того, что Аманда была замечательная девушка и работала она также, официанткой, он так ничего и не выяснил. Ни откуда она, ни кто... ничего!

«Я не хочу так уж упрямо настаивать на том, что всё это определенно связано со мной, но других причин я не вижу, – заключил Максим. – Закручивается детектив, однако. Чёрт возьми, а ведь становится интересно. Клуб!»

– Как непривычно видеть всё трезвыми глазами! – воскликнул Максим, когда вошёл в клуб, приветствуя Купера, который собирался куда-то уходить.

– Макс! Рад, что ты выжил. Если бы Акира не сказал, где ты, мы бы тебя в розыск объявили. Слушай, извини, мне нужно отъехать по делам. Ты не подождешь? Ты закончил умирать?.. Я тоже. Мы знатно выступили. Пора приземлиться. Тебя, Акира сказал, под капельницей откачивали. А я сам, сам. Чуть не сдох, но сам... но, теперь всё... ну, как обычно. – Джон рассмеялся. – Не могу спокойно вспоминать. Давно я так не отвисал. Вокруг тебя аура какая-то преступная парила. Подождёшь, или на сухую скучно?

– Да я на минуту, у меня вопрос короткий. Ты Белоснежку помнишь?

– Конечно! Так ты же с ней последние два дня тут тусил. Что, потерял?

– Ну да. Я просто очень плохо помню... почти не помню. Да что там почти, не помню, вообще! – Максим не смог сдержать смеха. – А ты её не видел потом? Когда меня тут уже не было.

– Я нет, но я, ты же знаешь, был в состоянии, не намного отличающемся от твоего. Да вроде, не было её тут больше. Она же кроме тебя ни с кем и ничего не имела. Нет, я во всех смыслах. Я с ней ни разу не разговаривал. Только с чужих слов. Я же тут, когда ты потерялся, приготовил всех к поискам и начал выяснять, что к чему. Так вот, с этих чужих

слов: Белоснежка появилась в прошлый четверг, на следующий день после моих, да и твоих, как я знаю, подвигов в мире шоу-бизнеса. Пришла она поздно вечером и сразу к тебе. Ты тут дефилировал вдоль сцены. Вы сидели за столиком, в углу, и после ты исчез. Это всё. Ой, мне пора. А что, очень нужна она? Ладно, заходи как-нибудь, расскажешь, что к чему. Я побежал. Сегодня вечером приходи, часов в десять, думаю, вернусь уже.

– Хорошо, может, зайду. Или потом. Давай, пока!

– Колись, «Куросава», как ты узнал, кто меня из тюрьги вытащил?

Максим с Акирой сидели в небольшом парке недалеко от набережной.

– Я Такеши! Мы на прошлой неделе в ресторанчик тот ходили. Я не смог погасить свое любопытство. Вот и узнал.

– Это как?

– Да не важно. Я журналист, как-никак, не буду раскрывать свои секреты. С администратором подружился.

– Эти секреты сейчас очень даже понадобились бы. – Максим задумался и вдруг спросил: – Вы в ресторанчик ходили? Вы, это кто?

– Макс. Если хочешь узнать, пожалуйста. Я был в ресторане с Лалой. А с Саши я больше не встречаюсь, и она больше не моя невеста.

– О как! Что же произошло?

– Ничего особенного. Я просто сказал ей, что люблю дружину, и не могу больше её обманывать.

– Какая мелодрама! А она что?

– Представь, она обрадовалась. Оказывается, она меня тоже не любит, то есть, любит, как друга, как брата, но не больше. Дело в том, что наши родители давно знакомы, и с нашего детства, между собой, в шутку, видели нас мужем и женой. А мы и дружим с того самого детства, если можно, конечно, назвать дружбу мальчика с девочкой, на три года его младшей. Скорее, она была мне, как младшая сестра. Раньше мы жили далеко от центра, в сутках пути отсюда. Когда я учился в последнем классе школы, мы переехали сюда. Я поступил в институт. Связь моих родителей с родителями Саши со временем почти потерялась – так, переписывались изредка первое время, потом совсем перестали. Я и забыл уже, как вдруг, я оканчивал четвертый курс тогда, они приехали к нам в гости. Оказывается, они договорились с моими родителями, что Саши какое-то время поживет у нас, пока будет поступать в ВУЗ. Мне было поручено присматривать за Саши. Ну... и так получилось, что наши родители как-то так нас настроили, совершенно случайно вспомнив, как в нашем детстве они нас поженили, что нам пришлось играть роль жениха и невесты. Дело в том, что поначалу мы вправду понравились друг другу, скажем так, не по-детски, ни как раньше, и начали всюду ходить вместе, с момента приезда Саши. Родители отметили этот факт и за-

клеямили нас. – Акира улыбнулся. – Очень скоро я понял, что в нас, во мне, во всяком случае, говорит исключительно детская привязанность, теплые воспоминания и тому подобное, но ничего больше. А родители, они не настаивали, просто, видимо, решили посмотреть – вдруг что получится и будет здорово. А мы слишком серьезно, видимо, восприняв их прихоть, и, не желая расстроить их, как зомбированные ходили вместе до последнего момента. У Саши такое воспитание, что сказать она мне никак не могла, но она сама...

– Любит другого? – озабоченно поинтересовался Максим.

– Да, и уже давно, и тот другой её тоже любит, и они давно переписываются, но не встречались до сих пор, потому что...

– Подожди секунду, слезу сотру. Слушайте, да вы психи какие-то...

– Теперь всё кончено. Мы остались друзьями, и всё...

– Что ж, в общем, всё хорошо?

– Отлично! – воскликнул Акира. – Только я боюсь её бабушки.

– Да? – насмешливо спросил Максим. – Ты не знаешь её отца?

– Она сирота. То есть, отец есть, но он бросил её давно, а мама умерла.

– Угу. То есть, кто её отец, ты не знаешь?

– Нет, она сама не знает. Говорит, что иногда приходит к ним, последнее время стал приходиться...

– Ты думаешь, она не знает, чем занимается её родной

отец, который периодически навещает её? Ты думаешь, такое возможно? Хотя, возможно, конечно, отчасти. Но, тебе как журналисту, разве не интересно?

– Честно говоря, мне совершенно всё равно, кто её отец. То есть, конечно, любопытно, особенно после того как ты меня заинтриговал. Ты знаешь, что ли? Ты же там был! Только что дошло! Так кто её отец?

– Вот у своей возлюбленной и спрашивай. Тебе действительно, всё равно, кто он?

– Абсолютно.

– Это хорошо. Только, видимо, ей не всё равно. Или она и вправду не знает.

– Макс. Говори.

– Потом, «Куросава»...

– Я Такеши!

– Мне итак есть чего тебе рассказать, и много. И я не скрою, мне нужна помощь. Короче, слушай.

И Максим рассказал Акире всё... почти всё.

Акира пообещал выяснить, где можно найти Жанну Роллан, так, чтобы с ней удалось встретиться. Максима мучило любопытство относительно того, каким образом она могла узнать о том, что его забрали в полицию, и почему она решила принять в нём такое участие. «Просто так ничего не бывает, – думал он. – Особенно здесь и теперь». Этот вопрос интересовал его не меньше, чем ситуация с письмами и Белоснежкой. «Необходима была полная картина всего». Максим намеревался узнать у Маргариты, было ли во время его незапланированной командировки какое-то продолжение у истории с письмами, слежками и прочим загадками. «Вот только как бы это всё сделать, как к ней подойти после того, что произошло? Какой же я баран!»

Шел десятый час вечера. «Не прийти ли мне с цветами? – думал Максим. – А с чего бы это? В знак благодарности. Нет, вдруг не так поймет... А как она поймет? Да не знаю я, как она поймет! Женщинам нравятся, когда им дарят цветы. Звезды. Как там эта было в клубе?.. Вот чёрт! Вот меня переклинило!»

Он постучал в дверь. Маргарита была у себя.

– Я хотел выразить свою благодарность, вот... – промямлил Максим. – Так это говорится... В общем, большое спа-

сибо за то, что ты меня спасла, что... и...

Максим тяжело вздохнул и опустил голову.

– Да ну что ты! Не за что! – воскликнула Маргарита. – Это же прямая обязанность женщин – спасать и защищать мужчин, следить за ними, оберегать...

Максим стоял, как столб, глядя в пол, и силился подобрать слова.

– И ещё... Я, честно говоря, почему-то, как бы это сказать... с детства не умею просить прощения... Совершенно! В общем, я уже, в принципе, говорил это... Ну, вот ещё раз... в общем... прости меня... пожалуйста...

Маргарита строго смотрела ему в глаза. Он совсем смутился и, не найдя ничего лучшего, добавил:

– Я больше так не буду...

Маргарита не выдержала и рассмеялась.

– Признаться, мне нет никакого дела, будешь ты так или нет. Я не твоя мать.

– Просто... – Максим переминался с ноги на ногу.

Маргарита не предложила ему присесть. «Она не имеет ни малейшего желания со мной разговаривать и ждет, когда я закончу бубнить и уйду, напряженно думал Максим. – Но я не сдамся».

– Просто, Рита, – продолжил он. – Мы же всё-таки земляки, так сказать. А тут такое... в общем... давай заключим мир?

– Мир? Максим?.. Вот детский сад! – Рита снова рассме-

ялась. – Что ты стоишь? Присаживайся.

Максим вздохнул с облегчением и сел в кресло.

– Выпить не предлагай, – заявил Максим. – Извини... что-то... Не очень у меня получается это... шутить...

– Ага, – согласилась Рита, – так же, как и извиняться.

– Я больше не буду... тьфу ты, черт! Снова извини. – Максим определенно робел.

– Чай будешь? – предложила Рита.

– Буду! – выпалил Максим.

Они сели за стол и минут через пять, когда Максим, наконец, справился со всеми своими комплексами, приступили к обсуждению их общих проблем.

– Я, даже не знаю, можно ли это назвать проблемой, но, тем не менее... Как-то нужно во всем разобраться. Если это всё не шутка, конечно. А если и шутка, то тем более. Да, кстати... – Максим притих и осторожно проговорил: – Я решил тут остаться. – Он настороженно смотрел на Маргариту.

– Я тоже, – спокойно ответила та.

– Здорово... то есть... в общем... ну, так вот...

И Максим рассказал Рите всё, что с ним произошло с момента их разговора о встрече на Триумфальной площади. Ну, почти всё... свои как бы любовные, вернее было бы сказать, интимные, похождения он опустил. Также, он смазал рассказ о Белоснежке. По той же причине. Кроме того, он ни словом не обмолвился о том, как он побывал в полиции, и что вызволила его оттуда Жанна Роллан. Даже так – о поли-

ции он ничего не сказал, чтобы не упоминать о Жанне Роллан.

– То есть, оторвался ты на полную катушку, – заключила Рита, – хотя... мне кажется, ты что-то не договариваешь. Чего-то не хватает...

– Да нет, вроде, ничего не упустил, – попытался защититься Максим и слегка покраснел. Ощувив это, он, не давая Рите заметить свое смущение, обратился к ней: – А что происходило тут?

– Не так безумно, конечно, но тоже кое-что было...

Маргарита рассказала Максиму всё. Ну, почти всё... опустила она разве что появление двух поклонников. Также она не упомянула о притязаниях Рената, и ни словом не обмолвилась о знакомстве с Валдисом.

– То есть, ты устроилась на работу? – восхищенно спросил Максим, – и в институт почти поступила?

– Ну, с институтом, еще не все ясно.

Действительно, весь сегодняшний день Маргарита демонстрировала свои практические навыки медицинской сестры, чем и произвела благоприятное впечатление как на дядю Сары, являющимся главным врачом больницы, так и на всех членов собранной им комиссии. В результате было решено принять её в штат в течение ближайших двух месяцев. Время было предоставлено ей для решения вопросов, связанных с поступлением в институт.

– И всё же мне кажется, ты что-то не договариваешь, –

хитро вторил ей Максим.

– Ну, хорошо, – согласилась Рита. Он извлекла из тумбочки листок бумаги и произнесла: – Вот это письмо я получила на следующий же день после бала.

Максим взглянул на письмо.

– «С сего дня я преклоняюсь перед вами», – процитировал он. – Так это же я писал!

Маргарита удивленно взглянула на Максима.

– Ну, – поник Максим, – это я так...

– Неудачно пошутил, – помогла ему продолжить Рита.

Максим рассмеялся.

– А почему ты решила остаться? – спросил вдруг он.

Маргарита задумалась на мгновение и сказала:

– Мне показалось, будто жизнь мне дает шанс начать всё заново! Там всё шло не так с самого начала, – я тебе рассказывала, – но виной тому была не я, и это совсем не оправдание. Так я для себя решила. А теперь всё будет зависеть только от меня самой. Что делать, куда идти, с кем знакомиться. Что я в итоге получу. Всё это будет в моей власти. Здесь моя жизнь представляет собой чистый лист. Всё, что необходимо, как я считаю, я возьму из той жизни и начну здесь новую. Только новизна будет заключаться не во мне лично, а в окружении, и в том, как я буду принимать его влияние на себя.

– Оно будет влиять? – спросил Максим, стараясь уловить мысль Риты.

– Конечно, – хитро сказала Рита, – только я установлю

нужный фильтр. Отныне я намерена поступать так. Смерть матери, отец с его новой семьей... всё остальное... – Рита задумалась. – Это предательство, которое стало для меня последней каплей... да, мне кажется, эта было последней каплей, сыгравшей решающую роль. Не понимаю, как это произошло, как это происходит... Может, потому, что я сама хотела, чтобы так произошло. Чтобы покинуть тот мир, ту жизнь... а ты почему решил остаться?

– Ну, тут я не оригинален, – начал Максим. – Хотя у меня ничего подобного не было, – не было последней капли. Похоже, вся моя жизнь была последней каплей. – Максим ухмыльнулся. – Мое существование протекало мерно, вернее было бы сказать, вяло, тускло, как в тумане... как в болоте. Оно могло изредка нарушаться разве что внешними раздражителями или моими увлечениями, свидетелем которых ты недавно была. Меня там ничего не держало. Какой-либо привязанностью я не был обременен. Так уж сложилось, что родственные узы меня не сильно держат. Друзья повзрослели и обзавелись семьями, или нашли свое дело и разлетелись... как песни. Своей семьи у меня нет, обозримых перспектив тоже не было видно, да я и не стремился к этому, поскольку не знал, к чему нужно стремиться. Своего дела, своего пути я так и не нашел. И себя я в этой жизни не нашел... в той жизни... в общем... ничего у меня не было...

– Чистосердечно, – улыбаясь, прокомментировала Рита. – А как же так? Ты же ведь работал где-то, наверняка?

– Что значит работать? Продавать себя ради хлеба насущного? Это не работа, это средство выживания. Тоска! Страшная тоска. Выживать? Для чего? Знаешь, в Советском Союзе была хорошая задумка. Может, рассчитана она была и на что-то другое, но тем не менее она была. Был идеал, у страны была цель – коммунизм, светлое будущее, и эта общая цель страны была индивидуальной целью каждого. То есть, если своей цели у тебя нет – вот тебе общая, работай – не хочу. Хватило этого, конечно, ненадолго, в том же Союзе... но ведь было же! Веры тоже нет... Нет ни единого стимулирующего фактора. Да, собственно, откуда вера и цель могут взяться в стране, которая на глазах развалилась, и начала стремительно умирать. А если и выйти за рамки одной страны, то картина не сильно будет отличаться. Стоит лишь убрать материальную составляющую. А эта составляющая всего лишь итог усердного выживания. А жизни всё равно нет. Я не о каком-то там смысле этой жизни, а просто... скучно. Не понятно, зачем это всё. Я, – честно тебе говорю, – в детстве хотел стать космонавтом, после, если не космонавтом, то ученым или писателем, великим, обязательно, великим. Впрочем, со временем я понял, что я не знаю, чего конкретно я хочу, но главное, чтобы это было что-то, что-то значимое. А величие этого «что-то» заключалась в оказании влияния на мир. Не то, чтобы лавры Александра Македонского спать мне не давали, но по мере моего восприятия окружающего мира я приходил к выводу, что мир этот

нужно менять. Банальное стремление юноши, но меня оно не оставляет и по сей день. Я, как минимум, должен всем сказать, что всё не так, как надо. И пусть я не знаю, как надо... пока не знаю... но... Пусть даже все уже итак это знают, знают о том, что всё не так, как надо, но они должны услышать это ещё и от меня. Раз им столько уже говорили об этом, но ничего не изменилось, то, может, если скажу я, что-то сдвинется с места?

– А почему что-то должно сдвинуться с места, если о том, что что-то не так, скажешь именно ты?

– Я не знаю, но мне это нужно.

– Зачем?

– Я не знаю...

– Хорошо, но ведь, чтобы что-то изменилось, не достаточно сказать о том, что что-то не так, нужно, как минимум предложить что-то, что так. И не только предложить, но и делать это что-то. Разве не так?

– Так. Я уже сказал, что не знаю, как надо, но дело не в этом! – завелся Максим, – А в том, что во всём этом-то я и запутался. – Он рассмеялся. – То есть, не то чтобы запутался, я не смог найти то, с чего мне начинать, а пока я думал с чего начинать, временно начинал что-то простое, совершенно мне не интересное, но доступное, что в результате отсутствия моего интереса теряло интерес ко мне и проваливалось, не принося никакого результата. В частности, таким образом, я менял места работы, занятия. А приходилось мне

кувыркаться в этом хаосе по одной простой причине: я находился под давлением окружающей среды, я был зависим от внешнего мира. Но это давление не было столь сильным, чтобы я смог в борьбе с ним воспитать свою волю и ответным ударом победить всех, но и не было слабым, чтобы я мог не замечать его и идти по выбранной дорожке. Да что там идти! Хотя бы найти эту дорожку. Оно было умеренным, не дающим ни повода, ни мысли решиться на что-то большое, ответственное, нужное дело всей жизни...

– Давление было умеренным, или ты сам был таким? – хитро спросила Рита.

– Да и сам я, конечно... но стал я таким под этим давлением. Мне кажется, заявление о том, что кто-то сделал себя сам, слишком смелое. В биографии любого, думаю, можно найти штрих, маленький штришок, давший мощный толчок к чему бы то ни было. Да, согласен, защитная реакция неудачника, но... Но! Великая способность, я считаю, решиться на то, чтобы сделать себя самому. Именно решиться, а не сделать. Потом уже, когда ты что-то сделаешь, можно говорить о том, что сделал, и только тогда будет видно, сам ты себя сделал или нет.

– А что тебе мешало сделать себя самому?

– Да я об этом не думал. Я был увлечен поиском свободы... – Максим примолк. Неожиданно? И только тут вдруг, соединив всё, что в моем куполе собрано, – он постучал себя по лбу, – я понял, что сделать себя самому, в полном смыс-

ле этого слова, можно лишь через осознание своей свободы, через настоящее осознание настоящей свободы, а выйти на путь к ней можно лишь ощущая себя самим собой. То есть необходимым условием для осознания свободы является обретение себя самого. Сначала нужно найти себя, потом дорогу, и, идя к свободе, сделать из обретенного себя то, что ты хочешь.

– Интересно, Максим, а ты сможешь это все повторить? – улыбаясь, спросила Маргарита.

– Думаю, да, но я не исключаю, что мой алгоритм может измениться. Пока я считаю именно так. Я тебе нарисовал грубую схему. Признаюсь, если я начну углубляться, меня унесёт очень далеко. – Максим засмеялся.

– Странный ты какой-то, – мягко сказала Рита.

– Почему? – удивился Максим.

– Не знаю, поэтому и странный. Честно говоря, я так и не поняла, чего ты, собственно, хочешь.

– Вот. Это и нужно выяснить. Сразу видно, с Пингвином ты не пресекалась. – Максим усмехнулся. – Я вижу это так: вот это всё, что накопилось и спуталось. – он снова постучал себя по лбу. – Нужно распутать и приступить к реализации.

– Ну, как скажешь. – Маргарита зевнула и тут же засмеялась. – Извини, просто я сегодня весь день в больнице. Устала очень.

– Ничего, я не обиделся, – обиделся Максим.

– Но, ты так далеко ушёл от того, что явилось причиной

твоего решения остаться здесь, что я просто запуталась. Или ты это всё и имел в виду?

– Да, также как, и в твоём случае. Думаю, это шанс начать всё заново. Даже, не заново, а просто, начать. Это же толчок, но в силу его загадочности, можно считать его толчком изнутри. Кстати, что самое интересное, – думаю и в моём и в твоём случае, это будет верно, – к решениям, которые мы с тобой приняли относительно того, чтобы остаться здесь и начать всё с начала, мы с таким же успехом могли прийти и там, у себя. Но не пришли! И причина, мне кажется, в том, что мы не верили, что из замкнутого круга, или из крайней точки отчаяния можно выбраться, просто путем уничтожения её. Мы не пытались, а тут рванем вперёд, заново начав жить? Сенека сказал: «Плохо живут те, кто всегда начинают жизнь сначала».

– Не уверена, что к нам это в настоящий момент подходит, – заметила Маргарита.

– Возможно, – согласился Максим, – к тому же мы, не то чтобы начинаем всё с начала, мы просто переходим на совершенно новый этап, кардинально отличающийся от предыдущего. По осмыслению, по... да, по всему, короче. И если судьба дает нам шанс, если это именно он, то мы должны воспользоваться им и сами вершить свою судьбу, давая шансы ей. О как!..

– Вижу, ты тоже устал, – смеясь, проговорила Рита. – И с чего же мы начнем? С твоей Белоснежки или с Триумфаль-

ной арки?

– Это я ещё не решил, надо подумать, – сказал Максим. – Тут ведь ещё твои поклонники появились, и о первом письме я только что узнал.

«Чёрт возьми, – подумал он, – это тут при чём?»

Видимо Маргарита разгадала порыв Максима. Она улыбнулась, но без удовольствия осознав, сколь ей это льстит и спросила:

– Думаешь, нужно их всех допросить?

– На самом деле, я думаю, они просто поклонники. – Максим улыбнулся в ответ. – Меня волнует только то, что с момента получения первого письма, с признанием в любви, пошла третья неделя. Столько же с момента получения мной писем с предостережениями и угрозами, и о встрече на площади. То есть, они, загадочные они, приглашают, признаются в любви, угрожают, но ничего не происходит.

– Шутят?

– Вот, как бы ни оказалось, что мы уделяем этому столько внимания тому, чего на самом деле нет. Ну, в чем смысл этих шуток? Лучше, со всем этим разобраться по порядку. А этот полицейский, о котором ты говорила – хороший ваш знакомый? Я что-то упустил этот момент.

– Да он и не знакомый вовсе. Я же говорила – сосед молодого человека Сары. Ты хочешь привлечь полицию?

– Нет, только соседа. Ладно, есть у меня мысль, буду её думать... – улыбнувшись, сказал Максим и остановился, глядя

на Маргариту. – Я смотрю, ты совсем спишь.

– Да, что-то разморило.

– Ну, тогда, как говорится, утро вечера мудренее. У тебя какие планы на завтра?

– Пока никаких.

– Хорошо, тогда выспайся, а я зайду, как только что-нибудь придумаю.

– А ты у себя в номере думать будешь?

– Нет, я с Акирой думать буду. Он обещал про Белоснежку что-нибудь выяснить.

– А как он про неё что-то выяснить может?

– Уж не знаю, он журналист, все-таки. – Максим ощутил, как начинает теряться. – Ладно, спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

«Черт возьми, как бы мне не завратиться с этой Роллан, – думал Максим, идя к себе в номер, – да и, собственно, что такого, что она меня вытащила? Ага? Нет? А если она замешана? В чём? Чёрт! Так, ладно, всё же, утро вечера мудренее».

– Я знаю, где она живет. И знаю, что сегодня она дома.

– Ты бесценный друг, «Куросава»!

– Я Такеши. Что будем делать, пойдем к ней? Или ты сам разберёшься?

– Думаю, это дело личное. – Максим подмигнул Акире.

– Отлично. Тогда я отправлюсь на поиски закона?

– Чего?

– Ты забыл? Я хочу написать статью о королевском влиянии на наши дни...

– Ах, ты ж, ну да... Маркес. И куда ты?

– В архив. Он в Центральной библиотеке. Хочешь, пойдем со мной, или подходи потом. Или... Ты как действовать будешь?

– Действовать? Решительно. Да просто пойду к ней и всё.

– Ну, давай, дерзай. Ты прямо сказочник! Пойду к примадонне города. – Акира рассмеялся. – Держи адрес. Если что, в семь, как вчера?

– Да, давай так.

– До встречи.

«Я чертовски хорош собой! – думал Максим, глядя на свое отражение в витрине магазина, – пять роз в букете, пять обычных роз в обычном букете для звезды первой величи-

ны – это, наверное, ничто. Но, ведь, главное внимание. Я не представляю, как, чем, вообще, можно отблагодарить звезду первой величины. Я купил букет роз для звезды первой величины! Это же бред какой-то! Учитывая, как сложно мне было это сделать, купить цветы, моя совесть спокойна. Определённо, слишком много переживаний из-за такого пустяка? Ты думаешь, это пустяк? Спокойно».

Максиму действительно было не так просто купить цветы. Цветочные магазины, по-хорошему, небольшие ларьки, не принимали гостевые карточки. Поскольку там, куда Максим обращался, с такой формой оплаты не сталкивались, ему могли лишь посоветовать обратиться в банк. «Действительно, – думал он, – нельзя же всё везде оплачивать картой! Как я сразу не догадался? И, вообще, стоило бы подробней обо всем этом узнать».

В банке, первом попавшемся ему на пути, Максиму пришлось долго ждать, пока не появился менеджер, способный разъяснить ему, что к чему. Но этот менеджер не успел ему ничего рассказать, как появился директор банка, до которого, судя по всему, случайно дошел слух о том, что некий гость хочет разобраться с денежными проблемами. И этот директор банка изъявил желание сам помочь Максиму. И был этот директор ни кем иным, как господином Фогелем, тем самым Стефаном Фогелем, с которым Максим уже был знаком.

– Вы совсем пропали, молодой человек! – сетовал Фо-

гель. – Мы уж решили, что с Вами что-то случилось. С момента нашей встречи мы раза три посещали кафе в отеле, и каждый раз интересовались вами, но никто нам ничего не говорил. Оказалось, что Маркес, философ, ну, помните, конечно, был последним, кто видел вас с Акирой, да и Акира что-то пропал – давно его не видно. Ну, слава богу, что с вами всё в порядке. Скажите, а мой банк вы намеренно выбрали?

– Честно говоря, я не знал, что он ваш. Зашел в первый, попавшийся на пути, – виновато ответил Максим.

– Грамотное позиционирование – одна из ключевых предпосылок успеха в бизнесе! – рассмеялся Фогель. – Да, у меня очень мало времени, на самом деле, встреча через полчаса. Так что, я готов вам помочь, но очень быстро. Итак, карточка. Сумма карточки составляет. – Фогель сделал паузу, взглянув на Максима. – Ясно, вы не знаете, семьсот пятьдесят рублей.

– О! – поразился Максим.

– Да, молодой человек, и это Городской бюджет, надо вам заметить. Надо полагать, гостей пребывает не так много и не так часто, и, возможно, не всем выдаются карточки, хотя кто знает. Так вот, семьсот пятьдесят рублей вы можете тратить в течение полугода. Сумма взята из расчета средней заработной платы в месяц – восемьдесят рублей. Скажу вам по секрету, она намного ниже, даже если взять только тех, кто живет в самом центре. Не знаю, откуда они берут эти циф-

ры. Деньги хорошие. Важный момент: в месяц вы не можете потратить более ста пятидесяти рублей. Есть логическое объяснение, не будем вдаваться в подробности. То есть, если вы сейчас купите что-то на сумму сто пятьдесят рублей, то месяц вам придется голодать. – Фогель рассмеялся.

– Забавно, а почему мне об этом ничего не сказали?

– При покупке на такие суммы автоматически вам будет сделано предупреждение о месячном балансе, это вам скажут там, где будет осуществляться платеж. Вы можете снять наличные, но в этом случае лишитесь тридцати процентов.

– И это так со всеми карточками?

– Нет, что вы, это касается только гостевых.

– Ах вы! – Максим засмеялся.

– Да. Вообще, быть гостем – не так плохо, как видишь.

Вы не забывайте, что за проживание вы не платите, плюс необходимые вещи, насколько я знаю, одежда, ещё что-то там, вам предоставляются бесплатно, а это значительный плюс. То есть, по большому счету, если брать среднемесячное обеспечение, то вас легко можно причислить к среднему классу.

– А что происходит через полгода?

– Честно говоря, не знаю. Видимо, подразумевается, что к тому моменту, вы либо будете уже где-то работать, либо вас тут уже не будет. Да, если вы устраиваетесь на работу до окончания срока действия карты, то вам придется обналичить её.

– И оставить вам тридцать процентов?

– Ну да, а что же делать. – Фогель улыбнулся. – И ещё. В этом случае, то есть, с момента выхода на работу, – поскольку это означает начало полностью самостоятельной жизни в городе, – вы переходите на самообеспечение по всем пунктам. То есть в отеле вы можешь остаться, но за него уже придется платить.

– И много? Я даже не интересовался, сколько это дело стоит.

– И не надо! – выразив изумление, произнес Фогель. – Могу сказать, что мне бы и в голову не пришло снять там номер. Итак, в общих чертах, всё. Так, пожалуй, я пойду готовиться. Вы подойдите вон к тому менеджеру, он всё сделает. Надеюсь, вы станете постоянным клиентом нашего банка. И потом, когда встанете на ноги. Я чувствую, что у вас высокий потенциал. Не разочаруйте меня, Максим. – Фогель рассмеялся. – Всё, удачи, если что, обращайтесь. Встретимся как-нибудь в отеле.

Так Максим получил наличные, купил цветы и направился по адресу, данному ему Акирой.

«Определённо, иногда кажется, что я в раю. Средний класс! И через полгода меня можно будет брать голыми руками. Зачем они создают такие тепличные условия?»

«Если верить Акире, то это здесь, – рассуждал Максим, оглядываясь по сторонам. – Неплохо живет шоу-бизнес».

Максим оказался в тихом районе, где-то в глубине Цен-

трального округа Города. Буквально в двадцати минутах ходьбы отсюда располагался президентский дворец, который уже не раз привлекал его внимание, но до которого он никак не мог добраться и разглядеть внимательней. Судя по всему, район не трогали с момента его застройки, то есть, если перевести на земное время, как назвал его Максим, то лет двести. В основном это были двухэтажные особняки. «Местная знать, видно, жила, – решил Максим, – и продолжает жить». Дома были в идеальном состоянии. «Тихо, уютно, мило. Красота». Вокруг домов возвышались ограды, выстроенные, вероятно, гораздо позже самих домов, скорее всего совсем недавно. Одна ограда окружала три-четыре дома. «Экономно, – рассуждал Максим, – буржуи. А вот и наша цель».

Невысокий симпатичный двухэтажный домик красовался за оградой. У входа, у калитки Максим увидел что-то наподобие огромной вазы, вырезанной, видимо, из пенопласта и придавленной кирпичами к земле, а в ней десятка два букетов. «Вот она слава и народная любовь». Тишину, пленившую Максима, нарушил цокот копыт и грохот проехавшей мимо кареты. «Ой, – испугался он, – я чуть не забыл, что тут лошади скачут повсюду».

Он подошёл к входу и подозвал охранника, сидящего в будке за оградой. Тот нехотя вышел, презрительно глядя на Максима и его цветы.

– Что ещё? – небрежно спросил он.

– Мне нужен дом по этому адресу. – Максим показал ли-

сток, который дал ему Акира.

– Ну, вот этот дом, дальше что?

– И мне нужна девушка, которая там живет. Я могу её увидеть?

– Ты дурак? – совершенно серьезно поинтересовался охранник.

– Вполне возможно. Но, тем не менее, могу я пройти?

– Слушай, иди отсюда. Ходят и ходят. Как бабы. – Он развернулся и направился к себе в будку.

С первых слов охранника у Максима возникло огромное желание отпилить ему голову. «Я, конечно, понимаю, его все достали, но почему нужно быть такой свиньей? И почему со мной?» Тут только Максим увидел на калитке щит с четырьмя кнопками, под каждой стояло число – номер дома. Максим выбрал нужную и нажал. Никакого эффекта, кроме мерзко улыбающейся физиономии охранника не было. «Да, – подумал Максим, – много нас. Что-то нужно делать». Максим подумал, стараясь взглянуть в окна дома, не попрыгать ли ему, привлекая внимание, или покричать. Этот страж, судя по всему, никоим образом не пойдет ему на встречу. Он снова помахал охраннику. Тот вышел, держа в руках резиновую дубинку.

– Если сейчас не свалишь – пеняй на себя. Кидай свой куст и исчезни.

– А не могли бы вы связаться с Жанной и передать, что пришли от Томаса Шнайдера с поручением. – Максим сам

удивился тому, как это ему такое пришло в голову, и как он запомнил имя того неприятного типа, что увивается за Роллан. Видимо встреча с Фогелем освежила в его памяти события бала.

– Что? – опешил охранник, удивленно глядя на букет Максима.

«Видно, масштаб не тот, – проследив за взглядом охранника, подумал Максим, – не очень удачная идея, и вид у меня, наверное, неподходящий. Но, может, прокатит».

Тем не менее, охранник скрылся в будке и стал звонить. Через секунду он вышел и открыл калитку. Максим вошёл и направился к дому.

– Странно, он всегда сам приходит. Случилось что? – услышал за спиной Максим, но ему уже было всё равно.

– Да он заболел.

– Чем?

– Свинкой.

Максим подошел к входной двери и позвонил. Дверь открылась. Он неуверенно ступил внутрь и тут же услышал:

– С чего это вдруг Шнайдеру пришлось кого-то посылать? Это... Ты?..

Роллан напомнимла какую-то голливудскую звезду пятидесятых годов. Она медленно сходила по ступенькам, шелестя домашним платьем, опускающимся до пят. Её густые светлые волосы были распущены и небрежно опадали на плечи. Максим растерялся и совершенно забыл, что собирался ска-

зять при встрече, и собирался ли, вообще, что-то сказать.

– Здравствуй... те... вуй, – проговорил он, – я немного со-
врал там, просто, меня не хотели пускать.

– Здравствуй. А ты неожиданно находчив. Проходи, не
стесняйся, – весело сказала Роллан, подходя к Максиму
вплотную, – цветы можно уже вручить.

Максим протянул букет.

– Хочешь чего-нибудь выпить?

– Нет, спасибо. Если только чаю, – неожиданно для себя
сказал Максим.

Через пять минут они сидели в гостиной комнате.

– Хороший дом, – сказал Максим, осматривая обстановку.

– Достался от дедушки, – объяснила Жанна.

– А дедушка был князем?

– Дедушка был заместителем директора Департамента по-
лиции.

– Ты не пошла по его стопам, – заметил Максим.

– Мне достаточно папы. Он генерал Министерства Город-
ской Безопасности. В отставке, так сказать.

– Что значит «так сказать»?

– Всё рвется в бой. Считает, что не достиг дедушкиного
уровня, и не может с этим смириться. Ударился в политику.

– Интересное занятие. Ты его поддерживаешь?

– Я не интересуюсь политикой.

Разговор получался натянутым. Максим не знал, как бы
так взять, да и сказать про ресторан и полицию. Его мучили

сомнения относительно того, действительно ли она вытащи-
ла его. Ведь Акира мог и ошибиться или получить намерен-
но неверную информацию (это сразу не пришло ему в голо-
ву). И если это она, то хотела ли она, чтобы он знал об этом.
И почему?

Максим молчал, глядя в чашку с чаем. Жанна молчала,
улыбаясь, глядя на Максима.

– Я никак не привыкну, – нашелся Максим, – уже третью
неделю, вроде, и всё так похоже, но как-то не так. Я не мог
себе представить, что так запросто могу сидеть со звездой
шоу-бизнеса первой величины и пить чай прямо у неё в го-
стиной.

– Мне больше нравится слово оперетта, – поправила Жан-
на.

– Простите. Прости, – засмутился Максим.

Жанна рассмеялась.

– Что же ты никак расслабиться не можешь? Всё хорошо.
Я тебя не съем.

– Я был в театре, на премьере! – Вдруг осенило Макси-
ма. – Я потрясён. Честно говоря, оперетту я никогда не слы-
шал вживую. Спектакль превзошел мои ожидания...

– То есть тебе понравилось? – хитро спросила Жанна.

– Ещё как! – воскликнул Максим.

– Что же ты сразу не пришел, а ждал две недели. Я жду,
жду его...

– Ты меня ждала? – недоуменно спросил Максим.

– А как же! Ко мне чуть ли не каждый день поклонники ходят, у входа всегда живые цветы, а его всё нет. Кстати, как тебе концовка спектакля?

– Замечательно, – запнувшись, ответил Максим.

– Мы вот с режиссером всё думаем, мне стоит с последней фразой обращаться в зал или к главному герою? Никак не можем ощутить разницу в силе эффекта. Нужно, видимо, стороннее мнение. Ты как думаешь?

– Последняя фраза, это, когда... – Максим покраснел. Жанна засмеялась.

– Эх, рыцарь ты мой. Я всё знаю.

– Ты знаешь что?

– Что тебя не было во время второго акта.

– Ты видела? – удивленно спросил Максим.

– Нет, мне сказали.

– Кто? – недоумевал Максим.

Жанна сделала паузу, после ласково взглянула на Максима и сказала:

– У меня серьёзная личная охрана. И это не связано с моей работой. Папа постарался. Это исключительно мои люди. Ты их не увидишь. Они и за домом наблюдают. Нет, тот охранник не имеет к ним никакого отношения. Как-то, когда я была еще девочкой, ко мне пристали два каких-то урода недалеко от дома. Представляешь, и это в самом центре, средь бела дня. Благо у меня уже тогда был сильный голос. Папа подоспел вовремя. С тех пор он решил, что у нашей

семьи должна быть своя служба безопасности. Он мог себе это позволить. Сейчас охранное агентство, которое практически всем обязано отцу, выделило нам людей. Двое лично мои. Один из них за тобой и следил.

– Ах, вот оно что! – Максим словно прозрел.

– Что это ты так бурно реагируешь? – засмеялась Жанна

– А зачем, а как? Что-то я не понял, – застопорил прозрение Максим, не понимая, зачем Жанне понадобилось следить за ним.

– Понимаешь, тот самый Томас Шнайдер, именем которого ты прикрылся, пройдя сюда, ужасно мстительная личность, кроме того, что личность эта не очень приятная. Так вот, после бала, провожая меня, он устроил «концерт». Он был крайне взбешён и грозился расправиться с тобой. И это только за то, что я отдала тебе танец, а он, видите ли, там пари уже решил заключать, или ещё что, не важно. В общем, пока он не остыл, я решила тебя обезопасить.

– Спасибо. – Максим был ошарашен и крайне смущен таким заявлением. – Тогда мне многое понятно.

«Вот как всё просто оказалось. – Максим мгновенно прокрутил в голове события последних двух недель. – Значит, угрожал мне в письме Шнайдер, предупреждал кто-то по поручению Жанны. Это письма. Незнакомец, за которым я последовал, когда тот не поделился со мной сигаретой – подсланный Шнайдером, а тот, кто гнался за ним, подсланный Жанной. Всё сходится... Стоп. А письмо с Триумфальной

площадью? И при чём здесь Рита. Стоп! А при чём здесь Белоснежка? Она тоже подслана Шнайдером? Начнем сначала...»

– Представь, как я перепугалась, когда мне сообщили после спектакля, что тебя не было во время второго акта...

– Как это?

– Что как? Тебе лучше не знать, как, – усмехнулась Жанна, – мы потеряли тебя. Томас ничем себя не выдавал, а спросить я у него не решалась. Слава Богу, через день ты объявился в отеле. Где ты был, кстати?

– Подожди, то есть, ты хочешь сказать, что после спектакля твои люди за мной не следили?

– Нет, я же говорю, в театре тебя потеряли. Никак не предполагали, что ты покинешь его в антракте. А что такое?

– И нашли меня только на следующий день?

– Да, чтобы снова потерять! – Жанна опять засмеялась.

– Значит это ты меня, ну, того, от тюрьмы уберегла? – наконец спросил Максим.

Жанна улыбнулась.

– Ну, ты же уже узнал. Поэтому и пришёл, я так понимаю?

– Нет, не только поэтому. Я, конечно, хотел поблагодарить. Никак не ожидал. Но ведь, это не Шнайдер. Я ведь сам виноват. Это же, зачем?.. Спасибо огромное.

Жанна наклонила голову набок, продолжая улыбаться, глядя Максиму в глаза.

– В общем, мы поняли, что Шнайдер к тебе ничего не име-

ет. Если бы он хотел что-то, сразу бы реализовался, он такой. А так, видимо остыл, – закончила объяснение Жанна, чем мгновенно разбила все предположения Максима. – А почему ты спросил: следили ли за тобой после спектакля или нет?

– Что-то я совсем запутался... – на Максима вдруг нахлынуло чувство такой бесконечной благодарности, что он готов был сделать для Жанны всё, что бы она ни попросила. Он собрался было уже озвучить это, но не решился, боясь захлебнуться в эмоциях, и только снова тихо проговорил: – Спасибо.

– Ты уже сказал, – мягко отозвалась Жанна. – Кстати, как это ни прискорбно, но, боюсь, Шнайдер узнает о твоём посещении...

– Вот это я тоже не пойму. Ты говоришь, что он неприятный тип, а сама... или я что-то не то говорю? Ты с ним...

– У меня с ним нет ничего общего, – отрезала Жанна, – несмотря на то, что этого общего он очень настойчиво добивается.

– Так, почему?

– По условию контракта я должна появляться с ним на публике до конца этого года.

Максим опешил.

– Да. Он влил в продюсерский центр, и конкретно в меня большую сумму денег. Уж не знаю, где он их взял. Не думаю, чтобы его папаша согласился на такое... извращение. Я не знала его тогда. Слышала только. И не увидела в этом ничего

предосудительного. В среднем один раз в неделю я должна показываться с ним на людях. Не учла я только одного. Помимо контракта есть ещё обычные прихоти. И, несмотря на ограниченное общение, согласно контракту, Шнайдер хочет добиться от меня гораздо большего. Вероятно, можно было вписать в контракт множество ограничений, но, ведь, никто этого не сделал, а Томас юрист, у него своя фирма с кучей юристов и вряд ли мне удастся что либо доказать. К тому же, он умудрился заслужить расположение отца. Ну, ладно. Одним словом, со всех сторон преграды. Держа его на расстоянии, мне всё же приходится идти на некоторые уступки.

Максим вопросительно посмотрел на Жанну.

– Нет, до этого, думаю, дело не дойдет. – Жанна рассмеялась. – Шнайдер, хоть и порядочная сволочь, но не полный болван, и думаю, постарается не перебраться через край. Хотя, от него всего можно ожидать.

– До конца года, – повторил Максим. – А зачем ему это, для имиджа?

– Судя по всему, да. Жаль нельзя провести социологическое исследование: изменится ли рейтинг Шнайдера, если вы больше не будете видеть его с Жанной Роллан.

– Бред какой-то, – возмутился Максим, – а твой рейтинг зависит от этого?

– Как не печально, но да. Во всяком случае, так говорят. Почему-то тот факт, что я дочь своего отца и внука своего деда не так влияет на нынешнюю популярность, как связь с

членом партии «Наш Город», да ещё с сыном Главного прокурора.

– Ты в кольце силовых структур, – заметил Максим.

– И не говори. А ведь ещё и искусством заниматься приходится.

– А почему мне может угрожать опасность со стороны Шнайдера? Все, кто перекинулся с тобой парой фраз, оказываются под угрозой?

– Кто его знает, – усмехнулась Жанна. – Мне кажется, он очень сильно тебя невзлюбил с бала. Именно тебя. Чем-то ты ему не понравился. Не часто я видела в его глазах такую ненависть, как тогда. Я виновата, конечно. Я, разумеется, могу иметь дело с кем угодно. И вообще, могу делать всё, что хочу, с кем хочу, где и когда. Но, не всё так просто. А ты говоришь, звезда. В вышине, да в цепях. Ну, ничего, это закончится. Искусство-то, оно требует жертв.

– Неужели можно творить в полном смысле этого слова, чувствуя, сколь сильно ограничена твоя личная свобода?

– Ух, ты! А ты философ? – Жанна засмеялась. – Кстати, я обещала научить тебя танцевать...

– Я думал, это шутка, – попытался защититься Максим.

– Ничего подобного, вставай, – Жанна схватила его за руку.

– Жанна! – умоляюще простонал Максим. – Прямо тут и сейчас?

– Как ты сказал?

– Жанна, – смутившись, повторил Максим.

– Просто, я заметила, ты ещё ни разу не назвал меня по имени. Итак, приступим.

Жанна провела Максима через две комнаты в просторный зал, видимо, предназначенный для её репетиций, включила музыкальный центр и приступила к обучению. Как выяснилось через полчаса, Максим обладает слухом и чувством такта. И вообще, он прирожденный танцор!

Максим ощущал легкость. С момента его прихода прошло два часа. Он заметил это только, когда тяжело дыша, свалился на диван. Жанна выключила музыку.

– Как ты можешь ещё и петь при всём при этом? – поинтересовался Максим.

– Я фея! – воскликнула Жанна.

Максим восхищенно посмотрел на неё:

– Это точно.

Где-то хлопнула дверь.

– Отец пришёл, – сказала Жанна и встала. Максим последовал за ней.

– Это Максим, – представила она Максима отцу.

– Филипп, – сурово произнес Роллан, протягивая могучую руку.

Если бы Максим решил описать отца Жанны, то он ограничился бы одной только фразой: настоящий полковник.

– Вы работаете вместе? – спросил Роллан.

– Да, отчасти, – ответила Жанна, – мы репетировали.

Жанна не хотела, чтобы у отца возникли какие-либо вопросы. Он слишком оберегал свою дочь, и она решила не волновать его, давая ему повод что-либо заподозрить, даже, если подозревать было нечего. Максим понял это и, чтобы избежать новых вопросов, решил ретироваться, сообщив, что ему пора на встречу.

– Где встреча? – спросил вдруг Роллан.

«Ну, настоящий полковник «горбезопасности».

– Встреча? В библиотеке, – честно признался Максим.

Жанна прыснула. Отец этого не заметил и, не придав ответу Максима ровным счетом никакого, как тому показалось, значения, сказал:

– Удачи. В библиотеке.

– Спасибо. До свидания. Рад был познакомиться.

Максим направился к двери.

– Не обращай внимания. Ему всё всегда нужно знать. Вот, это мой домашний, это рабочий телефон. Позвони, хорошо? Ну, счастливо.

– Счастливо, – сказал Максим и вышел.

«Вот это я замутил! – думал Максим, идя в направлении калитки. – Какая же нелепая ситуация! Как же мне не везет-то с женщинами. То пусто, то деваться некуда? Так экстремально я ещё не попадал!»

В этот момент Максим заметил, что калитка открывается и на территорию входит мужчина, чья внешность показалась ему знакомой. Они встретились взглядами, и Максим ясно

разглядел злость и нетерпение в глазах незнакомца. «Что это с ним? – задался он вопросом, – какие у них злобные соседи. И кого-то мне напоминают». Пройдя мимо, он заметил, что незнакомец остановился и провожает его взглядом. Тут же он обратил внимание на охранника, который сидя в своей будке, поглядывал на проходящего мимо него Максима, не скрывая своего необъяснимого злорадства. Максим вышел за ограду и остановился. «Что им нужно, что такое происходит? – Он обернулся и увидел, что незнакомец продолжает смотреть ему вслед. – Чёрт возьми, так это же...»

Это был Томас Шнайдер.

Было уже шесть часов вечера. Максим поймал Акиру на выходе из библиотеки.

– Ты всё время там сидел? – спросил Максим.

– Да я не только там был. Ты представляешь, всё верно. Всё, что рассказывал Маркес о королевской крови, о выборах. Или о выборах он не говорил?.. Или я сам уже придумал, то есть не придумал, так и есть всё, это всё правда. – Акира был явно возбужден. – Если ты сможешь доказать свое участие к королевскому роду, тому королевскому роду, понимаешь. Лебедь! Ну, помнишь, помнишь, Маркес говорил?

– Ну, хорошо, хорошо, успокойся...

– Так вот, ты сможешь провериться на кубке и... ну, и всё. Если ты из этих, то всё в твоих руках. Ну, не всё, там много чего в твоих руках. В архиве базы данных есть, ты можешь

в них копаться, если хочешь, но есть специальные люди, которые за деньги могут раскопать твою родословную...

– Моей родословной тут точно нет...

– Да, не важно. Там столько всего интересного. Это не то, что статью, это целую диссертацию написать можно. Там короли, рыцари!.. Вот!

– Молодец.

– А не один я интересуюсь этим, между прочим. Я имею в виду, вот это всё королевское. И не только самими правилами, а уже и деталями, так сказать, практической стороной вопроса. Представляешь?

– Нет, Акира, не представляю, и не понимаю, о чём ты говоришь, – улыбаясь, ответил Максим. – Так ты закончил на сегодня?

– Да, ног ты послушай! Интересуются кубком!

– Замечательно!

– И не кто-нибудь а... Я его сразу не узнал. Ну, никак не ожидал увидеть его в библиотеке. Потом присмотрелся, вижу, точно, он.

– Да ты что? Кто?

– Ты не знаешь, наверное. Слышал, может уже, конечно... Так вот, как только я его заметил, стал посматривать, что он ищет в компьютере. Ну, действительно ведь, интересно, что такому человеку делать в библиотеке? Раз пройду мимо него, два. Не могу разглядеть.

– Что не можешь разглядеть?

– То, что он там смотрит.

– А зачем тебе?

– Как зачем? Ну, я же говорю, любопытно. Так-то незачем, конечно, но ведь... любопытно! – Акира засмеялся. – Вот, короче, так и не смог ничего увидеть. А ещё смотрю, народа не так много. Есть свободные компьютеры. Если кто ещё придёт, не будет ждать в очереди, сядет за свободный, а если этот уйдёт, я смогу сесть на его место и узнать, что он там искал.

– Акира! – Не выдержал Максим. – Я перестал тебя понимать.

– В общем, когда он ушёл, а я вижу, что никто за его компьютер не садится, потому что нет никого, свободно, ну, я говорил, я быстренько пересел на его место. Смотрю последние документы. И представляешь, вижу, что там то же, что и у меня. Все эти дела про королей и кубки. Вот чтобы это значило? Мне прямо срочно нужно статью писать, а то окажется, что уже неактуально! Или ещё чего. Вот, ну точно, смотрел вот прям... ну, то же самое. Какой он, а! Или он у меня хлеб отнять хочет?

– Да кто он-то? – окончательно запутался Максим.

– Да из политики, в том-то и дело. Политики, представляешь, серьезно заинтересовались моим проектом. Жулики!

– Твоим? – ухмыльнулся Максим.

– Да, моим. Я первый придумал об этом написать. Я не дам ему меня опередить.

– Хорошо, не дай ему, – согласился Максим.

– Не дам! – твёрдо заявил Акира.

– Серьёзный политик-то? – всё же поинтересовался Максим.

– Начинающий.

– Ну, тогда не страшно, – смеясь, заметил Максим.

– Ничего смешного. Если бы ты знал, кто это, то не смеялся бы.

– Ну, извини, если бы я знал, то точно бы не смеялся. Так кто это?

– Томас Шнайдер.

– Я считаю, игра стоит свеч, Лео. Придется поднапрячься с таким объёмом, но шанс нельзя упускать, пока продавец нас ждет. Только нас. Он так и сказал: если через неделю не решитесь, дам ход в другое русло.

– Другое русло... у него есть другое русло? Ты знаешь продавца? Ты представляешь, где будешь собирать сумму и как? Это наводящие вопросы.

– Пробить мы не смогли, но Князь его знает, он ручается за него. И просит всего тридцать тысяч комиссионных. Лео, мы так долго пытались выйти на этот рынок, а теперь ты хочешь заднюю включить?

– Я ещё ничего не включил. Ты не ответил о деньгах.

– Нам дают рассрочку...

– Кто?.. Стой, а почему Князь сам за это не возьмется? Тридцать тысяч! Дружеский подгон, что ли?

– Для него это не так много, а риск большой. Да он и без того часто дышит! Всего на себя не натянешь.

– Пургу ты гонишь, Вялый. Натянуть можно сколько угодно, тут что-то не так.

– Лео!

– Пол-лимона! Или для тебя это не деньги?

– На рынке в два раза больше. Мы в раз всех обойдем!

Леонардо Манчини сидел в кресле, отвернувшись от го-

стя, лицом к окну и курил. Вялый, один из его друзей, высокий, нескладный, ходил кругами возле стола. Леонардо слушал с ним в армии. Когда-то Вялый был совсем не вялым, – эта кличка у него появилась каких-то пять лет назад, – а высоким и сильным мужчиной. Но с годами он сильно изменился. Из него словно высосали все жизненные соки, а тело стало пригибать к земле.

– Чего трете? – В комнату вошел другой коллега Манчини, ещё один армейский друг, Ремон.

– Вялый всё мечтает о баронском титуле. «Героически» рвется к монополии, – пояснил Леонардо.

– Эта та тема с непонятным пайщиком? Что думаешь, Лео? Хотя я и не в курсе. Вялый, ты пайщика видел, кстати? Ты мне так и не сказал. Ты мне, вообще, ничего не сказал. Вы про меня забыли?

– Видел, само собой. Нормальный мужик. Конкретный.

– А в чём «затык»? В чём тема, вообще? – Ремон уселся на диван.

Леонардо кивнул в сторону Вялого.

– Короче, – начал тот, – предлагается купить пятьсот килограмм героина, одной партией. Всё привозят, всё тут же берем. Цена – тысяча за кило. Пятьсот тысяч ровно, плюс тридцать тысяч Князю. На выходе бешеные бабки! И это если сбывать будем по оптовым ценам. У нас и сети-то налаженной нет для этого, но если...

– Ты в это веришь? – перебил его Ремон. – Сколько време-

ни ты будешь эти полтонны сбывать? Кому? Цена, конечно, интересная, хотя не такая сладкая, чтоб рвать на себе рубаху. Да и с наркотой я не дружу, Лео, ты знаешь. Как и ты, кстати. Такую цену можно предложить только в том случае, если ты увёл эти полтонны у кого-то, и хочешь потеряться. Вроде и не «крупняк» по опту, но всё тип-топ. Не покатит, Вялый. Моё мнение – подстава. А если мужик конкретный, чего он так сливает? И откуда ты собираешься вытащить деньги? Наличными, я так понимаю?

– Рассрочка, Ремонт, рассрочка.

– Не смейся, Вялый...

– Кто продавец? – повторял Леонардо. – И почему он не хочет заниматься сам, и почему Князь не хочет...

– Да подождите, вы!.. – Вялый терял терпение. – Про Князя... так. Продавец не будет дергаться сам. Он, вообще, не в теме. У него товар и всё. Что? Откуда? Хрен знает... Есть и есть! Князь ручается за него, – оправдался Вялый.

– За кого? – Змей начинал терять терпения.

– Добрый Князь, – вставил Ремонт. – Зачем ему эти тридцать тысяч? Он столько метет с наркоты!

– Зачем нам наркота? – спросил Леонардо и задумался.

– Да, зачем нам самим наркота? – поддержал Ремонт.

– Твою мать, условия существования давят, – проговорил Леонардо. – Всего, конечно не охватишь, но... пока до легального «крупняка» «доканаешь», столько со дна подчистить нужно, вы понимаете. А дурь, пожалуй, единственный

не початый нами край. Если верить легавой прессе, общий чистяк с оборота за год – под сто миллионов. Ну, со всего Города. Я вот долго думал, чего же нам не хватает? Слышали, поделили сферы по поясам? Мы, вот, в третьем поясе. Я прикинул, над нами ещё порядка пятнадцати фирм. Князь, кстати, по моим прикидкам, входит в пятерку лидеров. Дурь – один из основных его коньков. Наркоту крутит с десятка два контор, и из них три кита, включая Князя, наверняка половину пилят. Поделите между ними бабки. Заманчиво? Вот я и не втыкаю, какого хрена он нам такую ягодку скидывает. Встречусь я с ним. Не чисто тут.

– А что?.. – начал Вялый.

– Не гони, Вялый, – остановил его Манчини. – Тема новая для нас. У него хотя бы имя-то есть, у продавца?

– Он не назывался.

– Мощно, – отозвался Ремон. – Кстати, я вот вспоминаю, Змей, когда в последний раз на встрече фирм ты выразил свое желание войти в этот бизнес, никто с распростертыми объятьями к тебе не бросился. Нам же предложили присмотреться пока, не больше. Только присмотреться! А тут некто сам выходит на нас, да ещё через Князя. Почему? А почему ты не встретишься с Князем? – спросил Ремон Леонардо.

– Вот сейчас и встречусь. Вялый только что цифры принес.

– Что мне из вас всё вытягивать приходится? – возмутился Ремон.

– Так, лады, Ремон, раз ты такой недовольный, ты и устрой мне встречу с Князем.

– Знаешь, что, Рыжий, я поэт, а не продавец, и не уголовник.

– Джон, я всё возьму на себя!

– Что ты имеешь в виду?

– Всё делать буду я, ты только денег дай.

– Отлично! – воскликнул Купер, – ты хочешь сделать из меня преступника, причем сначала собираешься меня ограбить.

– Джон, копейки.

– Сколько?

– Поверь, за порошок это...

– Ё-моё, не ори!

– Не вопрос. Я тебе напишу – это даром!

– Даром... ну, ты Рыжий...

– Наварим в десятки раз больше, – не унимался Рыжий, – ну, за такие деньги стоит рискнуть. Я же не предлагаю тебе убить кого-то, или банк ограбить. Это такой же бизнес, как, там, сигареты.

– Да? Сигареты разрешены законом, а героин – это статья.

– Джонни, с каких это пор, ты стал уважать закон? А как же, выходом из-под контроля, мы разрушим все ваши стены? Мы вам не подчиняемся. Нас тошнит от вашей морали. А?

– Если от их морали меня и тошнит, то это ещё не означа-

ет, что у меня нет своих понятий о морали. Всему есть предел!

– И какие же у тебя понятия?

– Да по мне лучше убивать, чем торговать! Хотя торговать героином – это совмещать эти два удовольствия.

– Ну вот, закрой глаза на торговлю и просто убивай, – предложил Рыжий.

– Зачем? – удивился Купер.

– Ну, ты же сам сказал, что лучше убивать, чем торговать. Будем считать, что я торгую, а ты убиваешь, а вырученные деньги поделим.

– Это ты так шутишь, или ты просто дурак?

– Джонни. Хорошо. Просто, дай денег.

– Слушай, Рыжий. Мы вместе с тобой ездили на встречу с этим придурком. Ты мне, кстати, говорил о траве, и о траве в разумных количествах, то есть, для своих.

– Ну, естественно, иначе бы ты не поехал. А так, увидел, что человек он серьезный, а значит и тот, на кого он работает, тоже серьез...

– Рыжий, скажи честно, ты ширяешься?

– Нет. Да отвечаю, что нет. На, смотри! – Он показал Куперу вены на руках.

– Ты несешь полную дурь. Серьезный. Ты его знаешь? Нет. Этот серьезный в обмен на деньги всучит тебе дурь с «ксивой», тогда посмотришь. Да кем угодно он может быть. Ты откуда его вытащил, он сам к тебе подкатил? Почуял бра-

та по разуму? Не слышал о том, где обычно прячут бесплатный сыр? Так вот, я ездил с тобой, а значит светился. А я не хочу иметь к этому никакого отношения.

– Ну, ты же можешь дать мне денег? В долг. Верну с процентами. Чёрт с тобой, ты же звезда у нас, а для меня это шанс! – жалобным голосом простонал Рыжий.

Купер посмотрел на Рыжего. Тот показался ему ничтожным, маленьким червячком, с трудом, удерживающимся на земле. Ему стало его жалко.

– Ладно. Черт с тобой. Послезавтра дам. Но, я про это ничего не знаю.

– Спасибо, Джонни, ты настоящий друг.

Когда Рыжий ушел, Джон задумался о том, чтобы он мог совершить, на что бы он смог пойти, будучи никем и не имея ничего, ради того, чтобы не то что кем-то стать, а хотя бы что-то получить.

«...в ближайшие месяцы ожидаются крупные сделки, будут раскидываться крупные партии наркотиков, при этом, как отвлекающие манёвры, будут использоваться, практически, в открытую, мелкие перепродажи по всему городу. Все должны быть начеку...» – Симба в который раз вспоминал совещание у начальника отдела. О появлении нового игрока, или игроков, на рынке наркотиков впервые ему сообщили неделю назад. То, что кто-то хаотично предлагает товар по сказочно низким ценам, было единственным, что смогли до-

нести до него его осведомители. Ни одной сделки отследить не удалось. Были ли они, вообще, не ясно. Отвлекающий манёвр? Что от чего отвлекает? Симба попытался выяснить более подробно у начальника, но тот, к его удивлению, не смог ничего добавить, сославшись на распоряжение сверху. Причем под верхом подразумевалось не вышестоящее начальство Департамента полиции, а отдел по борьбе с наркотиками Министерства Городской Безопасности, который, по его мнению, представлял собой перевалочную базу документов и имел всего лишь некий формальный статус. Тем не менее, откуда-то они добыли информацию. В какой-то момент ему захотелось приступить к решению поставленной задачи путем выяснения источника имеющихся данных, то есть, начать копать с министерства. Но, вскоре, спохватился, вспомнив о своем возрасте, о скорой пенсии и Розе.

Симба уже собрался покинуть свой рабочий кабинет, как к нему вбежал один из его подчиненных офицеров, весь день прошедший в поле – встречался с осведомителями по всему городу.

– Наконец хоть что-то! – воскликнул он, – где-то килограмм порошка в трех точках через неделю. Точной даты нет. Боюсь, оформят одновременный слив, хотя есть подозрение, что продавец один.

– Что за точки? – спросил Симба.

– Значит так. Пока конкретной договоренности о месте нет. Но предположительно так: первая – «автовокзал – за-

пад», вторая – клуб «Бомба», третья – гаражный комплекс на улице Энергетиков. Где сколько выяснить не удалось.

– Не густо. И никакого намека на что-то осязаемое?

– Никакого. Хотя есть намёк на то, кто за этим стоит. Благодаря этому можно предположить, что это «осязаемое» совсем рядом. Ничего внятного мой человек сказать на этот счёт не смог, но судя по тому, как он был напуган, слух, который до него дошёл, думаю, не следует оставлять без внимания.

Симба подошел к карте города, висевшей на стене.

– Растянуто по всему городу... А под «китами» шевеления нет?

– Тишина. С Князем вот ситуация не выяснена до конца. Как вы знаете, активности он давно не проявлял, больше, чем когда-либо. Так вот, поговаривают, что он мог просто сменить поставщиков. Каналы не пробиты. И слить всё оптом.

– Думаешь, он имеет отношение к этой распродаже?

– Возможно. Кто-кто, а он-то не станет спокойно смотреть, как кто-то сбивает ценник.

– Да уж. Возможно, ты прав. Усильте наблюдение. Так что ты говорил о слухах? Кто за этим стоит?

– Я, конечно, понимаю, что серьёзно это воспринимать не стоит, но что-то это должно означать. Я только передаю.

– Ну, говори. Кто?

Лицо офицера приняло хитрый и в то же время виноватый

вид. Он смущенно улыбнулся и сказал:

– Дракон.

– Кстати, вчера было одиннадцать лет со дня смерти Цоя, это по нашему старому летоисчислению, и двадцать два по нынешнему, – сказал Максим.

– Ты помнишь такие даты? – удивилась Рита.

– Иногда. Как прошёл день, даже два?

– Училась. Звонила Сандра только что, предлагает завтра погулять по набережной.

– С твоими поклонниками? – не сдержался Максим.

– Ха-ха. Не знаю. Пойдём с нами. Я Саре ещё предложу. Познакомишься со всеми. Думаю, неплохо иметь много знакомых на новом месте.

– Хорошо, завтра видно будет, – серьезно отозвался на предложение Максим. – А у меня что-то не совсем удачный день. Даже два. Ничего стоящего выяснить не удалось. Белоснежку найти не получилось. Не знаю, если только теперь караулить её у подъезда круглыми сутками.

Позавчера, в среду, сразу после встречи с Акирой, Максим позвонил домой Белоснежке, но никто не взял трубку. Тогда они вместе отправились к ней. Дверь им также никто не открыл. На вопросы Максима относительно Аманды-Белоснежки, консьержка ответила, что не видела её, но, поскольку, опять же, непрерывно она не смотрит за входящими в подъезд, то могла её и пропустить. Тут Максим решил

её подкупить. Он сообщил ей, что влюбился в Аманду, но они поссорились, и она скрывается от него, не давая о себе знать. А так как они познакомились совсем недавно и он, вообще, её плохо знает, то не представляет, где её искать и что делать. Поверила консьержка в то, что сердце Максима разбито, или ей не было до этого никакого дела, но она взяла у Максима деньги, которые он, слегка смущаясь, предложил ей, и пообещала пошпионить, и, если что, позвонить по номеру, данному ей Максимом и оставить сообщение. Максим обязался периодически навещать её. Кроме того, консьержка по его просьбе дала ему координаты хозяина квартиры, взяв с него обещание, не выдавать её. Сегодня весь день он сам просидел в засаде около дома Белоснежки, но безрезультатно.

– Или рискнуть, и отправиться на свидание на Триумфальную площадь? – вдруг спросил у Риты Максим. – Мой день завтра.

– Мне кажется, ты разбрасываешься, – заметила Маргарита. – Как я поняла, ты решил начать с Белоснежки? Или одно другому не мешает?

– Меня душит любопытство, – признался Максим.

– А что у тебя за газеты? – Рита только что обратила внимание на кипу бумаги, которую Максим держал в руках.

– Это? – Максим спохватился, он совсем не собирался выдавать своих намерений Рите. К тому же, продиктованы они были её действиями, связанными с работой в больнице

и учебой.

– «Вам нужна работа?», «Найди свое место», «Работа», – начала читать Рита названия газет, которые пришлось ей показать.

– Я ищу работу. Собираюсь искать. Не тебе же только...
– Максим сбился.

Маргарита улыбнулась.

– Кстати, ты в курсе, что с нашими карточками гостевыми? – спросил Максим.

– Да, как выходишь на работу, они аннулируются, но ты можешь половину забрать из того что осталось. А это много.

– Да, так я и хочу сделать. Более того. – Максим решил объявить Рите о своем намерении совершить следующий подвиг. – Я, как только найду работу, сниму все деньги, положу их в банк, и не буду трогать их до...

– До чего?

– До того, как появится какая-нибудь форс-мажорная ситуация или ещё что. В общем, я решил действовать, как японский школьник.

– Это как?

– Искать себе трудности, чтобы преодолевать их.

– А японские школьники так действуют?

– Не знаю, но мне выражение нравится.

– А зачем это всё?

– Трудности закаляют характер. Вызов-ответ, как стимул развития цивилизаций.

– Что?

– В общем...

– Максим, ты как ребенок, честное слово.

– Да? Ну и ладно. А когда вы завтра гулять собрались?

– В семь в парке встречаемся.

– Может, подойду.

– Максим, ты что, обиделся? – смеясь, спросила Рита.

– Нет, ну что ты. Пойду, подготовлюсь к прогулке. Спокойной ночи.

Максим вышел. Маргарита посмотрела на закрывшуюся и дверь и улыбнулась, покачивая головой.

«Если я позвоню хозяину квартиры, он меня пошлет с расспросами о Белоснежке, даже если поверит в то, что я её муж. Если позвонить и сказать, что я хочу снять квартиру, а окажется, что она занята, а я знаком с Амандой и договорился с ней, что сниму её вместо неё, и хочу посмотреть квартиру сейчас, а заодно и копию её паспорта... Бред! Что же делать? В наглую потребовать всё, что нужно? Вариант. А если не прокатит?»

– Решительность! Вот чего тебе не хватает!

Максим вздрогнул, выронив тлеющую сигарету, которая плавно полетела к подножью скалы. Он обернулся. Рядом с ним на балконе стоял Брат.

– Давно тебя не было видно. Неужели хочешь поучаствовать?

– Ни в коем случае. В свой детектив играй сам. Только не заиграйся. Натура ты чересчур увлекающаяся, не лишённая склонности к прожектерству. Если уж решил двигаться, двигайся и не трать времени на лишние размышления. Много думать – не всегда полезно.

– И что?..

– Я всё сказал.

Максим вошёл в комнату. Тут же обернулся назад, традиционно не удивился тому, что Брата уже нет, и сел в кресло, взяв в руки телефон. Вынул из ящика листок с номерами телефонов и положил перед собой. Мгновение подумав, он набрал номер на телефоне и поднес трубку уху.

– Алло. Добрый день. Вас беспокоят из полиции нравов. Некая Аманда Хаксли снимает квартиру, принадлежащую вам. Нам необходима о ней вся информация, которой вы обладаете.

– Прокатило, – облегченно вздохнул Максим по окончании беседы.

Хозяин квартиры, судя по голосу довольно-таки пожилой мужчина, был напуган, услышав слово «полиция» и, не задавая Максиму лишних вопросов, выложил всё, что было ему известно. При договоре об аренде девушка не торговалась и сразу же заплатила сумму за три месяца. Договор оформлен по всем правилам через агентство недвижимости. Живет она тут с пятнадцатого июля. Видел он её только один раз, в момент подписания договора, пятнадцатого числа, в

присутствии представителя агентства. Произвела она на него благоприятное впечатление, вопросов он ей не задавал никаких. Кроме адреса, указанного в паспорте, полезной информации больше не было. «По тому адресу она могла уже не жить много лет. Кроме того, паспорт, вообще, мог оказаться не её. Въехала она за две недели до моего появления в городе, – думал Максим. – Где же тебя искать, Холли Берри?..»

Через два часа Максим договорился встретиться с хозяином на самой квартире и осмотреть её. Максим приехал заранее и предупредил консьержку, не забыв при этом отблагодарить её материально.

– Вас тут из полиции дожидаются! – обратилась она к хозяину квартиры, когда тот появился. Этот номер Максим решил разыграть в надежде на то, что документов у него не спросят, подумав, что их уже видела страж подъезда. Шутка удалась.

Квартира была пуста. Вещей, принадлежащих Аманде, или ещё кому, как заявил хозяин, тут не было. Единственное, что напоминало о недавнем присутствии, это продукты, оставленные в холодильнике и початая бутылка виски.

– А ведь тут не всё ваше? – вдруг спросил Максим, указывая на картину.

– Ах, да, вы правы, я и не заметил! – оправдался хозяин.

Максим, не скрывая удивления, «как она могла забыть?», подошёл и снял картину со стены.

– Вы не возражаете?

Хозяин не возражал. Максим тщательно осмотрел все углы в комнате, но ничего, что могло бы привлечь его внимание, не обнаружил.

Уже подходя к отелю с картиной под мышкой, он, к своему неудовольствию, смешанному с любопытством, ощутил на себе чей-то взгляд. На этот раз, любопытство было сразу же удовлетворено. К Максиму подошёл мужчина, довольно-таки крупных размеров и тоном, не вызывающим желания возразить, сообщил, что кое-кто хочет поговорить с ним прямо сейчас. И указал на карету, стоящую неподалеку. Максим направился к ней, подойдя, осторожно открыл дверцу, залез внутрь, сел и увидел перед собой уже знакомое лицо и знакомый недобрый взгляд. Рот у лица задержавшись, открылся и, еле сдерживая гнев, заговорил:

– Что вам нужно от Жанны Роллан?

– Она учит меня танцевать, – вдруг нашёл в себе смелость Максим.

– Настоятельно рекомендую вам найти себя другого учителя. – Томас Шнайдер старался держать себя в руках.

– Меня вполне устраивает мой, – смелел Максим.

– Я прошу найти себе другого учителя, – повторил Шнайдер.

– Извините меня, но какое ваше дело? – Вконец осмелел Максим.

– Не стану углубляться в детали. У меня на эту особу ви-

ды, и ваше присутствие где-либо в зоне её видимости мне нежелательно.

– Зато, этой особе моё присутствие не причиняет никаких неудобств. Почему я должен слушать вас, а не эту особу?

– А что она вам говорила?

– По поводу?

– Она что-то вам обещала?

– Что вы! О чем вы? Разве такая женщина должна что-то обещать мужчине? Думаю, она вольна делать с ним всё, что ей заблагорассудится. Кем бы он ни был.

– На что вы намекаете?

– Я ни на что не намекаю. Мне нет никакого дела ни до того, кто вы, ни до вашей иерархии. Ни до ваших видов.

– Насколько я помню, вы гость, а гостю нужно и честь знать.

– Ну, а насколько я могу предполагать, это не вам решать, опять-таки, кем бы вы ни были. Я, прошу прощения, не пойму, вы всех поклонников Жанны осчастлививаете своим посещением, или только мне так повезло?

– Я не видел ни одного из её поклонников у неё в покоях.

– А что вы подразумеваете под покоями? Мне кажется, вам следует усмирить свою фантазию. Покои дамы, с которой вы не связаны узами брака, не должны вас касаться никоим образом. Если, конечно, вы не желаете скомпрометировать эту даму.

– А мне кажется, вам следует усмирить вашу наглость.

– Вы хотите нанести этой даме оскорбление? Обвиняя меня в предосудительной связи с ней? В связи, которой, нет? А если бы мы находились в обществе?

– Наверное, вы плохо осведомлены о том, кто я такой?

– Почему же. Мне известно, что вы сын генерального прокурора Города.

Сказанное, как Максим и предполагал, задело Шнайдера и он, ухмыльнувшись, зло произнес:

– Мне не обязательно быть чьим-то сыном, чтобы уверить вас в том, что мне не составит ни малейшего труда раздавить вас, как червяка.

– Я не стану отвечать на ваше заявление, но я учту его на будущее.

– Если вы не исполните мою просьбу, вам не придется думать о будущем.

– Так вы просто-напросто угрожаете мне?

– У меня нет надобности в угрозах. Я вас предупреждаю. Повторяю, оставьте Жанну Роллан в покое.

– Повторюсь в свою очередь и я. Вы неверно информированы. Насколько я могу судить, я не доставляю ей никакого беспокойства.

– Повторяю! – Шнайдер повысил голос, определенно выйдя из себя, – оставьте Жанну Роллан в покое! Если вы этого не сделаете, то пеняйте на себя.

– Я не намерен исполнять ваши прихоти. Это раз. Я буду делать, то, что я хочу или, что я считаю нужным. Это два. А

если с Жанной Роллан что-нибудь случится по вашей милости, то сами пеняйте на себя. Это три.

Максим резко дернул ручку дверцы и вышел из кареты. Он чувствовал, как сильно билось его сердце, и дрожали колени.

«Нужно узнать статистику убийств и их раскрываемость, – подумал Максим, зайдя к себе в номер. – Понесло меня. И что меня так задело? Мне нужна Роллан? Мне, вообще, кто-нибудь нужен?..»

Задав себе последний вопрос, Максим задумался: «Нужен ли мне кто? А если я кому-то нужен, нужно ли мне идти навстречу и что-либо предпринимать. Не помню, чтобы я был кому-то когда-то нужен».

– Да что за хрень? – крикнул Максим своему отражению. – Нужен – не нужен. Роллан! Жанна Роллан, которой я обязан! Разумеется, нужен. А если и нет, то всё равно, обязан, не дам же я этому монстру завладеть ею, вопреки её желанию. Мы всех победим! Я так хочу! Значит так должно! Ух, хорошо-то как!

Раздался телефонный звонок.

– Как дела? – раздался в трубке голос Акиры.

– Административный округ Ветренный. Слышал?

– Нет, а что?

– Судя по карте, далеко, на северо-западе. Это адрес Белоснежки, по паспорту.

– А как ты?..

– Потом расскажу. Что сегодня?

– Продолжаю копать королей. Знаешь, какая у меня идея?

– Лучше не говори.

– Я сейчас с Лалой встречаюсь. Хочешь, с нами гулять пойдем? Познакомлю.

– Не может быть! Ты меня официально представишь? Давай. Потом можем присоединиться ещё к одной компашке.

– Определенно, мы уже не в том возрасте, чтобы гулять таким массивом, – говорил Максим Маргарите, когда они возвращались домой.

Прогулка получилась скомканной. Так, во всяком случае, показалось Максиму. Сара, как и на Риту, произвела на него благоприятное впечатление. К Ренату он вспылал ревностью, равно как и тот к нему. Это было видно сразу, причем всем, что крайне не понравилось Максиму, старавшемуся всеми силами показать, что не питает к Рите ни малейшего интереса, в противовес Ренату, который всем своим существом старался угодить девушке. Кроме всего прочего Максим принял некоторые замечания Рената, как личные оскорбления, заметив про себя, что сегодня какой-то очень плодоносный на оскорбления день. Кроме этого Максим хоть и слабо, но помнил об их встрече в театре и оскорблении со стороны Рената, но в силу того, что он осознавал свое свинское поведение в тот вечер, он не знал, каким образом это можно вернуть, и решил рассчитаться с обидчи-

ком позже. Одним словом, Максим с Ренатом невзлюбили друг друга, и под конец прогулки держались друг с другом крайне холодно. Но Ренат, в отличие от Максима, чувствовал свое явное преимущество и вёл себя очень раскованно и уверенно. «Чёрт возьми! А в чём его преимущество? – думал Максим, – высокий. И всё. Ну, больше меня, наверное, сильнее. Но, мы же не в первобытном обществе. А что ещё-то? А может, и нет преимущества-то. Просто, у него получается его чувствовать, а у меня нет. Так, что тут у меня тут тупик... где там Брат?» Сандра с Риком не произвели на Максима никакого впечатления, обычные веселые «тусовые» ребята. Лала понравилась всем! Эта красивая девочка обещала вскоре стать потрясающей женщиной. «Ну и смешно же будет Акира рядом с ней смотреться!»

– Ветренный? – полюбопытствовала Сара у Максима, когда тот что-то обсуждал с Акирой. Периодически, во время прогулки, кто-то из посвященных в тайны Максима с Маргаритой, обычно парой, отделялся и беседовал между собой.

– Ветренный, – подтвердил Максим, – название населенного пункта, где-то на западе, или севере, нет, на северо-западе.

– А я знаю. Ветренный, правильно, Кальман? – спросила Сара, подтягивая Кальмана к себе.

– Ты о чём, дорогая?

– Валдис разве не там служит? Военная часть там. Ну, точно, Ветренный.

– Да, да. Если это тот, этих Ветренных, может, с десятков, –

усомнился Кальман, – а что? Ах да, ваши дела...

На этот раз Сара осталась с Максимом, и тот рассказал ей о полученном адресе Белоснежки. Кстати, для Риты это тоже было новостью.

– Ну, ты и жулик! – восхищенно отметила Сара.

– А кто такой Валдис? – спросил Максим.

Маргарита вздрогнула.

Субботнее утро Максим начал с того, что включил телевизор. Диктор программы новостей сообщал, сколько дней осталось до выборов президента Города. Перечислил тех, кто будет в них участвовать. Кроме действующего президента, оказывается, было еще пять кандидатов от разных партий, среди которых лидер коммунистической партии Города, Диего Санчес, по результатам предварительного, пробного телефонного голосования, проводимого каналом на этой неделе, занял первое место, набрав сорок процентов голосов, против тридцати восьми действующего президента.

– Сорок! Крепкий мужик! – отметил Максим. – Как у них тут все запущено. Красные в городе! Вот как, видно, достали-то всех буржуи. Не только у нас грустят по былым временам. Диего Санчес. Прямо, команданте...

Князь не любил городскую суету, поэтому жил на окраине Центрального округа, в зеленой зоне. Жил он в огромном трехэтажном особняке, похожем на дворец, окруженном не иначе как крепостной стеной.

– Кстати, когда-то он плотно сидел на недвижимости, – сказал Леонардо Манчини, собираясь выходить из машины, – может это как-то связано с его страстью к архитектуре. Или он узнал о моей юношеской страсти к ней? Ха-ха.

Сколько у него всего домов, интересно?

– У него гости, – заметил Ремон, обратив внимание Леонардо на большой автомобиль представительского класса и два внедорожника, окружившие его сзади и спереди. – Кто-то серьезный.

– Сейчас узнаем.

Ворота открылись, и из них быстрой походкой в сопровождении двух охранников вышел высокий крупный мужчина средних лет с волевым, мужественным лицом. Они быстро расселись по машинам, и кортеж тронулся.

– Ну, я об этом уже как-то слышал, был слух, – невозмутимо произнес Манчини.

– Я не понял. А кто это был? Кого-то напоминает, – поинтересовался Ремон.

– Диего Санчес, – доложил Леонардо.

– Ух, ты! А князь-то с пролетариатом, – заключил Ремон. – Насколько же они оба в себе уверены, что не боятся вот так, открыто.

– Я уже немолод, Лео, мне за семьдесят. И врачи не сулят ничего хорошего. Всё, чего я хочу – это мира Городу и добра его людям. Заметь, себе я уже ничего не требую. – Князь сидел в кресле-качалке и смотрел на Манчини поверх очков. – Думаю, ты узнал того, кто сейчас от меня вышел? Нынешняя власть не оправдала моих надежд, несмотря на то, что большую часть своего состояния я приобрел благодаря её рефор-

мам. Я хочу позаботиться о народе. Городу нужен порядок, а эти рвачи думают только о себе. Не думай только о себе, Лео.

– Знаешь, Князь, я тоже не мальчик и тоже не имею ничего против того, чтобы в Городе царил мир и спокойствие, а люди были сыты и довольны жизнью, но хочу я на это смотреть сытыми и довольными глазами.

– Я разгадал твою иронию, Змей. Но, поверь мне, имей то, что ты имеешь сейчас, тебе более, чем достаточно, для того чтобы чувствовать себя независимым от всех. Или твой бизнес дал течь?

– Ну, ты же не остановился на обломе строительных подрядов в свое время.

– После того, как я пошёл в гору, взяв на себя много дел, моя душа не имела покоя, несмотря на то, что тело уже давно было пресыщено. Ты молод, ты ещё очень молод, по сравнению со мной. Тебе сколько, сорок, пятьдесят?

– Где-то между.

– Ну вот. Зачем тебе наркотики? Грязный бизнес.

– Поэтому ты решил слить нам поставщика? Уходишь от дел в политику?

– Вы хотели войти, я по-дружески открыл дверь. Но, я не настаиваю. Более того, я предостерегаю тебя, как ты заметил. Да, деньги большие. Безумные. Но и риск. А ответственность? Подумай о детях. Тебя будут мучить их загубленные души. Если решил, не буду мешать. Мое предложение в силе. Тридцать тысяч. Эта число Иуды. Не спрашивай, к чему

мне это. Каприз старика.

– Что за люди?

– Ты умеешь читать между строк, Змей? Умеешь, не зря же ты Змей. С запада. Понимаешь, о чём я? Я им верю. Им нельзя не верить. Не боишься связываться с ними? Я чувствую в них огромную силу. Не могу объяснить почему, но это так. Я боюсь именно их силы, боюсь, что мне придется сдаться. А это значит пустить свою жизнь под откос. Отказаться от всего, что мне пришлось сделать за эту жизнь. Переместиться ниже, много ниже. Моё чувство достоинства не позволяет, а сил для борьбы уже не накопить. Нет, доживу я остаток дней своих Князем. А ты, если хочешь, принимай их.

– Как я могу с ними встретиться?

– Твой друг видел его. Он оценил его. Тебе этого недостаточно? Ты ему не доверяешь?

– Я привык сам оценивать.

– Извини, я могу только передать им твои пожелания. Если не хочешь иметь с ними дело без предварительной встречи, не надо. Дело твое. Он пришёл ко мне, я позвал твоего друга, как он и просил. Мы обо всём договорились.

– О чём вы договорились?

– Мы остановились на том, что я подумаю. Если что надумаю, сообщу. Я надумал не рисковать и предложить вам. Это я уже решил до его прихода, поэтому и позвал твоего человека. Хотел, чтобы он его увидел и убедился в том, что всё имеет место быть. Сейчас мне осталось только сообщить

ему, готов ли покупатель. Для него не имеет значения, кто это будет. Раз он сказал, что встречаться больше не будет, значит, не будет. Он ждет сообщения о дне сделки, в ответ на что, сообщит время и место. Они не боятся, что их могут «прокинуть». Они, вообще, ничего не боятся. Срок до 24 августа, это следующая пятница. Потом его не найдешь, он, возможно, найдет другой канал. Откуда я их знаю, открывать не буду. Так что, решай, принимать их или нет.

– Их? Кто это, они?

Князь, помолчав мгновение, ответил:

– Дракон.

Леонардо невозмутимо смотрел на Князя, пытаясь понять, что тот хочет до него донести. И, ему показалось, он понял.

– Дракон? – переспросил он.

– Дракон.

– Что он сказал? – спросил Ремон Манчини, когда они отъезжали от особняка.

– Блефовал, старый черт.

– Что он хочет? – спросил спереди водитель через десять минут езды.

Перед их автомобилем вырос огромный внедорожник и сигналил фарами, призывая остановиться.

– Спокойно, – сказал Лео и обернулся назад, – наши бойцы с нами. Всё в порядке. Тормози.

Машины остановились. Из автомобиля, следовавшего за Манчини, выбежали его ребята и встали вокруг внедорожника. Тем временем из него вышел молодой человек в белом плаще и, подняв руки, направился к Леонардо. Тот, увидев это, в свою очередь вышел из машины.

– Слон хочет с вами переговорить. Прямо сейчас, – подойдя к Леонардо, доложил молодой человек. Манчини внимательно посмотрел ему в глаза, перевел взгляд на автомобиль и тихо произнес:

– Показывай дорогу.

В тех поясах, о которых говорил Леонардо, рассуждая об иерархии криминального мира, Слон находился в первом. Он не просто в нем находился, он представлял его собой. Он был королем этого мира. Номером один.

– Я уже стар, Змей. Мне под восемьдесят. У меня три личных врача. Не совру, если скажу, что они лучшие врачи в городе. Они не обещают мне долгую жизнь. Да и не хочу я уже. Устал. Мой отец дожил до восьмидесяти семи лет. Последние тридцать лет мы с ним не разговаривали. Я не уверен, что ему было, что мне сказать, даже если бы мы встретились специально ради этого. Он всю жизнь проработал слесарем на заводе, а остаток дней, не такой уж и маленький, провел на пенсии, играя в домино. О чём он мог со мной говорить? У меня было всё, у него ничего. Он не просто не радовался за успехи своего сына, он завидовал мне. Разве может отец

завидовать своему сыну? Разве может отец не гордиться своим сыном, если тот пошёл дальше него? Я считаю, мне много, что есть сказать своему сыну. Поэтому, я не боюсь умереть. Я не зря топтал эту землю. Мой сын уже принял все мои дела и, думаю, он будет достойным наследником. Ведь, ты уважаешь меня, Змей?

– Конечно. Достичь ваших высот мечтает каждый.

– Не нужно достигать моих высот. Не нужно достигать, вообще, никаких высот. Нужно прожить жизнь так, чтобы пред смертью было, что сказать своему сыну. Я не корю отца за то, что он всю жизнь проработал слесарем, а потом играл в домино. Я упрекаю его только в том, что он не знал, зачем он это делает. Я хочу, чтобы моего сына ты тоже уважал. В Городе неспокойно. И беспокойство началось в той сфере, куда ты решил вступить. Да, да, я всё знаю. Я всегда всё знаю, иначе бы я не дожил до своих лет. У тебя есть хватка, Змей. Ты победитель. Надеюсь, ты знаешь, что ты делаешь, и знаешь, что нужно делать. Главное, я надеюсь, ты знаешь, чего делать не нужно. С миром нужно жить в мире. Правительства приходят и уходят, а мы остаёмся. Нам приходится приспособливаться к каждой новой власти. Или её приспособливать. Тут, кто раньше запряжет. Но против механизма их власти мы слабы. Любого механизма. Я существую на своем уровне, потому что умею видеть грань. Грань, разделяющую власть, обладая которой я чувствую себя независимым, и власть, обладая которой я сам становлюсь её рабом. Я хочу,

чтобы после меня оставалась гармония. Стабильность. Надеюсь, мой сын будет гарантом стабильности. Обещай, что поддержишь его.

– Обещаю, – сдержано произнес Лео.

– Думаю, вы с ним поймете друг друга. Так мало нынче надежных партнеров. Я знаю, все уважают тебя, ты многого успел добиться. Ты же справишься с хаосом, если он наступит? А ещё лучше, не допустить его. А там, в том бизнесе, куда ты собрался, ты человек новый. Никто не любит, когда появляется кто-то и хочет поучаствовать в получении подарков, уже распределенных. Мы никогда не против того, чтобы кто-то развивал бизнес, но, сам понимаешь, всем не угодишь, и необходимо привнести свой вклад в общее дело, чтобы на тебя не смотрели, как на чужака, жаждущего урвать чужое. Люди не любят делиться, даже когда сами не в состоянии все переварить. Чего-то, конечно, можно добиться от них только силой. Но я не хочу, чтобы кто-то из хороших людей пострадал. Я надеюсь на тебя. Не ссорься со всеми. Я всех люблю, кого-то больше, кого-то меньше. Больше я люблю тех, кто по праву занимает своё место, и не старается получить больше, если он этого не достоин, или ценой неудобства соседей. Этих я понимаю, но недолюбливаю из-за того, что они могут нарушить мир, который мне удалось заключить, конечно же, не без помощи и поддержки всех семей, всех вас. Очень хочу, чтобы так было и впредь. Я верю в своего сына. Я уже поговорил с ним. Он будет рад, если ты

продолжишь расти. Он доверяет тебе, и также любит и уважает тебя, как и я. Ты по праву занимаешь своё место. Некоторые же смотрят вперед и видят там только себя. Они со временем перестают заботиться о всеобщем благополучии и мире. Даже если впереди у них осталось не так уж и много времени. Смотри вперед правильно, Лео. Все знают о твоём желании расти. Все хотят расти, в принципе. Это повышает самооценку. Но, у большинства хватает благоразумия трезво оценивать свои силы. Благодороднее и уважительнее занимать своё место. Я уже говорил тебе. Прости Лео, если заговариваюсь. Прости старика. Некоторые видят только себя. А это значит, что они могут доставить неудобство соседям. Их я люблю меньше.

Слон сделал паузу. Посмотрел на часы.

– Мне пора делать укол.

Леонардо поднялся со стула и подошёл к старику для прощального рукопожатия.

– Надеюсь, у тебя всё получится. Только будь аккуратнее. Тебя, я люблю больше, – сказал тот, удерживая руку Манчини.

– Что было? – уже привычно поинтересовался Ремон, ожидавший Леонардо в машине.

Манчини достал сигарету, прикурил, прищурился, и, не глядя на Ремона, сказал:

– Дал добро на то, чтобы подвинуть Князя.

– Чего? У нас, значит какое место? И как мы так резво подпрыгнем? Не расшибемся? Ты уже знаешь, что делать?

– Из грязи в князи. Разберемся.

– Восемнадцатого августа в двенадцать часов дня Диего Санчес встречался с Артуром Фридманом, известным как Князь, в доме Фридмана. Прибытие и отъезд зафиксированы, как обычно. Есть одно обстоятельство, возможно не имеющее отношение к этой встрече. Тем не менее. Сразу же, после отъезда Санчеса, в тринадцать десять, к Фридману прибыл Леонардо Манчини, известный, как Змей, и пробыл там до тринадцати пятидесяти.

– Спасибо. Свободен. Змей? – Фернандо Коста задумался, отпустив докладчика. – Интересно. Князь решил взять партнера? Черт возьми. Что он задумал? А может, Змей не имеет к этому никакого отношения? Пора форсировать события. Две недели, максимум.

– Значит паспорт фальшивый, – уверенно произнес Акира.

– Да, но именем Аманда подписана картина, – задумчиво сказал Максим.

– Может, она специально подбирала такое же имя, чтобы не выдать себя случайно. Фамилия не совпадает, наверняка, – предположила Сара.

– А что Валдис узнал? – обратился к Саре Кальман, решивший вдруг принять участие в детективном развлечении.

– Проснулся, милый? Что он узнал? Он пошёл по адресу, который я ему написала, и спросил Аманду.

– Ну и?

– Ну и познакомился с Амандой.

– А как он объяснил, зачем она ему?

– Этого уж я не знаю. Он сообразительный. Придумал что-то. Я ему просто написала, что нужно проверить, не живет ли по этому адресу некая Аманда Хаксли, – внешность я ему описала со слов Максима, – и не жила ли она в Центре последний месяц. Под описание она не подходит, а в Центре, вообще, никогда не была.

– А ему как ты объяснила, зачем это всё нужно? – спросил Акира.

– Ой! – воскликнул Кальман. – У Сары уже давно не спра-

шивают, что и зачем нужно. Исполняют и всё. Ну что? Я же прав? – закончил он, виновато глядя на Сару.

– А ему можно верить? – спросил вдруг Максим.

– Да ну ты что, Максим? Мы с ним с детства знакомы. Или, ты думаешь... да ну тебя! – Сара рассмеялась. – Вон, у Риты спроси, она с ним знакома...

В субботу Сара написала Валдису письмо, в котором просила узнать об Аманде, а в среду от Валдиса пришёл ответ. Максиму уже рассказали, кто такой Валдис и что он делает в Ветреном. Возвращаясь вечером в отель с Ритой, Максим вдруг сказал:

– Знаешь, что? Мне кажется, всё закончилось.

– Не поняла, – отозвалась Рита.

– Эти письма, угрозы, слезки. Ничего не происходит. Зря мы этим занимаемся, видимо. Если что-то и было, то уже прошло. Может, нас с кем-то перепутали? А как поняли это, просто взяли и отстали. Канули. С концами. А мы? Неужели нас до сих пор ждут каждый вечер на Триумфальной площади?

– Это-то можно легко проверить. Завтра четный день, моя очередь, – улыбнувшись, произнесла Маргарита.

– Ну, уж нет. Я пойду.

– Ты уже один раз сходил, – заметила Рита.

– Давай забудем мою первую неделю в Городе... – Максим запнулся и тут же сменил тему: – Кстати, как у тебя с институтом?

– Не знаю ещё. Точно неизвестно, когда меня экзаменовать будут. Сейчас все из отпусков вернутся. Завтра пойду туда. Меня будут консультировать. А как у тебя с поисками работы?

– Как-то туго, – грустно сказал Максим. – Единственное, куда предложили пойти сразу, это на стройку разнорабочим. Опыт работы у меня туманный, никому ни о чём не говорящий... специальности толком нет никакой. Одним словом, я пустое место.

– Да ладно тебе. Всё у тебя получится.

– Пойду я, видно, на стройку. До конца недели поищу ещё. В пятницу встречу с кем-то там, и... посмотрим, в общем.

Иногда, если была такая возможность, Ян Гашек и Симба обедали вместе, в их излюбленном кафе. Кафе находилось в десяти минутах ходьбы от места работы Симбы, и в двадцати минутах от конторы Гашека. Десять минут, подаренные Гашеком Симбе, обозначали, как он выражался, степень его уважения к возрасту последнего.

– Думаю, началась война, – пояснил Симба Яну причину трех убийств, произошедших за последнюю ночь в разных концах города. – Все трое мелкие перекупщики «дури». Явных мотивов нет. Но в свете последней информации, это связано с падением цен. Один из них должен был встречаться сегодня с продавцом. За последние дни от наших информаторов мы получили сведения о том, что, начиная с середины

этой недели на рынок должно попасть около тонны героина.

– Сколько? – Гашек подавился сэндвичем. – И...

– Мы подняли все силы. Беда в том, что нам известно лишь о, – только не смейся, – пяти килограммах. Где остальное – одному Богу известно. Если они, вообще, есть, конечно. Сегодня четыре сделки, завтра четыре, в субботу три, в воскресенье, не помню уже. Потом...

– Работают без выходных? Ты думаешь, это кто-то один?

– Думаю, да, и кто-то совершенно незнакомый, иначе фирмы пресекли бы.

– Но, убийства...

– Это, без сомнения, сигнал к тому, что игрока не пускают. Убили тех, кого могли отсечь. Причем заметь, это исключительно перекупщики. Если уж они сами не могут выйти на продавцов, то, что делать нам?

– Нет-нет, нам «глухарей» не нужно. Разбейся тут, кто кого обидел, кто «замочил»! – смеясь, возмущался Ян. – Так что, давайте, работайте. Что на сегодня?

– Сегодня, я, пожалуй, сам поучаствую...

– Ты что?

– Надо разобраться, что к чему. А что делать? К тому же, людей не хватает.

– Я тебя одного не пущу. Возьми офицера из «убойного» отдела в подмогу.

– Знаешь, Ян, бойцов-то у меня хватает... с грамотными операми проблема.

– Ты хочешь меня обидеть, старый ты крокодил!

– Ян, информация секретная. Будь ты хоть моей тенью, я не имею права тебе о ней говорить. Мне до пенсии осталось совсем ничего, не хочу под конец по шее получать. И это в лучшем случае. Так что, извини.

– Мне кажется, ещё совсем недавно тебя это не сильно волновало. Тем более, ты мне уже сказал, что сегодня что-то будет. Так что, деваться некуда. Думаешь, я не соображу, как выяснить всё остальное? Ты обо мне такого невысокого мнения? Мы же в одном окопе, только на разных фронтах. Да не узнает никто! Обещаю!

– Да зачем тебе?

– Интересно! Ты же понимаешь...

– Ох, всё я понимаю... Женись ты уже, в конце концов!

– Колись, пенсионер!

Симба понял, что от Гашека ему не отделаться.

– Хорошо. Только, имей в виду, если меня лишат пенсии, то тебе придется содержать меня до самой смерти.

– Договорились! Остаётся надеяться на то, что она не за горами.

– Что у тебя за язык?..

– Прости! – Ян рассмеялся. – Я хотел сказать, что это для меня будет честью ухаживать за почётным гражданином. Рассказывай!

– Пойдем, пройдемся.

Они вышли из кафе.

– От информаторов мы знаем, что сегодня вечером, с восьми до двенадцати, должны произойти четыре сделки. В разных концах города. Думаю, четыре, это только, те, что нам известны. Сколько их на самом деле?..

– Извини, я тебя перебыю. А что в этом такого? Вы на каждую сделку так реагируете? Сам же сказал, мелочь.

– Понимаешь, цена, по которой сливают товар, сказочно низкая. Помнишь, я тебе рассказывал о совещании у начальника отдела? Там, где речь шла о массовых распродажах. Вот отсюда и такой подход серьёзный. Серьёзнее обычного. Из-за чего, ты думаешь, начали мочить скупщиков? На продавцов выйти не могут. Мы не можем. Откуда ноги растут – неизвестно. Ничего неизвестно.

– Так, а откуда информаторы «инфу» берут?

– Я тоже задумывался над этим. Да, берут-то, понятно, откуда – отовсюду... Подозрительно, что она есть, и в таких количествах. Будто кто-то намеренно пытается вести нас по следу, но так и не дает ухватить за конец. Итак, для себя я выбрал наибольшую сделку. Сто грамм героина. Ну, и к тому же, она ближе отсюда.

– Где это?

– Клуб «Бомба». Слышал?

– Конечно, слышал. Рок-клуб. Там и без твоих ста грамм наркоты достаточно. А ты в сам клуб решил заглянуть? Прикинешься старым рокером?

– Я снаружи подожду.

– Да? И как ты думаешь всё выяснить? Вообще, что-нибудь, кроме того, что там что-то будет, известно? Известно, кто покупатель?

– Известно.

– И кто это?

– Завсегдатай клуба. Всё, что о нём успели выяснить. Нигде не работает, ничем не занимается. Никогда раньше не попадался.

– И сам на игле?

– Возможно.

– Несерьёзно как-то это всё.

– Это-то и настораживает. Хотя, какая разница, кому продавать? Сами-то они не попадаются. А...

– Внимание привлекают. Ты это хочешь сказать?

– И...

– Думаешь, отчего-то отвлекают? Я помню твое совещание.

– И...

– Ты не знаешь, за что братья.

– Всё!

– На всё есть своя причина, – размышлял Манчини. – Не знаю, имеет ли Князь ко всему этому какое-то отношение?

Манчини вспоминал, как в последнюю субботу, после всех встреч, с Князем и со Слоном, собравшись с Ремоном и Вялым, он расспрашивал последнего о продавце. Удивляясь

себе, как он не сделал этого раньше, полностью доверяясь Вялому, он поразился, что сейчас подумал об этом. Да, он доверял Вялому, как и Ремону, да, ему не нужно контролировать каждый их шаг, именно по той причине, что он им доверяет. Что же его навело на мысль о недоверии сейчас? Разговор с Князем? Что в нём было? Слишком много тумана? Это всегда. Что-то ещё? Что-то он заметил, но не мог определить, рассмотреть, что это было.

– О чём вы с ним разговаривали? – спрашивал он Вялого.

– Мы не разговаривали, – ответил тот.

– То есть? – не понял Леонардо.

– С ним разговаривал Князь.

– Так, расскажи-ка подробно, что было. – Манчини начали терзать сомнения.

– Когда я пришёл...

– Как ты, вообще, попал к Князю?

– Его человек поймал меня, когда я выходил из офиса, и сказал, что Князь срочно хочет меня видеть, и пообещал по пути всё рассказать. По пути он рассказал мне, что Князь в данный момент встречается с продавцом и хочет свести меня с ним, поскольку мы, как он помнит, собирались выходить на этот рынок, и ищем свои пути. Сказал, что Князь хочет поделиться каналом, или полностью его отдать. Для этого он и вызывает меня, ну и так далее...

– Больше ничего не сказал?

– Нет. А, и ещё предупредил о том, чтобы я ничего не

говорил в присутствии продавца. Все нюансы, мол, я обсужу с Князем наедине.

– А кто это был?

– Да Мокрый, правая рука Князя.

– Так, дальше. Вы к Князю поехали?

– Нет, в ресторан «Ландыш». Там я сел с ними за стол.

Князь познакомил меня с продавцом...

– Ты же не знаешь имени, как он познакомил?

– Ну, Князь сразу сказал: «Опустим имена». Просто, сказал продавцу, что я – тот человек, о котором он ему говорил. Продавца он представил, как «наш шанс» и попросил его озвучить то, что тот только что, как я понял, рассказал ему самому. Всё. Буквально три минуты. Условия ты знаешь. Ну, и после того, как продавец встал и ушёл, Князь сказал мне о тридцати тысячах.

– А как Князь говорил в присутствии продавца «нам» или «вам»?

– Не понял. – Вялый осёкся.

– Когда он обращался к тебе, он говорил, что это «наш шанс»?.. Ваш или наш?

– Ну, наш.... Или ваш. А какая разница?

– Так, когда он обращался к тебе, он как говорил: «Этот человек», этот «шанс» предлагает «вам» или «нам»?

– Я не помню. Не понимаю, Змей, чего ты к словам цепляешься? Что ты хочешь?

– Ладно. Закружи тему пока.

– Я тоже тебя не понимаю, – вставил Ремон.

– Мне пора. – Вялый, обиженный допросом Леонардо, ушёл.

Манчини некоторое время смотрел на закрытую за ним дверь, после чего тихо произнес:

– Знаешь, Ремон, ты только не обижайся. Я тебе потом объясню. Но это необходимо сейчас. Я буду рад, если окажусь не прав. Но... Поставь за Вялым «глаз».

– Ты что, Змей? – воскликнул Ремон.

– Я прошу тебя. Так надо.

– Ты не заигрываешься? Мы двадцать лет рулим вместе...

– Ремон! – повысил голос Манчини.

Уже совсем скоро Ремон пришёл к Леонардо и сообщил о том, что Вялый встречался с человеком Князя. У Ремона было такое выражение лица, будто он собирался расплакаться.

– Что ты думаешь? – спросил он Леонардо.

– Думаю, он считает, что занимает не свое место, – ответил Манчини, вспомнив размышления Слона. – Я давно это заметил. Только не мог объяснить это вот так просто. Сейчас это не важно. Сейчас нам нужно использовать это.

– Но. Вялый...

– Именно его и нужно использовать. Потом будем петь о дружбе.

– Лео!.. – начал было Ремон.

– Всё, я сказал, – отрезал Манчини.

– Так мы вступаем в игру? – упавшим голосом спросил Ремон.

– У нас ещё три дня до пятницы.

Наступил четверг.

– Змей! Тебе предъявляют! – ворвался в кабинет к Леонардо Ремон.

– Я так и думал. Не зря Слон предупреждал. Нарыли что?

– Да, Лео. Скажи, ты уже решил?

– Да, мы входим в игру, но по своим правилам, – уверенно произнес Манчини.

Ремон остановился.

– Я всегда верил тебе, Лео, – проговорил он. – Но, буквально за одну неделю против нас ополчились все. Такое ощущение, что после того, как ты вышел от Слона, в субботу, он сразу же приказал всему Городу: «Фас!», и указал на нас. Что происходит? Нет, если бы я услышал о том, что кто-то решил заняться новым для себя бизнесом, тем бизнесом, которым занимаюсь я, и тут же начался беспредел, то в первую же очередь я подумал бы, что причиной этого беспредела является именно этот «кто-то». Но я никогда не думал, что на этом месте окажемся мы! И почему подозрения пали на нас?

– Чёрт его знает... Князь или Слон. Сейчас не важно, после разберёмся, если нужно будет. Всё бывает в первый раз. Мы очень долго жили спокойно. И знаешь почему? Потому что ничего не предпринимали. Ничего не случается только с

тем, кто ничего не делает. Пора подниматься, брат.

– Ты с таким энтузиазмом говоришь о наркобизнесе? На тебя это не похоже.

– Это лишь переходный этап. Это цена подъёма. Всё, хорош пылить. Что у тебя?

– Привезли покупателя, пацана какого-то. Боюсь, он не в теме, к тому же нет гарантий, что его продавец тот, кто нам нужен.

– Цена известна?

– Это-то да, но...

– Я понял тебя. Ты думаешь, если его сделка и связана с централизованным сливом, то она может и не иметь отношение к нашей половине тонны. Вялый в курсе?

– Нет.

– Отлично. Нужно, чтобы он ничего об этом не знал пока. Когда у пацана стрела?

– Сегодня вечером в «Бомбе».

– Где?

– Это Рок-клуб, вот вся информация по нему.

– Отлично. Сажаем на «крюк». И не дай Бог сорвется. Давай его сюда.

К Манчини привели запуганного до смерти Рыжего.

– Чего ты дрожишь-то? – спросил его Леонардо. – Или ты не в курсе, что то, во что ты влезает, чревато последствиями. Давно в теме?

– Я не понимаю, – с трудом пролепетал Рыжий.

– Да, как ты, вообще, на это решился? – удивился Лео. – И не ной. Ничего я с тобой не сделаю. Ответь мне на вопрос. Как ты нашёл продавца?

– Я не находил. Он сам предложил.

– Кто он?

– Мужик один подошёл ко мне и спросил, нужен ли мне порошок, и сразу цену назвал. И в любом количестве, говорит. Я задумался, но, вот только денег у меня нет.

– Где же ты их собираешься добыть?

– Я занял.

– Раньше ты этого мужика не видел?

– Нет. Он, какой-то... но, главный не он, а другой.

– Какой?

– Тот, с которым мы встречались через день.

– Мы?

– Да, я друга взял.

– Для подстраховки?

– Ну да. Тот, первый, сказал, что, если я не верю, но на-думаю, чтоб приходил туда же через день, и мы всё обсудим. Мы пришли.

– Куда, кстати?

– К Центральному рынку. Он, второй мужик, сам подошёл. Мы всего одну минуту говорили. Он просто сказал, что почём. В общем, тоже, что и первый, только так... в общем, мы и не обсуждали ничего, просто... тот второй тоже сказал то же самое, но так как-то, что... так... – Рыжий замялся.

– Что с тобой? – удивился Манчини.

– Он так это сказал...

– Как?

– Что нельзя уже было отказать, вот как! – выпалил Рыжий. – Не понимаю, как. Я согласился сразу же. Но, так как денег у меня нет, а друг мой молчал, я сказал, что деньги нужно найти. Тогда он сказал, что будет ждать два дня. А через два дня, если я найду деньги, я должен буду прийти на то же место и постоять пять минут.

– И...

– Я нашёл деньги.

– Где?

– Занял у друга.

– Друг с тобой?

– Нет, он сказал, что не будет участвовать.

– Молодец, умный друг, но злой, раз деньги тебе дал и не воспрепятствовал. Дальше что?

– Я пришёл, постоял. Ничего не произошло. И я поехал обратно на метро. А в метро ко мне подошёл кто-то сзади и сказал: «Двадцать третьего, в «Бомбе», в десять вечера, деньги в журнал, на стойке». И всунул мне в руку журнал. Это всё.

Манчини задумался.

– Сделаешь всё, как тебе сказали. Только без глупостей. С тобой ничего не случится, если, ну, сам понимаешь. Всё. Рыжего увели. Леонардо остался с Ремоном.

– Если каждый день они проводят по несколько подобных операций, то, сколько же у них людей? – задумчиво произнёс Леонардо.

– Ты не передумаешь? – спросил Ремон.

– Нет. И завтра последний день, когда мы можем дать добро. Давай, теперь по Князю. Всё пробили, что я просил?..

Единственным, что как-то, хотя бы территориально, как Максим выражался, связывало его и Белоснежку, было местом, где они познакомились. Поэтому, выслушав в среду доклад Сары, составленный на основании письма некоего Валдиса, к которому Максим затаил подозрение, на следующий день, в четверг, вечером, он, взяв с собой Акиру, направился в клуб «Бомба». На всякий случай, он предупредил Маргариту о своем намерении убедиться в том, что нужно либо забыть обо всём, как о случайном недоразумении, либо выработать другую тактику, в зависимости от того, что будет на Триумфальной площади в пятницу. Каких-либо надежд на то, что он сможет что-то разузнать о Белоснежке, он не питал, а шёл он в клуб, потому что ему просто хотелось повидаться с Купером. Перед выходом у него возникло желание позвонить Жанне Роллан. Он поймал себя на мысли, что беспокоится из-за неё после встречи со Шнайдером в прошлую пятницу. Поймал он себя на этой мысли уже давно, но все никак не решался ей позвонить.

«Думаю, что чего-то серьезного и страшного там произой-

ти не должно. Как-никак, такой уровень, публичные люди... и всё такое. К тому же, думаю, Шнайдер не стал рассказывать Жанне о том, что он пытался мне угрожать. Или стал? Но, а если я позвоню? Причем просто так, это уже будет означать что-то? И, что ж, Томас, значит, ты окажешься прав?..»

Шёл девятый час. Максим набрал на телефоне домашний номер Жанны. В трубке послышались гудки, за которыми включился автоответчик. Максим, не найдя что сказать, повесил трубку.

Народу в «Бомбе» было всегда много независимо от дня недели. Даже лучше сказать так: народу там было много всю неделю, а в выходные его было очень много. Четверг, несмотря на то, что в этот день нужно готовить силы к пятнице, не был исключением. Купера не было. Где он, никто не знал. Максим с Акирой, за неимением свободных столиков, сели за барную стойку.

– Вообще, пока я тут тусовался, – заметил Максим, – мне показалось, что Джон отсюда вообще не вылезает. Только иногда. Мне в голову не приходило, что он может иметь что-то во внешнем мире. Я даже не знаю, где он живет.

– Живет он, кстати, далеко отсюда. Так что, если не дождемся, к нему поедем? – спросил Акира.

– Да нет. Я вот просто думал, посвятить его во все эти мистические дела. Как-никак тут это всё началось. Я про Белоснежку... Что-то к нам не подходит никто. Смотри, даже очередь образовалась. Эти люди, вообще, работают где-ни-

будь, или живут по кабакам?.. Ты что будешь?

– А ты что?

– Виски.

– Макс, я думал, ты завязал.

– Ну, чисто символически.

– Хорошо. Давай и мне тогда.

Максим пошёл к очереди. По пути он встретил знакомого Купера, Рыжего. Тот сидел за стойкой и пил пиво из кружки.

– Привет! – поздоровался Максим, – Чего читаешь? – спросил он, заметив, что Рыжий прижимает ладонью толстый красочный журнал, лежащий на стойке. – «Рок-фронт»! Хорошее название.

Рыжий вздрогнул, а увидев Максима, скупно улыбнулся, кивнул, и, ничего не ответив, уставился в свою кружку.

Максим вернулся минут через десять с двумя тройными виски.

– Ну, рассказывай, как там твое исследование королевских привилегий протекает?

– Я хочу попасть к оракулу.

– Так, ещё одно модное слово появилось. Видно, я много чего пропустил.

– А ты всё время прикальываешься надо мной, вот я и не рассказываю. Между прочим, я опять встретил Шнайдера. Так что, тут не всё так смешно... наверное...

О том, что клуб «Бомба» находится под контролем поли-

ции и время от времени туда наведываются представители соответствующих органов, Манчини знал. Поэтому, первое, что сделали его люди, это проверили обстановку в клубе и его окрестностях, и пришли к выводу, что как раз сейчас, клуб «пасут». Змей готов был пойти на всё, поэтому не стал отменять свое наблюдение. «Если те, кто сливает наркоту, люди серьезные, а это как пить дать, то, наверняка, они тоже поглядывают, – думал он, – а может, это они и есть, а может это и те, и другие. Как бы ни перестреляли друг друга все. А если кто из конкурентов ещё своих бойцов подкинёт, то тут станет чересчур жарко».

Ян Гашек сказал Симбе, что придет, но куда и что будет делать, не открыл, пообещав лишь, что его не обнаружит никто, способный повлиять на то, чтобы его друга лишили пенсии. Завалился он в клуб ещё часов в восемь с двумя подругами, и всё это время, до десяти часов, сидел с ними за столиком у стены, недалеко от входа. Ему был виден весь зал. Несмотря на короткую встречу, произошедшую четыре недели назад, Гашек узнал Максима, когда тот вошёл в клуб. «Как тесен мир! – подумал он. – И как это я его лицо запомнил? Есть ли тут какая-то связь? Не зря он показался мне подозрительным. У меня профессиональное чутьё».

В клубе сидели три человека Леонардо. Один из них должен был отзваниваться сразу, как только, что-то будет про-

исходить. Это были его новые люди. На всякий случай, предполагая, что полиция поставит по всему периметру камеры, а полиция так и сделала, он пустил в дело новичков, которых никто никогда не видел. Симба, поддерживая связь по рации с тремя другими точками, в которых также ожидалась продажа героина, сидел в фургоне, в ста метрах от клуба и рассматривал на мониторах его помещение, ругая про себя Гашека, который неизменно попадался ему на глаза.

Ферт, один из людей Манчини, сидел за столиком, в двух шагах от Рыжего, и не спускал с него глаз. Его напарник находился в центре зала. Рыжий предполагал, что за ним следят обе стороны. Он старался не оглядываться по сторонам и упорно смотрел в свою кружку с пивом, горько сожалея о том, что не послушал Купера. В журнале, который дали ему в метро одна из страниц была оформлена в виде конверта, куда он и положил сто пятьдесят рублей: пятнадцать бумажек по десять рублей. Где-то полчаса он просидел совсем без движения, так, что Ферту уже начало казаться, что он умер от страха.

В десять часов клуб ломился от посетителей. Официанты, коих в клубе было не так много, разрывались между клиентами и не успевали обслуживать всех, поэтому многие гости предпочли позаботиться о себе сами. Бар осаждали. Ферт начинал сильно нервничать, когда Рыжий скрывался за толпой. Не обращая внимания на давление со всех сторон, – посе-

тители сидели за стойкой почти вплотную друг к другу, – он крепко держался за свое место. В двадцать минут одиннадцатого он вдруг встал и куда-то пошёл. Ферт направился за ним, перекинувшись взглядом с напарником. Рыжий шёл в туалет, догадался Ферт. Он следовал за ним по коридору, слегка пошатываясь, изображая пьяного. Подходя к двери туалета, Ферт заметил, что руки Рыжего пусты. Где журнал? Где деньги? Его одежда не позволяла спрятать его куда-либо. Ферт запаниковал. Он забыл о том, что он пьяный, резко развернулся и бросился в зал. В мгновение он успокоился и вышел из коридора, вернувшись в роль пьяного. Напарник взглядом выразил удивление. Ферт подошел к стойке, к тому месту, где сидел Рыжий и быстро бросил на неё взгляд. Журнал, прижатый недопитой кружкой пива, лежал на том же месте. «Лопух!» – пометил Ферт Рыжего и направился обратно к туалету, по пути применив звание «лопух» к себе – он оставил объект без присмотра. Перед этим он как бы невзначай натолкнулся на напарника и шепнул ему: «Журнал».

Гашек заострил свое внимание на Максиме. Он пару раз вставал со своего места, стараясь быть для последнего незамеченным, подходил к барной стойке, где тот расположился с Акирой и, становясь к нему спиной, стоял так по несколько секунд, оглядывая зал.

Симба разгадал его маневр, но никак не мог понять, на

что показывает его друг. Сам Гашек старался обратить на Максима внимание лишь на всякий случай, поскольку его подозрение ни на чем, кроме интуиции, не основывалось. Он это прекрасно понимал и продолжал следить за обстановкой в целом.

Автомобиль Манчини стоял в ста метрах от клуба, с противоположной фургону Симбы стороны, около телефонной будки. Его человек, прослушав только что по телефону отчет, сообщил ему о произошедших в клубе передвижениях.

– Рыжий!.. А, это не он, – ошибся Максим, увидев сначала журнал «Рок-фронт», а после человека, в чьих руках он был. – Я так понимаю, это единственная разрешенная в этом клубе пресса? Давай, до двенадцати ждем? Да?

– Давай. Волк сказал, что Джон собирался подойти. Но, с пометкой «может быть»... Что ты говоришь? Единственный? Он, между прочим, слишком дорогой. Это я про журнал. Раз в квартал выходит. Двести страниц. Журнал! Это целая энциклопедия. Причём, про рок там от силы четверть всего объема. Рекламы море. В общем, рок-н-роллом это не назовешь.

– У тебя с ним что-то дурное связано? – весело поинтересовался Максим. – Не взяли туда?

– Я не особенно и хотел. Про «Аллергию» и Купера я им на три страницы накатал!

– Можешь не продолжать. Хотя, продолжай.

– Да, не буду, – оскорблено проговорил Акира. – Ну их!

– Вот это правильно. К тому же, у тебя тут короли и кубки.

Ферт вздохнул с облегчением, когда, входя в туалет, увидел Рыжего, выходящего из кабинки. «За это время он мог только войти и выйти, – подумал он. – В руках ничего нет».

Рыжий сел на свое место. Его никто не занял. «Странно, – подумал Ферт, – какие они тут воспитанные!» Он тут же оглянулся и увидел похожую картину в нескольких местах: там, где что-то оставлено – недопитый бокал, какая-то вещь, – места не занимали. – Он же ещё мог и попросить кого-нибудь, чтоб присмотрели... За деньгами?.. Чёрт возьми, что-то не так. Хотя, мое место тоже никто не занял. Удачно я стаканчик не допил. О чём я думаю? Чёрт!» Ферт перекинулся взглядом с напарником. Тот посмотрел за спину Ферту и задержал взгляд, давая тому понять, куда смотреть. Ферт обернулся. В зоне видимости, на которую мог обратить внимание напарник, попадали два столика, за которыми сидели ничем особенно не привлекающие внимание люди. Пили, курили, разговаривали. Что еще можно тут делать? Но тут он заметил одного человека, листающего журнал. Тот самый журнал, что был у Рыжего. Ферт резко обернулся и встретил взгляд напарника, направленный уже в другую сторону. Он проследил за ним и наткнулся на ещё один такой же журнал. «Черт! Черт! Что это?»

– Рок-фронт! – воскликнул Максим, – у вас тут скидки что ли? Или это тот же самый? Рыжий в аренду свой рок сдал? Вон, «Куросава», твоим обидчиком как тут зачитываются. Чёрт!

– Я Такеши. Что такое? Что с тобой?..

Максим побледнел.

– Не может быть, твою мать? – шепотом проговорил он. – Я уж решил, что это был сон. Нет, присосались, все же, ко мне. Акира, оставайся на месте.

Бросив взгляд на журнал, Максим решил убедиться, что и на этот раз хозяином его был не Рыжий. Он убедился в этом, не усмотрев в нём никакого сходства с Рыжим. Но, зато, когда он взгляделся в лицо незнакомца, то разглядел в нём сходство с сигаретным стяжателем, тем, за которым он гнался, после того, как его выставили из театра оперетты. Это был он! Максим быстро поделился с Акирой своим наблюдением, и, видя, что незнакомец направился к выходу, ринулся за ним следом. На этот раз он решил сам проследить за ним. «Махнемся местами, – подумал он, – если ты, вообще, следил за мной. И... если, это ты. Нет, это ты, сомнений быть не может!»

– Журналы? – повторил Леонардо, прищурившись, глядя на докладчика, только что повесившего трубку телефона-автомата. – Ты сменись, а то уже минут двадцать ошиваешься

около будки. Так, и давай отъедем быстро. Мотор сменим, – обратился он к шоферу. Минута на всё.

Гашек начал терять терпение. Ничего не происходило. По радиации Симбе также ничего не передавали. В остальных трех точках было тихо. «Что же ты мне показывал, Ян?» В отличие от Гашека, сосредоточившегося на Максиме, у Симбы, вообще, не было никаких зацепок.

Рыжий продолжал сидеть на том же месте. Он заказал ещё одну кружку пива.

– Вот бы камер понаставить везде в клубе. А то, что они там гадают? – сокрушенно размышлял вслух Манчини. Он поменял автомобиль и уже подкатывался с противоположной стороны к клубу, проезжая мимо фургона, в котором сидел Симба.

– Мне кажется, что мы зря теряем время, – сокрушенно размышлял вслух Симба.

– Сдается мне, ты опять влипнешь, – сокрушенно предположил вслух Акира, провожая Максима взглядом. – И почему мне оставаться на месте?

«Ну что ты всё сидишь?» – сокрушенно возмущался про себя Ферг.

«Что же ничего не происходит?» – просто сокрушался Гашек. Но сокрушался он недолго. В этот самый момент он

увидел вставшего со своего места Максима, который, как ни старался, не смог скрыть своего возбуждения и всем своим видом показывал, что он на что-то решился, или задумал что-то неладное. Он сделал несколько шагов. Ян отметил, что взгляд Максима к чему-то прикован. И именно к этому чему-то он, видимо, и направляется. Гашек попытался выяснить, что так привлекло внимание Максима, проследив за его взглядом. К выходу не спеша шёл мужчина. Именно на него, не отрываясь, смотрел Максим. «Что тебя в нём привлекло?» – подумал Гашек, глядя на незнакомца, и встал. В этот самый момент, когда он смотрел на незнакомого мужчину, возможно вызвавшего интерес у другого незнакомого мужчины, перед Яном возник третий незнакомый мужчина, невысокого роста и заискивающе произнес:

– Извините, ненадолго позволите? – И положил ему руку на плечо.

У Яна в глазах погас свет. Он, нащупав свое кресло, сел в него. Постепенно пропал звук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.